

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНДЕЙЦЫ АМЕРИКИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ТРУДЫ ИНСТИТУТА ЭТНОГРАФИИ им. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

НОВАЯ СЕРИЯ, ТОМ XXV

ИНДЕЙЦЫ АМЕРИКИ

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ СБОРНИК

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА 1955

Ответственные редакторы
С. А. ТОКАРЕВ и И. А. ЗОЛОТАРЕВСКАЯ

ВВЕДЕНИЕ

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ ИНДЕЙЦАХ АМЕРИКИ

В проведении своей агрессивной политики, направленной на экономическое и политическое закабаление народов других стран, монополистические круги США пользуются любыми средствами. Среди них не последнее место занимает пропаганда так называемого «американского образа жизни», преподносимого в качестве образца, который должен быть воспринят народами, на чью независимость посягают империалисты США. Осмеливаясь навязывать свободолюбивым мирным народам свой диктат, монополисты США проводят внутри страны реакционную политику угнетения и расовой дискриминации. Разжигание национальной розни по принципу «разделяй и властвуй», проповедь исключительности «стопроцентных» американцев англо-саксонского происхождения и «исполненности» («цветных») — негров, мексиканцев, китайцев, индейцев и др., натравливание американцев на иммигрантов и подобные приемы, имеют целью поддерживать господство американских империалистов. Буржуазные ученые из реакционного лагеря услужливо сочиняют новые псевдонаучные теории или перелицовывают старые, заимствованные у Мальтуса, Розенберга и прочих «ученых» авторитетов: биологи — о биологической обреченности «цветных» народов, самой природой якобы предназначенных к подчинению «белым» господам; географы — о ослабляющем действии жаркого климата на умственные способности живущих в этом климате народов; антропологи — о существовании высших и низших рас и т. д. Все эти «теоретические» измышления должны оправдать, узаконить политику порабощения империалистами суверенных государств и народов.

Миллионы трудящихся в США, и в особенности трудящиеся угнетенных национальностей страны, поставлены в ужасные условия. Террор, дикие расистские законы используются монополиями Америки для того, чтобы держать их на самом низком жизненном уровне, чтобы извлечь из их труда максимально высокую прибыль.

15 млн. негров США, потомки рабов, вывезенных из Африки для каторжного труда на плантациях Юга, стоят под невыносимым гнетом предпринимателей, плантаторов и сельскохозяйственных монополий.

Положение миллионов мексиканцев — жителей юго-западных районов Северной Америки, отторгнутых в 1848 г. Соединенными Штатами у Мексики (а к ним надо прибавить мексиканцев, работающих по контрактам в США), являет собой пример полного бесправия и нищеты.

Особое место среди порабощенных американским империализмом народов занимают индейцы — потомки исконного населения континента.

В США в настоящее время всего 400 тыс. индейцев — все, что осталось от истреблявшегося в течение 300 лет коренного населения страны. Обобранных индейцев загнали в концентрационные лагеря, известные в этой стране резервациями. Там они страдают от малоземелья, безработицы, хронических болезней, полного бесправия.

Не менее тяжко положение индейцев и в странах Латинской Америки. Они угнетены двойно — помещиками и буржуазией своих стран и монополистическим капиталом США, который полновластно командует во многих из этих стран.

А ведь не так давно положение индейцев Америки было совершенно иным. На огромных степных и лесных просторах кочевали племена смелых охотников. Земледельческие оседлые племена создавали высокую культуру. Общественные дела решались на родовых и племенных советах, а вожди, касики были лишь исполнителями воли народа.

Об этой старой Америке, ныне отошедшей в прошлое, знают преимущественно из романов и популярной литературы, которая обычно давала очень неполное, а иногда и просто искаженное понятие о прежней жизни индейского населения Америки. У разных индейских народов и племен условия жизни были чрезвычайно разнообразны. Не одинаковы были, конечно, и их хозяйственный уклад, и весь строй общества. Наряду с племенами, сохранявшими архаический, первобытно-общинный уклад жизни, были народы высокоразвитые, знавшие сложное классовое устройство общества, строившие города, создавшие свою письменность. Об этом разнообразии, богатстве и сложности культуры индейцев Америки в прошлом не дают ясного понятия не только романы Майн-Рида и Фенимора Купера, но и научно-популярная литература.

Однако и те читатели, которые имеют более или менее верное представление о старом быте и собственной культуре американских индейцев, не всегда знают, что же стало с этими индейцами впоследствии, какова их судьба теперь, при господстве империализма.

Нарисовать себе ясную картину действительно очень трудно, прежде всего потому, что в источниках, — будь то официальные акты исследований или этнографические описания, составленные буржуазными учеными, — никогда не дается верного, правдивого изображения неприглядной жизни индейцев, придавленных прессом тяжелой машины империализма. В лучшем случае от свободомыслящих, прогрессивных исследователей и наблюдателей мы узнаем отдельные факты, черточки, рисующие современную жизнь индейцев; чаще же всего перед нами подкрашенная в рекламных целях картина.

Но не только из-за этой буржуазно-рекламной лжи трудно правильно понять условия современной жизни индейцев. Вопрос и сам по себе очень сложен. С самого начала завоевания Америки выходцами из европейских стран между завоевателями и коренным населением складывались отношения зависимости и угнетения, но тип этих отношений был и тогда и позже не одинаков в разных областях Америки. В дальнейшем, в ходе исторического развития, расширения колонизации, менялись и еще более разнообразились формы угнетения индейского населения. В английских колониях Северной Америки, где индейские племена просто сгонялись с земли или даже истреблялись, сложился один тип колониальной политики; в субтропическом поясе Центральной Америки, где, в испанских колониях, пришлое население всегда оставалось малочисленным, а многочисленные и высокоразвитые местные народы составляли и сейчас продолжают составлять большинство населения, тип колониальной политики оказался иным.

Далее, нельзя забывать, что само пришлое население, которое начиная с XVII в. все в больших массах оседало в Америке, особенно в ее умеренной зоне, отнюдь не целиком состояло из угнетателей, эксплуататоров, авантюристов. Среди иммигрантов все больше и больше оказывалось трудящегося люда — обезземеленных крестьян, безработных, которых гнала за океан жестокая пужда. Эти обездоленные люди и их потомки, которые в большинстве своем и на новых местах не нашли себе счастья, составили со временем подавляющее большинство пришлого населения Америки — как Северной, так и Южной. По отношению к коренному населению они не были и не являются угнетателями — напротив, между ними и индейцами существует общность интересов. Очень важно также то, что между этим трудовым слоем иммигрантов — фермеров, рабочих — с одной стороны, и индейцами — с другой, устанавливались и различные формы культурного обмена.

* * *

Откуда произошли американские индейцы? Почему их называют индейцами и имеют ли они какое-нибудь отношение к Индии? Вот два вопроса, естественно возникающие у всякого не-специалиста, если он хочет ближе ознакомиться с индейцами Америки.

Эти два вопроса, однако, совершенно между собой не связаны. Если коренное население Америки называют обычно «индейцами», то это название не имеет ни малейшего отношения к вопросу об их происхождении. Название «индейцы» — историческое недоразумение. Когда Колумб в 1492 г. открыл Америку, он был уверен, что это часть Азии, лежащая где-то близко от Индии, основной цели его странствий; жителей открытой им земли он без колебаний назвал «индийцами», или «индейцами» (*indios*), т. е. обитателями Индии. И хотя ошибка великого мореплавателя скоро была обнаружена, однако за этой частью Америки, которой он впервые достиг, т. е. за архипелагом островов Карибского моря, так и осталось название «Вест-Индия», что значит западная Индия, а коренное население всей Америки (за исключением обитателей крайнего севера, эскимосов и алеутов) в литературе так и повелось называть «индейцами». Население же настоящей Индии теперь называют «индийцами». В целях большей научной точности коренное население Америки иногда называют «американскими индейцами» или, сокращенно, «американдцами».

Вопрос же о происхождении коренного населения Америки, столь неудачно названного, — совершенно особый и притом очень сложный. О нем много писали и спорили, но считать его окончательно решенным нельзя и по сей день.

Однако основное в этом вопросе ясно. Можно считать установленным, что первые люди пришли в Америку из северо-восточной Азии. Это было и сравнительно позднее время, вероятно, в конце верхнего палеолита: остатков более ранних культур в Америке не найдено, хотя вообще там было сделано немало археологических находок.

Правда, некоторые ученые делали предположения о возможности разных других путей проникновения в Америку ее первых насельников: из северной Европы через Исландию и Гренландию либо из Азии через острова Тихого океана. Но эти гипотезы не получили подтверждения, хотя какая-то связь народов Америки с народами Океании в прошлом, видимо, существовала. Несомненно, что основной путь заселения Америки лежал именно

через северо-восточную Азию. Возможно, что далекие предки американских индейцев обитали некогда в юго-восточной и восточной Азии, откуда впоследствии, постепенно расселяясь вдоль побережья Тихого океана на север, достигли Камчатки и Чукотки и оттуда проникли в северо-западные области Америки. Возможно, что они пользовались при этом сухопутным мостом, который в ледниковую эпоху существовал на месте Берингова пролива.

Люди пришли в Америку, обладая еще сравнительно скудным культурным инвентарем. Они изготавливали каменные орудия, вероятно, еще не шлифованные, употребляли лук и стрелы, умели, конечно, добывать огонь, держали домашних собак, быть может, пользовались долбленными или кожаными лодками, умели пряхсти питки. Большинство других культурных благ создали предки индейцев уже в ходе постепенного расселения по матерку, с севера на юг, приспособившись к разнообразной географической среде.

Результатом этого, вероятно многовекового, расселения и приспособления древних племен к разнообразным природным условиям Северной, Центральной и Южной Америки было то, что в разных ее областях сложились различные типы хозяйства и культуры.

На крайнем севере Америки, у эскимосов и алеутов — вероятно, наиболее поздних поселенцев Америки, — все хозяйство было построено на промысле морского зверя — моржа, тюлени и пр.; они жили оседло на побережье, в землянках или снеговых домах, одевались в меховую одежду.

На северо-западном побережье, у тлинкитов, хайда и других племен, основу хозяйства составляло развитое, высокопродуктивное рыболовство. Они жили тоже оседло, в прочных бревенчатых домах; одежда их была более легкой.

В лесах северной Канады и внутренних областей Аляски бродили племена охотников на оленя-карибу и крупную дичь. Это были атапаскские и алгонкинские племена. Жили они в переносных конических палашах, напоминающих чумы сибирских народов, носили одежду (штаны, плащи) из кожи.

Южнее, в области прерий (степей), обитали тоже кочевые племена (дакоты и др.); они охотились на степных животных, особенно на бизона. Впрочем, охота стала главным средством существования многих племен уже после прихода европейцев, когда эти племена были вытеснены из областей, где можно возделывать землю.

В долинах Калифорнии сложился своеобразный тип хозяйства, основанный на собирании плодов дикорастущих, особенно желудей, которые потом подвергались сложной обработке. Племена Калифорнии, разных языковых групп, принадлежали к числу сравнительно отсталых, вели полукочевую жизнь, носили ступидную одежду.

Восточные и юго-восточные области Северной Америки были заселены земледельческими оседлыми племенами (ирокезами, восточными алгонкинцами, мускогами и др.), которые разводили кукурузу, тыкву, бобы и пр., жили большими деревнями, носили одежду из тонко выделанной замши, зимой — меховую.

В юго-западных засушливых областях население тоже занималось земледелием, которое требовало там искусственного орошения. В этих безлесных местах жители строили дома из сырцового кирпича, слепляя их вместе в одно большое селение («пуэбло»), носили тканые одежды; общий культурный уровень народа был относительно высоким.

Страны Латинской Америки, от Мексики до Перу, по преимуществу гористые, были областью, где сложилась наиболее высокая культура.

Народы этих стран, принадлежавшие к языковым семьям юта-ацтеков, майя, чибча, кечуа и аймара, занимались земледелием, разводили кукурузу, тыкву, томаты, бобы, табак и другие культуры, а в Андских горах — картофель. У них были развиты ремесленные производства и торговля, существовали города, установились сложные формы общественной жизни, была письменность, развивались научные знания.

У жителей тропических лесов бассейнов Ориноко и Амазонки уровень хозяйства и культуры был гораздо более низким. Большинство племен — языковых групп караибов, араваков, тупи-гуарани и др. — занималось земледелием, разводя главным образом маниоку, но некоторые племена жили исключительно охотой и собирательством. Они обитали в хижинах из ветвей и листьев, почти не имели одежды.

В умеренных широтах Южной Америки, в пампе (степях), основу хозяйства индейцев составляла охота на крупных копытных (особенно на гуанако), хотя местами было известно и земледелие; они вели полукочевую жизнь, носили одежду из шкур. Это были племена арауканов, тегуельче и др.

Наконец, на крайнем юге, на архипелаге Огненной земли, в суровых природных условиях, оттесненные туда племена жили преимущественно рыболовством и приморским собирательством, вели бродячую жизнь и сохраняли наиболее низкий уровень культуры.

Таким образом, ко времени прихода европейцев условия жизни человека в Америке, типы хозяйства и культуры были очень разнообразны. Наиболее отсталые племена были бродячими охотниками и собирателями, наиболее передовые создали уже высокую культуру, с городской жизнью, развитым ремеслом и торговлей, письменностью.

Все достижения индейской культуры возникли на американском континенте задолго до европейской колонизации. Индейцы возделывали растения, которых не знали народы Старого света: картофель, кукурузу, томаты, подсолнечник, табак, маниоку, какао. Эти растения впоследствии распространились по всему свету. Домашних животных, правда, народы Америки не знали, за исключением собаки, а также, кое-где, индюка и ламы.

Большинство народов Америки не знало употребления металла. Только в области высоких культур, главным образом в древнем Перу, известны были плавка золота, серебра, платины, меди и ее сплав с оловом — бронза. Плавка железа нигде не была известна. Местами, однако, умели ковать холодным способом метеоритное железо и медь.

Культурный уровень народов Америки до прихода туда европейцев был в целом ниже уровня культуры передовых народов Старого света.

Причины исторической отсталости народов Нового света коренились в неблагоприятных условиях их развития. Самое заселение Америки требовало от человека напряженных усилий для приспособления к различным природным условиям, и производительные силы, вместо поступательного движения, должны были видоизменяться, прилаживаясь к новой географической среде. Так, например, уже сравнительно недавно земледельческие племена бассейна Миссисипи, оттесненные в безводные степи — прерии, перестали заниматься земледелием, но зато развили прекрасно приспособленное к новым природным условиям хозяйство охотничье. Вероятно, предки огнеземельцев, попавшие в наиболее неблагоприятные природные условия южной оконечности материка, жили некогда в другой географической среде и, может быть, знали более развитые формы хозяйства. Впоследствии они в крайне суровых условиях выработали своеобразный, по-своему развитый хозяйственно-

культурный уклад. Кроме того, удаленность от древних центров мировых цивилизаций лишила народы Америки тех ускоряющих стимулов, которые воздействовали на развитие народов Старого света. Ведь и в пределах Восточного полушария (Старого света) более отдаленные от крупных культурных центров народы (Крайнего Севера, Центральной Азии и др.) тоже отставали в своем развитии.

* * *

Вторжение европейских колонизаторов в Америку принесло коренному населению неисчислимые бедствия. Индейцев уничтожали в неравных боях, повлекали в истребительные междоусобные войны; их деревни сжигали, посевы вытаптывали, дичь бессмысленно истребляли; индейцам подбрасывали зараженные продукты и вещи; целые народы загонялись в болотистые, нездоровые леса; сотни тысяч индейцев гибли на непосильной работе в рудниках и на плантациях. Зверства колонизаторов благословляла и поддерживала церковь всех толков.

«Обращение с туземцами,— писал К. Маркс при характеристике эпохи первоначального накопления,— было, конечно, всего ужаснее на плантациях, предназначенных, как, напр., в Вест-Индии, исключительно для вывозной торговли, а также в отдаленных на поток и разграбление богатых и густо населенных странах, как Мексика и Ост-Индия. Однако и в настоящих колониях не преминул обнаружиться христианский характер первоначального накопления. Пуритане Новой Англии — эти виртуозы трезвого протестантизма — в 1703 г. постановили на своей Assembly [законодательном собрании] выдавать премию в 40 ф. ст. за каждый индейский скальп и за каждого краснокожего пленника»¹.

Истребление индейцев колонизаторы оправдывали необходимостью ввести европейскую цивилизацию в диких, неосвоенных областях Нового света, чему местное население якобы препятствует. Индейцев объявляли людоедами, дикарями, которые не сумели и не могут создать никаких культурных ценностей. Эта клевета на народы, обогатившие человечество важнейшими культурными растениями, создавшие изумительные памятники архитектуры, показавшие пример необыкновенной изобретательности в приспособлении к суровым природным условиям, имеет под собой не больше оснований, чем бредни современных расистов.

Судьба индейцев различных областей Америки после прихода европейцев сложилась по-разному. В Северной Америке — Канаде и США — от некогда многочисленного коренного населения осталось в общей сложности не более 500 тыс. человек, и все они либо живут небольшими разрозненными группами в полной изоляции от остального населения этих стран, будучи заключены в резервации, либо бродят по глухим лесам Канады, находясь в полной кабале у Компании Гудзонова залива, скупающей у индейцев пушнину.

Иная картина в странах Латинской Америки. Здесь многие индейские народы сохранились и представляют сейчас значительные этнические массивы. Это высокоразвитые народы, сумевшие сберечь себя и свою культуру (см., например, статьи «Кечуа», «Арауканы Чили»). В настоящее время в нескольких странах Латинской Америки (Гватемала, Перу, Боливия, Эквадор) индейцы составляют большинство населения. Если же причислить к индейцам и смешанное, метисное население, среди

¹ К. Маркс. Капитал, т. I, Госполитиздат, 1953, стр. 756.

которого индейский элемент тоже обычно преобладает, то окажется, что индейцы составляют основную часть населения в большинстве стран Центральной и Южной Америки. Среди них выделяются крупные народности — кечуа в Перу и соседних государствах, майя в Гватемале, гуарани в Парагвае, играющие значительную роль в общественной жизни своих стран.

В большинстве стран Латинской Америки индейцы не обособлены и отдельные от пришлого населения народности, а, напротив, все более смешиваются, сливаются с ним. Этому способствуют одинаковое экономическое положение и общность классовых интересов малоземельного и безземельного крестьянства и рабочих, независимо от их этнической принадлежности. Культурный уклад индейцев, метисов и «белых» крестьян все более сближается. В еще большей степени это относится к рабочим. Разделяет их главным образом язык; но все большее количество индейцев, не говоря уже о метисах, овладевает испанским языком, каким говорят в большинстве стран Центральной и Южной Америки. Этому естественному процессу мешают лишь политика расовой и национальной дискриминации и гнета, проводимая буржуазией и помещиками латиноамериканских стран при содействии североамериканского империализма. Как бы то ни было, но уже давно, в связи с возникновением капитализма в латиноамериканских странах, наметился там процесс образования новых наций, и роль местного индейского элемента в формировании этих наций местами очень значительна. Таковы современные мексиканская, бразильская, колумбийская, чилийская и другие нации. Господствующий язык этих народов испанский или португальский (Бразилия), но культурный их облик чрезвычайно пестр и в нем индейские черты порой преобладают над «европейскими».

В настоящее время прежние расовые и национальные различия перестали быть непреодолимой преградой между индейцами и пришлым населением Америки. Трудящиеся массы латиноамериканских стран все больше приходят к сознанию общности интересов, независимо от цвета кожи людей или различия в их языке. Индейцы большинства этих стран принимают непосредственное участие в общественно-политической жизни. Индейцы и метисы сыграли решающую роль в Мексиканской революции. Индейцы составили основное ядро недавно развернувшегося демократического движения в Перу, Боливии и других республиках с большим процентом индейского населения.

Трудящиеся страны Латинской Америки борются объединенным фронтом за проведение аграрных реформ, за лучшие условия труда, против засилья американских монополий, за прочный и длительный мир между всеми народами земного шара. Эту борьбу возглавляет рабочий класс под руководством коммунистических партий

* * *

Предлагаемый сборник имеет целью познакомить читателя с индейским миром Америки. Здесь собраны материалы, позволяющие составить себе представление и о прежней культуре, и о современном положении индейских народностей и племен. В сборнике даются сначала общие сведения об индейцах, о расселении их до европейского завоевания, говорится о группировке их по языкам. Далее читатель найдет здесь очерк истории колонизации Америки, материалы об истреблении и порабощении индейцев завоевателями как в Северной, «англо-саксонской», так и в Центральной и Южной, «латинской» Америке. Наконец, наибольш-

шая по объему часть сборника посвящена отдельным индейским народам и племенам. На страницах сборника нашло себе место освещение жизни не всех индейских народов. Редакция сочла уместным несколько подробнее изложить прежний быт, культуру и современное положение некоторых наиболее типичных народов и племенных групп. Это те народы и группы, которые могут считаться в известной мере представителями определенных типов хозяйства и культуры (в свою очередь связанных с теми или иными географическими зонами); в то же время их положение иллюстрирует собой разные формы колониального гнета и эксплуатации.

1. Остатки полуистребленных племен, согнанных со своей земли; традиционный хозяйственно-бытовой и культурный уклад их совершенно разрушен, сменился бытом полунцихов фермеров и арендаторов, запертых в резервациях, далеко от прежней их родины (прокезы, племена прерий).

2. Индейцы — земледельцы и скотоводы, лишены большей части земли; остаток ее превращен в резервацию, где люди почти не имеют средств к жизни (индейцы пуэбло, навахи).

3. Индейцы, в прошлом носители высокой культуры, продолжающие составлять основную массу населения своих стран и сохранившие в существенных чертах старейший бытовой уклад, но превращенные в малоземельных крестьян и арендаторов, частью в плантационных рабочих (майя, кечуа).

4. Племена земледельцев и охотников тропического леса, в значительной части истребленные; остатки их оттеснены в джунгли и впадают жалкую полудикающую жизнь, лишены всяких человеческих прав (индейцы Бразилии и др.).

5. Остатки племен охотников и земледельцев пампы, частью сохранивших старейший уклад, частью видоизменивших его под испанским влиянием и постепенно сливающихся с маломощным угнетенным испано-язычным крестьянством (арауканы).

6. Отсталые, но некогда независимые племена охотников и собирателей, истребленные или вымирающие под натиском капиталистической колонизации (огнеземельцы и др.).

Описывая жизнь всех этих индейцев, мы не исчерпаем все разнообразие форм и оттенков колониальной эксплуатации, гнета, дискриминации коренного населения Америки, но основные формы колониального угнетения здесь представлены. Впрочем, в этих разных формах сказываются все те же звериные черты империализма; по всех них проявляется действие основного экономического закона современного капитализма — обеспечение максимальной капиталистической прибыли путем ограбления и своего народа и народов других стран.

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ АМЕРИКИ

Языки коренного населения обеих Америк чрезвычайно многообразны по своему типу и структуре и еще очень плохо изучены.

Первыми исследователями американских языков были миссионеры, которые изучали эти языки для пропаганды христианства. Плодами их трудов (XVII, XVIII и XIX вв.) явились переводы на индейские языки Библии, псалтыри и молитвенников, а в качестве побочных продуктов этой работы остались словари и грамматики. В XIX в. материалы по индейским языкам собирались также инженерами при правительствен-

ных исследовательских партиях, врачами при гарнизонных отрядах армии США и другими случайными в науке людьми.

Положение изменилось во второй половине XIX в. Проведение новой национальной политики США, направленной на уничтожение самостоятельности индейских племен, настоятельно требовало знакомства с культурой индейцев, их численностью и языками. В связи с этим изучение индейских языков с 1870-х годов, как раз перед проведением коренных реформ в положении индейцев, стало более систематическим. В 1879 г. при Смитсоновском институте в Вашингтоне было создано Бюро американской этнологии, во главе которого был поставлен майор Пауэлл. В 1886 г. при Пенсильванском университете была учреждена кафедра американских языков под руководством проф. Бринтона. Вскоре начали появляться такие крупные работы сводного характера, как книга Пауэлла «Индийские языковые семьи Америки к северу от Мексики»¹; публиковались многочисленные индейские тексты, словари, грамматики отдельных индейских языков; наконец, в начале XX в. был выпущен большой труд под редакцией крупного этнографа и лингвиста Боаса — «Справочник языков американских индейцев» (*Handbook of American Indian languages*, t. I—II, Bureau of American Ethnology, Bull. 40, Washington, 1911, 1922).

Почти все работы лингвистов США этого времени касаются языков индейцев Северной Америки. Изучение языков южноамериканских индейцев началось значительно позже: проникновение немецкого капитала в Бразилию, Аргентину и некоторые другие страны сопровождалось оживленным изучением местных индейцев и их языков. Вслед за Мартиусом, Штейнсом и другими исследователями XIX в. в Южной и Центральной Америке работала целая группа исследователей, в значительной части немцев. Особенно много сделано по изучению языков и культуры коренного населения Центральной Америки Леманом и Зелером (начало XX в.).

Со времени первой мировой войны языками индейцев Центральной и Южной Америки начинают заниматься лингвисты США. Этот интерес был вызван начавшейся экспансией монополистического капитала США в страны Латинской Америки. После второй мировой войны американские ученые решительно забирают в свои руки дело изучения южноамериканских индейцев и их языков. Однако до сих пор нет ни четкой научной классификации языков южноамериканских индейцев, ни точных исчерпывающих словарей. Для подавляющего большинства работ американских лингвистов характерно отсутствие какой-либо научной методологии, общих критериев в изучении языков и составлении словарей.

Все увеличивающееся в каждой новой классификации число «изолированных» или «особо стоящих» групп — один из примеров не только недостаточной изученности индейских языков Латинской Америки, но и отсутствия подлинно научного метода, который был бы положен в основу изучения этих языков и неоднократных попыток их классификации.

Сами авторы лингвистических исследований вынуждены признать неточность и недостаточность своих выводов.

Так, Риве, установивший для индейских языков Южной Америки 77 групп, отмечает следующее: «Эта значительная цифра показывает, до какой степени мало продвинулось изучение языков Южной Америки. Но правде говоря, работа по их классификации едва лишь намечена».

¹ J. Powell. Indian linguistic families of America north of Mexico. 7-th. Annual report Bureau of American Ethnology, Washington, 1891.

Если некоторые большие группы уже определены, то имеется множество языков, точные особенности которых надо определить. Наше невежество вынуждает рассматривать их в качестве независимых языков»¹.

Еще В. Гумбольдт, известный филолог первой половины XIX в., предложил выделить в особую группу американские и некоторые палеоазиатские языки (гилякский, чукотский), которые лингвистами обозначаются термином «полисинтетических», или «инкорпорирующих» (инкорпорация — лат. «включение»). В этих языках предложение образуется путем включения в главные его члены, преимущественно в сказуемое, второстепенных членов предложения, а иногда и подлежащего. Таким образом, при инкорпорирующем (или полисинтетическом) строе речи предложение представляет собой как бы одно длинное слово.

Так, например, на эскимосском языке слово *tacusariartorunagaluaqnerpa?* означает: «вы думаете, что он действительно имеет намерение этим заняться?». На языке микмаков (алгонкинская группа) предложение «они собираются вместе есть свою еду» также выражено одним словом *najdejmooweeoolowgooddullaoltee-dissuneega*. В языке тарасков (Мексика) *hoponi* значит «мыть», *hopocuni* — «мыть руки», *hopodini* — «мыть уши». На языке ипурина (араваки Бразилии) слово *picuqatqaurumatinii* означает «затягиваю пояс вокруг твоего тела».

Но выяснилось, что к этой группе чисто полисинтетических языков принадлежат лишь некоторые американские языки, например эскимосские, алгонкинские, прокезские, кэддо, юта-ацтекские, квакиутл; в значительной же части американских языков этого объединения многих элементов в одно слово почти не бывает, так обстоит дело в языках чинукском, тлинкитском, хайда и др.

Риве, автор одной из основных работ по классификации американских языков, считающий свой труд лишь списком языков, насколько возможно полным², дает для всей Америки классификацию 123 языковых групп, между которыми, по мнению Риве, не только невозможно открыть никакой родственной связи, но нельзя даже показать существования каких-либо общих черт. Это утверждение свидетельствует лишь о недостаточной изученности индейских языков Америки.

В настоящее время, пока еще не создано вполне удовлетворительной классификации американских языков, приходится пользоваться лишь предварительными и в значительной мере условными схемами.

Языковые группы Северной Америки

По существующим классификационным лингвистическим схемам, в основу которых положен лишь словарный материал, североамериканские языки образуют от 26 до 58 самостоятельных семей с отдельными внутренними языками и диалектами общим числом свыше двух тысяч.

Некоторые из этих семей включают в себя языки нескольких десятков различных племен, разбросанных на огромном пространстве, другие охватывают языки одного-двух племен, занимающих ограниченное пространство, иногда лишь одно-два селения. Из этих лингвистических семей к нашему времени вымерло, по имеющимся сведениям, не менее восьми. Кроме того, около десяти семей близки к вымиранию, так как индейцев, говорящих на этих языках, насчитывается лишь несколько десятков человек, а иногда и меньше.

¹ P. Rivet. *Langues américaines.*, «Les langues du monde», Paris, 1924, стр. 69.

² P. Rivet. Ук. соч.

Основных и более крупных языковых семей в Северной Америке до прихода европейцев было не более девяти: эскимосско-алеутские языки, алгонкинские, прокезские, атапаскские, сиу, мускогские, каддо, юта-ацтекские, тихоокеанские. За исключением первой группы — эскимосской или эскимосско-алеутской, стоящей особняком, все остальные объединяются обычно общим названием «индейских языков».

I. Совершенно своеобразно географическое распределение эскимосско-алеутских диалектов.

Эскимосы занимали и занимают до сих пор неширокую прибрежную полосу вдоль северного побережья Северной Америки от о-ва Кадьяка на Тихом океане до о-ва Ньюфаундленда на Атлантическом, а также побережья Гренландии и островов Арктического архипелага. Эскимосский язык распадается на множество диалектов, которые можно соединить в три основные группы: 1) западную, или аляскинскую, в которой различают диалекты о-ва Кадьяка, Бристольского залива, устья р. Юкон, заливу Нортон и Колсбу, мыса Барроу и устья р. Мекензи; 2) центральную, исследованную значительно хуже других, и 3) восточную, или лабрадор-гренландскую, в которой выделено пять гренландских диалектов, один на Баффиновой земле и один на берегах Лабрадора. Кроме того, в Чукотском национальном округе СССР живет небольшая эскимосская группа, в которой отмечено три диалекта. Все эскимосские диалекты настолько близки между собой, что при встрече эскимосы разных областей довольно быстро начинают понимать друг друга.

Алеуты населяли Алеутские острова, протянувшиеся цепью от п-ва Аляски до Камчатки. В алеутском языке различают два диалекта и один поддиалект: 1) восточный, или уналашкинский (алеуты Аляски и островов Уналашки, Умнака и соседних с ними, а также островов Прибылова); 2) западный, или аттовский; на нем говорят жители о-ва Атту и советского о-ва Медного; 3) поддиалект аткинский (о-в Атка и советский о-в Беринга). Язык алеутов изучался известным русским миссионером-этнографом И. Е. Вепяминовым (1830-е годы), перу которого принадлежит первая грамматика алеутского языка. В конце XIX — начале XX в. алеутский язык изучал русский этнограф В. И. Иохельсон, давший о нем за время с 1912 по 1934 г. около десятка работ. Алеутский язык тесно связан с эскимосским и, по мнению Иохельсона, составляет один из древнейших эскимосских диалектов.

II. Из индейских языковых семей с эскимосской структурой сходна алгонкинская, занимавшая прежде наибольшее пространство и охватывавшая 36 племен. Алгонкинские племена населяли огромную территорию на востоке и в центральной части Северной Америки — от Атлантического океана до Скалистых гор, а также атлантическое побережье от о-ва Ньюфаундленда до 35-й параллели.

Алгонкинские языки подразделяются на несколько групп.

1. Восточная (прибрежная) группа, к которой относились диалекты племен Новой Англии, Новой Шотландии и низовьев р. Св. Лаврентия, почти уже вымерших в результате притеснений европейских колонизаторов.

2. Диалекты ныне живущих племен центральной группы: мепомини, осакивуков и мускваивуков (сак и фокс), кикапу, шауни, миами, делаваров, переселенных в резервации центральной части США; диалекты могикиан и пекотов, живших на западе штатов Вермонт, Массачусетс и Коннектикут и на юго-востоке штата Нью-Йорк. К этой группе относились также языки мощной когда-то конфедерации повхаттан (в Виргинии) и племени секотан (Северная Каролина).

3. Диалекты племен северной группы (собственно алгонкинов, оттава, монтанье-паскаши, кри, оджибвеев, или чипевеев). Наиболее многочисленные в настоящее время племена кри и чипевеев расселены по резервациям Канады и США, а монтанье и паскаши до сих пор ведут жизнь бродячих охотников в мало исследованных лесах Лабрадора.

4. Западная группа, состоящая из нескольких подгрупп: языки племен арапахов, чернопогих (сик-сиков), чейенов, или шайенов, охватывавшая прежде обширную территорию к востоку от Скалистых гор. Сейчас племена этой группы расселены по резервациям Канады (в южных частях провинций Манитоба и Саскачеван) и США (в штатах Миннесота, Монтана, Северная и Южная Дакота).

5. Калифорнийская группа включает в себя несколько мелких диалектов коренного населения калифорнийского берега Тихого океана.

III. В территорию сплошного распространения алгонкинских диалектов на востоке включивались племена, входившие в ирокезскую лингвистическую семью. Она включала в себя 13 племен, пришедших сюда позднее (откуда — точно не установлено). Северная граница их расселения проходила по области так называемых «Нижних озер», т. е. Эри и Онтарио, по берегам р. Св. Лаврентия и по территории штата Пенсильвания, отрезан, таким образом, восточную прибрежную алгонкинскую группу от основной массы алгонкинских племен. Южная ирокезская группа (племя чироков) занимала часть территории штатов Северная и Южная Каролина.

IV. Наиболее распространены после алгонкинских языков в настоящее время атапаскские (атапаскские), охватывавшие прежде (в значительной части и теперь) громадную территорию на западе североамериканского материка. Племена атапаскской семьи (числом 53) и раньше были наиболее разбросанными из всех североамериканских племен индейцев; они встречаются на пространстве от берегов Ледовитого океана до Мексики, даже в ее пределах (на севере), и от Тихого океана до берегов Гудзонова залива. Географически они распадаются на три группы.

1. Северная, известная под общим самоназванием «тинно», или «дене»¹, входит охотничьи племена, живущие в лесах западной Канады и внутренней Аляски (выходят к Тихому океану только у Кенайского п-ова в южной Аляске).

2. Тихоокеанская группа, состоящая из нескольких племенных диалектов (хула, катю, толова). В настоящее время они сдвинуты с мест своего первоначального поселения и размещены в резервациях тихоокеанского побережья США (из этих группок, хотя и говорящих на родственных диалектах, но крайне мере пять не понимают друг друга).

3. Третья группа, южная, самая многочисленная, превосходящая по численности все остальные атапаскские племена и занимающая обширное пространство на юго-западе США; главные племена этой группы — навахи (самоназвание — «дене» — настоящие люди), живущие в резервациях штатов Аризона и Новая Мексика; апачи, окружающие навахов со всех сторон, кроме северной, — в штатах Новая Мексика и Техас и в северных частях Мексики, а также липаны.

К этой группе примыкают кайова-апачи, небольшое атапаскское племя, пришедшее, по видимому, с севера и живущее среди кайова (которые представляют собою изолированную лингвистическую группу).

V. Диалекты с и у. Говорящие на них 68 племен занимают по своей численности четвертое место среди других групп индейцев.

¹ Это слово, обозначающее «люди», в различных формах употребляется как самоназвание почти каждым племенем атапаскской группы.

Основная масса племен населила бассейн Миссури и большие равнины от Миссисипи почти до Скалистых гор и от Канады до Арканзаса. Диалекты сиу разделяют на семь групп: группа дакотов — ассинибойнов, группа манданов, группа хидатса и «воронов» (абсарока) и др.; из них восточная группа, оторвавшаяся от основной массы (племена катамба, тутело), занимала части территорий современных штатов Северная и Южная Каролина и Виргиния и почти совершенно к нашему времени исчезла. Но и остальные группы сиу, разбросанные теперь по резервациям, постепенно ассимилируются с иноязычными населением.

VI. Компактный лингвистический массив составляли языки мускогов, сходные структурно с сиу; многочисленные оседло-земледельческие племена мускогов населяли прежде юго-восточную часть территории США, между Миссисипи, Мексиканским заливом и Атлантическим океаном. Здесь различают две группы диалектов.

1. Диалекты группы собственно мускогов (9 племен), которая включала: а) северную подгруппу — мускогов, или криков, и б) южную подгруппу, куда входили чоктавы, чикасавы, семинолы и др.

2. Диалект группы начей (натчез) — племена, жившего в низовьях Миссисипи и разгромленного французами в первой трети XVIII в.

VII. Меньше других известные широкому читателю даже по названию языки кэддо были распространены на территории, расположенной к западу от мест расселения мускогов, и распались на три группы.

1. Северная — язык племени арикара — на верхней Миссури (в Северной Дакоте).

2. Центральная — язык пауи (штат Небраска).

3. Южная, в которую входили языки племен кэддо, шичита и др., некогда живших в Оклахоме, Техасе и Луизиане.

VIII. Последней крупной лингвистической группой североамериканских языков является юта-ацтекская группа, в которую современные лингвисты включают считавшиеся прежде самостоятельными языковые группы потонов (12 племен), пима-сонора (большая часть их населяет северо-западную Мексику) и науатль (ацтеки и другие племена Мексики и Центральной Америки).

Юта-ацтекская языковая группа — наиболее обширная из групп североамериканских языков (включая Мексику).

Шошонские племена еще в XIX в. занимали территорию, по площади уступавшую лишь алгонкинским и атапаскским территориям; большая часть ее — плоскогорье между Скалистыми горами и прибрежными Кордильерами, где на территории нескольких штатов расселены были, считая с севера, собственно шошоны, юта и пайюты; в западном Техасе и сейчас живет шошонское племя команчей, являющееся самым южным племенем индейцев прерий; и, наконец, племя хопи, или моки, населяет шесть деревень в северо-восточной Аризоне.

IX. Совершенно особняком стоят языки племен тихоокеанского побережья Северной Америки. Здесь, на узкой полосе между океаном и прибрежными Кордильерами, сосредоточено до 37 различных лингвистических групп; на территории одной только Калифорнии (не считая восточной и южной ее частей, заселенных шошонскими племенами) жили племена, говорившие на языках 26 лингвистических семей.

Наиболее характерна для Калифорнии группа языков хокка. Она состоит из диалектов многочисленных мелких племен, живших (а частью живущих и сейчас) по побережью Тихого океана от южного Орегона до перешейка Техуантепек, между 16-й и 43-й параллелями.

Из языков, распространенных в северной части тихоокеанского побережья, выделяются языки салишей (береговых и внутренних, 64 племени в Британской Колумбии и штате Вашингтон), вакаш (включая диалекты племен нутка и квакиутл, живущих на о-ве Ванкувер), хайда (на островах королевы Шарлотты), тлинкитов. Последние, являющиеся самым северным из береговых индейских народов, обитают к югу от полуострова Аляски и прежде (до 1867 г.) считались русскими подданными.

Из перечисленных языковых семей наибольшее количество лингвистического материала (грамматики, словари и тексты, печатные и рукописные) собрано по алгонкинам, атапаскам, ирокезам, мускогам, сиу и эскимосам; из тихоокеанских групп лучше других изучены языки тлинкитов, хайда, вакаш, чинук (в низовьях р. Колумбии) и салиш.

Межплеменные «жаргоны»

Пестрота языкового состава коренного населения Северной Америки при развитии сношений между племенами явилась причиной возникновения межплеменных жаргонов; развитие последних особенно усилилось с появлением европейцев, когда стала расширяться торговля и возникали новые отношения как между отдельными индейскими племенами, так и между индейцами и европейцами.

С этой точки зрения интересен общий торговый язык, возникший на северо-западном побережье Северной Америки еще до прихода европейцев и употреблявшийся при торговых сношениях на большой территории от Аляски до Калифорнии. Этот язык сложился из слов группы прибрежных индейских диалектов, причем в основу его лег язык племени чинук, жившего в низовьях р. Колумбии и игравшего большую роль в развитой здесь межплеменной торговле; поэтому он и получил у европейцев название жаргона чинук. Сначала XIX в., когда стала развиваться пушная торговля на территории нынешнего штата Орегон, этим жаргоном стали пользоваться и европейские торговцы мехом. Тогда-то в него и вошли исковерканные английские, французские и даже русские слова, но главным образом английские. Так, если в середине XIX в. в нем было отмечено около 50 английских слов, то в 90-х годах их было уже 570. В течение XIX в. жаргон чинук играл огромную роль при торговых сношениях белых с индейцами, но в последнее время он все более и более вытесняется английским языком.

Аналогичным образом оживленные торговые сношения между племенами юго-востока США, где кроме мускогов жили алгонкины, ирокезы, сиу и другие, более мелкие группы, обусловили возникновение так называемого торгового языка чикасапов (или языка мобиле — по названию одного из крупных индейских селений, теперь г. Мобиль в штате Алабама), составившегося из слов нескольких языков, причем в основу легли диалекты племен чоктавов и чикасапов. Этот язык был средством торговых и межплеменных сношений для всех племен от Флориды до Миссисипи и по всему ее нижнему течению до устья Огайо.

Отдельные слова из индейских языков, например «тиши», «вигвам», «пеммикан», «тоббоган» и многие другие, вошли в язык американцев.

Точно так же в области Великих озер, при пушной торговле, между французскими торговцами и индейцами был в ходу жаргон, основой которого служил язык оджибвеев (чипшевев). Словари торговых языков обычно крайне ограничены.

«Язык жестов» и «Язык сигналов»

Согласно опровергнутой теперь теории кинетической речи Н. Я. Марра, так называемая «кинетическая речь» предшествовала возникновению человеческой речи. В действительности же кинетическая речь никогда не существовала без разговорного языка и уж во всяком случае ему не предшествовала, о чем свидетельствует наличие «языка жестов» у народов, обладающих высокоразвитыми разговорными языками, как, например, языки индейцев Америки.

«Язык жестов» подробно описан у индейцев прерий. На безлесных равнинах от р. Миссури до Скалистых гор и от р. Фрезер до Рио-Гранде, в дружеских и во враждебных встречах, сталкивались племена самых разнообразных лингвистических семей — алгонкинов, сиу, шошонов, кэддо и др., говорившие на языках, которые были этим племенам взаимно непонятны. Общение посредством жестов применялось и индейцами внутреннего плоскогорья: грушшой сахаптин, кутенай (отдельная лингвистическая группа) и другими, периодически спускавшимися для охоты на равнины. Язык жестов понимался всеми индейскими племенами от Канады до Техаса; многие входящие в него знаки были близки к пиктографическим записям индейцев. Жестами могла быть передана любая тема — от простых вопросов и ответов до переговоров о союзе между племенами, от рассказа о случае на охоте до сложной мифологической легенды. Наиболее искусными в жестикуляции считались индейцы племен поронов, чейсенов и кайова.

Еще более широкое распространение имела система сигнализации на дальние расстояния. При помощи сигналов передавались сравнительно несложные сообщения — сведения о появлении дичи, известия о приближении врага и др. Наиболее распространенными были ночные сигналы огнем и дневные — дымом. Костры раскладывались на видных издали высоких точках или вдоль побережья, например, для извещения о застрельшем на мели ките или о приближении судна с чужеземцами. Дымовые сигналы представляли собой разработанную систему, посредством которой могли передаваться различные детали информации. Для костров употреблялось сырое топливо (трава, свежие хвойные ветви), медленно горящее и дающее густой дым. Помимо числа костров, имело значение количество всплесков клубов дыма: на костер набрасывали кожаное одеяло, потом его быстро сдергивали и повторяли этот прием нужное число раз. По числу, продолжительности и последовательности всплесков всегда бывшие настороже соседи безошибочно определяли, нужно ли принять участие в охоте на бизонов, спешить ли на выручку сигнализировавшим или бежать и спасаться самим. При возвращении из похода, не доходя до селения, воины возвещали этим способом о числе погибших в отряде.

Очень живописной была сигнализация одеялом, которой пользовались и пеший и конный. Например, «знак бизона» передавали, держа натянутое за углы одеяло над головой и наклоняя его к земле; о том, что «берег открыт», сообщали, плавно махая растянутым одеялом перед собой; быстро размахивая одеялом над головой, извещали о приближении врага; знак тревоги подавался быстрым подбрасыванием одеяла вверх несколько раз и т. д.

Сигнализовали также условным движением пешком или на лошади — делая круг, передвигаясь взад и вперед или зигзагами. У сиу, уже в эпоху колонизации, развилась сигнализация зеркалами.

Повидимому, развитие средств общения между разноязычными племенами Северной Америки и выработка таких сложных и совершенных способов, как торговые языки или «язык жестов», в значительной

степени происходили уже в период европейской колонизации. Несомненно, что огромную роль в этом сыграло, с одной стороны, насильственное перемещение многих племен с мест их прежнего обитания (а отсюда — столкновение племен), с другой — развитие обмена и торговли этих племен с пришельцами и друг с другом¹.

Языковые группы Центральной и Южной Америки

Значительно менее известны языки индейцев Латинской Америки. Сведения об этих языках обычно ограничиваются небольшими словарями, к тому же часто записанными через переводчиков. Большая часть словарей современных авторов мало отличается от записей старых путешественников. Обычно они составлялись по заранее заготовленным спискам. Этот метод приводил к существенным ошибкам, — на них указывал путем убедительных примеров русский исследователь Г. Г. Манизер.

Не приходится уже и говорить о том, что эти словари очень неточны в фонетическом отношении. И, наконец, паряду со словами индейских языков в словарях фигурируют слова испанского или португальского происхождения.

«Словари южно-американских индейцев, — писал Манизер, — составленные учеными разных национальностей, могли бы дать богатейший подбор недоразумений всех степеней и направлений — да едва ли не хуже еще попытки ученых кабинетным путем свести все трудности к источностям записей и построить такой подтасовкою грамматики»². Авторы грамматик обычно составляли их, исходя из норм морфологии и синтаксиса западноевропейских языков. При этом почти не учитывались характерные особенности, присущие строю индейских языков. Так, например, составители словарей и грамматик, за единичными исключениями, не смогли объяснить структуру имени существительного и глагола; они оказались бессильными вскрыть столь характерные явления, как дифференциации местоимений и числительных, различающихся в зависимости от положения, пола, состояния предмета, к которому они относятся.

Немногие попытки определить структуру языков индейцев Латинской Америки, почти во всех случаях не выходящие за рамки формального анализа, были обречены на неудачу не только из-за недостатка материала, но также и потому, что языки изучались в отрыве от данных истории и этнографии.

Нет ничего удивительного в том, что до настоящего времени нет не только единой общепринятой классификации языков индейцев Латинской Америки, но недостаточно уточнен даже список отдельных племен с их диалектами. Многочисленнее так называемые «классификации индейских языков Южной и Центральной Америки» заключают лишь формальное перечисление тех или иных языковых семей и входящих в их состав подгрупп и более мелких подразделений. Те или иные подгруппы часто определяются не по данным языка, не в результате сравнительного анализа диалектов, а по географическому признаку, по месту обитания. Между тем эти при-

¹ О системе сигналов и жестов в Южной Америке наши сведения очень скудны. А. Гумбольдт нашел систему сигналов, широко применявшуюся при межплеменных сношениях в бассейне р. Орипоко, где живет много мелких разноязычных племен. Подобные же сведения имеются по некоторым племенам Бразилии (Спискс, Мартиус).

² Г. Г. Манизер. Материалы по языкам у племен Бразилии. Рукопись (в Архиве ИЭ АН СССР, Ленинград, Отдел Америки).

знаки — лингвистический и географический — далеко не всегда совпадают.

Различные варианты классификаций, предлагаемые современными американскими лингвистами, как и словари языков, в сущности мало отличаются от предпринятых католическими миссионерами, а затем путешественниками XIX в. первых попыток установления языковых групп. Многие из так называемых «языковых групп» даже нельзя назвать таковыми, ибо основанием для отнесения языка того или иного племени в определенную группу служили не данные языка, а наличие или отсутствие у соответствующих племен сходных этнографических признаков (отсутствие гамаков, керамики и т. д.).

Лингвисты насчитывают в Центральной и Южной Америке до 14 крупных языковых семей, не считая множества языков, принадлежность которых к той или иной лингвистической группе не определена. К этим крупным языковым семьям относятся: юта-ацтекская, майя, чибча, аравакская, караибская, тупи-гуарани, гуайкуру, кечуа, арауканская, чон и др.

I. На языках юта-ацтекской семьи (в нее входит подгруппа науа, или наутль), о которой уже упоминалось при классификации языков индейцев Северной Америки, говорят индейцы, живущие в Мексике, Гватемале, Сальвадоре, Никарагуа. Наибольшее распространение в Мексике имеет ацтекский язык, язык народа, имевшего до прихода европейцев свое сильное государство.

К подгруппе науа относятся также различные диалекты языков индиль, кора, уичоль и др.

II. Вторая по значимости языковая семья Мексики и Центральной Америки — майя — состоит из трех групп: языки племен майя-киче, денталь-чоль и уастеков. Основная масса индейцев этой семьи живет на полуострове Юкатан. Народы майя были создателями одной из древнейших в Америке высоких культур.

Из числа других наиболее значительных языковых групп в Центральной Америке, не родственных майя, отметим языки отомий, сапотско, тараско и тотонаков (Мексика).

III. На территории Центральной Америки и тихоокеанской части Южной Америки, от границ Коста-Рики и Никарагуа до Эквадора, сохранились различные диалекты чибча, на которых говорят многочисленные группы индейцев. В Южной Америке индейцы группы чибча живут главным образом в горных районах Колумбии и части Эквадора (до провинции Гуакиль). Прежде языки этой семьи были распространены шире.

IV. Аравакская языковая семья включает в себя языки индейцев, ко времени завоевания населивших огромное пространство от южной оконечности Флориды на севере до северных областей Парагвая на юге, от Перу на западе до устья Амазонки на востоке.

Араваки Антильских островов были полностью уничтожены испанцами. Во многих районах Бразилии и особенно Венесуэлы аравакских племен также более не существует. Некоторые группы индейцев аравакского происхождения утратили свой язык, усвоив языки индейцев других лингвистических семей. Так, чанэ (населяющие пограничные районы Боливии и Аргентины) говорят на языке чиригуано (семьи тупи-гуарани).

Современные араваки расселены очень неравномерно. Большая часть их живет в областях бассейна Ориноко, северных притоков Амазонки, Рио-Негро, рек Япура и Путумайо (Бразилия, Гвиана, Венесуэла, Колумбия, граничащие с ней районы Перу). В других республиках (Парагвай,

Боливия, Аргентина, Перу, Эквадор, страны Центральной Америки) они окраплены незначительными группами среди иноязычного индейского населения.

Аравакская семья включает в себя много различных диалектов, классификации которых еще окончательно не установлена.

V. Не менее запутана классификация языковой семьи *караибов* (карибон), которая по территории ее распространения также занимает одно из первых мест среди других групп.

Многочисленные караибские диалекты до настоящего времени еще не имеют своего места в классификации. Рипе объединяет их в несколько подгрупп, главным образом по географическому признаку: североамазонскую, предадскую, боливийскую, гвианскую и др. Местом первоначального обитания караибов был, повидимому, район между перховьями рек Шингу и Тапажос (Бразилия), откуда они распространились до Антильских островов и северо-восточной части атлантического побережья Центральной Америки на севере, истоков р. Шингу на юге, Бразильского нагорья на востоке и перховьев Амазонки (Перу) — на западе.

Наибольшее число индейцев, говорящих на различных караибских диалектах, живет в северо-западной и центральной Бразилии, в восточных районах Венесуэлы, в Гвиане, а также в Колумбии, Боливии и Перу.

Почти совершенно исчезли караибы на Антильских островах, в Центральной Америке, на побережье Венесуэлы. В Гватемале и Гондурасе еще и ныне живут так называемые «черные караибы», потомки караибов, смешавшихся с неграми. Они говорят на караибском языке с незначительной примесью слов различных африканских языков.

VI. Так называемая группа *жес* (жес) включает большое число индейцев, преимущественно обитателей Бразилии. Группа *жес* в сущности не является языковой. Еще сохранившиеся в живых апинаяс, каяно, тимбра, суйя и др., а также многие почти полностью вымершие в течение прошлых веков индейские племена причисляются к этой группе не по лингвистическим, а по этнографическим признакам.

VII. Большое значение имели и имеют в настоящее время языки *тунигугуарай*. Индейцы, говорящие на этих языках, рассеяны на обширном пространстве. Племена туни-гуарани обитают или обитали по всей Бразилии, в Аргентине, Парагвае, Уругвае, Боливии, Перу, Эквадоре и во Французской Гвиане. Принадлежащий к этой группе язык гуарани во многих районах является межплеменным языком, а в Парагвае им пользуется подавляющее большинство населения наряду с официальным испанским языком.

На основе туни-гуарани был создан *lingua geral* (буквально — общий язык). Туни-гуарани бразильского побережья были едва ли не единственными индейцами, с которыми более столетия непосредственно соприкасались португальцы. Результатом этих взаимоотношений и было образование индейско-португальского «общего языка». Областью наибольшего распространения этого языка в Бразилии в настоящее время являются бассейны Амазонки и Ориноко. Вне пределов Бразилии *lingua geral* представляет смешение туни-гуарани и испанского, а в некоторых районах включает слова и других индейских языков.

В Парагвае в XVII—XVIII вв. язык гуарани, а затем и *lingua geral* были средством общения католических миссионеров с десятками тысяч принудительно обращенных в христианство индейцев, поселенных в так называемых «редукциях».

Несмотря на то, что гуарани — один из наиболее изученных языков Южной Америки, нет сравнительной грамматики всех его диалектов,

и вместо лингвистической классификации их объединяют обычно в четыре группы по чисто географическому признаку (см. главу «Индейцы Бразилии»).

VIII. На разных диалектах г у а й к у р у́ говорили индейцы, обитавшие в эпоху завоевания на значительном пространстве бассейна Параны — Парагвая и области Чако. Немногочисленные потомки их — мэнгуа, тоба, пиллага́ и др., обитающие в центральном и северном Чако (Парагвай, Аргентина), почти утратили свой язык и большинство их говорит по-испански; кадиувео (живущие в пограничных с Парагваем районах Бразилии) говорят на португальском языке. К гуайкуру относят также ныне вымерших абипонов, обитавших в Парагвас и переселившихся в начале XVIII в. в аргентинское Чако.

IX. К другим языковым семьям Чако относятся с а м у к ó (северное Чако, Парагвай, Боливия).

X. Язык к е ч у а, или к и ч у а, в эпоху, предшествовавшую открытию материка европейцами, господствовал на территории так называемого государства инков, где он был официальным языком. После испанского завоевания кечуа распространился на еще более широкой территории, чему способствовали католические миссионеры, пользовавшиеся этим языком при христианизации индейского населения андских стран. В результате этого исчезли из употребления другие языки, как, например, язык ныне вымерших диагитов. Значительно сократились границы господства других языков, особенно айма́ра, который ныне сохранился лишь в некоторых районах Перу и Боливии.

На различных диалектах кечуа в настоящее время говорят индейцы в Перу, Эквадоре, Боливии, частично в Аргентине и Чили. Наибольшее распространение имеет этот язык в Перу и в пограничных районах Боливии и Эквадора, где он употребляется наряду с испанским языком. Во внутренних департаментах Перу кечуа является основным, а подчас и единственным языком населения. Кечуа оказал значительное влияние на испанский язык в андских республиках, особенно в Перу.

XI. Язык а р а у к а н о в (мануче) состоит из нескольких близких между собой диалектов, на которых говорят арауканы (живущие в южном Чили и, в незначительной части, в сопредельных с центральным Чили районах Аргентины).

XII. Группа ч о н (южные районы Аргентины и Чили) состоит из двух подгрупп: патагонской и огнеземельской (точнее — сельк-нам, или бна).

В самостоятельные группы выделяют другие языки индейцев крайнего юга материка — я г а н (ямана) и а л а к а л у ф.

К моменту испанского завоевания индейцы этих семей, в особенности патагонской группы, занимали значительное пространство; ныне они почти полностью вымерли.

XIII. Из числа языков других истребленных индейских племен Аргентины и Чили упомянем о языках индейцев а т а к а м а (атакаменьо), д и а г и т о в (кальчак), п у э л ь ч е и х э т. Языки эти (кроме хэт и пуэльче) в сущности известны только по названиям говоривших на них племен.

XIV. Широко распространен был в Аргентине и Уругвае язык индейцев ч а р р у а, последние остатки которых вымерли в XIX в.

XV. К так называемым «изолированным», или особо стоящим, группам относят ряд индейских племен, главным образом Бразилии, как г у а т ó, п а м б и к у а р á, т р у м а и и многие другие, языки которых не нашли места в классификации.

Вопрос о языковых связях

Некоторые лингвисты (Боас, Ривс, Сэпир) давно уже высказывали мнение, что американские индейские языки не образуют никакого единства, распадаясь на множество совершенно самостоятельных языковых групп, и что поэтому невозможно дать общее описание, приложимое ко всем этим группам, и бесполезно говорить об их общем происхождении. Есть, однако, сторонники мнения об исконом единстве всех языков американских индейцев, и были попытки доказать такое единство. Такого мнения держался не только итальянец Тромбетти, доказывавший вообще единое происхождение всех языков мира, но и более осторожный американский исследователь Радин, который пытался установить наличие некоторых общих черт в грамматических формах американских языков¹. По подобные попытки до сих пор не дали еще убедительных результатов.

Исследователи, отрицающие единство происхождения индейских языков Америки, не раз пытались обнаружить связи отдельных групп этих языков с теми или иными языковыми семьями за пределами Америки. Наиболее известная из таких попыток принадлежит тому же Ривс. Ему удалось найти много сходств и совпадений в слопаре и даже в грамматическом строе языков группы хока (Калифорния), вместе с близкими к ним языками Центральной Америки, и языков малайско-полинезийской семьи, в особенности меланезийских. По утверждению Ривс, в словарях этих языков обнаруживается более 280 сходных корней². Эти сопоставления кажутся довольно убедительными, особенно ввиду наличия антропологических подтверждений связи народов Америки с океанийским кругом народов, в частности с меланезийцами. Помимо этого, Ривс заявил об установленных им многих сходствах в словарях языков чоа (огнеземельцев и патагонцев) и языков аборигенов Австралии. Таких сходств он нашел будто бы более 90³. Но эти «сходства» гораздо более спорны, чем указанные выше, а предположение о прямой исторической связи между коренным населением Австралии и Огненной земли совершенно неправдоподобно.

Почти одновременно с Ривс американский лингвист Сэпир выдвинул довольно неожиданное утверждение о родстве языков группы на-депе (атапаскской) с сино-тибетскими (тибето-бирманско-китайскими) языками Азии. По его мнению, сходство между этими двумя группами языков охватывает не только словарь, но и фонетику и грамматический строй. Сэпир, однако, не подкрепил своего открытия убедительными доказательствами⁴.

Зачатки письменности

Почти все языки индейцев Америки были в прошлом бесписьменными. Для запоминания определенных событий, для фиксирования дней, на которые назначена общая охота, празднества и пр., употребляются различные мнемонические присмы, зарубки на деревьях, на палках и т. д.

¹ P. Radin. The genetic relationship of the north American Indian languages. Univ. of California. Public. in «Amer. Arch. and Ethnogr.», 1919, v. 14, № 5.

² P. Rivet. Les origines de l'homme américain. «L'Anthropologie», 1925, v. 35, № 3—4. Его же. Les origines de l'homme américain. Montréal, 1943.

³ Там же.

⁴ E. Sapir. The similarity of chinese and indian languages. «Science», n. s., 1925, v. 62, № 1607, 16/X; см. P. Rivet. Ук. соч., 1943, стр. 66.

Широкое распространение у многих племен Северной, Центральной и Южной Америки имело сохранившееся до настоящего времени так называемое «узловое» письмо. В наиболее усовершенствованном виде оно применялось в государстве инков, где было известно под названием «кипу». Это не было письмо в собственном смысле слова. Кипу — это пучок разноцветных шнурков с узелками, свисающих с общего шнура; цвет шнурков, их длина, число и расположение узлов означали определенные понятия. При помощи кипу инки вели летосчисление, производили счет войск, подсчитывали взимаемые с населения налоги, учитывали урожай и т. д.

После прихода испанцев, варварски разрушивших государство инков, уничтоживших замечательные произведения искусства и архитектуры, была нарушена преемственность устной традиции, слагавшейся на протяжении многих десятилетий. До нашего времени дошли лишь немногочисленные образцы литературы кечуа, записанные испанцами, современниками записания. Несколько таких записей приводится, например, в «Comentarios reales» — истории инков Гарсилльесо де ла Вега, а также в хронике Педро де Айяла. Это молитвы и песнопения, поэмы и баллады исторического содержания, лирико-драматические произведения и песни, написанные в стихотворной форме.

Выдающимся образцом драматической поэзии инков является пьеса «Апу Ольянтай». Сохранившиеся пять вариантов этой драмы относятся, по мнению, к XVII и XVIII вв. Отдельные ее части, например, песни, возникли в более раннее время.

Испанские миссионеры всецело старались вытравить из памяти народа его поэзию, «измыское» содержание которой не соответствовало требованиям католической религии. Уже в XVI в. на языке кечуа латинизированным алфавитом было записано несколько пьес, которые должны были воспитывать индейцев в духе христианской морали.

Однако полностью уничтожить поэзию кечуа не удалось. Не только современный фольклор индейского населения Андских стран, но и литературные произведения, написанные на испанском языке писателями и поэтами этих стран, сохранили многое от древней литературы кечуа.

Письменность существовала только у индейцев Мексики и Центральной Америки, наиболее развитая — у народов майя. Иероглифическую письменность майя ученые разных стран расшифровывают уже почти 100 лет. Больше других сделали в этом направлении немецкий ученый Шелльхас, американцы Тозсер и Томсон. Решающий шаг в работе над этой проблемой недавно сделан советским ученым Ю. В. Кнорозовым¹.

Индейцы Северной Америки создали своеобразное рисуночное — «пиктографическое» — письмо, зародышевую форму настоящей письменности. Еще в ранние годы колонизации европейские путешественники и миссионеры обратили на это внимание. Лафито, основоположник сравнительно-этнографического изучения индейцев, отмечал наличие у них образного письма².

У многих племен употреблялось такое средство передачи сообщений, как особые пояса — «вамгум», плетеные из шнурков разноцветных бус, расположение которых имело условное значение. Вамгумы употреблялись в межплеменных сношениях. Другие племена рисовали условные изображения на каком-нибудь материале. Особенно известно подобное «письмо» алгонкинских племен.

¹ См. Ю. В. Кнорозов. Древняя письменность Центральной Америки. «Советская этнография», 1953, № 3.

² J. F. Lafitau. Moeurs des sauvages américains, t. I. Paris, 1724, стр. 71—72.

Племена прерий имели обычай вести своего рода «летописи» о наиболее замечательных событиях за истекший год. Условными знаками на бизоньей шкуре отмечалось, например, что в таком-то году была сильная эпидемия, или война с соседями, или голодовка из-за плохой охоты и т. п.

В течение последних лет американскими лингвистами были составлены латинские алфавиты для языков нескольких индейских племен. Однако практического значения они не имеют, так как подавляющая часть индейцев неграмотна, а обучение детей родному языку во многих американских странах запрещено. В США делались неоднократные попытки создать алфавиты индейских языков. Наиболее удачным оказался изобретенный мстисом Секпойей алфавит чирокского языка. На основе этого алфавита чироки, чоктавы и крики в XIX в., в годы наивысшего подъема движения индейцев за независимость «Индийской территории» и сохранение индейских земель, издавали журналы и газеты. В настоящее время для крупнейших индейских народов США создана письменность на родном языке. Имеют свою письменность индейцы сиу, навахи. Но грамотность на родном языке среди индейцев испелика. У них нет средств для перелопа на родной язык произведений классиков мировой литературы, для издания газет, нет учебников, квалифицированных учителей. Правительство и миссионеры озабочены лишь тем, чтобы снабдить индейские школы книгами религиозного содержания. Управление по делам индейцев вводит обучение индейцев лишь на родном языке — в ущерб знанию английского языка, на котором говорят миллионы трудящихся страны. Индейцы прекрасно понимают, что таким образом правительство стремится укрепить систему их изоляции от англоязычного населения, и требуют введения в резервациях общей программы обучения.

В целом языковая политика американских государств, особенно США, являющаяся составной частью национальной политики, характеризуется полным игнорированием потребности коренного населения в развитии собственной письменности.

Во многих странах Латинской Америки за последнее время была создана письменность для целого ряда индейских языков. В Мексике разработана письменность для семнадцати языков мексиканских индейцев. В Гватемале была проведена работа по созданию письменности на пяти основных языках индейцев республики. Создана письменность для языка гуарани (Парагвай) и т. д. Однако эта письменность пока не получает широкого распространения, так как основные массы индейского населения угнетены экономически и культурно.

* * *

В составлении настоящего сборника принимали участие: «Общие сведения об индейцах Америки» — С. А. Токарев; «Лингвистическая классификация коренного населения Америки» — Е. Э. Бломквист, Н. Г. Шпринцин; «История колонизации Северной Америки и современное положение индейцев» — Г. Э. Бломквист, И. А. Золотаревская; «Ирокезы» — Е. Э. Бломквист; «Индейцы прерий» — Ю. П. Аверкиена, И. А. Золотаревская; «Индейцы пуэбло» — И. А. Золотаревская (частично использованы материалы М. В. Степановой); «Навахи» — И. А. Золотаревская; «История завоевания и колонизации Центральной и Южной Америки» — Н. Г. Шпринцин; «Индейцы майя» — Ю. В. Кнорозов, Н. Г. Шпринцин; «Кечуа» — Ю. А. Зубрицкий, Б. И. Шаревская; «Индейцы Бразилии» — Н. Г. Шпринцин; «Арауканы Чили» — Э. В. Зиберт; «Индейцы Огненной земли» — Э. В. Зиберт.

**ИНДЕЙЦЫ
СЕВЕРНОЙ АМЕРИКИ**

ИСТОРИЯ КОЛОНИЗАЦИИ СЕВЕРНОЙ АМЕРИКИ И СОВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ИНДЕЙЦЕВ США И КАНАДЫ

Когда более четырех с половиной веков назад (1492 г.) испанцы впервые высадились на островах Вест-Индии, многочисленное индейское население безраздельно владело лесными и степными просторами Нового света. Но с первых же десятилетий XVI в. полчища колонизаторов-хищников ринулись в новооткрытые страны, и началась кровавая борьба за землю. С самого начала эта борьба была неравной, потому что на стороне завоевателей была организованная и хорошо вооруженная воинская сила, тогда как местное население составляли разрозненные племена, оружием которых были луки и камешные топоры. Но когда на североамериканском материке появилось новое государство — Соединенные Штаты Америки, захват индейских земель принял еще более острые формы, нередко сопровождаясь систематическим истреблением целого народа. Индейцев сгоняли с их земель силой или обманом, гнали их все дальше вглубь материка, сталкивали племя с племенем, убивали сопотоплявшихся вместе с их женами и детьми.

В течение нескольких десятилетий XIX в. многолюдные индейские племена, еще недавно мирно трудившиеся на своих землях, владевшие огромными пространствами степей и лесов Северной Америки, были оттуда изгнаны и поселены в резервации в наименее удобные для жизни районы страны, а их племенные земли были захвачены предпринимателями-капиталистами.

Реакционно настроенные ученые США усердно распространяют теорию о якобы «мирном» поцарении американского капитализма, пришедшего к власти «почти без всяких войн». Теория эта, рассчитанная на излишне доверчивых людей, не имеет ничего общего с действительностью. Не говоря уже о захватнической войне с Мексикой, в результате которой Соединенным Штатам достались богатейшие земли юго-запада Северной Америки, не говоря о кровавой войне на Филиппинах, вмешательстве США в гавайские внутренние дела и бесцеремонном захвате Гавайских, а затем и других островов на Тихом океане; — не говоря обо всем этом, против одних индейских племен и на протяжении только XIX в. Соединенные Штаты провели более 200 набегов и карательных экспедиций. Их результатом было то, что общая численность индейцев резко сократилась, а в связи с проведением империалистической национальной политики продолжала падать даже и после того, как открытые кровавые войны прекратились. Например, племя арапахов, которых в 1881 г. было 2258 человек, насчитывало в 1950 г. 1189 человек; индейцы конфедерации криков еще в нач. XIX в. насчитывали 25—30 тыс., сейчас в Оклахоме

живет не более 10 тыс. криков¹; из 2200 индейцев алгонкинского племени кикапу (1825 г. — до переселения в резервацию) теперь осталось всего 300 человек².

Даже и теперь естественный прирост индейского населения ничтожно мал, ибо он почти поглощается высокой смертностью от тяжелых условий жизни. С 1930 по 1940 г. индейское население США увеличилось всего на 0,5%³, а по отношению к остальному населению США доли индейцев уменьшилась с 0,27 до 0,25%, что свидетельствует не только об ассимиляции индейцев белыми (явление, конечно, играющее известную роль, в особенности там, где индейцев сравнительно много, например в Оклахоме), но и о более медленном приросте индейского населения.

В тех частях материка, где климатические условия не благоприятствовали колонизации страны европейцами, — в северной Канаде и Аляске, белые колонизаторы оставили индейцев на их землях, а эксплуатацию их труда взяли на себя хищнические торговые компании, преле знаменитой Компании Гудзонова залива, до сих пор живущейся на эксплуатации закабаленного системой долгов индейского населения.

Первыми европейцами, попавшими в Северную Америку, были норманны, еще за 500 лет до Колумба (983 г. н. э.) добравшиеся до Гренландии и основавшие там несколько поселений, а отсюда проникшие на североамериканский континент, где их колонии просуществовали до XIV в. В течение трех веков норманны поддерживали связь с гренландскими поселениями, жители которых неоднократно плавали на юг вдоль американского побережья за строительным лесом. Но с течением времени, вследствие болезней, голода и постоянных столкновений с эскимосами, поселения норманнов в Америке пришли в упадок и мало-помалу бесследно исчезли. С конца XV в. открытие Северной Америки началось вторично.

Главную роль в этом процессе играли англичане и французы, в меньшей степени — испанцы.

Английские открытия в Америке — одно из звеньев в истории первоначального капиталистического накопления, пионером которого, как известно, явился именно Англия. Эпопея этих открытий начинается с плаваний Джона Кабота и его сына Себастьяна, итальянцев на английской службе (итал. Джованни Габотто). Джон Кабот, получив от английского короля две каравеллы и поручение разыскать морской путь в Китай по более северным путям, чем те, по которым плыл Колумб, отправился в 1497 г. на запад. Здесь он открыл берега Лабрадора, где встретился с эскимосами, и Ньюфаундленда, где видел индейцев, расписанных красной охрой; это была первая встреча европейцев XV в. с «краснокожими» Северной Америки. Само название этого алгонкинского племени — «беотук» (означающее человек) — употреблялось европейцами того времени в том же значении, как позже «индеец» или «краснокожий индеец».

В следующем, 1498 г. Себастьян Кабот, после смерти отца, проплыл на юг вдоль атлантического побережья до мыса Гаттераса; он продолжал изыскания и в последующие годы.

Практическим результатом плаваний Каботов явилось открытие богатейших рыбных отмелей у берегов Ньюфаундленда, куда с этого времени потянулись с каждым годом увеличивавшиеся в числе флотилии английских рыбацких судов.

¹ M. Wright. A guide to the Indian tribes of Oklahoma. Norman, 1951, стр. 129.

² Там же, стр. 160.

³ P. Landis. Population problem. New York, 1943, стр. 301—302.

С начала XVI в. рыбной ловлей в этих местах заинтересовались и французы: уже с 1504 г. ньюфаундлендские мели начинают посещать бретонские и нормандские рыбаки. Появляются первые карты американских берегов. В 1508 г. привозят во Францию напоказ одного индейца. С 1524 г. и французский король (Франциск I) начинает посылать мореплавателей в Новый свет с целью дальнейших открытий. Особенно замечательны плаванья Жака Картье, моряка из Сен-Мало (Бретань), который в течение восьми лет, с 1534 по 1542 г., исследовал окрестности зал. Св. Лаврентия, поднялся по р. Св. Лаврентия до острова, названного им Mont-Royal (Королевская Гора), теперь г. Монрсаль, и назвал землю по берегам реки Новой Францией. Ему мы обязаны самыми ранними известиями об ирокезских племенах р. Св. Лаврентия, причем наиболее интересны рисунок и описание укрепленного ирокезского селения (Ошелага, Хохелага) и словарь индейских слов.

В 1541 г. Картье основал первую земледельческую колонию в районе нынешнего Квебека, но из-за морозов и недостатка съестных припасов колонистам пришлось вскоре уехать обратно во Францию. На этом прервались попытки французской колонизации Северной Америки в XVI в., — они возобновились позже, в XVII в.

В южной части Северной Америки ряд открытий был сделан в XVI в. испанцами, отправлявшими сюда экспедиции с занятых ими Вест-Индских островов в надежде найти здесь такие же богатства, как в Мексике и Перу.

Походы испанцев сопровождалась необычайными жестокостями: захватом в плен индейцев, грабжом и поджогами индейских деревень, насилиями над женщинами. Индейцы оказывали ожесточенное сопротивление завоевателям, многие из которых нашли смерть на разоренной, но не покоренной ими земле. Открывший в 1513 г. Флориду Понсе де-Левон был смертельно ранен в 1521 г. индейцами при высадке в заливе Тампа, где он хотел основать колонию. Бесславно погиб в 1528 г. и другой завоеватель Флориды, Нарваес. Один из участников экспедиции Нарваеса, де-Вака, девять лет скитался по югу Северной Америки среди индейских племен, сначала в качестве раба, а потом торговца и знахари. Он добрался, наконец, в 1537 г. до испанских владений в Мексике. Де-Вака оставил описание природы искоженных им обширных равнин юга теперешних США (первое описание бизонов принадлежит ему); он близко познакомился с жизнью юго-восточных индейцев и первый написал о существовании индейцев нуэбло и их городов, сильно преувеличив размеры и богатство последних.

Рассказы де-Вака возбудили жадный интерес испанского дворянства к странам, лежащим к северу от Мексики, и дали толчок к организации различных экспедиций, целью которых были розыски сказочных городов.

В 1540 г. на поиски «семи городов Сибола» Коронадо повел из Мексики в северо-западном направлении экспедицию, состоявшую из 250 кавалеристов, отряда пехоты, нескольких сот индейцев-союзников и нескольких тысяч рабов — индейцев и негров. С ними он прошел сухие пустыни между рр. Рио-Гранде и Колорадо и с обычной для испанских завоевателей жестокостью завоёвал «города» индейцев нуэбло, но ни ожидаемого золота, ни драгоценных камней в них не оказалось. Для дальнейших поисков Коронадо разослал отряды в разные стороны, а сам, перезимовав в долине Рио-Гранде, двинулся на север к индейцам прерий, где встретился с полукочевым охотничьим племенем индейцев пауни (в нынешнем штате Канзас). Не найдя никаких сокровищ, Коронадо повернул назад и, собрав на дороге остатки своих войск, в 1542 г. — ни с чем вернулся

в Мексику. В результате этой экспедиции стала известной значительная часть материка в пределах теперешних штатов Аризона, Новая Мексика, Канзас и южных частей штатов Юта и Колорадо, открыт большой каньон Колорадо, получены первые сведения об индейцах пуэбло и индейцах прерий.

В это же время (1539—1542 гг.) и с той же целью на юго-восток Северной Америки была снаряжена экспедиция де-Сото. Участник похода Писарро, один из самых богатых завоевателей Перу, де-Сото, как только до него дошли рассказы де-Вака, распродал свое имущество, снарядил экспедицию в 1000 человек и в 1539 г. высадился на западном берегу Флориды.

В течение четырех лет де-Сото в поисках золота блуждал со своей армией авантюристов по огромной территории современных штатов Флорида, Джорджия, Алабама, Южная Каролина, Теннесси, Миссисипи, Арканзас, Луизиана и южной части штата Миссури, огнем и мечом проходил по стране мирных земледельцев, сел люду смерти и разрушение. Он «увлекался убийством индейцев, как спортом», писали о нем современники.

И действительно, перед «подвигами» де-Сото и его армии бледнеют ужасы завоевания Перу и Мексики. Дымищиеся развалины деревень, горы трунов обозначали путь де-Сото.

Уже на севере Флориды ему пришлось иметь дело с индейцами, которые со времени Нарнаеса (1527 г.) поклялись бороться с пришельцами не на жизнь, а на смерть.

Выжигая индейские деревни, де-Сото захватывал уцелевших жителей в качестве проводников и рабов, а сопротивлявшихся безжалостно убивал; но и следовавших за ним ждала смерть от непосильного труда и голода.

После многочисленных приключений остатки когда-то блестяще снаряженной армии де-Сото — около 300 полуголодных и до крайности истощенных людей — на плохих самодельных судах с трудом добрались до берегов Мексики.

Не оправдавшие надежд завоевателей неудачные походы Колорадо и де-Сото отбили у испанцев охоту к дальнейшим походам на север; в этом закончились их экспедиции вглубь Северной Америки. Во владении испанцев оставались Флорида и побережье Мексиканского залива на постое и территории, примерно соответствующие нынешним штатам Техас, Аризона, Новая Мексика, — на западе.

Развитие капитализма в Англии ознаменовалось успехами ее внешней торговли и созданием капиталистических торговых компаний, подготовивших колонизацию ряда стран. Для колонизации Северной Америки были образованы две торговые компании, обладавшие большими средствами: Лондонская (Южная, или Виргинская) и Плимутская (Северная). Королевские грамоты предоставляли в их распоряжение земли между 34 и 45° с. ш. и неограниченно вглубь страны, — как будто земли эти принадлежали не индейцам, а правительству Англии. С 1607 г. обе компании начали перепозку в Америку колонистов из Англии. Первыми колонистами были искатели приключений и всякие подонки общества, которых гнала за море жажда золота, легкой наживы. С 1620 г. среди колонистов появился другой элемент: в Америку (в северную колонию) направились английские пуритане («отцы пилигримы»), бежавшие от религиозных преследований у себя на родине. С другой стороны, в годы Английской буржуазной революции в американских колониях стали селиться английские эмигранты-аристократы («кавалеры»), не желавшие мириться с новым режимом на родине. Они оседали главным образом в южной колонии (Виргинии), впоследствии

составив ядро плантаторов-рабовладельцев, оплот реакционных сил Северной Америки.

Виргинские торговцы и поселенцы отнимали у индейцев землю преимущественно путем открытого захвата. Правда, впоследствии колонизаторы старались замаскировать свои действия. В американской и английской официальной истории расписываются на все лады мирные и даже дружелюбные отношения между колонизаторами и индейцами. В доказательство приводится брак дочери вождя конфедерации алгонквильских племен повхатан (Виргиния), «принцессы» Покахонтас, с английским офицером. Но эта показная романтика плохо прикрывает неприглядную действительность: на самом деле колонисты вели истребительную войну против хозяев страны — индейцев, отнимая у них землю. Захват земли шел очень быстро: всего за 12 лет со времени основания колонии в устье р. Джемс (1607 г.) англичане покрыли своими плантациями долину реки на 100 км вверх по течению. Так как работать на этих плантациях индейцы не хотели и никакими жестокостями не удавалось их к этому принудить, то колонисты стали попросту их истреблять, а в качестве рабочей силы ввозить (с 1619 г.) негров-рабов из Африки. Всего за несколько лет английские «друзья» индейцев почти начисто истребили племена Виргинии, несмотря на «родственные» узы, сплзанные самого могущественного из вождей виргинских индейцев с англичанином.

На севере, в Новой Англии, пуритане прибегли к иным средствам: они приобретали землю у индейцев путем мошеннических сделок. Впоследствии это дало повод буржуазным историкам утверждать, что предки англо-американцев не посягали на свободу индейцев и не захватывали их землю, а покупали их, заключая договоры с индейцами. Всем известно, какие это были договоры: за горсть пороха, спизку бисера и т. п. можно было «купить» прекрасный участок земли, причем нередко индейцы оставались в неведении о существовании заключенной с ними сделки. В фарисейском сознании своей юридической правоты поселенцы сгоняли индейцев с их земель; если индейцы не соглашались уходить со своей земли, колонисты прибегали к массовому предательскому их истреблению, в чем богобоязненные пуритане вряд ли уступали испанским завоевателям. Особенной жестокостью отличались колонисты наиболее нетерпимой в религиозном отношении колонии Массачусетс.

В Пенсильвании, колонии, основанной в 1681 г. Уильямом Пенном и его единомышленниками — квакерами, подвергавшимися жестоким преследованиям у себя на родине¹, имела место попытка сохранить мирные отношения с коренным населением. И здесь европейцы «покупали» земли индейцев, но не истребляли людей. Однако, когда между английскими и французскими колониями начались войны (1744—1748 и 1754—1763 гг.), в которые оказались вовлеченными местные индейцы на стороне французов, квакеры Пенсильвании не остановились перед тем, чтобы повести истребительную войну против индейцев, продолжанную до полного вытеснения их из пределов колонии.

Церковь проповедовала, что избиения индейцев угодны господа богу, желавшему, чтобы язычники были истреблены и чтобы их место было занято христианами. В документах того времени (XVII в.) сообщается, что некий пастор, услышав об уничтожении большого индейского селения, поднялся на кафедру в церкви и восхвалял бога, благодаря его за то, что в этот день было отправлено в ад шестьсот «языческих душ».

¹ Религиозная секта квакеров возникла в Англии в XVII в.: квакеры отрицали церковную организацию, духовенство, внешнюю обрядность, отвергали всякое насилие и войну.

По аналогичному случаю в церквах Манхэттена (остров, на котором впоследствии вырос г. Нью-Йорк) был установлен в 1637 г. даже особый «благодарственный день».

Позорную страницу колониальной политики в Северной Америке представляют так называемые «scalp bounties» — премии за скальпы. Как показали серьезные историко-этнографические исследования (Георг Фридрици), обывательское мнение о том, что обычай скальпирования (срезания кожи с волосами с головы убитого врага в качестве трофея) был издавна широко распространен у индейцев Северной Америки, совершенно неверно. Прежде он был знаком только немногим племенам восточных районов, но и у них применялся сравнительно редко. Лишь с приходом колонизаторов этот варварский обычай действительно стал распространяться все шире и шире. Причиной этого было прежде всего усиление междоусобных войн, которые сознательно разжигались европейскими колонизаторами; притом войны эти, с введением огнестрельного оружия, стали гораздо более истребительными, а распространение железных ножей (раньше употреблялись деревянные и костяные) сделало более легкой операцию срезания скальпа. Самое же главное — то, что колониальные власти поощряли обычай скальпирования, назначая премии за скальпы врагов — и индейцев и европейцев.

Первая премия за скальпы была назначена в 1641 г. в голландской колонии Новые Нидерланды (впоследствии — Нью-Йорк) — по 20 м вампума¹ за каждый индейский скальп (1 м вампума приравнивался к 5 голландским гульденам). С тех пор более 170 лет (1641—1814) администрации отдельных колоний неоднократно назначали премии (выражавшиеся в английских фунтах, в испанских и американских долларах) за скальпы индейцев, поощряя этим колонистов к массовому истреблению коренного населения. В 1755 г., во время войны между соперничавшими английскими и французскими колониями, командующий английскими силами предложил по 5 ф. за каждый пражеский скальп, индейский или французский, кроме того 200 ф. за скальп Дикого Кота, вожди делаваров, и 100 ф. за скальп отца Лелутра, французского миссионера-иезуита. Колония Пенсильвания, политику которой в отношении индейцев буржуазные историки выдавали за миролюбивую, в 1756 г. ассигновала 60 тыс. ф. специально на премии за индейские скальпы. Последняя премия такого рода была назначена в 1814 г. в Индиане.

Борьба за землю сопровождалась многочисленными индейскими восстаниями. Особенную известность получила так называемая «война короля Филиппа» (1675—1676 гг.), талантливое вождя одного из прибрежных алгонкинских племен (его индейское имя — Метакон), которому удалось поднять на борьбу несколько племен Новой Англии. Лишь измена группы индейцев, подкупленной колонистами, спасла последних от истребления и погубила дело «короля Филиппа».

К первой четверти XVIII в. прибрежные племена и Новой Англии и Виргинии были истреблены почти совершенно.

¹ Вампум — мелкие белые и лиловые бусы, вытачивавшиеся из раковин. Вампум употреблялся в качестве украшения и служил ходячей монетой не только в торговых сношениях индейцев между собой, но широко применялся и в торговле белых с индейцами (являлся колониальной валютой до 1693 г.). Своеобразны пояса или перевязи из вампума. Их делали из 11 ровных низок бус, которые переплетали поперек нитями, — получалось подобие ткани: белые и темные бусы образовывали различные фигуры — человечков, треугольники и т. д. Различные сочетания этих изображений имели определенное значение. Вампум-пояса заменяли в общественно-политических делах и межплеменных сношениях летописи, договоры и верительные грамоты; индейцы придавали огромное значение этим поясам.

Колонизация постепенно продвигалась вглубь материка. Пакавуле койны за независимость все земли до Аллеган были заняты, поселение же за Аллеганами запрещалось королевским законом 1763 г. Поэтому территории, лежащие за этим пределом, были английским колонистам неизвестны, и все дела с так называемыми «дальними индейцами», главным образом обменную торговлю, колонии Новой Англии и колония Нью-Йорк вели при посредстве Союза ирокезов (см. статью «Ирокезы»). Центром этой торговли в течение полутора столетий служило поселение Олбэни, основанное европейцами в 1615 г. при впадении р. Моганк в р. Гудзон.

Основание первых французских колоний в Америке падает тоже на начало XVII в. Движущей силой французской колонизации долгое время была лишь погоня за ценной пушниной; захват земли не играл для французов существенной роли, так как из Франции не было такого потока переселенцев, как из Англии.

Первая партия мехов была доставлена во Францию еще Жаком Картье (1536 г.). В 1608 г. был основан на р. Св. Лаврентия г. Квебек — центр колонии Новой Франции (Канады), оставшийся и позже, вплоть до наших дней, главным центром французского населения Канады. Основатель колонии, Самюэль де-Шамплен, он же первый ее губернатор, сумел завязать прочные торговые отношения с соседними индейскими племенами — гурунами и алгонкинами. Ему удалось добиться «союза» с ними, и он сразу же постарался, снабжая своих «союзников» огнестрельным оружием, натравить их на племена ирокезов, с которыми гуруны и алгонкины и прежде были во вражде и за спиной которых стояли английские колонисты.

Под охраною гурунов и их союзников Шамплен занялся исследованием области р. Св. Лаврентия и Великих озер; на берегах их начали основываться миссии¹ и торговые станции. Когда в середине XVII в., после жестокой борьбы с ирокезами, гуруны, а с ними и некоторые соседние алгонкианские племена были разгромлены, остатки их двинулись с р. Св. Лаврентия и оз. Онтарио на запад — в области, лежащие между Миссисипи и Верхним озером; за ними двинулись и скупщики пушнины. От индейцев французы услышали о великой реке на западе, а в 1670 г. узнали ее название — Миссисипи. В 1673 г. канадским губернатором был командирован для ее исследования торговец Жолье, к которому присоединился миссионер Маркетт. В сопровождении индейцев-проводников они, поднявшись по реке, впадающей в оз. Мичиган, дошли до притоков Миссисипи и далее спустились по ней до испанских владений, т. е. несколько ниже впадения в нее р. Арканзас, и вернулись назад. Это путешествие произвело сенсацию. И в Канаде и в самой Франции стали возникать разные планы освоения новых территорий. Один из канадских землевладельцев, Ла-Салль, получил королевский патент на торговлю в вновь открытых землях и организацию там факторий. В 1682 г. Ла-Салль проплыл по всему течению Миссисипи (низ и обратно вверх) и, объездив страну по обоим берегам реки собственностью французской короны, назвал ее в честь короля Людовика (Луи) XIV Луизианой.

¹ Большую роль в деле ознакомления с новыми колониями Франции и их населением сыграли миссионеры, вызвавшие в Канаду Шампленом, в частности францисканские монахи и иезуиты. Они ежегодно посылали в метрополию обширные отчеты о своей деятельности, заключающие в себе разнообразнейший материал по культуре алгонкинских и ирокезских племен (донесения иезуитов за 1610—1791 гг., собранные и опубликованные в 1896—1901 гг., составляют 72 тома).

В период французского господства называемая Луизиана обозначалась почти вся громадная область бассейна Миссисипи, от Великих озер до Мексиканского залива (включая и настоящее время, кроме собственно штата Луизианы, еще десяток других штатов)¹.

Мечтою Ла-Салля и стоявших за ним кругов было создание французского колониального царства от Атлантического океана до Мексиканского залива. При устье Миссури был построен форт Луи, который должен был охранять новые владения Франции от нападений англичан со стороны территорий ирокезов.

По следам Жолье и Ла-Салля в новую обширную область двинулись торговцы пушниной и миссионеры, охотники и авантюристы. Погоня за пушниной побудила французских мехоторговцев пройти весь материк от Св. Лаврентия до дельты Миссисипи; земледельческой колонизации, как первоначально и в Канаде, здесь не было.

В 1699 г. было основано первое французское поселение в устье Миссисипи — Розалия, место сбора кучишников пушнины, искателей приключений и бродяг. Богатства Луизианы стали предметом необузданной спекуляции в Европе и на американском материке. Позже сюда начали отправляться и колонисты-земледельцы, основавшие в 1717 г. в дельте Миссисипи город Новый Орлеан; его называли так в честь герцога Орлеанского, регента малолетнего короля Людовика XV.

Из-за колониальных вождедений Франции обострились англо-французские противоречия. Соперничество за господство на американском материке между обоими государствами длилось около 150 лет и сопровождалось колониальными войнами. Немалую роль в англо-французском соперничестве сыграла Компания Гудзонова залива, созданная в 1670 г. богатейшими торговыми домами Англии. Борьба между Англией и Францией за господство в Северной Америке закончилась в 1763 г., когда по Парижскому миру, после Семилетней войны, Франции принуждена была уступить Англии свои канадские владения и часть Луизианы, лежащую к востоку от Миссисипи, а Испании — западную Луизиану.

В последнюю англо-французскую войну за господство на американском континенте (1756—1763 гг.) особенно широко поллекались индейские племена, жившие на территории от Канады (р. Св. Лаврентия) до низовьев Миссисипи. В междоусобную войну были вовлечены и отдельные племена севера (мохавки на стороне англичан, делавары — на стороне французов) и мощные по тому времени федерации племен юго-востока. Одна из этих федераций — союз племен чоктанов — раскололась надвое, так как восточные селения вели обмен с торговцами Каролины и зависели от английской торговли, а западные — от французской. Индейцы истребляли друг друга во имя интересов соперничавших колонизаторов. Федерация чироков начала войну на стороне англичан, но когда в 1756 г. на боинох чироков, возвращавшихся домой после взятия совместно с англичанами французского форта Дюкен, напали немцы-колонисты (прельщенные объявленной денежной премией за скальпы «французских» индейцев) под командованием английского офицера и убили из них 40 человек, чироки озлобились и в отместку вся федерация чироков перешла на сторону французов (1756 г.). Тогда начались опустошительные нападения чироков на пограничные селения английских поселенцев.

¹ Наиболее ранними, правда довольно сбивчивыми, сведениями о жизни индейских племен этой громадной области мы обязаны также французским миссионерам, из которых заслуживают упоминания францисканец Эннекен (Hennequin, 1680 г.), Ля-Онган (La Fontan, 1688—1689 гг.) и иезуит Шарлевуа (Charlevoix, 1720—1744 гг.).

В 1759 г. губернатор Южной Каролины объявил войну чирокам, но колония была не в состоянии справиться сама с мощной федерацией и обратилась за помощью к главнокомандующему британских сил в Северной Америке; он выслал на помощь батальон и четыре роты шотландских горцев, которые разрушили несколько селений чироков. Но в 1761 г. колонии пришлось опять просить помощи. Была послана новая армия, на этот раз разорившая почти все селения чироков и уничтожившая их посевы кукурузы. Успехами своей операции британские армии в значительной степени были обязаны помощи индейцев-криков. Нейтральная до тех пор конфедерация криков воспользовалась возможностью свести счеты с враждебными ей чироками и присоединилась к англичанам.

Из крупных федераций юго-востока нейтральной в этой войне оставалась лишь федерация чикасагов, незадолго до того дважды разгромивших французов и их союзников чоктавов, своих давних врагов (в местных франко-индейских войнах 1736—1740 и 1750—1752 гг.).

Так в результате столкновений колониальных интересов европейцев индейские племена неизменно и последовательно вовлекались в борьбу и наносили друг другу тяжкий вред.

Окончание Семилетней войны многое изменило в Северной Америке. Перемена политической обстановки сказалась прежде всего на положении индейцев как английской, так и французской ориентации. К первым (проанглийским) племенам принадлежал главным образом Союз шести ирокезских племен. До сих пор могущество его держалось лишь благодаря соперничеству Англии и Франции, так как оба государства были заинтересованы в том, чтобы привлечь ирокезов на свою сторону, и заискивали перед ним. Индейцы французской ориентации, т. е. племена Канады и Луизианы, при господстве французов сохраняли известную независимость, так как французы, при слабом развитии земледельческой колонизации, были заинтересованы не столько в земле, сколько в самих индейцах как поставщиках продовольствия и пушнины и союзниках против англичан и ирокезов. Однако в тех случаях, когда французским колониальным властям была нужна земля индейцев, они вели себя не менее жестоко, чем англичане. Об этом свидетельствует позорная история истребления племени начей, стоявшего много выше окружающих его племен по культуре и сложности социальной организации. Принадлежавшие этому племени плодородные земли, расположенные в низовьях Миссисипи, находились на пути земледельческой колонизации французов. После захвата Луизианы французы вели с племенем начей в 1716, 1722, 1729 и 1731 гг. жестокие войны, окончившиеся истреблением и продажей в рабство большей части племени; остатки его бежали к соседним племенам мускогов, среди которых и расселились небольшими группами¹.

После падения французского господства началось интенсивное движение переселенцев из пограничных районов английских колоний на запад, в плодородные долины Огайо (прежде оно тормозилось наличием французской оборонительной линии). Сразу же возник вопрос о земле. Среди индейцев появилось недовольство политикой англичан, оказавшихся теперь господами положения и резко изменивших свою тактику

¹ Жизнь и судьба племени начей послужила материалом знаменитому французскому писателю конца XVIII—первой половины XIX в. Шатобриану для его прославленных когда-то романтических произведений «Натчезы», «Атала» и «Рене». Два последних романа неоднократно издавались в русском переводе (1802, 1803, 1805, 1806, 1891, 1894 гг.).

по отношению к индейцам; начались столкновения с колонистами. Брожение среди индейцев, широко распространившееся еще до полного окончания англо-французской войны, завершилось так называемым заговором Понтиака. Это была последняя попытка Франции удержать свои колонии в Америке, стоившая индейцам многих жизней.

Понтиак, вождь алгонкинского племени оттава, получив заверения французом в поддержке со стороны французских гарнизонов, еще не выведенных из некоторых фортов, и обещание помощи оружием, возглавил широкое восстание индейских племен в тылу английских колоний. Осенью 1762 г., когда прошел слух, что французы собираются отвоевывать у англичан обратно свои владения, он разослал гонцов ко всем племенам, живущим по округу Великих озер, по р. Огайо и ее притокам, и вниз по Миссисипи; гонцы несли с собой пояса вампумы и томагавки и призывали к восстанию против англичан. Племя за племенем принимало пояс и поднимало томагавк в знак своей солидарности с организаторами восстания. К Понтиаку примкнули многочисленные алгонкинские племена, а также виандоты (остатки гуронов) и сенека-ирокезы, в общей сложности около 18 племен; даже несколько племен с низовьев Миссисипи, справедливо опасаясь английской экспансии, согласились подняться на лодках на помощь восставшим, когда настанет весна. План, разработанный Понтиаком, обнаружил в нем талант стратега. Он не собрал всех племен вместе, чтобы не отрывать их от материальной базы, а назначил определенный день (им оказалось 2 мая 1763 г.), когда каждое племя должно было внезапно напасть на ближайший к нему английский форт, перебить гарнизон, а затем уже разгромить соседние селения колонистов. Сам он с племенами оттава, потаватоми, с виандотами и оджибвами должен был напасть на Детройт — важнейший форт, отнятый незадолго до того англичанами у французов. Расположенный на протоке между озерами Гурон и Эри, Детройт являлся ключом ко всей системе Великих озер, а следовательно, и к значительной части Луизианы (бассейну верхнего течения Миссисипи).

Англичане хорошо понимали значение Детройта, от которого зависело обладание западными областями, и все свои пограничные силы сосредоточили в нем, а также в форте Питт (теперь Питтсбург — на самом северном изгибе Огайо), запиравшем путь к низовьям Огайо и Миссисипи. Очень быстро под ударами индейцев пал целый ряд фортов, но осада Детройта, продлившаяся около шести месяцев, была безуспешна; осажденные все время получали подкрепления с востока, через оз. Эри.

Устав от затянувшейся войны, одно племя за другим стало покидать Понтиака. Надежды на победу окончательно рухнули, когда Понтиак узнал от французского губернатора, что между Францией и Англией заключен мир. Восставшие были предоставлены себе; французы лишь посоветовали Понтиаку прекратить бесполезную борьбу с англичанами.

В следующем году Понтиак сделал еще одну попытку поднять восстание среди племен, живших вдоль Миссисипи, но безуспешно. В августе 1765 г. ему пришлось отказаться от своих военных планов и заключить мир в Детройте.

Обе стороны, несмотря на неравную борьбу, индейцы не могли противиться возведению английских фортов на своих землях. Форты эти должны были, с одной стороны, обеспечить безопасность английским торговцам, отправлявшимся за Аллеганью в свои грабительские экспедиции. С другой стороны, постройка фортов преследовала и более далекие цели: замечая стремление своих американских колоний к независимости, лондонское правительство хотело создать в тылу колоний опору для предот-

вращения их попыток продвинуться за Аллеганы. Именно накануне войны английских колоний в Америке за независимость усилилось внимание метрополии к индейской политике. Лондон, как прежде Франция, искал путей привлечения индейцев в качестве союзников в надвигающейся войне с колониями. Торговля с индейцами приносила английским купцам огромные барыши. Один экспорт оленьих шкур из Чарльстона за 1731—1765 гг. давал английским торговым фирмам доход в 150 тыс. ф. ежегодно. А из портов Джорджии с 1765 по 1773 г. ежегодно вывозили оленьих шкур не менее чем на 200 тыс. ф.¹ Торговля с индейцами, не говоря уже о других источниках дохода, какие имела метрополия от своих колоний в Америке, явилась серьезной причиной борьбы Англии за удержание этих колоний. Еще в годы Семилетней войны английское правительство сосредоточило в своих руках все дела, связанные с индейцами, назначив двух агентов (управляющих) по делам индейцев. Управляющие проводили проанглийскую политику, демагогически заверяя индейцев, что только английское правительство поможет им сохранить свою независимость. С этой же целью, сразу по окончании англо-французской войны, в октябре 1763 г. была выпущена так называемая «Прокламация», обращенная к индейцам вwohl приобретенных территорий. В ней от имени английского короля Георга III все земли индейцев объявлялись их неотъемлемой собственностью, находящейся под покровительством короля; никто не мог ни селиться на этих землях, ни покупать их; право приобретения земель было предоставлено только королю и могло осуществляться его представителем (губернатором данной колонии или главнокомандующим английской армии в колониях) на собрании всех членов индейского племени.

И в Семилетней войне и в войне английских колоний за независимость индейцы, которым грозила непосредственная опасность вторжения колонистов на их земли, прислушивались к демагогическим обещаниям агентов метрополии. Многие племена поэтому решительно выступили против восставших колоний и оказывали помощь королевским войскам. Но эти их выступления не могли оказать существенного влияния на ход событий, тем более что некоторые племена, напротив, будучи заинтересованы в торговле с колонистами, приняли сторону восставших. Большая же часть племен осталась нейтральной.

Борьба американских колоний против метрополии была войной за независимость, войной справедливой, но народ Америки после ее победоносного окончания не пожал плодов своей героической борьбы. Власть досталась крупной буржуазии и плантаторам-рабовладельцам. Для индейцев же установление нового политического режима означало резкое ухудшение условий жизни.

Раньше крупные племена и союзы племен могли сохранять в известной мере если не свою независимость, то большую часть земель, используя противоречия между странами-колонизаторами, между американскими колониями и Англией. Теперь же они остались один на один с сильнейшим врагом, тем более опасным, что он уже не нуждался в индейцах как союзниках в борьбе со своими противниками.

Правда, с самого начала войны за независимость правительство восставших штатов, стремясь обеспечить себе поддержку индейских племен, приняло ряд мер, регулирующих отношения с индейцами. В 1775 г. при конгрессе был образован временный Комитет по делам индейцев...

¹ J. A. Alden. John Stuart and southern colonial frontier. Ann Arbor, London, 1944, стр. 17.

A Committee of Indian affairs, в 1776 г. ставший постоянным учреждением. А после провозглашения независимости США конгресс в своем воззвании в 1783 г. изложил основные принципы индейской политики: частная покупка земель была запрещена; индейские племена объявлялись полноправными «нациями», полномочными заключать договоры с США; все дальнейшие уступки землей отныне должны были оформляться особыми договорами с точным обозначением границ участков и утверждаться конгрессом и президентом. В последующих законах 1787, 1789, 1790, 1817 гг. эти основные принципы в отношениях с индейцами подтверждались. Подохла к этому «уважения» к суверенным правам индейцев выглядела гораздо менее красиво, чем торжественные заверения законов. Военный секретарь Мак-Генри писал в 1789 г.: «Искусство и практика добывания земли у индейцев вопреки договорам и законам и с риском вовлечь всю страну в войну стали столь дерзкими и получили такую поддержку со стороны влиятельных лиц, что становится необходимым усилить противодействие им»¹.

Капиталистическая колонизация территории Северной Америки Соединенными Штатами сопровождалась ограблением индейцев, проводившимся под вывеской договоров. Со времени войны за независимость до 1887 г. с индейскими племенами было заключено 370 договоров, по сути дела отнимавших у индейцев их земли; можно с уверенностью сказать, что ни один из них не был заключен индейцами добровольно.

Сами индейцы в это время хорошо понимали, что предложение «продать» землю чаще всего означало наглый обман. Любопытен в этой связи маленький эпизод, приводимый историком Прайсом. В Миннесоте в 1866 г. чиновник, уговаривая индейцев одобрить подписать договор о продаже всех удобных земель Соединенным Штатам, заявил, что, хотя ветры вот уже 55 лет дуют над его головой и посеребрили его волосы, он никогда не причинил вреда ни одному человеческому существу и, следовательно, уговаривает индейцев для их же добра. На эти красивые слова вождь племени ответил: «Ветры 55 зим веют и над моей головой и посеребрили мне волосы, но они не выдули еще моих мозгов»². Тем не менее договоры все-таки подписывались обманутыми или подкупленными вождями, и индейцам приходилось оставлять земли своих отцов и уходить на запад. Если американским чиновникам не удавалось подкупить вождей и таким образом заключить «договор», они прибегали к провокациям, в результате которых индейцам ничего не оставалось, как соглашаться на предлагаемые им условия. Использовался и метод открытого террора: в деревни врывались банды; они поджигали дома индейцев, убивали и калечили женщин и детей, уничтожали кукурузные посевы. А когда возмущенные индейцы оказывали бандитам вооруженное сопротивление, на месте действия появлялись регулярные войска, инсценировавшие победоносную войну, в результате которой индейцы оказывались начисто ограбленными. Такого рода «войны» США провели очень много. Разобщенные, плохо вооруженные племена индейцев, как бы ни были они мужественны, не могли противостоять сильному государству, имевшему регулярную, прекрасно вооруженную армию.

Но мечта об освобождении никогда не покидала индейцев. Чаще всего она принимала реакционную религиозную оболочку мессианских движений, в которых сочеталась проповедь отказа от всего, что принес с собой «белый человек», с призывом к борьбе против колонизаторов.

¹ L. Schmeckebier. The office of Indian affairs. Baltimore, 1927, стр. 84.

² A. G. Price. White settlers and native peoples. Melbourn — Cambridge, 1950, стр. 51.

В начале XIX в. среди индейцев распространилось учение Тенскватавы из алгонкинского племени шауниев. В американской литературе такие проповедники пришествия индейского мессии именовались пророками. Соплеменники считали Тенскватаву воплощением Манабозо, великого творца, — в соответствии с алгонкинской космогонией. Его учение типично для всех мессианских движений среди индейцев XVIII—XIX вв. В своих проповедях он запрещал войны между индейскими племенами, браки с белыми, употребление спиртных напитков, пошские одежды европейского покроя и материала, отращивание усов и бороды, добывание огня кремнем и огнивом и т. д.; словом, индейцы должны были отказаться от всего того, что было введено белыми, и тогда великий дух, рассердившийся на индейцев за то, что они отступили от старых обычаев, опять будет благосклонен к ним: будет много оленей и бизонов в их землях, не будет ни осы, ни других болезней, белые люди погибнут, и опять индейцы, как прежде, станут хозяевами своих просторов.

Хотя учение само по себе и не звало на активную борьбу, по оно способствовало объединению племен. Объединение действительно произошло, и во главе его стал брат «пророка» — Текумсе (Метеор).

Текумсе стремился объединить все индейские племена и прекратить расхищение индейских земель. В 1810 г. он посетил штаб американской армии и потребовал, чтобы американское правительство возвратило землю, незадолго до того «купленную» им у племени миами. Считая, что вся территория, занятая союзными племенами, принадлежит всем племенам в целом, Текумсе требовал, чтобы на продажу любого участка земли, принадлежащего одному племени, правительство США получало согласие всех остальных племен. В случае отклонения его требований Текумсе угрожал войной. Получив решительный отказ, он принялся энергично поднимать племена на войну. Виандоты были выбраны «хранителями неликого пояса (вампума) союза и возжигателями огня совета союзных племен».

Учение Тенскватавы и идеи Текумсе захватили множество племен — от племени черноногих по северной границе США до семинолов во Флориде.

Движение Текумсе совпало с англо-американской войной 1812—1814 гг., и это было не случайно. И на этот раз индейцы были обольщены английской дипломатией. Текумсе привел в британскую армию в Канаде 1500 воинов. Английская авантюра, однако, провалилась, а втянутые в войну индейцы были наголову разгромлены. Текумсе пал в бою (1813 г.). Американец, убивший его и надругавшийся над его телом¹, был прославлен прессой и избран на пост вице-президента США.

Разгром восстания был использован правительством США для решительного наступления на права индейцев. Карательные экспедиции против индейцев имели результатом тяжкие, неравноправные договоры, отнимавшие у бывших хозяев страны огромные территории. В походах против индейцев особенной жестокостью прославился генерал Джексон, избранный впоследствии президентом (1829—1837 гг.).

В капиталистической Америке не нашлось места для индейцев. Правительство США изыскивало средства навсегда избавиться от них. Средство было найдено — резервации. План переселения индейцев в своего рода заповедники, где бы они жили под полным контролем правительства, был осуществлен в самых широких масштабах. Правящие круги США

¹ С убитого была содрана кожа и из нее выделаны сувениры в виде ремней для правки бритв.

объясняли появление этой меры желанием уберечь индейцев от физического истребления, как будто не по приказу правительства американские солдаты уничтожали индейцев, не щадя ни женщин, ни детей.

«... Уход индейцев... спасет их от надвигающегося уничтожения и будет способствовать их благосостоянию. Опыт наглядно показал, что в нынешнем их состоянии они не могут быть включены ни в каких масштабах и ни в какой форме в нашу систему...», — заявлял президент США Монро¹.

В 1830 г. был издан закон об обмене земель индейцев восточных штатов на земли, приобретенные у индейских племен, живших западнее Миссисипи.

У индейцев прерий в недавно приобретенной Соединенными Штатами западной Луизианы была «куплена» большая область, получившая название «Индейской территории». Перемещение индейцев на запад поручалось военному ведомству. Индейцам торжественно обещали неприкосновенность их новых земель и всяческую помощь для устройства на новом месте. Завершения эти остались на бумаге. Индейцы были опять обмануты — и те, которых переселили на Индейскую территорию в резервации, и те, у которых была приобретена земля за р. Миссисипи под резервацию.

Переселение проводилось в этапном порядке, с помощью войск, и явилось одной из мрачайших страниц в истории коренного населения Северной Америки. Чтобы заставить индейцев уйти в резервации, власти не останавливались ни перед какими средствами: подкуп, обман, насилие неизменно сопутствовали «договорам» о переселении. Индейцы упорно, но тщетно боролись; иногда борьба эта затягивалась на несколько лет. Чирокки, например, наотрез отказались оставить долины Аллеганских гор, где они жили, и более десяти лет (1827—1838 гг.) защищали свое право самостоятельно решать свою судьбу. Вынужденное в конце концов уступить силе, все племя зимой 1838/39 г. под командой американских солдат по этапу отправилось в резервацию, потеряв в дороге от холода и лишений почти четвертую часть населения.

Восемь лет сопротивлялось насилию небольшое племя семинолов, жившее в северной Флориде. По договору 1832 г., подписанному вождями племени за спиной народа, семинолы должны были переселиться на Индейскую территорию в течение трех лет. Но большая часть племени отказалась выполнить условия договора, и один из вождей, главный виновник подписания его, был убит. Сопротивление возглавил молодой воин Оцеола, проявивший незаурядные стратегические способности. Борьба длилась бы и дальше, если бы Оцеола не был обманом захвачен в плен и не погиб в тюрьме. В племени взяли верх сторонники соглашения с правительством. И все же часть семинолов так и не подчинилась, уйдя в болотистые области полуострова, где сейчас живут потомки этих храбрцев.

Самое переселение индейцев происходило в ужасных условиях. Вот как описывает историк Форемац переселение индейцев конфедерации криков из Алабамы на Индейскую территорию: «...Группу из 630 человек собрали для отправки на запад, но продержали до зимы; шли в тяжелых условиях, гибли от холода и голода; только 469 человек достигли форта

¹ James M o n r o e. Senate of United States. Washington, 27 Jan. 1825. В кн.: H. S c h o o l c r a f t. Historical and statistical information respecting the history, condition and prospects of the Indian tribes of the United States. V. 3. Philadelphia, 1857, стр. 573.

Гибсон 28 марта 1835 г. Оставшиеся в Алабаме крики были спродигированы на выступление против своих мучителей, и туда были посланы войска. Индейцев (многие из них были в оковах) согнали в концентрационные лагеря, а затем отправили на пристань в Новом Орлеане. Один пароход затонул вместе с пассажирами. Другие партии индейцев, по 1000—2000 человек каждая, заставили пройти пешком через Алабаму и Теннесси. Холодной зимой 1836/37 г. более 10 тыс. криков прошли по снегам и льдам штата Арканзас. Весной их отправили из форта Гибсон на р. Канадскую, где было создано поселение Порт-Форк... Тысячи умерли в лагерях и в походе. Первые два года множество умирало от болезней; умерли почти все дети...»¹.

На новом месте индейцы оказались в самом бедственном положении. Точные границы резерваций не были определены: на одну и ту же землю претендовало несколько племен. На переселенцев нападали индейцы прерий, считавшие отвденные под резервации земли (которые были у них выманены американскими чиновниками подкупом и обманом) своими. Переселенцы не получили обещанной помощи: у них не было семян, сельскохозяйственных орудий, топоров; оружие у них отняли, и они не могли защищаться от нападений кочевых племен. И все-таки, несмотря на все трудности, эти земледельческие племена понемногу обжили новые земли, завели скот, построили деревни. В довольно короткий срок сумели они договориться с индейцами прерий и впоследствии оказывали на них большое влияние.

Однако очень скоро их относительный покой был снова нарушен. В 1845 г. Соединенные Штаты захватили Техас, в 1846 г. — Орегон, в 1848 г. — Калифорнию и все остальные земли от Орегона до Техаса. Индейская территория перестала быть западной окраиной США и оказалась в кольце американских поселений (рис. 1).

Правительство США начало, в нарушение всех договоров, сокращать владения индейцев, поручив это теперь не военному министерству, а созданному в 1849 г. Управлению по делам индейцев (Office of Indian affairs).

В 1854 г. северная половина Индейской территории была превращена в территорию Небраска, которая включала тогда и Дакоту; южнее ее была выделена территория Канзас, и лишь небольшая южная ее часть, где жили преимущественно индейцы так называемых «Пяти цивилизованных племен» — крики, семинолы, чоктапы, чикасапы и чироки, была сохранена как Индейская территория. Индейские племена в Небраске и Канзасе были принуждены продать большую часть своих земель. В Канзас хлынули новые поселенцы, и там, где в 1853 г. не было еще ни одного поселенца, в 1855 г. их насчитывалось больше 10 тыс., а в 1866 г. — уже 106,5 тыс.

К этому времени (1848 г.) относится открытие в Калифорнии золота. Началась знаменитая «золотая горячка»; толпы золотоискателей хлынули в Калифорнию. Уже весной 1849 г. около 20 тыс. золотоискателей и колонистов прошли по Орегонской тропе в Калифорнию. Они охотились по пути на бизонов, некоторые селились близ тропы на индейских землях.

Сплошные потоки переселенцев, едущих в поисках счастья на Дальний Запад, дали повод для появления популярного в США названия всей этой эпохи — «эпоха крытых фургонов».

Хуже всего в этот период «освоения» запада США пришлось индейцам самой Калифорнии и Орегона, жившим преимущественно собирательством

¹ G. F o r e s t a n. The history of Oklahoma. Norman, 1942, стр. 23.

и охотой. Правительство США, насильственно скупая их земли, загоняло их самих в мелкие резервации, где собирательство и охота прокормить их уже не могли.

Индейцы были лишены всякой защиты. Авантюристы, которыми были полны в те годы Калифорния и Орегон, превратили истребление индейцев в спорт. Иногда лишь они расходились по мнениям по поводу того, убивать ли всех или женщины следует щадить. Эти избиения в Калифорнии продолжались до 70-х годов; еще в 1871 г. индейцев травлили собаками, загоняли в пещеры и там пристреливали всех — и взрослых и детей¹.

Таким образом была истреблена большая часть индейского населения Дальнего Запада; некоторые калифорнийские племена к 1870-м годам совершенно исчезли с лица земли.

Печальную роль сыграло для индейцев открытие серебряных копей в Колорадо в 1859 г. На зверства переселенцев индейцы отвечали сопротивлением. Чейсны, команчи и кайова нападали на почту, несмотря на то, что ее сопровождали солдаты, и на поселения. В американской литературе и кино широко распространены сюжеты кровавых зверств «диких» индейцев, нападающих на переселенцев. Однако ни в одном фильме нет и следа тех ужасов, которые переживали индейцы при столкновениях с «цивилизованными» колонизаторами. Индейцы никогда не проявляли бессмысленной жестокости и не трогали женщин и детей. Их нападения на поселенцев были законной самозащитой против несправедливостей и бесчинств.

В войне Севера с Югом непосредственное участие приняли и переселенцы на Индейскую территорию племена. Командование армии южан возлагало на них большие надежды. Известный деятель южан Грип характеризовал индейские племена как «важнейшую силу на диком Западе..., которая может быть превращена в бесценное орудие защиты — в казаков Волги и Дона, так что они смогут полностью остановить продвижение... аболиционистов на юго-запад»². Но расчеты плантаторов не оправдались. Лишь зажиточные метисы-рабовладельцы сознательно стремились к союзу с южапами и повели за собой часть сородичей, загугав их перспективой потери земли в случае победы северян. Усиленно агитировали индейцев агенты южап, беспрестанно разъезжая по Индейской территории, покинутой в начале войны федеральными войсками. И все-таки уже в 1862 г. определилась тяга большинства индейцев этой области в армию Севера. Негры, бежавшие к индейцам от плантаторов, находили у родовых общинников радушный прием. Браки между индейцами и неграми были обычным явлением. Знающие английский язык, более культурные негры оказывали индейцам постоянную помощь. Очень часто, отправляясь в город на рынок, индеец брал с собой знакомого или родственника негра, чтобы не быть обманутым «белыми братьями». Иные негры знали кузнечное дело, земледелие было привычным занятием для них, поэтому присутствие такого человека в общине очень ценилось.

¹ Один из таких молодчиков писал:

«1865 г. Я часто спорил с Гудом об отношении к индейцам. Он полагал, что надо убивать каждого мужчину и каждого мальчика-подростка, но можно не трогать женщин в их горных убежищах. Для меня было ясно, что мы должны избавиться также и от женщин».

«1871 г. На следующий день белые выследили индейцев с помощью собак, загнали их в пещеру и там всех их перебили... Среди них было несколько детей».

Далее автор дневника пишет, что один из его друзей предпочитал убивать детей не из винтовки, а из револьвера.

² M. C o u l t e r. The Confederate States of America. 1861—1865, New York. стр. 49.

Псудивительно, что простые индейцы в конце концов выступили вместе с неграми против рабовладельцев — как белых, так и индейцев. Широко известно имя происходившего из ирокезского племени сенека генерала Паркера, отличавшегося доблестью и государственным умом. Паркер принимал непосредственное участие в переговорах о капитуляции армии южап генерала Ли.

Однако по окончании войны правительство США, не приняв во внимание существенной помощи индейцев, расправилось как с теми, кто был в армии южап, так и с теми, кто служил в войсках Севера, заставив племена Индейской территории пойти на новые значительные уступки земли.

Продолжавшееся переселение индейцев в резервации, проходившее при постоянном ожесточенном сопротивлении индейских племен, потребовало от правительства новых мер, чтобы успокоить возмущенные произволом властей племена. Была создана комиссия при сенате по рассмотрению претензий, возникавших из-за нарушений договоров и незаконных захватов индейских земель¹. Эта мера не означала, что правительство США всерьез собирается удовлетворять законные претензии индейцев: она должна была лишь успокоить индейцев небольшими подачками, а заодно упорить общественное мнение в неизменной заботе правительства о малых народах.

В 1869 г. был создан так называемый «Совет индейских комиссаров США» (United States Board of Indian commissioners). Совет комиссаров состоял из десяти человек, назначенных непосредственно президентом. Функция его заключалась в сотрудничестве с правительством для определения политики по отношению к индейцам. Совет был облечен очень широкими полномочиями. Инструкции, составленная президентом, давала совету право контроля над всеми мероприятиями Управления по делам индейцев и получения полной информации, право ревизовать индейские агентства и следить за их деятельностью, посещать всякого рода совещания и собрания индейцев, присутствовать при выплате им ренты и т. д. Фактически совет представлял собой своеобразный контрольный орган по делам индейцев.

Именно этот Совет явился инициатором различных законов и мероприятий, совершенно подорвавших общественный уклад племен и препративших индейцев в нищиз. Подготовка этих законов велась под маской научного изучения и детального обследования положения индейцев. Известную роль в деятельности Совета сыграли ежегодные конференции, созываемые в имени одного из членов совета — профессора естествознания Смайли. На конференции приглашались ученые, адвокаты, сенаторы, полевые работники — этнографы, учителя, агенты и другие чиновники Управления по делам индейцев, филантропы — представители всех профессий и слоев, в какой-либо мере имеющие отношение к индейцам. Последствия этой филантропической затеи для индейцев были самыми губительными. Здесь вырабатывались основы «индейской политики», выражавшейся в разрушении индейской культуры и разорении индейских племен. Первым чувствительным результатом деятельности Совета комиссаров был закон 1871 г. Издание этого закона разоблачало действительные отношения между господствующими кругами Америки и индейцами. Игра и договоры с «равноправными, суверенными нациями индейцев»

¹ Правительство США исчисляет свой долг индейцам за землю в полтора миллиарда долларов (к 1930 г.), что, конечно, совершенно несоизмеримо с ценностью отобранных у индейцев огромных территорий.

прекращалась: индейские племена болсе уже не признавались независимыми, договоры отменялись, контроль над резервациями удваивался путем назначения наряду с агентами Управления по делам индейцев еще и миссионеров.

«Буржуазия, повсюду, где она достигла господства, разрушила все феодальные, патриархальные, идилические отношения, — писали в «Манифесте Коммунистической партии» К. Маркс и Ф. Энгельс; — ...эксплуатацию, прикрытую религиозными и политическими иллюзиями, она заменила эксплуатацией открытой, бесстыдной, прямой, черствой»¹.

Следующим шагом было распространение на Индейскую территорию закона о гомстедах и издание закона 1887 г. — так называемого Акта Дауэса; с торжественными заверениями всех ранее заключенных договоров о неприкосновенности резервационных земель было покончено навсегда.

К моменту издания закона 1887 г. индейцы США в общей сложности владели еще 541 тыс. кв. км земли²; бо́льшая часть этой земли находилась в общинном пользовании. По новому же закону общинные земли нарезались участками, которые поступали индейцам в подворное владение³. В течение 25 лет участок освобождался от налогов и повинностей и продавать его не разрешалось. После этого срока индейская семья получала свой падел в частную собственность, а сами индейцы должны были стать гражданами США. Земли племени, оставшиеся от раздела, «излишки», продавались американским гражданам. Племенная организация отменялась, индейцы поступали под «опеку» правительства.

Проводя этот закон, правительство широко рекламировало свою якобы естественную цель — приобщение индейцев к «американскому образу жизни» через фермерское хозяйство и поднятие их благосостояния. На самом деле смысл закона был совсем иной. Разрушение племенной организации и уничтожение общинной собственности должны были ослабить индейцев, уничтожить их как самостоятельные этнические группы и облегчить захват их земель. Так оно действительно и получилось. Закон Дауэса позволил правительству отнять у индейцев львиную долю их земель в качестве «излишков». Всего, таким образом, было изъято 8 млн. 400 тыс. га лучшей земли. Но даже и оставленные индейцам земли не могли долго удержаться в их руках.

Простое товарное хозяйство индейцев, лишенное денежных средств и современных хозяйственных орудий, не выдерживало конкуренции с капиталистическими фермерами. Индейцы вынуждены были сначала сдавать свои участки в аренду, а по истечении 25 лет и продавать их. Постепенно их «наделы» переходили в руки крупных корпораций, разорявших в равной мере американских фермеров и индейцев.

К 1934 г. таким путем были переданы в частную собственность земли в 118 резервациях, и индейцы потеряли 60% земельных владений. Проведение раздела и распродажа земель Индейской территории, ставшей с 1907 г. штатом Оклахома, ускорились открытием здесь нефтяных

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Манифест Коммунистической партии, Госполитиздат, 1953, стр. 35.

² U. S. Congress. 72. Doc. 214. Survey of conditions of the Indians of the United States. Washington, 1933, стр. 34.

³ По закону размер участка был довольно велик (до 54 га), но использовать его индейская семья бо́льшей частью не могла, так как при разделе индейцы получали неудобные земли — болота, каменистые почвы, пески; кроме того, не имел средств, индейцы не могли приобрести сельскохозяйственные орудия, семена и все необходимое для ведения хозяйства.

месторождений. Нефтяные компании захватили в свои руки богатейшие месторождения, обнаруженные на землях индейцев оседлж и «Пяти цивилизованных племени» — чироков, криков, чоктавов, чикасавов и семинолов. Рента от нефтеносных участков обогатила некоторые группы метисов и индейцев, сумевших реализовать с выгодой свои наделы, и способствовала росту классовой дифференциации в индейских обществах.

Особенно нагубным оказался закон 1887 г. для резерваций, где были сосредоточены равнинные племена — сиу, чейены и др., особенно в штатах Дакота и Монтана с их засушливым климатом и мало плодородными землями. Этим индейцам, до 80-х годов прошлого века жившим только охотой на бизонов (несмотря на неуклонное, из года в год, сокращение бизоньих стад), было особенно трудно, почти невозможно, при создавшихся условиях перейти к земледелию, и они вели полуголодную жизнь, как-как перебиваясь в промежутках между сроками раздачи пайков, выдаваемых индейцам правительственными агентами в счет уплаты за уступленные земли. Старая же система их хозяйства была в корне подорвана хищниками-колонизаторами. Проведение трансконтинентальных железных дорог облегчило доступ в прерии, и сюда толпами хлынули из восточных штатов охотники, истреблявшие массу бизонов только ради их шкур и бросавшие неиспользованными ободранные туши. Это и ускорило исчезновение бизоньих стад: уже в 1882 г. в прериях нельзя было найти ни одного бизона. Индейцы прозябали на пайке, лишь не дававшим им умереть голодной смертью. Доведенные до отчаяния племена равнин, томившиеся в резервациях от безделья и сознания безнадежности своего положения, ожесточались против угнетателей.

В 1890 г. вспыхнуло движение индейцев, известное под названием «шляски духов». Охватив множество индейских племен, оно, как и мессианское движение начала XIX в., звало индейцев к отказу от всего, что несет с собой белый человек. Но вместе с тем индейцы, примкнувшие к нему, поднимались на активную борьбу и категорически отказывались продавать свои земли.

Жестоко подавило правительство США волнения индейских племен.

Под давлением общественного мнения в 1920—1930 гг. создаются различные организации по улучшению быта индейцев, неоднократно проводятся обследования экономических и бытовых условий жизни в резервациях. Во главе этих организаций стояли прогрессивно настроенные деятели Управления по делам индейцев, которое в 1930-х годах возглавлял Колье. Они были против насильственной ассимиляции индейцев, против политики «обращения индейца в белого», как тогда выражались, за развитие индейской национальной культуры.

Обследования выявили безотрадную картину нищеты, деградации и отчаяния опекаемых, произвол и коррупцию опекающих. «Американский образ жизни» предстал здесь во всей своей безобразной паготе. Любая сторона быта индейцев поражала обследователей своей неприглядностью. Выяснилось, что около 100 тыс. индейцев, или около трети общего их числа, не имеют постоянного жилища и живут у друзей, одноплеменников, родственников или ютятся где попало, — это большей частью те, кто продал свои участки.

Из обследованных жилищ более или менее удовлетворительными оказалось лишь 29 %. Около 40 % требовало серьезного ремонта, причем многие дома находились в таком жалком состоянии, что дешевле было бы построить их заново, чем ремонтировать. Остальные 30 % построек трудно считать человеческими жилищами: это либо землянки, либо хибарки, представляющие нагромождение пучков ящиков, досок, толя, брезента, соломы.

Иногда они снабжены железными временемками, чаще в них совсем нет печей. Нет и самой необходимой обстановки, даже постели, не говоря уже о мебели; нередко отсутствует какая бы то ни было утварь и кухонная посуда; все имущество семьи можно увезти на одной тачке. Не лучшее обстоит дело и с одеждой: сносная одежда у 68 % индейцев, а остальные 32 % индейского населения ходят в лохмотьях.

Что касается живого и мертвого сельскохозяйственного инвентаря, то из обследованных 32 939 индейских семей, владеющих землей и ведущих фермерское хозяйство, 57 % хозяйств оказались безлошадными, 67 % не имели плугов, у 76 % не было борон и т. д.; только у 25 % были коровы, у 2 % — овцы и у 1 % — козы.

Под давлением общественности в американском сенате и правительстве после опубликования результатов обследования началась борьба вокруг индейского вопроса. В результате в 1934 г. появился компромиссный закон о преобразовании быта индейцев («The Indian Legislative Reorganisation Act»), известный также под названием акта Уилера-Говарда («Wheeler Howard act»). Этот закон запрещал разделение земли племен на индивидуальные участки, аннулируя, таким образом, закон 1887 г. и прекращая дальнейшую уточку индейских земель. Далее закон предусматривал предоставление кредита индейцам при условии объединения их в кооперативы, и, наконец, закон выделял ежегодный фонд в 250 тыс. долларов на стипендии для индейской молодежи, поступающей в различные учебные заведения, высшие и специальные.

Председатель Коммунистической партии США Уильям Фостер писал по поводу этого закона: «После того как глупая реакционная политика правительства привела к дальнейшему обезземеливанию индейцев, причинив им вред и в других отношениях, на свет появился закон о реорганизации индейцев 1934 г. (Индейский новый курс). Этот закон требовал несколько иного образа действий, выражающегося в смутном признании прав индейцев на собственную культуру, и предполагал дать им землю и школы — обещания, однако, оставшиеся в большей части на бумаге, о чем свидетельствуют ужасные условия навахов и других юго-западных индейцев.

Индейские народы так и остались в глубокой нищете и национально-угнетении как повсюду в США, так и в Канаде»¹.

Предусмотренные законом 1934 г. меры имели и свою оборотную сторону. Искусственное консервирование племенной организации и вредных сторон старого быта для многих индейских народов, уже отходивших в прошлое, означали изоляцию индейцев от других народов США.

Реакционные круги США позаботились о том, чтобы именно эта сторона закона стала главной. Предлагая индейцам снова организовать в племена, правительство создавало систему непрямого управления ими — через индейскую зажиточную верхушку, всецело подчинявшуюся управлению по делам индейцев. Если обещанная помощь — ссуды и кредиты — в какой-то мере и доходила до индейцев, то использовалась в своих интересах зажиточными группами индейцев и метисов, объединившихся в торговые и производственные кооперативы. В соответствии с законом 1934 г., индейцам было обещано увеличение поливных земель. Индейский отдел Гражданского консервационного корпуса (С. С. С.), ведущего продолжением общественных работ силами безработных, провел ирригационные работы в ряде резерваций и сельских индейских обществ. Как правило, орошенные земли передавались крупным фермерам-пред-

¹ У. Фостер. Очерк политической истории Америки. М., 1953, стр. 822.

принимателям, сельскохозяйственным кооперативам, но не тем, кто так остро нуждался в земле, не индейской бедноте. Более того, мелкие индейские собственники сильно пострадали, вынужденные в соответствии с программой оздоровления почв сокращать посевные площади и поголовье скота. Надежды индейцев, вызванные законом 1934 г., совершенно не оправдались: вместо отобранных за 1887—1934 гг. 32 млн. га земли индейцы получили в виде жалкой подачки 810 тыс. га¹.

Изъятие земель у индейцев не прекратилось и теперь. Особый интерес в правительственных и военных кругах США вызывают месторождения урановой руды и гелия. Индейцы вынуждены также уступать свои земли под полигоны, военные сооружения. Систематическому ограблению подвергаются лесные и другие естественные богатства на территориях проживания индейцев.

Так, например, в августе 1947 г. был подписан закон об изъятии у индейцев принадлежащей им земли в национальном заповеднике Тоагас (Аляска). Закон дает министру земледелия право продавать на принадлежащих индейцам землях лесоматериалы, а вырученные деньги вносить в депозит, впредь до урегулирования вопроса о претензиях индейцев. О том, как происходит это «урегулирование», газета «Пост меридиан» сообщала:

«Не предусмотрено никакого механизма для получения денег из депозита, когда эти претензии будут признаны и удовлетворены, если это вообще когда-нибудь произойдет».

Критикуя этот закон, бывший министр внутренних дел Икес в статье, опубликованной в газете «Нью-Йорк пост» 21 августа 1947 г., писал: «В оправдание захвата ссылаются на то, что министерство земледелия якобы хотело содействовать организации на Аляске целлюлозной промышленности». Далее Икес заявил: «Индейские земледельцы были готовы начать переговоры с правительством или целлюлозными фирмами. Единственное, чего они хотели и на что по всей справедливости имели право, это уплаты настоящей цены за их лес».

В другом номере той же газеты Икес добавляет, что индейцы хотели сами организовать производство газетной бумаги. Он указывает, что результатом продажи индейских лесоматериалов фабрикантам газетной бумаги будет не удешевление ее, а «большие барыши для целлюлозных заводов за счет притесняемых индейцев».

В день подписания президентом вышеупомянутого закона газета «Нью-Йорк геральд трибюн» опубликовала письмо секретаря одной из общественных организаций, созданных в защиту прав индейцев, — Национального конгресса американских индейцев, — Рут Броусон. Автор его пишет, что кампания за экспроприацию лесоматериалов у индейцев Аляски вызвана именно тем, что эти индейцы «начали сами создавать собственные лесопильные заводы и лесную промышленность на землях, право на владение которыми было недавно подтверждено».

Современное положение индейцев США

По данным 1950 г., в США живет 400 тыс. человек, числящихся индейцами.

По определению закона 1934 г., индейцами считаются лица индейского происхождения, являющиеся членами какого-либо официально

¹ U. S. Congress 76. Hearings before a Subcommittee of the Committee of Indian affairs. Survey of the condition of the Indians in the United States. Washington, 1940, стр. 21227.

признанного племени, а также все потомки упомянутых лиц, живущие в пределах индейской резервации. По этим же признакам в число индейцев попадают метисы и эскимосы Аляски¹.

Современные индейцы США различаются по месту жительства, образу жизни, юридическому положению. Большая часть их (300 тыс.) живет в резервациях (рис. 2): индейцы из восточных областей и индейцы прерий поселены, как правило, вдали от областей прежнего обитания. Правительство США последовательно проводило систему дробления крупных племен на части и расселяло их по разным резервациям. Целью этой системы было обессилить индейцев, лишить возможности объединяться в борьбе за свои права. Таким образом, крупные племена оказались расселенными по разным резервациям вместе с иноязычными и часто в прошлом враждебными им племенами. Союз ирокезов, внушавший уважение и страх колонизаторам, давно разобитен: племена, некогда входившие в него, разбросаны по 16 резервациям; индейцы сиу-дакота, храбро боровшиеся за свою независимость, живут в 11 небольших резервациях штатов Южная и Северная Дакота.

С другой стороны, при поселении индейцев в резервации старались соединить разноязычные племена: индейцы пима (язык пима) и марикона (язык юма) — в резервации Гила-Ривер, Аризона; арапахов (язык алгонкинский) и шошонов (шошонская группа юта-ацтекской семьи языков) — в резервации Винд-Ривер, Вайоминг; хупа (язык атапасков) и юроков (алгонкинская языковая семья) — в резервации Хупа-Уеллей, Калифорния; северных чейенов (алгонкинов по языку) с абсароками (сиу) — в резервации штата Монтана и т. д. В штате Оклахома, где формально резерваций не существует, индейцы живут главным образом в сельских местностях близ городов, где находятся агентства Управления по делам индейцев, несущие надзор за ними. И здесь совместно живут самые различные по языку индейцы: на северо-востоке Оклахомы поселены шауни (алгонкины), сенеки (ирокезы), куалавы (сиу), модоки (орегонская группа); на юго-западе штата вместе живут делавары (алгонкины), вичиты (кэддо), команчи (шошоны) и апачи (атапаски). Этот список можно было бы продолжить.

Совместная жизнь разноязычных племен не могла не отразиться на их культуре, в том числе и на языке, и не повлечь за собой изменения этнического состава индейских обществ.

Живущие в тесном общении друг с другом, объединенные общими интересами, вступая между собой в браки, обучая детей в одних и тех же школах, индейцы не могли сохранить неизменным свой этнический состав.

Даже в тех случаях, когда вместе живут некогда враждовавшие племена, между ними, хотя и медленно, налаживаются добрососедские отношения, заключаются браки и т. д. Наиболее показательна в этом отношении Оклахома, где большая часть индейцев уже с первой половины XIX в. живет в тесном контакте, укрепившемся за годы совместной борьбы за независимость Индейской территории.

Еще большую роль в изменении этнического состава и культуры индейцев играет общение с «белыми». Уже в годы колонизации переселенцы, жители «границы», нередко вступали в браки с индианками. Иногда это были чисто дипломатические союзы, вроде женитьбы Джонсона, од-

¹ U. S. Congress 76. Wheeler-Howard Act-exempt certain Indians. Hearings before the Committee on Indian affairs. Washington, 1940, стр. 4.

ного из управляющих делами индейцев, на ирокезке, или браков поселившихся в индейской деревне торговцев с дочерьми пождей.

Смешанные браки имеют место и сейчас. В штате Оклахома метисы составляют значительную часть населения; лица, имеющие в отдаленном прошлом индейских предков, встречаются в США повсеместно. В последнее время таким происхождением даже принято щеголять, особенно если родство с индейцами отдаленное и далнее.

В резервациях юго-запада, особенно в резервациях навахов, хони, зуни, довольно изолированных, эти процессы протекают значительно медленнее.

Гораздо более серьезное значение, чем смешанные браки, имеет для индейцев влияние окружающего их капиталистического общества. Изоляция индейцев носит односторонний характер: они не имеют права уходить без разрешения из резервации, нанимаются на сельскохозяйственные сезонные работы только через подрядчиков, мало общаются с рабочими других национальностей, чему способствуют и порядки в лагерях для рабочих, и незнание языка, но самые резервации и индейские общины связаны с капиталистическим рынком через многочисленных посредников, торговые корпорации и т. д. Товарные отношения, отношения частной собственности порождают классовую дифференциацию у индейцев. Правда, из среды индейцев выделилась преимущественно только сельская буржуазия, главным образом метисного происхождения, очень слабая и немногочисленная.

Для многих индейцев США родоплеменная организация давно отошла в прошлое. Этому способствовали включение индейцев в систему капиталистических отношений, господствующих в стране, и прямая политика разрушения общественной организации индейских племен. Ряд живущих в отдельных резервациях племен, у которых к тому же раздел земли и передача ее в частную собственность проведены были не полностью (навахи, арапахи в Вайоминге и некоторые другие), до сих пор сохраняет общинные отношения. Но в большинстве индейских обществ первобытно-общинные отношения уступили место новым: появилась частная собственность на средства производства, образовалась кулацкая верхушка, эксплуатирующая своих единоплеменников. Первобытно-общинные отношения вытесняются классовыми. Во многих обществах, однако, эксплуатация еще окутана оболочкой родственных отношений, угнетение богатыми бедных проводится под прикрытием «братств», «тайных обществ», обычай родовой взаимопомощи и других институтов первобытно-общинного строя, наполненных новым содержанием.

Для многих индейцев рамки племенной организации, попытки восстановления которой делались в соответствии с законом 1934 г., являются возвращением к уходящему прошлому: родоплеменная организация, экзогамия, родоплеменная взаимопомощь не сохранились; производственные отношения у них построены на капиталистической основе. Это прежде всего относится к индейцам Оклахомы, где частная собственность на средства производства появилась раньше, чем у индейских племен других областей.

Факты показывают, что искусственные меры не прекращают экономического расслоения в индейской среде и никак не ограждают индейцев от типичных для капиталистического общества процессов разорения большинства трудящихся и обогащения ничтожной кучки населения.

Вместе с тем в индейских резервациях идет процесс слияния родственных по культуре и языку групп в один народ (в резервациях, где поселились индейцы сиу, говорившие в прошлом на диалектах одного языка;

в общинах индейцев бывшей конфедерации криков и т. д.). Там, где поселенные вместе индейцы принадлежат к разным языковым группам, этот процесс, естественно, затруднен и общение между разноязычными индейцами происходит на английском языке или языке доминирующего по численности и культурному развитию народа. В качестве примера можно указать на переход к мускогскому языку индейцев племени ючей.

В некоторых случаях можно говорить о складывании народностей. Так обстоит дело, например, у чироков, чоктавов и криков Оклахомы, имеющих свой письменный язык, свою интеллигенцию, общность культурную, экономическую и территориальную. Но большей частью пути национального развития отдельных индейских групп, в особенности групп смешанного этнического состава, пока остаются неясными. Американские монополистические круги не заинтересованы в экономическом и культурном развитии малых народов страны, в том числе индейцев. Тормозит и процесс этнического развития индейских народов. Рассматривая индейцев как резерв дешевой рабочей силы, американские капиталисты заинтересованы как в разобщении самих индейских народов, так и в изоляции индейцев от остального населения страны.

Юридически все индейцы с 1924 г. являются гражданами США, одновременно оставаясь под опекой правительства; однако некоторые штаты, где проживают индейцы, не признают за ними гражданских прав. Так, в штатах Новая Мексика, Аризона, Калифорния индейцы были лишены избирательных прав на том основании, что они находятся под опекой федерального правительства; в других штатах индейцев не допускают к избирательным урнам потому, что они не являются налогоплательщиками. Да и для индейцев остальных штатов при существующей в стране системе избирательных цензов избирательное право не более как фикция. Индейцы часто просто боятся регистрироваться на избирательных пунктах¹.

Индеец, живущий в резервации и находящийся под «опекой» правительства США, обладает ограниченными юридическими правами, не имеет права заключать какие-либо торговые сделки, отсудить на суде и т. д. Эта система лишает индейцев возможности самостоятельно действовать и ставит их в зависимость от множества агентов-посредников. Одним из таких посредников выступает прежде всего Управление по делам индейцев, которое извлекает немалые выгоды из зависимого положения своих подопечных. Недалеко как в 1952 г. Управление продало 12,8 тыс. га лесных массивов, принадлежавших одной из индейских резерваций штата Ваппингтон. Компания, выгодно купившая лес по пониженной цене, щедро отблагодарила чиновников из Управления. Когда же индейцы возмутились действиями Управления, нарушившего право владения индейцев, глава его Уорреп заявил: «Пельзя предоставлять полные права людям, не владеющим английским языком»².

Индейцы — члены племени — формально не являются налогоплательщиками. Тем не менее они платят налоги: во-первых, установленные советом племени; во-вторых, налагаемые на них властями штата — за землю и другую собственность, которая находится вне резервации, за частновладельческие участки в пределах резервации, за проезд по дорогам штата,

¹ N. Houghton, Wards of the United States. «Social Science Bulletin», v. XVI, № 3, Tucson, 1946, стр. 49.

² «Daily Workers». New York. 25/VII 1952.

пользование газOLIном, езде в автомобиле и пр.¹ Лишенные гражданских и политических прав индейцы также не освобождены от многочисленных повинностей.

Индейцы фактически не имеют самоуправления. В резервациях за каждым их шагом следят агенты — чиновники Управления по делам индейцев. Советы племени не могут самостоятельно решить ни одного вопроса. Их полномочия вообще очень ограничены: совет племени имеет право заниматься только вопросами народного образования, здравоохранения, благоустройства и т. д. Там, где индейцы живут не в резервациях, а небольшими сельскими обществами, как в Оклахоме, они избирают деловые комитеты, имеющие совещательный голос при местном агентстве. В советы племени, как и в деловые комитеты, проходят закиточные индейцы и метисы, сотрудничающие с американскими чиновниками. По все вопросы решаются за спиной основной массы индейцев. Активность их в мероприятиях, проходимых американскими властями, чрезвычайно слаба. Так, в голосовании за принятие закона 1934 г. в селении индейцев пуэбло Акома из 597 человек, имеющих право голоса, приняли участие в голосовании 283, в селении Санто-Доминго из 476 голосовали только 172, в резервации Кламат (штат Орегон) из 666 — лишь 5—6 человек, в резервации Пайн Ридж, где поселена часть индейцев дакота, из 4075, имеющих право голоса, проголосовало всего 1169 индейцев².

Во всех областях хозяйственной, политической, культурной и общественной жизни индейцы ущемлены в правах, подвергаются дискриминации.

Как и для негров, мексиканцев, филиппинцев, для индейцев существует система неравной оплаты за равный труд. С наступлением кризиса индейцы первыми оказываются без работы. Индеец, прибывший в город, даже имея средства, не во всех кварталах сможет снять дом или поселиться в хорошем отеле, не будет обслужен в большей части ресторанов³. В штатах Делавэр, Миссисипи и Каролина существует раздельное обучение для детей «белых» и индейцев (так же как и негров). Расовая дискриминация индейцев простирается и на их семейно-правовые отношения: в 15 штатах запрещены браки между «белыми» и индейцами. Все эти притеснения направлены к изоляции индейцев, имеют целью воспитание народов США в духе национальной вражды.

Так называемая «индейская проблема», о которой в США написаны тысячи книг, тесно связана с тенденциями развития капитализма. «Индейский вопрос» всегда был вопросом аграрным и, как исстует из ознакомления с основными этапами национальной политики США по отношению к индейцам, все «индейские» законы диктовались стремлением отнять у индейцев землю. Ограбленные индейцы попадают в ряды наименее обеспеченных слоев сельского населения США.

Американский публицист Мак-Вильямс сообщает: «В хлопководстве Аризоны заняты представители еще одной расовой группы. В Аризоне живет три индейских племени — напаго, пима и марикоба. Эти три племени насчитывают около 11 700 человек, и о них говорят, как о «самых бедных индейцах в Соединенных Штатах». Они имеют то преимущество перед другими сборщиками хлопка, что постоянно проживают в данной

¹ N. Pough ton. Ук. соч., стр. 17.

² Wheeler-Howard Act-exempt certain Indians..., стр. 393.

³ У. Фостер. Ук. соч., стр. 721.

местности и после окончания сезона их можно отправить обратно в резервации»¹.

По данным Бюро трудового устройства индейцев в Фениксе (Аризона), в 1946 г. на сборе хлопка было занято 4—6 тыс. индейцев. Шишли, служащий этого Бюро, вспоминает, что за один год он отправил в Аризону «пять товарных вагонов, набитых индейцами»². Ежегодно в Вашингтоне и Орегоне по сбору хмеля работает несколько тысяч индейцев из Британской Колумбии (Канада), Монтаны и Айдахо, но их никогда не допускают на сбор яблок, где заработная плата несколько выше³. На ягодные плантации Арканзаса ежегодно подридрички доставляют 300 индейцев чироков⁴. Список этот можно было бы продолжить, но и приведенные данные достаточно свидетельствуют о том, что индейцы, как и подавляющее большинство американского фермерства, экспроприруемого капиталистическими монополиями, разоряются, пополняя резервы избыточной рабочей силы.

Капиталистическое сельское хозяйство заинтересовано в рабочих-мигрантах, продающих свою рабочую силу на самых невыгодных для себя условиях. Индейцы США принадлежат к самым необеспеченным и беззащитным слоям сельского пролетариата. Резервации являются удобным источником наиболее дешевой и безропотной рабочей силы.

Тяжелое экономическое положение индейцев является следствием того, что правящие круги США всячески тормозит их экономическое развитие. Индейцы обречены жить в условиях малоземелья. Известно, что и те земли, которыми они владеют, большей частью непригодны для хозяйствования: резервации индейцев расположены либо в пустынных и горных местностях (резервация навахов), либо на землях, требующих искусственного орошения, на которое у индейцев нет средств, или в лесных областях. Разработка естественных богатств, имеющих в резервации, для индейцев тоже оказывается недоступной. В погоне за максимальной прибылью капиталисты США расхищают естественные богатства страны, не заботясь о ее будущем. Еще менее их тревожит судьба индейцев, у которых они отнимают не только удобные земли, но и лес, и полезные ископаемые, словом, все, что могло бы служить источником экономического благосостояния. Каждая попытка индейцев самим взяться за эксплуатацию естественных ресурсов встречает упорное противодействие. Резервации являются, как уже говорилось, лишь источником рабочей силы, и поднятие уровня благосостояния живущих там индейцев, развитие ими своего хозяйства не входит в планы американских капиталистов. Поэтому-то, в частности, были изъяты леса у индейцев Аляски, задумавших построить целлюлозную фабрику, о чем упоминалось выше. В октябре 1947 г. глинянты и хайда предъявили иск правительству США, не принявшему мер к охране принадлежащих индейцам земель от расхищений лесными компаниями, предприятиями по производству консервов и горнозаводчиками. Индейцы обвиняли правительство в поощрении захватов индейской земельной собственности, к тому же без всякой компенсации⁵.

В результате расхищения естественных богатств резерваций подавляющее большинство индейцев буквально нищенствует. Столь широко рекламируемый переход индейцев к земледелию и скотоводству — форменная

¹ К. Мак-Вильямс. Бедствующая земля. М., 1949, стр. 114.

² Там же.

³ Там же, стр. 91.

⁴ Там же, стр. 196.

⁵ «Правда», 19/XI 1947.

насмешка над голодными людьми. Страшно себе представить, что средний годовой доход, если можно употребить в данном случае это слово, индейцев сию «среднего достатка» перед второй мировой войной составлял 152 доллара¹. В племени хопи в 1942 г. он едва достигал 400 долларов. По сообщению этнографа Томпсон, более половины этого племени тогда же имело менее 300 долларов в год², в то время как, по самым скромным подсчетам, американская семья в этот период должна была иметь в год по крайней мере 3 тыс. долларов, чтобы не голодать. А у индейцев бывших «Пяти цивилизованных племен» — чироков, криков, чоктавов, чикасавов и семинолов, именуемых в официальной статистике «фермерами Оклахомы», средний годовой доход не превышает 54 долларов³, т. е. практически никаких доходов у них нет.

Индейцы шошоны, как сообщал этнограф Гаррис, обследовавший в 1937 г. одну из их резерваций в штате Невада, живут в крайней бедности: их ежегодный доход составляет от 350 до 600 долларов на семью в шесть человек⁴. Основным занятием этих индейцев является выращивание скота на продажу. Но оказывается, что у 20 % семей скот вообще отсутствует, большинство держит стадо в 10—12 голов и лишь две семьи имеют по 100 голов скота. Индейцы хопи выращивают овец и рогатый скот, но из 645 семей племени более половины не имеет скота⁵. Во всех резервациях картина одна и та же: индейцы-скотоводы не имеют скота и пастбищ; индейцы, издавна занимавшиеся земледелием, лишены поливных земель. Пищоточное подспорье получают они от продажи своих изделий: домотканых одеял красивой расцветки (папахи), ornamentированной глиняной посуды (пуэбло), игрушек и безделушек — крошечных мокассин, типи и пр. (нима, папаго, сию), серебряных украшений (навахи и пуэбло). Для индейцев, занимающихся как сельским хозяйством, так и мелкой промышленностью, чрезвычайно остро стоит вопрос о сбыте продукции. Они находятся в долговой кабале у скупщиков и лавочников, связанных с сельскохозяйственными корпорациями и рынком. К числу скупщиков принадлежат и зажиточные индейцы и метисы. Это они получили выгоды от закона 1934 г.: в их руки попали кредиты и ссуды на кооперативные товарищества. Зажиточных индейцев очень мало, но они крепко держат в руках индейскую бедноту. Им принадлежат лучшие земли, пастбища, скот; в их руках власть. Наиболее зажиточна буржуазия в племени осадж (Оклахома), на территории которого были открыты богатейшие нефтяные источники. Выгодная продажа нефтеносных участков принесла верхушке племени большие барыши.

Но вообще индейская буржуазия малочисленна и экономически слаба. Она почти не связана с производством и состоит главным образом из торговцев, посредников-скупщиков и рванье, вроде буржуазии осаджей, живущей на доходы от продажи нефтяных участков.

Мелкая индейская буржуазия еще менее, чем негритянская, способна противостоять натиску монополистического американского капитала, проникающего в резервации.

Индейские буржуазия и интеллигенция, сфера деятельности которых ограничивается лишь индейским обществом, отчасти заинтересованы в

¹ G. M c G r e g o r. Warriors without weapons. Chicago, 1946, стр. 49.

² L. T o m p s o n. Culture in crisis. A study of the Hopi Indians. New York, 1950, стр. 39.

³ У. Фостер Ук. соч., стр. 721.

⁴ J. H a r r i s. The White Knife Shoshoni of Nevada. Acculturation in seven American Indian tribes. Ed. R. Linton. New York, 1940, стр. 93.

⁵ L. T o m p s o n. Ук. соч., стр. 41.

сегрегации индейцев, что объективно «соответствует изоляционистской политике и интересам их империалистических угнетателей»¹. С другой стороны, система расовой дискриминации и сегрегации является главным препятствием для социально-экономического развития и индейской буржуазии и интеллигенции. Отсюда двойственность, противоречивость поведения индейской буржуазии, которая колеблется между стремлением сохранить изоляцию индейских народов и желанием добиться социального равноправия.

Часто индейская буржуазия, особенно в решающих вопросах борьбы за национальную независимость индейцев, занимает хотя и непоследовательную, но все же прогрессивную позицию.

Сей вражду между народами США, реакционные круги Америки стремятся представить индейцев чем-то вроде изгнанных правительством, своеобразных рабов, живущих на субсидии государства и не желающих работать. Эта версия не только оскорбительна для индейцев, но и ни в какой мере не соответствует действительности.

Если вспомнить, сколько земли было в той или иной форме отнято у индейцев, возникает законный вопрос: что же они получили за эти потерянные земли? Если верить договорам, индейцы должны были получать ренту, возмещающую их потери. Однако правительство покупало землю у индейцев за бесценок, выручая затем от продажи ее переселенцам, железнодорожным компаниям и спекулянтам огромные прибыли. Причитающиеся племенам суммы не поступали к индейцам непосредственно, но в виде ежегодной ренты должны были выдаваться деньгами, пищевыми припасами, семенным фондом и пр. На этом наживались поставщики, заключавшие контракты с Управлением по делам индейцев, обязавшиеся поставлять в резервации необходимые индейцам товары в счет ренты и сбывавшие таким образом ножи, браслеты, зеркала и прочую дребедень, в которой индейцы меньше всего нуждались. Немало наживались и агенты резерваций, не говоря уж о чиновниках из Управления. Пока индейцы не были вкопец ограблены при распределении общинных земель и тем самым ослаблены, правительство еще выплачивало им кое-какие суммы, полагая, что дешевле накормить индейцев, чем воевать с ними². В дальнейшем же индейцы должны были расплачиваться отработкой за небольшие подачки, делавшиеся правительством в счет сумм, причитавшихся им по ранее заключенным договорам, но так и не выплаченных полностью.

Конгресс США всячески тормозил и посейчас продолжает тормозить выплату своих долгов индейцам. Более 120 лет ведут индейцы конфедерации криком тяжбу с правительством, пытаясь получить возмещение за 9 млн. 200 тыс. га земель, отобранных у них в свое время в Алабаме, Джорджии и Миссисипи³. Но даже при удачном окончании тяжбы индейцам будет очень трудно получить свой деньги. До сих пор индейцы Калифорнии не получили 5 млн. долларов, причитающихся им по суду за земли, изъятые у них в 1851 г.

В соответствии с законом 1887 г., суммы, поступившие от продажи «излишков» племенных земель, должны были тратиться на культурное обслуживание индейцев: на строительство и содержание школ, здравоохранение, возведение современных удобных жилищ, приобретение одежды и т. д.

¹ Г. Хейвуд. Освобождение негров. М., 1950, стр. 254.

² L. Priest. Uncle Sam's stepchildren. The reformation of United States Indian policy, 1865—1887, New Brunswick, 1942, стр. 108.

³ «New York Times». 23/I 1953.

Но совершенно очевидно, что и эти средства не доходит до индейцев, фактически лишенных самого необходимого.

В большей части отчетов Управления по делам индейцев, а также в этнографических изданиях сообщается, что индейцы перешли в основном к современным американским формам жилища. По данным 1940 г., 54 729 индейских семей живет в обычных, удобных жилищах¹. Трудно ославить эту цифру, не имея под рукой проверенных данных. Но те

Рис. 3. Индейцы кикапу (штат Оклахома) до сих пор ютятся в вигвамах

же этнографические издания выдают с головой горе-статистиков. Известно, например, что многие индейцы не только не «перешли к новым формам жилищ», но и не могут этого сделать при всем желании. Навахи и сейчас ютятся в полуземлянках без окон и дверей, в лучшем случае отапливаемых железной переносной печкой. Бывшие индейцы прерий, некогда жившие в довольно теплых, крытых шкурами «типи», за неимением шкур для покрышек круглый год живут в брезентовых покупных палатках. В штате Оклахома, где, по мнению Управления, индейцы давно перешли к американскому образу жизни, племя кикапу строит себе вигвамы (рис. 3), т. е. попросту шалаши из веток. Что же представляют собой новые типы индейских жилищ? Это жалкие лачуги из досок, ящичков, старых автомобильных кузовов и прочего «строительного материала», которым пользуются жители многочисленных лагерей для безработных (рис. 4). Лишь очень немногие могут построить себе дом со всеми удобствами.

¹ «Twentieth century Indians today». Ed. G. McGregor, New York, 1945, стр. 29.

В одежде индейцев ощущается та же безысходная нищета. Свою национальную одежду большинство индейцев не носит: на ее шитье требуется много времени и средств, да она и неудобна в современной жизни. Индейская беднота большей частью одевается так же, как все бедняки сельских районов США. Лишь кое-где старики донашивают мокассыны, носят внакидку покупные дешевые одеяла, заплетают волосы в косички.

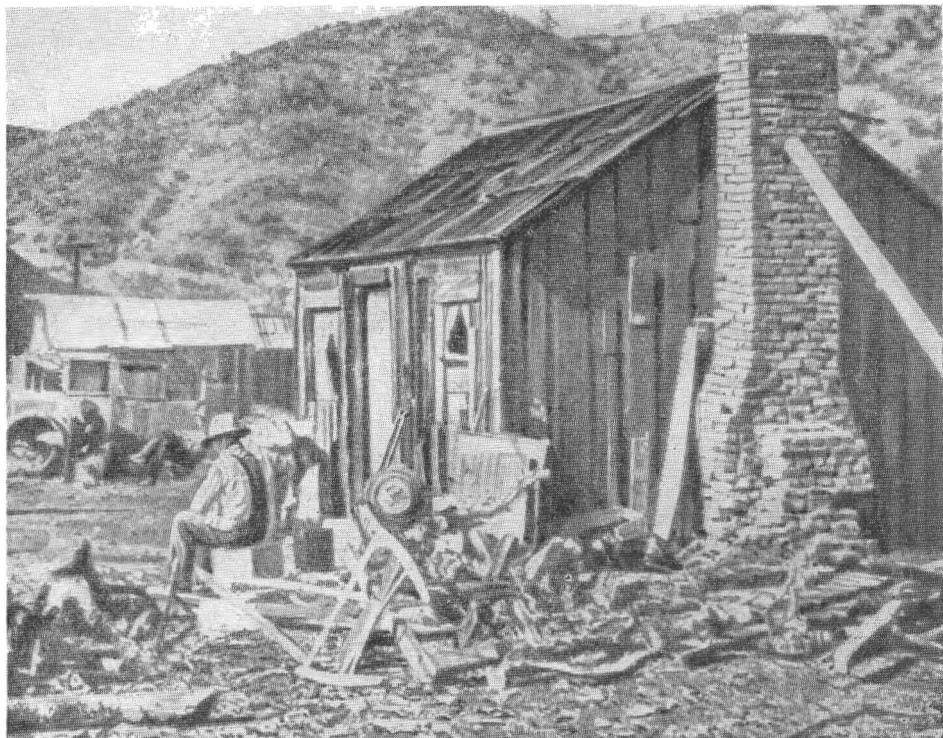

Рис. 4. Дом индейской семьи в Калифорнии

Питание индейцев очень скудно. Охотой, доставлявшей им мясо в достаточном количестве, индейцы уже давно не занимаются, так как животные, особенно крупные (олени, бизоны), истреблены. Скотоводство и земледелие доступны теперь далеко не всем индейцам; но даже те, у которых есть клочок земли и скот, не в состоянии прокормиться на своей ферме, приносящей ничтожный доход. Батраки и сезонные рабочие, нанятые по контракту, все заработанные деньги тратят в лавках при рабочих лагерях, где за продукты платят втридорога. Лавочники в резервациях бессовестно паразитируют на индейцах, пользуясь их незнанием английского языка и широко применяя систему долговой кабалы. Неудивительно, что индейцы считаются весьма «неприхотливыми». По словам уже упомянутого служащего Бюро трудового устройства Шилли, «в основном они питаются бобами»¹.

¹ К. Мак-Вильямс. Ук. соч., стр. 114.

Среди индейцев широко распространены болезни, вызываемые недостаточным питанием (пеллагра, желудочные заболевания и др.). При таких тяжелых экономических и жилищных условиях неудивительны ни большая смертность среди индейцев, ни обилие болезней, свирепствующих в резервациях. Особенно велика детская смертность: в среднем для индейцев США она составляет 110 случаев на 1000, у индейцев хохи — 180 на 1000¹, в то время как средняя цифра детской смертности для всей страны — 41 на 1000. На первом году жизни из-за истощения матерей, антисанитарных бытовых условий и т. п. умирают два-три индейских ребенка из десяти, а в племени панаго на первом году жизни умирает один младенец из четырех².

Смертность от туберкулеза среди индейцев в 20 раз выше, чем по всей стране³. В 60% всех случаев смерти у индейцев, эскимосов и алеутов Аляски причиной ее является туберкулез. Страшным бедствием индейских резерваций до сих пор остается трахома. 30% навахов заражено этой болезнью. Во многих резервациях индейцы вынуждены пользоваться загрязненными колодцами и источниками, что вызывает тяжелые желудочно-кишечные заболевания — брюшной тиф и др. В годы колонизации индейцы гибли целыми деревнями от эпидемий оспы, завезенной европейцами. Корь, до того также неизвестная местному населению, убивала не только детей, но и взрослых. Оспа теперь как будто ликвидирована, с остальными же болезнями не борются, — для этого нет ни средств, ни больниц, ни обслуживающего персонала.

До 1924 г. никакой регулярной врачебной помощи индейцы не получали. Но и сейчас положение немногим лучше. На лечение индейцев отпускаются ничтожно малые суммы. Подсчитано, что в среднем на медицинское обслуживание каждого гражданина США (не цветного) ассигнуется в пять раз больше, чем на индейца-наваха!⁴ При такой постановке дела понятно, почему в резервациях процветают, при попустительстве чиновников Управления по делам индейцев, знахари и шаманы.

Просвещением индейцев исцеляет Управление по делам индейцев. Фонды на образование выделяются частично этим Управлением, частично пополняются из средств, поступающих в виде налогов от самих же индейцев.

По данным 1939 г., около 50 тыс. индейцев, т. е. 40% всего взрослого индейского населения, не знали ни английского языка, ни испанского, распространенного в некоторых районах юго-запада США⁵. А ведь одной из основных задач отдела образования Управления почти в течение 50 лет было обучение индейцев английскому языку, в соответствии с программой усиленной американизации индейцев. Эта задача была возложена на школы-пансионы, обучение в которых создавало для индейцев большие трудности — они обязаны были покупать детям европейскую одежду, учебники⁶. Школы эти, как правило, находились в отдаленных от резервации городах. Попадали туда, индейские дети должны были забыть все, что связано с прежней жизнью в резервации, и прежде всего — родной язык. Дети изучали отвлеченные науки, которые, по познанию в резервацию, оказывались им совершенно не нужными; им старались привить отвра-

¹ L. Thompson. Ук. соч., стр. 61.

² У. Фостер. Ук. соч., стр. 721.

³ D. A. G. McNickle. «America indigena», 1953, № 4, стр. 273.

⁴ «The American Year-Book», 1948, стр. 601—602.

⁵ «The North American Indian today», ed. Ch. Loran and T. McIlwraith, Toronto, 1939, стр. 235.

⁶ A. Marriott. The ten grandmothers. Norman, 1945, стр. 241—242.

щение к образу жизни своего народа, презрение к обычаям и культуре индейцев. Некоторые из питомцев этих школ отрывались от своего народа. Другие однако не поддавались развращающему влиянию этой системы воспитания. Именно из этой среды вышла хотя и немногочисленная, но все же собственная индейская интеллигенция.

С 1929 г. в деле просвещения индейцев была произведена коренная реформа: из одной крайности педагоги из Управления по делам индейцев перешли к другой, не менее вредной. Если первая система обучения была связана с политикой насильственной ассимиляции, детрибализации индейцев, то вторая, введенная с 1929 г., предвосхищала новый курс закона 1934 г. Наряду со школами-интернатами появляются школы ежедневного посещения в самих резервациях. Здесь преподаются в основном практические знания и навыки — уход за скотом, огородничество, управление трактором и другими сельскохозяйственными машинами, которых, кстати сказать, у самих индейцев нет. Эта система обучения готовит из индейцев квалифицированных сельскохозяйственных рабочих, но знания свои им нигде применить, так как при найме им поручается самая тяжелая, простая и низкооплачиваемая работа. В таких школах даже преподавание английского языка признавалось необязательным, так что индейцы обрекались на совершенную изоляцию. Индейцы протестуют против узко технического образования, о чем свидетельствуют многочисленные жалобы в Комитет по делам индейцев при Конгрессе США. Довольно большое число индейских детей обучается в миссионерских школах, которые содержатся на средства самих индейцев и Управления по делам индейцев и обходятся очень дорого. Наиболее распространены школы при католических миссиях. Школ этих индейцы боятся, так как они знают, что детей там ждет принудительное крещение, голодный паек и тяжелый труд на отцов-миссионеров.

О том, каковы условия жизни индейских детей в большинстве школ, сообщает исследователь условий труда в США Вильсон:

«Их заставляют выполнять всякого рода принудительную работу в невыносимо ужасных условиях — часто в интересах личной наживы. Летом многие из них вынуждены работать на скольных плантациях Канзаса и Колорадо... их часто бьют и сажают в карцер за плохо выполненную работу. Многие из них в этих государственных учреждениях заболели туберкулезом и трахомой»¹.

Но даже таких школ у индейцев мало, да и не все дети могут их посещать: этому мешает и отдаленность школ от жилья, и отсутствие приличной одежды, и необходимость помогать родителям в полевых работах или на ферме. Управляющий по делам индейцев Брофи сообщал в 1947 г., что в индейских деревнях Аляски школу не посещают 2600 детей индейцев, эскимосов и алеутов потому, что в этих деревнях просто нет школ. По официальным данным за 1947 г., 120 тыс. индейских детей не посещали школы², а это, собственно, подавляющее большинство детей, если вспомнить, что общая численность индейцев не превышает 400 тыс. человек. О каком же народном образовании может идти речь!

Ни Управление по делам индейцев, ни миссионеры различных толков не жалуют сил на религиозное «воспитание» индейцев. Пальма первенства в этой области принадлежит католической церкви. Треть индейского населения США и Аляски официально числится католиками.

¹ W. Wilson. Forced labor in the United States. New York, 1933, стр. 22.

² «The American Year-Book», 1948, стр. 601.

Для «обращения» индейцев миссионеры не брезговали никакими средствами. Наиболее действенным из них оказалось лишение голодающих пособия. Индейцы всерьез сопротивляются покусению на их религиозную свободу. Одной из форм сопротивления является привнесение в христианские обряды древних верований и тайное совершение «языческих обрядов». Индейцы пуэбло, как правило, христианские праздники отмечают своими национальными плясками, посмотреть на которые приходит даже индейцы из Мексики.

Последнее время довольно широкое распространение получила так называемая «Туземная американская церковь», пытающаяся сочетать христианскую догматику с собственными верованиями индейцев. Это — перерожденное и лишенное бунтарского содержания мессианское движение XIX в., вписанное в русло учения о непротивлении злу. Другое название этой религии — «пейотизм». Идеологический смысл ее — пассивное осуждение всего, что не имеет отношения к старой культуре индейцев. Пейотизм связан со знахарской практикой. Одним из основных ритуалов этой религии являются собрания индейцев для совместного принятия пейотля — пилюль из мякоти кактуса, действующего как наркотик. В навязанных им грезах о прошлой счастливой жизни индейцы стараются найти забвение. Многозначительны слова одного из последователей пейотизма о действии наркотика, приведенные в книге об индейцах сиу: «Вы сами прекрасно чувствуете. Можете сидеть и видеть, как мимо едут государственные чиновники, и вам до этого нет никакого дела»¹. Слова эти — красноречивое свидетельство того, как тяжело переносят индейцы унизительный надзор, учрежденный над ними Управлением. Наибольшее распространение пейотизм имеет у бывших индейцев прерий, а также среди индейцев запада США. И чиновники Управления по делам индейцев и миссионеры смотрят сквозь пальцы на распространение наркомании в резервациях. Это и понятно — правящие круги Америки предпочитают, чтобы индейцы отравляли себя наркотиками и неясными грезами о прошлом, но не принимали участия в обостренной классовой борьбе и борьбе за национальное самоопределение, которую ведут трудящиеся США и угнетенные народы страны.

В тяжелых условиях сопротивления европейским колонизаторам и американскому капитализму, в изнурительной каждодневной борьбе за существование индейцы Северной Америки выказали необычайное мужество, выдержку и душевную стойкость. Через все трудности они пронесли и во многом сохранили свои культурные достижения, созданные упорным трудом. Ведь именно индейцы явились пионерами освоения американского материка. Они показали, что человек может в самых тяжелых условиях создать высокую культуру, извлечь максимум благ из суровой природы, имея лишь минимум средств.

Удобная, теплая меховая одежда охотников северных лесов Канады, разумно приспособленный к местным условиям быт, рыболовецкая культура, техника и опыт индейцев северо-запада; развитое ирригационное земледелие индейцев пуэбло, их строительное мастерство; замечательная техника плетения у индейцев Калифорнии — трудно перечислить все культурные достижения, навыки, изобретения, большинство которых было перенято впоследствии европейскими переселенцами. Индейцы создали богатейший фольклор. Образы и мотивы индейской мифологии, сказок, легенд прочно вошли в сокровищницу американской литературы, вдохновив не одного писателя и поэта.

¹ G. McGregor. Ук. соч., стр. 101.

Индийская архитектура юго-запада, изобразительное искусство, вышивки, народные танцы обогатили культуру и искусство народов США и Канады, хотя сами создатели этой своеобразной и во многом высокой культуры — индейцы находятся в угнетенном состоянии.

В капиталистической Америке индейцам, как и другим угнетенным национальностям, очень трудно развивать свою культуру. Правящий класс США не заинтересован ни в культурном росте индейцев, необходимым условием которого должно быть общение с трудящимся населением страны, ни в сохранении индейцами их старых культурных ценностей. Его более устраивает сохранение у индейцев предных пережитков, религиозных предрассудков или восстановление институтов первобытно-общинного строя, так как все это помогло бы держать индейцев в подчинении. Какая-то часть родоплеменной верхушки и шаманов цепляется за прошлое, проповедует национальную обособленность индейцев, стремясь монополизировать слою экономическую и идеологическую власть над индейскими трудящимися. Этой пропаганде поддается и часть интеллигенции, а также наиболее темные и забытые слои индейской бедноты. Управление по делам индейцев поддерживает вредные пережитки и обычаи, реакционные настроения в среде индейцев. За последние годы в резервациях процветает отправление древних религиозных обрядов: у индейцев сиу, шононов — «пляска солнца», у пуэбло — «змеиная» и другие, ставшие наполовину коммерческими предприятиями для привлечения туристов; как уже упоминалось, разрешена шаманская практика, пейотизм.

Многочисленная индейская интеллигенция стремится возродить национальное искусство; среди индейцев немало способных художников, скульпторов, артистов. Но Управление по делам индейцев ограничивает их деятельность рамками религиозной тематики, экзотики. На ежегодной выставке в Анадарко (Оклахома), посвященной культуре индейцев США, представлен только старый индейский быт: экспонируются религиозные обряды, пляски, экспонируются картины, написанные художниками примитивистами. Основная характерная черта официального индейского искусства — любование старинной, уход от современной тематики — отражает не столько запросы самих индейцев, сколько стремление заинтересованных кругов отвлечь внимание индейцев от насущных, острых вопросов современности.

Индийская интеллигенция пока еще не в силах противостоять этой политике. Для индейцев закрыта дорога ко всем интеллектуальным профессиям, кроме профессии артиста (только с индейской тематикой), проповедника (только в индейской церкви), учителя (только в индейской школе), мелкого служащего в агентстве при резервации или в Управлении по делам индейцев. Индеец с высшим образованием — большая редкость в США. Среди американских ученых люди индейского происхождения пасцитуваются буквально единицами, да и те главным образом метисы. Несколько человек из них связали свою научную и общественную деятельность с жизнью своего народа.

Еще в начале XIX в. талантливый самоучка Секвойя (1760—1843) создал чирокский алфавит. Сын немецкого эмигранта и дочери вождя чирокков, Секвойя был простым охотником. Он принадлежал к той части индейской интеллигенции, которая считала, что только просвещение поможет индейцам сравняться с белыми. Изобретенный Секвойей алфавит распространился не только среди чирокков, но и у других индейцев Оклахомы. На его основе издавались сначала библии, а затем стали выходить и газеты. Первой газетой индейцев был «Чирокский феникс», издававшийся с 21 февраля 1828 г. Известна газета криков «Индийский журнал». Обе газеты были насыщены

самыми острыми проблемами своего времени: борьбой за независимость, случаями коррупции агентов, вторжениями скотоводов на индейские пастбища и т. д.

Несмотря на искусственную изоляцию, нищету и бесправие, вопреки попыткам задушить национальную культуру индейцев, а самих индейцев низвести до уровня послушных рабов, современные индейцы США и Аляски далеко не отпадают от идеалу колонизаторов. Фостер пишет: «Это перлю, что индейские народы обнаруживают большую теплоту, держась за свой язык, религию, племенные обычаи и даже сохраняют частично свои общинные законы; в Мексике и других странах, где преобладает индейское население, есть много индейцев, живущих самым примитивным бытом. Тем не менее, основная масса индейцев живет в условиях капитализма и подчинена его экономическим и политическим законам»¹.

Последнее положение целиком относится к индейцам Северной Америки и в особенности к индейцам США, давно вовлеченным в капиталистическое производство. Совместный труд сельскохозяйственных рабочих-мигрантов, в составе которых — и индейцы, и люди других национальностей, сближает рабочих, независимо от цвета их кожи, вопреки системе неравной заработной платы, фашистской агитации, различным уловкам предпринимателей, имеющим целью разобщить трудящихся. В годы войны 30 тыс. индейцев работали на военных заводах бок о бок с американским пролетариатом. Индейцы активно участвовали во второй мировой войне — они были незаменимыми разведчиками и связистами, в частности потому, что их язык непонятен ни одному дешифровщику. Возвращаясь в резервации после победы над фашизмом, индейцы, так же как негры и ветераны войны других национальностей, надеялись на большие перемены в своей жизни. Война с фашизмом, которую Америка вела в союзе со свободными народами СССР, была для народов капиталистических стран большой школой борьбы за демократию.

Не случайно именно после войны усилилась политическая активность народных масс во всех странах, в том числе и в Соединенных Штатах. И индейцы все чаще поднимают голос в защиту своих прав. На весь мир прозвучала полная негодования и протеста жалоба ирокезов в ООН (1950 г.).²

Знаменательно, что копия жалобы была вручена группой людей ирокезов главе делегации СССР на пятой сессии Генеральной Ассамблеи ООН А. Я. Вышинскому как представителю страны, которая не только борется за мир во всем мире и отстаивает право на самостоятельное и равноправное развитие каждой нации независимо от того, какая это нация — «малая» или «большая», но и на деле привела к счастью и процветанию свои многочисленные народы.

Символично в этом смысле преподнесение И. В. Сталину, как главе Советского правительства, от имени 27 индейских племен США в качестве подарка обрядового головного убора вождя племени мохавков (рис. 5).

Индейцы протестуют против назойливой опеки чиновников США. «Нам не нужно никаких агентств», — заявляют они комиссиям сената, «изучающим» причины недопольствия индейцев. Они требуют прекращения политики изоляции индейцев, введения школ, где их дети могли бы получить всестороннее образование, протестуют против изъятия земель, расхищения природных ресурсов резерваций. Голос индейцев еще слабо слышен, их борьба разрозненна, индейцы малочисленны и разобщены. Немногочисленный индейский пролетариат не охвачен профсоюзными орга-

¹ У. Фостер. Ук. соч., стр. 68.

² «Правда», 26/X 1950.

низациями. Национальное освобождение индейцев неотделимо от борьбы американского пролетариата за демократизацию страны. Свою борьбу против расовой дискриминации негров, индейцев, мексиканцев и других национальных меньшинств американский пролетариат, возглавляемый Коммунистической партией США, рассматривает как часть борьбы за социальное освобождение от капиталистического рабства. «Не может быть свободным народ, угнетающий другие народы»¹. Об этом всегда помнят прогрессивные силы Америки. Защите прав индейских народов Коммунистическая партия США поставила одной из важнейших своих задач. В ее программе сказано: «Наряду с самыми необходимыми экономическими требованиями партия должна предусматривать требование установления элементарных политических прав индейцев и их национального самоопределения»².

Современное положение индейцев Канады

По данным 1950 г., в Канаде живет 120 тыс. индейцев, что составляет примерно один процент населения страны.

До прихода европейцев по огромным пространствам Канады были разбросаны кочевые охотничьи и охотничье-рыболовные племена, по тихоокеанскому побережью жили оседлые рыболовы и охотники на морского зверя, а в области озер Эри, Онтарио и р. Св. Лаврентия — оседлые земледельцы. К коренному населению Канады принадлежат эскимсы, группы ирокезских племен, сиу, ряд алгонкинских и атапаскских племен и несколько племенных групп тихоокеанского побережья (хайда, вакаши и др.).

Колонизация Канады захватила преимущественно узкую полосу вдоль границы США, и до сих пор большая часть жителей страны сосредоточена здесь, а остатки коренного населения сохранились преимущественно во внутренних лесных областях, на тихоокеанском и арктическом побережьях, да в резервациях юга страны. На первом месте по густоте индейского населения стоит Британская Колумбия, затем Онтарио. Меньше всего индейцев на о-ве Принца Эдуарда (295 человек в 1929 г.), в провинциях Новая Шотландия и Нью-Брунсуик. Большая часть индейцев Канады вымерла. Совершенно исчезло с лица земли населявшее о-в Ньюфаундленд племя беотуков. Его уничтожили французские колонизаторы и соседи беотуков — микмаки, получавшие от колониальных властей плату за скальные беотуков. Сильно пострадали в годы колонизации индейцы, жившие по берегам р. Св. Лаврентия и Великих озер, — они стали жертвами распри англо-французских колонизаторов.

Множество индейцев погибло от заразных болезней, завезенных европейцами. Многочисленные и сильные племена кри (алгонкины) так и не оправались от двух страшных эпидемий оспы (1784 и 1838 гг.) и эпидемий инфлуэнцы (1808—1809, 1917, 1919 гг.). От атапаскского племени чилкотин (Британская Колумбия) в 1930-х годах осталось едва 450 человек, из 1179 мужчин (1858 г.) сохранилось 700. Когда Британская Колумбия пошла в состав Канады (1871 г.), ее индейское население насчитывало 40—50 тыс., а в 1929 г. там жило всего 25 тыс. индейцев.

Эти цифры начисто опровергают утверждения официальных английских и канадских историков, будто на местном населении Канады колонизация отразилась гораздо менее губительно, чем на индейцах США. Действительно, история Канады не знает таких войн с индейцами, которые позором ле-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XV, стр. 223.

² «Political Affairs», 1952, т. XXXI, № 5, стр. 60.

жат на истории Соединенных Штатов. В Канаде индейцев было меньше, чем в США, колонизация первоначально захватила лишь восточные приморские районы, внутренние же, а тем более северные части Канады долго оставались вне поля зрения колонизаторов. Но в тех областях, где была удобная для ведения сельского хозяйства земля, колонизаторы расправились с индейцами точно так же, как это было сделано в колониях Новой Англии, в Виргинии и других, пошедших впоследствии в состав Соединенных Штатов. Кроме того, первоначальная колонизация Канады имела в виду скупку пушнины, и истребление охотничьих племен было бы для колонистов невыгодно. Экспроприация индейцев внутренних и северных областей Канады проводилась руками французских и английских торговых компаний и в конце концов сосредоточилась в руках крупнейшего хищника — Компании Гудзонова залива.

Индейцы Канады считаются подопечными канадского правительства и находятся в ведении Управления по делам индейцев, созданного в 1880 г. Управление осуществляет надзор за индейцами через агентов и вождей племен, которые назначаются по выбору чиновников Управления.

Часть индейцев Канады помещена в резервации (называемые в Канаде резервами), как и индейцы США. В резервах живет часть индейцев восточных и степных провинций страны, а также племена внутреннего плато (между Скалистыми горами и берговыми Кордильерами) и тихоокеанского побережья. Условия жизни канадских индейцев в резервах ничем не отличаются от жизни резервационных индейцев США. Считается, что индейцы живут на ренту от продажи своих земель правительству: в счет оплаты этих земель им выдавались небольшие пособия и ассигнования на школы, церкви. Переселенцы же из США — сию и ирокезы — не имеют этих средств, так как они попали в Канаду, когда все удобные земли у местных индейцев уже были отобраны и, следовательно, пришельцам нечего было «продавать» канадскому правительству.

В резервах восточных провинций индейцы, как сообщается в официальных отчетах Управления по делам индейцев, занимаются земледелием и скотоводством. О том, какова у индейцев земли, сколько у них скота и насколько продуктивна каждая из этих отраслей хозяйства, данных не имеется. Но несомненно, что обе эти отрасли не процветают. Те же отчеты сообщают, что уровень жизни индейцев очень низок, что им приходится работать по найму. Существует среди них даже такой промысел, как услужение богатым туристам, приезжающим на охоту и рыбную ловлю. Введение земледелия и скотоводства у охотничьих племен большей частью означает одну из форм эксплуатации индейцев. «Инструктирование» взрослых индейцев на участках агентств и индейских детей в школах приписит чиновникам и школьному начальству перный доход: индейцы безвозмездно обрабатывают их земли и выхаживают их скот.

Индийская молодежь уходит работать на капиталистические предприятия, где подвергается жестокой эксплуатации и дискриминации.

Индейцы тихоокеанского побережья — хайда, пимшиан, квакиутл, салиши — жили морским рыбным промыслом, отчасти охотой и собирательством. У них была высокая культура, налажен обширный обмен, развито своеобразное искусство. В настоящее время рыболовные угодья индейцев находятся в руках канадского правительства. Индейцам запрещено ловить рыбу во время ее наибольшего хода; им остаются зимние и осенние месяцы, когда рыбы уже мало. За неимением иных средств к существованию индейцы идут работать на консервные заводы, где труд их нещадно эксплуатируется. Женщины работают здесь на упаковке рыбы, мужчины — чернорабочими на фабриках и рыбной ловле. Попытки чиновников

Управления по делам индейцев ввести земледелие у этих племен являются пустой затеей, так как индейцы не имеют для этого ни земли, ни средств.

Большая часть индейцев фактически не находится под надзором Управления по делам индейцев. Это — охотничьи народы лесных областей Канады, подпавшие под власть английской торговой Компании Гудзонова залива. Несмотря на то, что с 1870 г. канадское правительство изъяло у Компании огромные территории, она до сих пор держит в своих руках тысячи индейцев, всецело зависящих от ее многочисленных торговых постов. Индейцы живут в постоянной кабале: они почти не охотятся для себя, все их время уходит на промысел пушного зверя. Поэтому зависимость индейцев от привозных товаров, а следовательно и от Компании, очень велика. Компания бесчеловечно притесняет индейцев, используя свое монопольное положение. Переброска грузов Компании на большие расстояния в труднейших условиях бездорожья давно препратилась в своеобразную барщину для индейцев. В погоне за максимальной прибылью Компании уже почти 300 (с 1670 г.) лет хозяйничает на чужой земле, расхищая естественные богатства страны и нещадно эксплуатируя индейцев.

Немногочисленная прослойка зажиточных индейцев наживается на посредничестве в торговом обмене между индейцами и Компанией Гудзонова залива. Часть индейцев и метисов перешла к капиталистическому фермерству, но таких очень мало. Подавляющее большинство индейцев Канады хронически голодает. Особенно тяжело живет охотникам северных лесов. Недаром у них в таком ходу знаки бедствия, расставляемые на лесных тропах: «Гибнем от голода», «Осталось еды на два дня». Эти просьбы о помощи свидетельствуют об ужасной жизни охотничьих племен. Изнурительная борьба за существование губит индейцев. В упадок приходят старые индейские промыслы, в частности те, которые не дают денежного дохода. Кое-где индейские мастера делают на продажу иштетные изделия, резные деревянные безделушки, которые идут перекупщикам.

До сих пор школьное обучение индейцев Канады находится преимущественно в руках миссий разных религиозных направлений. Как признают чиновники Управления, не все индейские территории охвачены школами. Большая часть имеющихся школ для индейцев сосредоточена в приморских провинциях и на тихоокеанском побережье. Территория Юкона и другие отдаленные области почти не знают школ. Как в США до 1929 г., в Канаде преобладают школы-интернаты, куда детей приносят из разных областей страны. Летом дети работают на полях и огородах миссий и школ. Эта часть «школьной программы» приносит миссиям большие доходы и является одной из форм эксплуатации детского труда. Забывая детские головы религиозными догматами, из индейских детей стремятся сделать покорных слуг всемогущих «белых» людей. Каково состояние народного образования в областях, где индейцы и сейчас живут охотничьим бытом, неизвестно. Считается, что о них «заботится» Компания Гудзонова залива.

Наиболее активны католические миссии; они побили первенство и «уловлении душ» индейцев: в 1930 г. насчитывалось 52 834 индейца-католика. Следующая по числу обращенных индейцев — англиканская церковь — 23 тыс.

В таком же плачевном состоянии, как дело народного образования, находится и здравоохранение индейцев. Управление по делам индейцев лицемерно заявляет, что за медицинское обслуживание ему краснеть не приходится, так как ни одна просьба о помощи со стороны индейцев якобы не остается без внимания. В то же время из официальных отчетов вы-

Рис. 5. Головной убор индейского вождя племени мохавков, присланный в подарок И. В. Сталину 27 индейскими племенами

ясняется, что индейцы, страдающие туберкулезом (он распространен более, чем все другие болезни), не могут рассчитывать на эффективное лечение. Случаев заболевания туберкулезом среди индейцев в пять раз больше, чем по всей стране. Плохое питание, тяжелые условия жизни делают эти заболевания неизлечимыми.

Кочующие индейцы видят доктора раз в год, а то и реже. При такой постановке дела трудно, конечно, говорить о какой бы то ни было врачебной помощи. Среди индейцев продолжают свирепствовать дифтерия, оспа, тяжелые формы гриппа и другие заразные болезни.

Идеологи расистской политики, буржуазные канадские и американские ученые, говорят об «отсталости» индейцев Канады, объясняя ее климатическими и географическими условиями. Если в далеком прошлом суровые условия севера и являлись для индейцев одним из препятствий к культурному росту, которое они тем не менее преодолевали, создавая своеобразную культуру, приспособленную к местным особенностям, то в настоящее время тормозом развития этих народов является грабительская политика капиталистов, доводящая индейцев до вымирания. О том, что никакие тяжелые географические условия сами по себе не могут в наше время быть серьезным препятствием к прогрессу, как нельзя лучше свидетельствует судьба народов Советского Севера, за годы Советской власти сделавших гигантский скачок от первобытно-общинного строя к социализму. Улучшение экономического положения, рост культуры и просвещения индейцев Канады неразрывно связаны с судьбами демократического движения в Канаде.

Русские колонии в Америке

Иными путями шла история коренного населения той части территории США, которая входила прежде в состав русских владений.

Выдающаяся роль в открытии и исследовании северо-восточных берегов Азии и северо-западного побережья Америки принадлежит русским мореплавателям XVII—XVIII вв. Значение русских открытий в освоении северо-западного американского побережья замалчивается в американской и западноевропейской литературе. В 1648 г. С. Дежнев открыл Берингов пролив. Русские мореходы на небольших легких судах doplывали до Большой земли (так называли русские Аляску). С плананий М. Гвоздева и И. Федорова (1732 г.) началось систематическое изучение новой земли.

Основным путем проникновения русских промышленников в Америку стали Алеутские острова, открытые второй экспедицией Беринга — Чирикова (1741—1742 гг.). В конце XVIII в. начинается освоение Аляски русскими. Именно с этого времени северо-западную часть Северной Америки стали называть «Русской Америкой». Усилиями купца-мореплавателя Г. Шелихова была создана Российско-Американская компания. С именами Г. Шелихова и А. Баранова — управлятеля русскими поселениями в Аляске с 1790 по 1818 г. — тесно связана история заселения и освоения Аляски русскими.

Российско-Американская компания создавала селения — опорные пункты русской колонизации, строила на свои средства корабли для перевозки товаров, создавала мастерские (в Ситке были построены мельница, лесопилка, кожевенный завод, судостроительная перфь, литейный завод, изготовлявший инструменты, сельскохозяйственные орудия, двигатели для судов и т. д.). В своей деятельности русские постоянно наталкивались на противодействие Компании Гудзонова залива, захватившей в свои руки огромные территории американского севера и стремившейся вытеснить

русских из Аляски. Агенты Компании вооружали тлинкитов и другие индейские племена, натравливали их на русских.

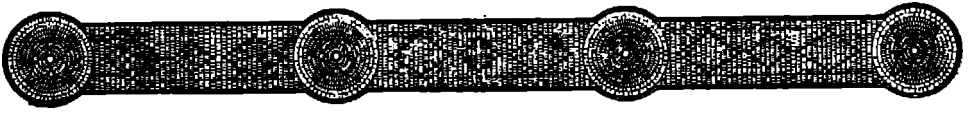
По бесцеремонности методов Компании Гудзонова залива не уступали и американские предприниматели. Мало того, что они подрывали торговлю Российско-Американской компании, посылая свои торговые суда в русские воды, вели торговлю с индейцами Русской Америки, — они настраивали местное население против русских, снабжали индейцев ружьями, порохом, даже пушками для борьбы с русскими. «Я не понимаю, — с помущением писал капитан В. Головнин, — каким образом согласовать такую явную вражду сих республиканцев с правами народными»¹.

Хотя в лице Российско-Американской компании действовало феодально-крепостническое государство, русская колонизация в Америке носила прогрессивный характер. Дело в том, что в Аляску стремились не только купцы, но и крестьяне, бежавшие от произвола царских чиновников. Русские поселенцы завязывали добрососедские отношения с местным населением, женились на индианках. В результате смешанных браков в Аляске появилось «креольское» население, из среды которого вышло немало передовых людей того времени. Из них приобрели известность мореплаватели А. Кашенаров, геодезист Л. Устюгов, составитель атласа Аляски Терентьев и др. Как уже говорилось, русские создали в Аляске целый ряд отраслей промышленности, значительно развив местную экономику.

В 1812 г. русские основали еще одну колонию в Америке, на этот раз в Калифорнии. Колония Росс в зал. Бодего должна была, по замыслу ее основателей, стать житницей Русской Америки. Однако испанские власти в Калифорнии препятствовали территориальному расширению колонии, без чего она не могла производить достаточное количество хлеба. Царское же правительство не оказало русским поселенцам дипломатической поддержки. Когда началась экспансия США в области Северной Америки, принадлежавшие Испании, в частности в Калифорнию, положение колонии Росс стало безвыходным, и в 1841 г. она была продана Зуттеру, швейцарцу по происхождению, — подставному лицу правительства США. Местные индейцы до сих пор хранят память о русских, некоторые даже считают себя в родстве с ними и гордятся этим. Хорошая память о маленькой русской колонии, просуществовавшей всего 29 лет, не удивительна: русские были в дружеских отношениях с индейцами, не принуждали их к крещению, справедливо оплачивали их труд. Также проявление уважения и дружбы к индейцам резко отличало поведение русских от поведения изуверствовавших испанских миссионеров и применявших грубое насилие американских колонизаторов.

С годами положение Русской Америки становилось все более затруднительным. На нее наступали английские и американские конкуренты, получавшие у царского правительства аренду на торговлю в пределах русских колоний. Не желая отставать русские колонии в Америке от возрасставшего нажима английского и американского капитала, царское правительство в 1867 г. продало Соединенным Штатам Америки за бесценок Аляску и Алеутские острова.

¹ В. А. Дивин. Василий Михайлович Головнин. Русские мореплаватели. М. 1953, стр. 177.

ИРОКЕЗЫ

Ни один из индейских народов Северной Америки не получил такой широкой известности, как ирокезы. Изучение общественной организации ирокезов привело известного социолога и этнографа XIX в. Л. Г. Моргана к истолкованию сущности древнейшей общественной формации — первобытно-общинного родового строя.

Ф. Энгельс в своей книге «Происхождение семьи, частной собственности и государства» критически излагает результаты исследований Моргана и при характеристике докалассового общества за основу берет старинный общественный строй ирокезов.

Ирокезы живут в 16 резервациях США и Канады (рис. 6) и распределены в них следующим образом: семь канадских резерваций в провинциях Онтарио и Квебек, где численность ирокезов достигает 10 888 человек; семь резерваций в штате Нью-Йорк с населением в 5390 и по одной резервации в штатах Висконсин — 2 тыс. и Пенсильвании — 30 человек; в штате Оклахома живет 487 ирокезов. Всего их насчитывается 18 795 человек (включая в это число около 3 тыс. метисов)¹.

В начале XVII в., когда европейцы начали колонизацию североамериканского материка, большая часть ирокезских племен — их северная группа — жила по берегам озер Онтарио и Эри, в окружении алгонкинских племен.

Центром этой области являлась р. Ниагара, к западу от которой между названными озерами жило несколько ирокезских племен, объединенных в военный союз (французские колонисты прозвали их «нейтральными», так как они сохраняли нейтралитет в войнах между собственно ирокезами и гуропами). Область к юго-востоку от оз. Эри была занята племенем эри. К северу от нейтральных, между оз. Гурон и северо-западными берегами оз. Онтарио, жили гуроны. Наконец, центральную часть территории нынешнего штата Нью-Йорк, к югу от оз. Онтарио и к востоку от эри и нейтральных, занимали пять племен собственно ирокезов: сенеки, кайюги, опондаги, онейды и мохавки.

Значительно южнее основной ирокезской территории жили сушкеашоки. И, наконец, смежные районы Виргинии и Северной Каролины, у берегов Атлантического океана, занимали тускароры.

В начале XVII в. ирокезские племена северной группы составляли три союза племен: Союз гуронов охватывал племена, жившие на территории между озерами Гурон и Онтарио, Союз нейтральных — к северу от

¹ Современные ирокезы в очень малой степени являются ирокезами по происхождению, и «чистокровных», если они и есть, осталось очень немного: в XVII в. племена онейды и сенека на две трети состояли из усыпленных остатков побежденных племен, главным образом ирокезской языковой группы; в XVIII в. все племена Союза ирокезов поглотили немало европейцев, и с тех пор смешение обеих рас не прекращалось.

оз. Эри, и Союз собственно ирокезов — к югу от оз. Онтарио. Возникли эти союзы вследствие необходимости объединения для взаимной защиты против враждебных племен и совместного нападения на их. Союз ирокезов сложился, видимо, еще в XVI в. Точнее, время возникновения его можно отнести к периоду между 1550 и 1570 гг., когда, по преданию, на берегу лесного озера Онондага собрались вожди и родовые старейшины нескольких ирокезских племен и договорились прекратить вражду между своими племенами, заключив между ними вечный союз. Инициативу этого события народное предание приписывает легендарному Гайавате, которого обессмертил в своей поэме американский поэт XIX в. Лонгфелло, хотя он и приписывал Гайавате действия героев мифологии не ирокезских, а алгонкинских племен. Первоначально Союз состоял из четырех племен — сенеков, кайюгов, онондагов и онейдов, живших на территории теперешнего штата Нью-Йорк. Мохавки же в это время жили севернее, занимая оба берега р. Св. Лаврентия. Около 1550 г., после разгрома их гурунами и алгонкинами, мохавки бежали на юг и поселились к востоку от племени онейдов; здесь они впоследствии были приняты в Союз, превратившийся, таким образом, в хорошо известный Союз пяти племен. Это событие произошло около 1570 г.

Значительно позднее, в начале XVIII в., в Союз были приняты тускароры, переселение которых из Северной Каролины на север было вызвано насилиями со стороны английских колонистов.

Почти с первых лет своего существования Союзу племен пришлось столкнуться с европейцами и в дальнейшем развиваться, находясь в постоянном с ними общении. Свое общее название (*iroquois*), под которым их узнали европейцы, эти пять племен получили от алгонкинов, прозвавших их «*irigakhoiw*» — «настоящие гадюки», что и дало французское *iroquois*. В колониальной истории Америки они известны сначала под именем Пяти племен (*Five nations*), а с начала XVIII в., после принятия в Союз племени тускароров, — Шести племен.

Первыми европейцами, завязавшими прочные взаимоотношения с ирокезами, были голландцы.

В 1615 г., после открытия состоявшим на голландской службе английским мореплавателем Гудзоном реки, получившей впоследствии его имя, голландцы основали на ней, у впадения р. Моганк (Мохавк), форт Оранж (впоследствии торговый пост Олбэни) для торговли с ирокезами. Последние доставляли голландцам меха (в частности, бобровые шкурки), получая в обмен европейские изделия — ружья, пули, дробь, порох, мотыги, котлы, ножи, ром, сукно, ткани и т. д. Снабжая ирокезов огнестрельным оружием и заинтересовав их европейскими товарами, голландцы толкали ирокезов на войну против племен, на территории которых находились бобровые угодья. Середина XVII в. была эпохой наибольшей экспансии ирокезов. Лаковым куском для европейских колонизаторов были земли гурунов, лежавшие к северо-западу от ирокезских территорий, между озерами Гурон и Онтарио, изобиловавшие колониями бобров. Для завоевания этих областей голландские колонисты снабдили ирокезов огнестрельным оружием; борьба была неравной, так как ружья у гурунов встречались лишь изредка, и закончилась в 1649—1650 гг. полным разгромом гурунов. Тридцатитысячное население области гурунов было большей частью истреблено, спаслось лишь несколько тысяч человек. Разгромив гурунов и захватив их область, ирокезы в 1651 г. разбили Союз нейтральных, а в 1654 г. — эри.

Истребив племена, жившие к северу и западу, ирокезы направили свою энергию к югу, против федерации сусквеханноков, также владевших бо-

гатыми бобровыми угодьями. Жестокая борьба продолжалась 20 лет (1654—1674) и закончилась почти полным истреблением сускнеханшюков.

Таков был кровавый след первых десятилетий колониального хищничества европейских государств.

В 1664 г. голландцы были вынуждены уступить свои владения на о-ве Манхэттен и в долинах рек Гудзон и Делавэр англичанам. Последние

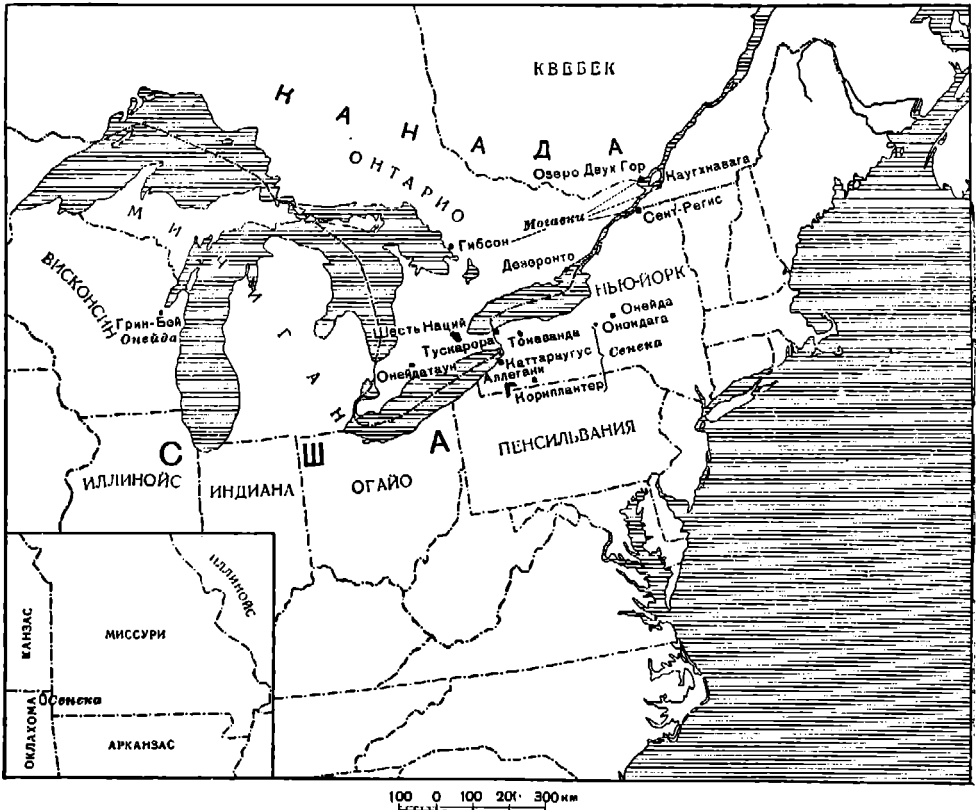

Рис. 6. Резервации ирокезов в Канаде и США (на 1940 г.)

— — — — — государственная граница
- - - - - границы между штатами (США) и провинциями (Канада)

продолжали ту же политику в отношении ирокезов, сделав их главными поставщиками бобровых шкур и в своих корыстных целях натрапливая их на другие племена. В первом же договоре с англичанами, заключенном в 1665 г., ирокезы поставили условием, чтобы англичане не продавали огнестрельного оружия их (ирокезов) врагам; таким образом, соседние алгонкинские племена попрежнему оставались безоружными, и ирокезы легко покоряли одно племя за другим. В 1670 г. ирокезы достигли р. Миссисипи, их отряды рыскали по п-ову Мичиган и по северным берегам оз. Верхнего. Чтобы заставить западных алгонкинов приносить свои меха в Олбани, а не сдавать их французским торговцам Канады, английские купцы непрерывно подстрекали ирокезов к нападениям на алгонкинов. Чтобы попасть в Олбани, индейцы этих западных алгонкинских племен, так называемые «дальние индейцы», должны были проходить через ирокезскую территорию и уплачивать ирокезам часть груза за проход, что

составляло для ирокезов значительный источник дохода. Но так как эти транзитные пошлины, взимавшиеся мехами, лишь частично удовлетворяли запросы ирокезов, то они начали покорять соседние племена. Начиная с 1680 г. ирокезы подчинили себя ряд племен Виргинии, Северной и Южной Каролины и область между Аллеганями и р. Теннесси, ставшей южной границей ирокезских территорий.

К началу XVIII в., в результате непрерывных войн, продолжавшихся около ста лет, ирокезы частью истребили, частью покорили почти все индейские племена, жившие на огромном пространстве теперешних штатов Нью-Йорк, Делавэр, Мэриленд, Нью-Джерси, Пенсильвания, большей части Виргинии, Огайо, Кентукки, Северного Теннесси, части штатов Иллинойс, Индиана, Мичиган, части штатов Новой Англии и прилегающих частей юго-восточной Канады (в провинциях Онтарио и Квебек).

Таким образом, «около 1700 года ирокезы достигли высшей точки развития. Они создали индейскую державу, грозную как в отношении ее господства над туземцами, так и в сравнении с любой индейской властью, познывавшей к северу от государства ацтеков»¹.

Следует помнить, что завоевательные предприятия ирокезов были вызваны и стимулировались хищнической политикой голландских и английских колонизаторов. На них-то в первую очередь лежит ответственность за кровь, пролитую ирокезами в братоубийственных войнах с другими индейскими племенами и союзами племен.

Быт и культура ирокезов до колонизации Северной Америки

Основным источником существования ирокезов издавна являлось примитивное огородничество или палочно-мотыжное земледелие с подсечно-огневой системой. Главной сельскохозяйственной культурой был маис (или кукуруза)², почти всегда в сочетании с бобами и тыквами. Посевы кукурузы занимали общинные поля, на которых каждое домохозяйство имело свой участок. На отдельных небольших клочках земли — огородах при доме — ирокезы сажали табак, подсолнечник, земляную грушу, а также, возможно, горох, коноплю, арбузы и кабачки. Кукуруза была наиболее распространенной и любимой растительной пищей; уже с давних времен ирокезы возделывали до 17 ее разновидностей, различавшихся по форме и цвету зерен, размерам початка, вкусовым и питательным качествам (мягкие, твердые, сахаристые и другие сорта). Растения некоторых из этих разновидностей достигали 5 м высоты, а початки — 45 см длины. Кукурузные поля окружали селения ирокезов радиусом до 9 км, охватывая от десятка до сотен гектаров. Один из путешественников (1623—1626 гг.) пишет: «Стебли маиса достигали такой высоты, что среди полей было легче заблудиться, чем в лесу или степи». Старики-ирокезы, рассказывая историю своего племени, уверяют, что одной из целей ирокезских походов было

¹ L. N. Morgan. League of the Ho-de-no-sau-nee or Iroquois, 1922, стр. 14—15. Небезынтересно указать, что старые авторы называли ирокезов «римлянами Нового света».

² Как известно, кукуруза (*Zea mays* L.), индейское культурное растение, до открытия Америки не была известна в Европе и начала распространяться в Старом свете лишь с конца XV в. В южную Россию этот злак попал из Турции через Крым (ср. французское *blé de Turquie*, итальянское *grano turco*, немецкое *türquischer Weizen*), получил у нас название кукурузы. Слово «маис» происходит от аравакского *maiz*. Колумб сообщал, что видел маисовые поля на о-ве Гаити (1492 г.), — первое упоминание об этом растении. См. кн.: П. М. Жуковск и й. Культурные растения и их родичи. М., 1950, стр. 124—130.

желание достать новые сорта культурных растений. До сих пор еще в памяти народа сохраняются предания о местах происхождения отдельных сортов кукурузы и тыквы, указывающие преимущественно на юг и отчасти на юго-запад (ирокезам было известно также 8 разновидностей тыквы и кабачков и 60 разновидностей фасоли и бобов).

Займствовав много столетий назад культуру кукурузы от южных племен, ирокезы в свою очередь передали ее своим ближайшим соседям — алгонкинам.

Культура кукурузы имела для ирокезов столь большое значение, что все их враги старались в первую очередь истребить и уничтожить не самих ирокезов, а их кукурузные поля и запасы кукурузного зерна. Уничтожение зерна явилось гораздо большим ударом для ирокезов, чем сжигание их деревень, так как хижины легко могли быть сразу же отстроены, а запасы зерна можно было начать восстанавливать лишь после следующего урожая.

Земледелие ирокезов по всему своему характеру типично для примитивных земледельческих культур лесной полосы, хорошо известных в Старом свете. Оно представляет один из ранних этапов подсечно-огневого хозяйства, развивавшегося в условиях неолита и тесно связанного с коллективным производством первобытно-общинного строя.

Для ирокезов, имевших лишь простые каменные орудия, одним из наиболее трудоемких процессов была подготовка земли под посев, занимавшая два года. В первый год мужчины сдирали кору со стволов крупных деревьев, чтобы они высохли, а на следующий год эти деревья сжигали. Вся остальная работа на полях производилась группой женщин, которые вели общее хозяйство. Каждую песну женщины выбирали из своей среды пожилую энергичную распорядительницу для руководства их работой на общинных полях и считали себя обязанными повиноваться ей. Она распоряжалась посадкой, обработкой и уборкой и имела право выбирать себе одну-двух помощниц, которые передавали ее распоряжения остальным. Женщины вместе обрабатывали все участки селения по очереди, урожай же каждое домохозяйство собирало со своего участка.

Главным орудием при возделывании почвы и посадке растений была заостренная палка, которой в земле делались ямки, куда опускали семена; есть данные и о том, что применялись лопаты. Очень рано упоминается и мотыга, простейшим видом которой является коленчатый сук, более сложным — мотыга, состоящая из длинной деревянной рукоятки и поперечно насаженной рабочей части, для которой употребляли оленью лопатку, олений или лосий рог, щит черепахи, камень.

Ко времени посева обычно проращивали семена; для этого их час или два вымачивали, затем ссыпали в корзину, где им давали слегка прорасти. Для получения тыквенной рассады проращивали семена тыквы между двумя кусками коры, держа их в доме около очага.

Если участком пользовались не первый год, то перед посевом выжидали сорняки и остатки прошлогодних растений; прибегали к такому способу: выпалывали сорняки вокруг прошлогодних стволов кукурузы, затем выдергивали эти стволы, а в получившуюся ямку сажали проросшие зерна. Когда молодые всходы кукурузы достигали высоты пиди (20—25 см), землю рыхлили, чтобы не было сорняков, а когда всходы вытягивались высотой по колено, кукурузу окучивали.

Сев начинался в апреле и продолжался до середины июня; сбор урожая, соответственно, шел с августа по октябрь.

При сборе урожая пользовались большими корзинами. Сборщицы несли их на спине и через плечо бросали в них початки. Собранные початки

ссыпали в кучи на поле или около жилья, после чего начинали готовить кукурузу для хранения на зиму.

Ирокезы собирали кукурузу в гораздо большем количестве, чем могли потребить, и поэтому у них всегда были запасы и излишек для обмена. Вследствие этого организация хранения кукурузы была немаловажной задачей, в решении которой ирокезы достигли большого искусства, выработав приемы, часть которых (хранение в ямах, в плетеных косах) была заимствована колонистами и практикуется до сих пор. Наиболее распространенным способом было хранение кукурузы в гирляндах, сплетенных из початков. Делали их так: при помощи шилообразного орудия (продерусского кочедыка) из кости или из твердого дерева отгибали початковые листья книзу, оставляя четыре листа, а остальные отдирали и откладывали в сторону (они использовались для плетения циновок, корзин и пр.); из подготовленных таким образом початков плели длинные косы. Работа производилась на открытом воздухе, в вечернее время, при свете луны или костра. В работе принимали участие мужчины и женщины, молодежь и старики. Это была единственная из сельскохозяйственных работ (не считая подготовки участка под пашню), к которой привлекались мужчины. Старики развлекали молодежь рассказами о своих приключениях и различными преданиями и легендами.

Пожилые женщины в это время зорко следили за работой депушек, присматривая невест для своих сыновей среди более ловких и усидчивых. Работа шла под рассказы, под пение работающих, а иногда перемежалась плясками (мужчины приносили с собой барабан и погремушки). Выплетенные гирлянды кукурузы подвешивали внутри жилища так, что получался вид драпировки или занавесей; вешали гирлянды также снаружи дома — под скатом крыши и под навесами. Развешивание кукурузных гирлянд внутри и снаружи домов практикуется в ирокезских резервациях и в наши дни.

Зимой, когда початки высыхали, женщины вылущивали зерно и ссыпали его в высокие цилиндрические сосуды, сделанные из коры вяза. Сосуды эти хранили в доме и оттуда брали зерно для повседневного потребления. Часть гирлянд, предназначенную для посева, оставляли висеть, вылущивая зерно лишь тогда, когда наступало время сева. Нередко в доме хранилось до 300 бушелей (т. е. более 450 пудов) кукурузы.

Ирокезы хранили зерно также в подземных ямах, которые устраивали в сухих песчаных местах на склонах, выстилали сухими листьями, «индейской травой» (*Ambrogone bisorne*), еловыми ветвями и заполняли кукурузой — и початках, в зернах (зерно опускали в яму в корзинах или травяных мешках). Хранили в ямах и поджаренное зерно — в таком виде оно могло лежать долгие годы. Яму прикрывали корой или травой, а сверху засыпали землей. В районах прежнего обитания ирокезов можно и теперь еще изредка наткнуться на такие ямы с обжаренным зерном. Способ хранения в ямах обжаренного зерна и овощей — картофеля, моркови, тыквы, кабачков и др. — еще применяется в некоторых районах ирокезских резерваций; теперь выстилают ямы соломой или досками, а при неимении этого материала — еловыми ветвями.

И, наконец, существовал способ хранения кукурузы, наиболее широко применяемый в наше время, — в амбарах. В эпоху расцвета ирокезской культуры эти амбары строились в виде круглых банен из вязаовой коры, с кровлей из того же материала; в коре протыкались отверстия, чтобы проходил воздух и сырость не портила зерна. Старики-ирокезы помнят и высокие круглые амбары из вбитых по кругу толстых кольев, также крытые корой.

В настоящее время строят амбары прямоугольной формы, на столбах, из жердей или досок, с односкатной или двускатной крышей из драчки. Початки или засыпают в них свободно, или перекидывают плетеные гирианды через колосники внутри амбара.

Собирательство, которым занимались женщины и дети, имело когда-то большое значение для ирокезов, внося разнообразие в их повседневную пищу. Собираение всевозможных ягод началось в июне, когда поспевала земляника, и продолжалось до поздней осени, заканчиваясь сбором клюквы; употребляли в пищу свыше 20 видов лесных и болотных ягод как в свежем виде, так и заготавливая на зиму разнообразными способами; часто сушенные ягоды брали с собой на зимнюю охоту. Не меньшую роль играло собирание орехов, каштанов, желудей и т. п., из которых приготавливали муку, молоко, вываривали из них масло, клали их в различные кушанья. Теперь же ирокезы, как и европейцы, едят орехи лишь в качестве лакомства зимой.

Из съедобных корней и клубней употреблялись ирокезами прежде всего земляной орех (*Arios tuberosa*), дикий картофель (*Solanum tuberosum*), земляная груша (*Helianthus tuberosus*) и, наконец, желтая подпояная кувшинка (*Nymphaea advena*), мясистые корневища которой нащупывали ногой на глубине полутора метров и более под водой и затем вытаскивали со дна¹. Кроме того, шли в пищу листья и молодые побеги многих травянистых растений, дикие плоды, грибы, птичьи яйца, лягушки, черенки, раки, моллюски, кузнечики. Совершенно своеобразным видом собирательства, типичным для лесных племен восточной части Северной Америки, было собирание кленового сока. Для этого весной надрезали стволы деревьев и под надрезом подвешивали сосуд из коры, куда по вставленной в надрез щепочке, как по желобку, стекал сок; одно дерево давало до 5—6 бутылок этой жидкости в сутки и до семи ведер за сезон в среднем. Сок пили в свежем виде либо оставляли его бродить и пили перебродившим, как опьяняющий напиток, и, наконец, вываривали из него в глиняных горшках патоку и твердый сахар. На сезон добычи кленового сока и варки сахара переселялись в леса, где устраивали временные становища.

Несмотря на большое развитие земледелия, охота сохраняла у ирокезов немаловажное значение как источник получения мяса и шкур. Охотились на оленя, лося, бобра, выдру, куницу, лисицу, зайца. В пищу употреблялось мясо самых разнообразных животных — даже енота, дикобраза, белки, скунса, мускусной крысы. Очень ценилось мясо бобра, особенно его хвост.

Существовали охотничьи законы, предохранявшие дичь от истребления; так, на мясо беременных самок накладывалось табу.

Охота была делом мужчин, которые занимались ею преимущественно в течение осени и первой половины зимы; в остальные времена года она имела случайный характер.

В октябре, по окончании сбора кукурузы, охотники рассыпались во всех направлениях в поисках добычи. Для передвижения по снегу служили ступательные лыжи-ракетки, представлявшие собою овальную рамку с сетчатым переплетом из узких ремешков. В этот охотничий сезон, продолжавшийся четыре месяца, главными объектами охоты были олень и бобр.

В середине зимы все рассеянные группы охотников начинали стягиваться к своим селениям, возвращаясь ко времени ежегодного праздника

¹ Употребление корневищ желтой кувшинки в пищу было широко распространено на всем материке Северной Америки от Атлантического океана до Тихого и до сих пор еще практикуется индейцами Калифорнии.

Середины зимы. После этого праздника для мужчин наступал период некоторой передышки, пока с весной не начиналась рыбная ловля; исключение составляла лишь охота на медведя, лучшим временем для которой считался период его зимней спячки — с января по май. Кроме того, весной, как и осенью, происходила ловля перелетных диких птиц (журавлей, пеликанов, диких лебедей, гусей, уток и т. д.); охота на дров продолжалась всю зиму.

Перед выходом на охоту мужчины обычно постились (пост был очень суров), проходили обряд очищения и совершали жертвоприношения. На охоте применялись различные магические средства для обеспечения удачи. Охотились в одиночку или небольшими партиями, обычно с сыновьями и племянниками. Иногда мужчин сопровождали женщины, чтобы устраивать временный ночлег, свежевать и нести добычу. «Женщины всю зиму только и делают, что ходят за мясом оленя или лося, убитого мужчинами», — сообщает в одном из дописаний иезуитов, относящемся к XVII в.

Параду с индивидуальной охотой ирокезы широко практиковали коллективную, в которой принимали участие все взрослые мужчины селения. Из общественных работ наибольшее значение имели загонные охоты на оленей.

Главным охотничьим оружием ирокезов до появления европейцев был лук, но с середины XVII в. он был почти совсем вытеснен ружьем. Широко были распространены всевозможные ловушки, силки и западни.

На крупных животных — медведя, лоска — ставились пасти с бревном, иногда с тяжелым грузом из камней, при падении придавливавшим животное к земле. На бобра, зайца, индюка расставлялись несли различного типа. Перелетов и других птиц ловили силками и сетями, сделанными из лыковых волокон. На мелких птиц охотились также при помощи длинной (до 180 см) стрелометательной выдувной трубки и тонких заостренных стрелок сантиметров в 60 длиной, обертывавшихся у основания пухом от чертополоха.

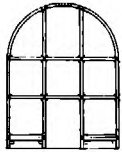
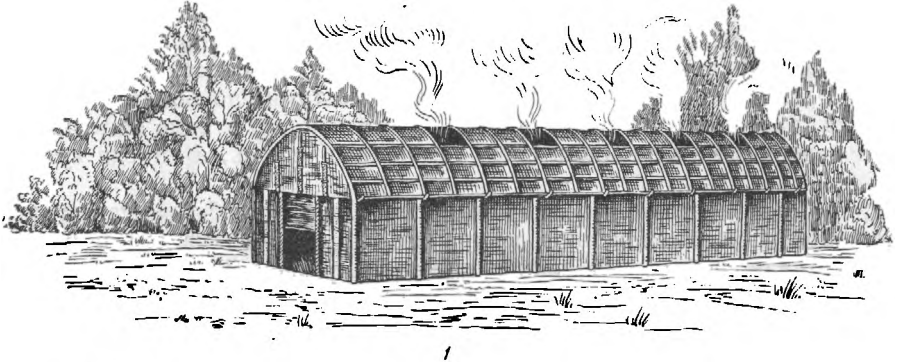
Полный переворот в жизни ирокезов внесла торговля пушиной с европейцами. Охота, служившая индейцам для удовлетворения потребности в пище и одежде, сменилась массовым истреблением пушного зверя, главным образом бобров. Их уничтожали всевозможными способами: ставили несли, били из ружей, летом проламывали отверстия в бобровых плотинах, спуская воду, после чего животных, оставшихся беспомощными на суше, очень легко было перебить. Зимой ловили в сети, натянутые подолдом около проруби, куда приманивали свежими ветвями или гнилыми, разламывая их хатки. Особенно беспощадно истреблялись бобры в нейтральных полосах, лежащих между владениями различных племен; здесь каждое племя старалось набить бобров возможно больше.

Весной и летом мужчины занимались преимущественно рыбной ловлей. Многочисленные реки и озера ирокезских территорий изобиловали различными видами рыб. Способы лова были очень разнообразны (большая часть их применяется в резервациях и до сих пор). Ловили рыбу удочками с костяными крючками, корзинами или сетями с каменными грузилами, били кольями с каменными или костяными наконечниками, стреляли из лука, устраивали на речках рыболовные заграды из колея, палок, ветвей и камней. Осенними ночами ловили рыбу с лодок. Лодку (точнее, челнок) шили из вязовой или еловой коры при помощи лыковых беченок; шкафут, спангоуты и скамеечки для сидения вырезались из кедра. Выезжало двое или трое: один бесшумно греб с кормы и направлял лодку, другой с гарпуном помещался ближе к носу лодки, третий следил за огнем, разжигаемым на большом куске коры, положенном на носу

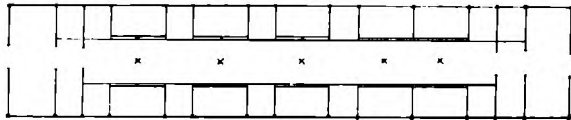
поперек лодки. На кору насыпали толстый слой песка и гравия и на нем уже жгли смолье; если рыбаков было двое, то факел из коры привязывали прямо к носу лодки. Таким способом налапливали массу угрей, занимаясь этим до холодов, когда угри зарываются глубоко в ил.

Иногда ловили рыбу и зимой, делая проруби во льду и спуская в них сети.

Нити и бечеву для сетей приготовили из дикой конопля (Arosupum saparium) или крапивы, из луба вяза и липы, вымачивая его в щелоке для придания волокну прочности и гибкости. Занимались этим женщины, ссучивая волокна ладонью руки на обнаженном бедре (ни веретен, ни прялок

2

3

Рис. 7. Пятичужбный длинный дом ирокезов на 10 парных семей (XVII—XVIII вв.)

1 — внешний вид; 2 — поперетный разреза; 3 — план

ирокезы не знали). Сети из волокон плели обычно старики при помощи деревянной иглы; они же преимущественно и рыбачили в те периоды, когда все боеспособные мужчины отправлялись в военные походы.

Ирокезы жили в так называемых «длинных домах», где помещалась родовая группа, ведшая общее хозяйство и составлявшая основу хозяйственной и социальной организации племени. «Длинный дом» имел от 6 до 10 м в ширину и до 8 м в высоту; длина его была различна в зависимости от числа очагов; наибольшая известная длина жилища достигала 90 м.

Такое жилище представляло собой легкую, прямоугольную в плане постройку; основа ее состояла из вбитых в землю стоек, к которым при помощи лыковых веревок прикрепляли поперечные жерди; для стоек употребляли молодые деревья, причем верхушки двух противоположных стоек сгибали навстречу друг другу и связывали их концы; получалась округлая форма остова крыши (рис. 7). Впоследствии для стоек стали употреблять рассохи, в развилины которых укладывали поперечные горизонтальные балки; к ним прикрепляли стропила, дававшие двускатную форму крыши, с коньком; этот тип постройки, несомненно, отразил европейское влияние. Весь остов обшивали большими пластинами вязовой коры, прикреплявшимися к остову наружной обрешеткой из жердей.

Постройка такой хижины производилась коллективно, для чего сзывалась вся молодежь селения, получавшая за работу угощение; работа выполнялась в один-два дня.

Вдоль всей хижины посередине шел проход около 2 м шириной или больше. Здесь, прямо на земле, располагались очаги, отделенные один от другого расстоянием в 5—6 м; над каждым из них в крыше устраивали отверстие для выхода дыма. По обе стороны от каждого очага устраивали широкие помосты или нары из пластин коры, отгороженные справа и слева стенками из коры, так что у каждой семьи было отдельное помещение длиной около 4 м, открытое только к огню. Между двумя соседними помещениями оставляли свободное пространство, служившее кладовой. Помосты устилали травяными циновками и пшурками, на них спали и сидели в свободное время, под ними держали сухое топливо для зимнего употребления; зимой большей частью спали на подстилках около огня. На высоте около 2 м над жилыми помостами, по бокам от среднего прохода, настилали второй ярус из пластин коры, в виде сплошных поластей; здесь семьи держали свою домашнюю утварь, а иногда тут спали дети.

Под самой крышей устраивали третий ярус, как бы чердак, где хранили запасы необмолоченной кукурузы. У каждого узкого конца дома пристраивали небольшие сени с плоской крышей (и ширину дома), где зимой держали топливо и куда летом обитатели дома собирались для беседы или игры.

Вход в жилище устраивали в стене сеной и зашивали спаружи куском коры, а в холодное время дополнительно изнутри пшурками и одеялами. Над одним из входов помещали резное или рисованное изображение животного — тотема рода, к которому принадлежали обитатели данного дома.

Если появлялась необходимость прибавить к дому еще очаг, то разбирали один из концов и удлиняли здание.

Хижина могла простоять 10—12 лет, пока не начинала гнить и разрушаться от действия вредителей, а так как за это же время подбирался весь хворост в окрестных лесах (следовательно, иссякали запасы доступного топлива) и истощалась почва обрабатываемых полей, то назревала необходимость переселения на новое место.

В ирокезском селении было от одного до трех десятков таких длинных домов.

В XVI—XVII вв. селения ирокезов огораживались высоким частоколом для защиты от соседних племен, с которыми ирокезы вели войны.

В ирокезском жилище находилось много разнообразной утвари (рис. 8), служившей как для приготовления и употребления пищи, так и для ее собирания и хранения. Наиболее примитивной была утварь из коры вяза — корытца, туюски, лотки, чашки, черпаки, ложки и даже котелки для варки пищи.

Очень разнообразна долбленая и резная деревянная посуда — корыта, лотки, чаши, ковши, ложки, вёселки (лопаточки), ступы с пестами для приготовления кукурузной муки и др. Широко употреблялись всевозможные корзины, которые плелись из липового лыка, ореховой коры, ореховой и ясеневого лучинки, кукурузных листьев и др. (рис. 8).

Ирокезам с древних времен хорошо было знакомо гончарное искусство. Техникию вапеса женщины выделывали остродонные и круглодонные горшки для парки пищи и плоские сосуды для выпекания пресного хлеба, орнаментируя их несложными резными узорами. Особенно интересны круглодонные сосуды с четырехугольным широким горлом, прототипом

которых, вероятно, послужил коробок из древесной коры (рис. 9). Большого разнообразия достигли ирокезы в изготовлении глиняных курительных трубок, украшая их, наряду с геометрическим орнаментом, человеческими и звериными головками.

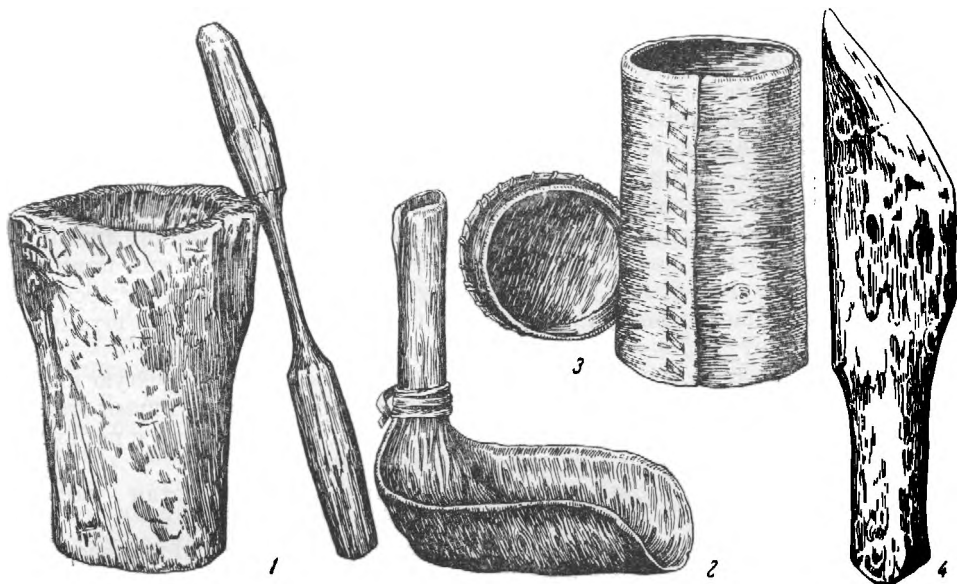

Рис. 8. Старинная домашняя утварь ирокезов

1 — деревянная ступа с пестом для толчения кукурузы; 2 — берестяной ковш; 3 — туесок с крышкой; 4 — нож из коры яввы для снятия шкуры с убитого животного

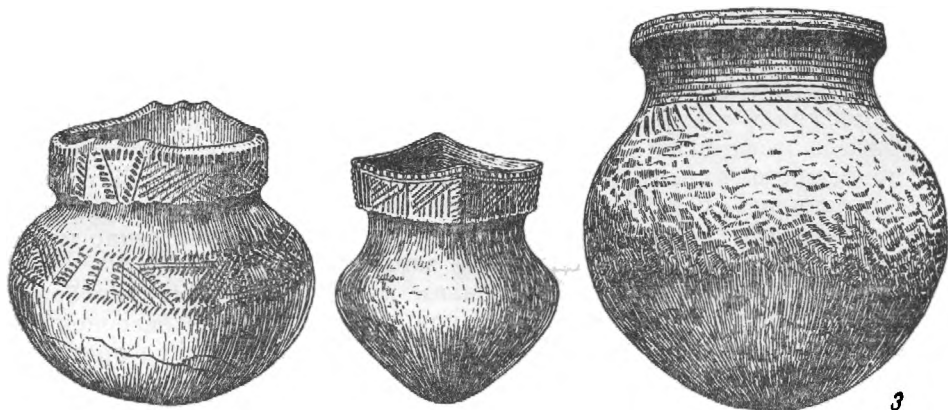

Рис. 9. Старинная круглодонная керамика. Добыта при раскопках на старых ирокезских кладбищах в Сев. Нью-Йорке

(Горшки для варки пищи входили в погребальный инвентарь женских захоронений)

До знакомства с европейцами ирокезы не знали шитой одежды; тело прикрывали мягкой слюдой замшей, прекрасно выделанной из оленьих шкур. Мужчины носили набедренную повязку из куска замши шириной 40—50 см, закрепляя ее узким пояском, стипнутым вокруг талии; концы замшевой полосы спадали в виде квадратного передничка

спереди и сзади. Женщины обертывали бедра прямоугольным куском замши, укрепляя его у пояса, так что получалась как бы юбка. Это была единственная одежда и для дома и для улицы — в теплую погоду. На плечи и мужчины и женщины набрасывали замшевый плащ из целой шкуры лося или оленя, иногда пропуская его под одно плечо и закрепляя узлом на другом.

Зимой ирокезы надевали меховые плащи, шерстью к телу, сделанные из шкур медведя, бобра, выдры, енота, лисицы, белки; в походах плащ стягивали на талии поясом; этим же плащом укрывались во время сна и его же натягивали на голову в холодную погоду. На ногах носили мягкую замшевую обувь — мокасины и ноговицы-гамашаи; ноговицы у женщин доходили до колена, укреплялись внизу в мокасинах и стягивались подвязками под коленями; у мужчин ноговицы были значительно длиннее, крепились также под коленями и внизу, а кроме того, верхними концами подтягивались к поясу, поддерживавшему набдеренную повязку; особенно длинные ноговицы, представлявшие собой форму перехода к штанине, надевали на охоту, для защиты тела от кустарника и сучьев.

На голову в торжественных случаях мужчины надевали круглую кожаную шапочку, украшенную короткими перышками и одним-двумя стоймя торчащими орлиными перьями; носили также головные повязки с перьями, воткнутыми стоймя по кругу всей головы (рис. 10).

Женщины носили только головную повязку, заплетая волосы в две косы.

У мужчин существовал обычай брить голову, оставляя лишь продольный гребень торчащих волос, к которому прикреплялся головной убор из оленьего волоса или перьев.

Шитая замшевая одежда появилась после знакомства с европейцами: у мужчин — не доходящая до колен рубашка и штаны; у женщин — либо юбка и короткая кофта, либо длинная, ниже колен, рубаха-платье, подпоясанная на талии. Замшевая одежда расшивалась оленьим и лосиным волосом и иглами дикобраза и украшалась длинной бахромой из разрезанной замши (на плечах и груди, на подоле, на штанах — наподобие лампасов и т. д.).

С появлением у индейцев привозных товаров и постепенным сокращением дичи в лесах появилась одежда нового типа, шитая из покупных тканей; ирокезы стали носить нижние рубашки из бумажных материй, широко распространилась среди них фланель, замшевая одежда стала заменяться суконной; уже на грани XVIII—XIX вв. сукно, преимущественно темно-синее и красное, полностью вытеснило замшу.

Прежнее шитье на одежде — оленьим волосом и иглами дикобраза, мягких коричневых и песочных оттенков, было вытеснено бисерной вышивкой и накладными узорами (апликация) из лент и шелка ярких тонов; употреблявшиеся для украшения одежды раковинки и ваплум были замещены перламутровыми и медными пуговицами. Со сменой материала и техники шитья изменился и характер узоров: вместо прежнего мелкого геометрического орнамента появились броские цветочные узоры, считающиеся у американской публики типичными для индейского искусства. Большую роль в распространении нового способа украшения одежды сыграли католические монастыри Новой Франции (Канады), где монахи обучали индейских девушек разным рукоделиям на французский манер.

Своеобразие и красочность индейской одежды, богатство и яркость орнаментации, представлявшей слияние своего и иноземного начал, достигли максимального развития к середине XIX в. С тех пор начинается постепенное вытеснение национальной одежды европейско-американ-

ской; в наши дни в быту ирокезов из их национального костюма сохранились лишь мокассины.

Общественный строй ирокезов эпохи колонизации, а тем более середины XIX в., когда Морган создал прекрасное описание его, уже далеко отошел от того строя, каким они жили до открытия Америки европейцами. Л. Г. Морган лишь по пережиткам и преданиям реконструировал классический образец матриархального общества, который известен теперь всякому образованному человеку по знаменитой работе Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Но Морган одновременно описывал и существовавшие в его преи черты новых отношений у ирокезов, отношений, порожденных эпохой колонизации и войн. Существование у ирокезов патриархального рабства, наличие бедных и богатых домохозяйств (на что указывали уже ранние авторы), использование для земледелия индивидуальных участков-заимок в лесах вне родовых земель, случаи утаивания от семейно-родовой общины продуктов земледелия (потайные кукурузные ямы) и охоты, грабительские набеги на соседние племена, изимание ирокезами транзитных пошлин и дани с побжденных племен, накопление богатств в руках старейшин и вождей, а следовательно и появление имущественной дифференциации, все это показывает, что в недрах ирокезского общества уже давно нарождался ряд противоречий, ведших к разложению первобытно-общинного строя.

Но познакомимся сначала с тем древним общественным строем ирокезов, который существовал до появления всех этих признаков распада, с тем «классическим» родовым строем, представителями которого и считаются ирокезы.

Основной ячейкой ирокезского общества была семейно-родовая группа, состоявшая из родственников по материнской линии. Такая матрилинейная группа, называвшаяся у ирокезов *о в а ч и р а*, вела общее хозяйство. В древности овачира помещалась в одном длинном доме и представляла одно домохозяйство; позднее она могла объединять несколько домов.

Рис. 10. Воин племени сенека в национальном костюме (XVIII в.)

Состоявшие из людей трех-четырех одновременно живущих поколений, отдельные овачирь (а следовательно и домохозяйства) сильно варьировали в своих размерах: одни насчитывали до 50 членов, другие — до 150 и даже до 200. Такое коллективное домохозяйство, занимавшее один «длинный дом», заключало в себе несколько парных семей, занимавших каждая свое отделение в доме.

Члены овачирь могли вступать в брак лишь с членами овачирь других родов, причем первоначально брак не вел к совместному поселению супругов; и муж и жена оставались жить в своих домохозяйствах; муж лишь посещал жену, стараясь делать это по ночам, тайком от всех. Поселиться в доме жены он мог только после рождения первого ребенка. Порядок раздельного жительства супругов, или дислокальный брак, сохранился у ирокезов еще в начале XVIII в. Позднее мужчины, вступая в брак, поселялись в доме жены. Это — та форма матрилокального брака, характерная для XVIII в., которую удалось установить Моргану на основании опросов старшего поколения. И при дислокальном и при матрилокальном браке муж и жена сохраняли принадлежность к своим овачирам, а следовательно и к своим родам, выполняя общественные, религиозные (а у мужчин и военные) обязанности вместе со своими родичами; в обоих случаях дети принадлежали к овачире матери и жили в ее доме.

Таким образом, если овачиря прежде (когда господствовал дислокальный брак) состояла исключительно из лиц, связанных между собой узами кровного родства по материнской линии, то впоследствии (когда установился матрилокальный брак), кроме этой кровнородственной группы, овачиря включила в себя также и вступивших в данное домохозяйство мужчин, происходивших из овачирь других родов, но связанных с женщинами данной овачирь брачными узами.

Вся власть внутри овачирь, а следовательно и внутри каждого домохозяйства, принадлежала женщинам. Вся земля овачирь, постройка и инвентарь были собственностью женщин, т. е. материнского рода. Главной овачирь являлась *п р а в и т е л ь н и ц а*, наделенная главной исполнительной властью. Замужние женщины овачирь, имевшие детей, собирались на свой совет и выбирали правительницу из числа пожилых женщин, обычно наиболее влиятельную, умную, энергичную, трудолюбивую и с хорошим характером. Далеко не всегда она являлась старейшей женщиной овачирь. Вся власть, весь авторитет, которыми располагала правительница, осуществлялись ею с согласия и одобрения женщин-матерей ее овачирь, выбравших и утвердивших ее.

Собрание женщин-матерей выбирало также двух или четырех женщин-распорядительниц; их обязанностью было, вместе с их помощниками-воинами, устраивать празднества, на которых несколько овачирь соединялось в общем обряде. Эти же распорядительницы руководили заготовкой, путем общественного сбора, продуктов, требовавшихся для празднеств и общих собраний, заботились о пополнении общественной сокровищницы, где хранились шнурки и пояса *вампума*, изделия из игол *дикобраза* и птичьих перьев, меха, кукурузное зерно и мука, свежее и сушеное или копченое мясо и всякие другие предметы и припасы, которые могли служить для оплаты и несения общественных расходов и обязательств. Они же имели право голоса в распоряжении содержимым сокровищницы.

Таким образом, каждая овачиря была вполне самостоятельна. Замужние женщины овачирь выбирали вождя — старейшину, который представлял эту основную ячейку в совете рода и в совете племени.

Счет родства и наследование имущества велись по женской линии; муж не имел права ни на детей, ни на имущество.

Овачира была обязана выкупать жизнь своего сородича, если эта жизнь была в опасности в случае нарушения им обычного права (например, если член овачиры убил члена своего или соседнего племени); в свою очередь, овачира имела право требовать возмещения за нанесенный ей ущерб. Овачира обладала также правом казнить пленников или лишать их жизни. Иноплеменик мог быть принят в род и в племя только через усыновление его одной из овачир.

Род у ирокезов представлял собой как бы сестринский союз нескольких матрилинейных домашних общин-овачир. Ирокезский род, всестороннюю характеристику которого дали Морган и Энгельс, является классическим примером материнского рода.

Род имел особое родовое имя, которым обычно являлось родовое название животного, птицы, пресмыкающегося и которое в прошлом, видимо, было названием тотема или духа-хранителя. Род был строго экзогамен. Члены рода наследовали имущество умерших родичей; род в целом имел долю в общественной собственности своего племени. Члены рода участвовали в родовом совете. Род избирал и смещал своего старейшину и военных вождей и через них получал представительство в совете своего племени и союзном совете. Сородичи были связаны между собою обязанностью взаимопомощи, защиты и отщипения обид, а род в целом имел право искать защиты у своего племени. В случае убийства род убийцы был обязан внести выкуп пострадавшему роду своего или чужого племени. Род мог усыновлять пленников или чужих для замещения пропавших и убитых. И, наконец, род имел общее, отдельное от других родов кладбище.

Насколько можно судить по материалам, приводимым Морганом, род у ирокезов к XIX в. представлял в большой степени идеологическое объединение. Разросшийся и расселившийся род практически уже не представлял экономической общности. Фактически субъектом владения родовой собственностью, землей в первую очередь стала домашняя община — овачира.

Количество родов, составлявших племя, было различно в разных племенах ирокезов: два племени, мохавки и опейды, состояли каждое из трех родов, остальные четыре племени — каждое из восьми родов¹. Роды каждого племени группировались в две фратрии следующим образом:

Племена	Названия родов	
	Первая фратрия	Вторая фратрия
Мохавки	Волк, Медведь	Черепаша
Опейды	Волк, Черепаша	Медведь
Опондаги	Волк, Черепаша, Бобр, Кулик, Истреб	Олень, Медведь, Угорь
Кайюги	Волк, Медведь, Черепаша, Кулик, Угорь	Олень, Бобр, Истреб
Сенски	Волк, Медведь, Черепаша, Бобр	Олень, Кулик, Цапля, Истреб
Тускароры	Медведь, Большая Черепаша, Бобр, Угорь	Олень, Волк (или отдельно Серый Волк и Желтый Волк), Малая Черепаша, Кулик

У некоторых племен, например у опондагов, первая фратрия называлась фратрией Волка, вторая — фратрией Оленя.

¹ По новейшим данным, у опондагов и сенсков было по 9 родов.

Роды, составлявшие ирокезскую фратрию, считали себя братскими (или, точнее, сестринскими) по отношению друг к другу, и двоюродными по отношению к родам другой фратрии. Вследствие этого брак внутри фратрии был первоначально запрещен.

Фратрия имела функции общественного и религиозного порядка. На совете племени старейшины и военные вожди каждой фратрии садились на противоположных сторонах костра совета, и ораторы обращались к каждой фратрии особо. В общественной игре в мяч фратрии выступали одна против другой, выдвигая своих лучших игроков; остальные зрители разбивались по фратриям и бились об заклад относительно исхода игры. Если в племени происходило убийство, причем убийца и убитый принадлежали к родам из разных фратрий, то род убитого обращался к братским родам своей фратрии, а род убийцы — к своим; созывались советы обеих фратрий, чтобы общими усилиями добиться примирения. Фратриальная организация играла важную роль на похоронах выдающихся лиц. Фратрия усопшего лишь оплакивала его, а весь обряд погребения совершался людьми другой фратрии. При выборах старейшин и военных вождей избранник должен был утвердиться не только братскими родами, но и советом противоположной фратрии. Наконец, каждая из обеих фратрий имела свое тайное общество знахарей, нечто вроде братства, с особыми религиозными обрядами.

Каждое из шести ирокезских племен занимало определенную территорию, состоявшую из фактически заселенной им местности и окружающего района, в котором члены племени охотились и ловили рыбу.

У каждого племени был особый диалект, отличавший его от других ирокезских племен.

И, наконец, каждое племя в своих внутренних делах было независимо и управлялось советом племени, состоявшим из тех же старейшин, которые стояли во главе отдельных родов.

Основные черты Союза («Лиги») ирокезов в эпоху его расцвета рисуются, по описанию Моргана, в следующем виде.

Союз представлял собой «вечный союз пяти кровнородственных племен» (рис. 11), под единым управлением, основанным на принципе равенства; каждое племя оставалось самостоятельным во всех его внутренних делах.

Во главе Союза стоял союзный совет, состоявший из 50 старейшин, выделенных всеми племенами; он выносил окончательные решения по всем делам Союза. Все постановления союзного совета должны были приниматься единогласно; голосование производилось по племенам, причем единогласие требовалось в каждом племени. Союзный совет мог быть создан по требованию совета каждого из племен, но не был вправе собираться по собственной инициативе. Заседания совета были открытыми, выступать мог каждый член племени, но право решения принадлежало только совету.

В союзе не было одного лица, которое обладало бы высшей исполнительной властью; должность верховного посланчика занимали два человека, чтобы один мог нейтрализовать другого; они обладали равными полномочиями и равной властью¹.

Союзный совет собирался обычно в селении Онондага, в долине того же имени, расположенной в центре территории ирокезского союза. Это делало Онондага одним из наиболее известных селений на востоке Северной Америки. В период расцвета могущества ирокезов селение Онондага

¹ Л. Г. М о р г а н. Древнее общество. II, 1934, стр. 86—87.

являлось в сущности столицей Союза, охватывавшего огромное пространство от р. Гудзон на востоке до оз. Мичиган на западе, и от р. Оттавы на севере до рек Огайо и Потомак — на юге¹.

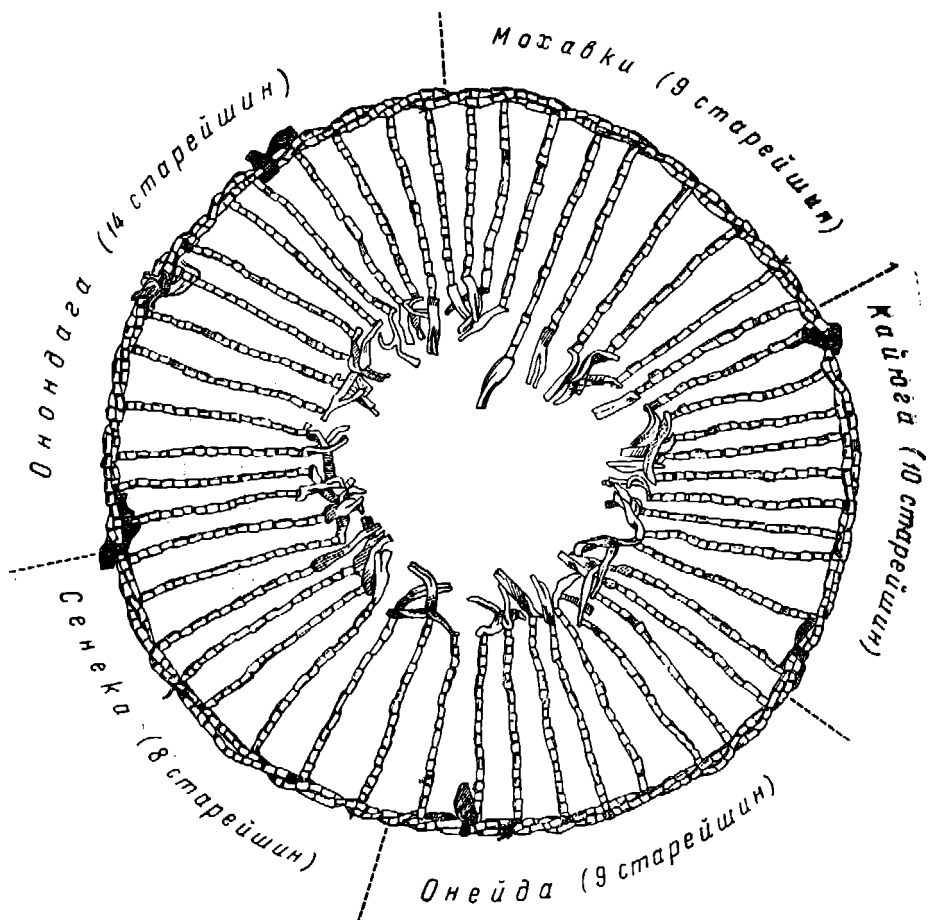

Рис. 11. Вампум, изображающий «Совет пяти племей»

Изготовлен, по преданию, при основании Союза ирокезов. Каждый из 50 подвесок вампума обозначает старейшину (сагема). Вампум хранится у племени мохавков

Собираясь вокруг «великого огня» совета, с тщательным соблюдением всей традиционной процедуры, старейшины Союза строили планы,

¹ Ирокезы уподобляли свой Союз «длинному дому». По их представлениям, союз их был пятиочажным, протянувшимся от р. Гудзон почти до р. Пиагары, «Длинным домом», в котором пять племей зажигали пять семейных огней, по собирались вокруг огня совета, горевшего в центре, в селении Онондага; восточный вход в этот символический дом был у мохавков, западный вход охраняли сенеки. Поэтому они Союз свой называли По-дэ-по-сау-нее, что обычно переводится — «Народ длинного дома», но буквально означает «Народ удлиненного дома» или, еще точнее, «Народ возможного к удлинению дома».

Эта политическая символика отражает историю Союза, напоминая о том, что при основании Союза в него вошло лишь четыре племени; позднее присоединились мохавки, а еще позднее — тускароры.

Любопытно, что ирокезы считали 13 первоначальных английских колоний подобными их собственному союзу и обращались к ним как к «13 огням».

обдумывали образ действий и решали проблемы управления и политики, которые значительным образом влияли на историю колонизации Северной Америки. Этому собранию старейшин неоднократно делались формальные предложения мира и дружбы двумя самыми могущественными государствами Европы — Англией и Францией, правительства которых нередко со страхом ожидали решения этого совета «краснокожих дикарей».

Племена Союза ирокезов не всегда были единодушны. Так, в разгроме гуропов, нейтральных и эри принимали участие главным образом сенеки; онейды нападали в основном на южные племена катамба и мускогов, а также сускеханноков; мохавки держали в страхе алгонкинские племена Новой Англии. В силу многих исторических, географических и экономических причин нередко интересы ирокезских племен настолько расходились между собой, что это не раз грозило разрывом единству союза.

Женщины играли выдающуюся роль в общественной и политической жизни ирокезов. На это обращали внимание уже ранние писатели. Так, в начале XVIII в. миссионер-исузит Лафито писал: «Ничего нет более реального, чем это превосходство женщин. Это они составляют племя, хранят родословное древо и порядок наследования и продолжают семью. Это они обладают всей властью, владеют землей и полями и урожаем с них; они — душа всех советов, першителю войны и мира; они заботятся об общественной сокровищнице; рабы даются им; они устраивают браки; дети принадлежат им, и ими и их кровью ограничена линия наследования и право наследства»¹.

Оказывая сильнейшее влияние на состав совета Союза, женщины тем не менее сами на советах никогда не говорили. Они садились сзади мужчин и сохраняли полное молчание, поручая, в случае надобности, особым ораторам выступать с речами от их имени. Этот обычай сохранился до самого конца существования советов. Среди этих ораторов «от женщин» встречались выдающиеся люди. Так, знаменитый вождь племени сенека Красная Куртка впервые прославился как оратор от женщин своего рода.

Женщины могли также запретить своим братьям и сыновьям идти на войну; нередко старейшины Союза, чтобы избегнуть разрыва с каким-либо племенем, прибегали к этому праву женщин, прося их распустить войнов, когда те становились непокорными и пренебрегали желанием союзного совета. Если женщинам не всегда удавалось предотвратить войну, все же они нередко заставляли прекратить ее.

Уважение к женщине распространялось и на женщин иного происхождения; это признавали даже враги ирокезов.

Высокое положение женщины отразилось и в обычном праве ирокезов, по которому вира за убийство мужчины женщиной равнялась 20 снизкам вампума: 10 снизок за убитого и 10 — за жизнь убийцы, находившуюся под угрозой из-за его поступка. В случае убийства женщины мужчиной вира равнялась 30 снизкам вампума: 20 снизок за жизнь женщины и 10 — за жизнь мужчины. Но если убийцей женщины оказывалась женщина, то вира в этом случае определялась в 40 снизок вампума. Таким образом, жизнь женщины ценилась вдвое дороже, чем жизнь мужчины (это имело место также у древних германцев и сохранялось еще в эпоху «варварских прав»).

Среди ирокезов широко был распространен обычай замещать убитых или умерших от болезни путем усыновления племных и других чужаков. Считалось, что при усыновлении изменялось не только общественное по-

¹ J. F. Lafitau. Moeurs des sauvages américains, t. I. Paris, 1724, стр. 71—72.

ложение усыновляемого, но менялась и вся его сущность, в нем как бы оживала кровь покойного и вокресала его душа¹.

Вопрос о том, убить пленника или усыновить, решался у ирокезов женщинами.

Для восстановления огромных потерь в населении, причиняемых многочисленными войнами и походами, ирокезы усыновляли не только отдельных лиц, но и целые племена (или остатки племен), роды, семьи. На всем протяжении писаной истории ирокезов постоянно встречаются указания на массовые усыновления. Так, из донесений иезуитов 1657 г. узнаем, что в этом году сенеки включили в свой состав лиц из одиннадцати разных племен; в 1658 г. ошондагами были усыновлены семьи и отдельные лица по крайней мере из семи различных племен. Донесения 1666—1668 гг. говорят, что две трети населения деревень племени онейда состоят из гурунов и алгонкинов.

У ирокезов существовало патриархальное рабство. Источником приобретения рабов были войны, особенно участвовавшие с колонизацией Америки европейцами. Случаев обращения в рабство одноплеменников, судя по данным источников XVII—XVIII вв., не было. Рабы выполняли самую тяжелую работу в разных отраслях хозяйства — в охоте и рыбной ловле, в земледелии и по дому.

Иезуиты в своих донесениях прямо называют этих людей рабами и указывают, что жизнь их была всецело во власти их владельцев: хозяин мог безнаказанно убить своего раба или рабыню. Чаще всего встречаются сообщения об использовании этих людей на полевых работах, причем рабы обрабатывали поля наравне с женщинами, детьми и стариками. В отдельных случаях рабы выполняли различные работы по дому — носили воду, заготавливали дрова, готовили еду. За свой труд рабы получали лишь кров и пищу. Никаких прав они не имели. Всякое возмущение с их стороны или попытка к бегству оканчивались жестокими пытками и смертью.

Рабство не всегда было пожизненным: нередко рабов принимали в члены рода и они получали права и привилегии ирокезов. Состояние рабства не распространялось на потомство раба — оно ограничивалось одним поколением.

Из всего этого видно, что рабство у ирокезов существовало лишь в своем раннем виде; для каждого данного индивидуума рабское состояние было, по существу, временным, а не пожизненным, и в зависимости от его поведения и личных качеств всегда могло прекратиться — он мог быть принят в члены племени; следовательно, оно не было и наследственным — дети рабов были свободными людьми. Здесь перед нами пример зарождения рабства в родовом обществе, когда при низком уровне развития производительных сил и сохранении натурального хозяйства широкая эксплуатация победителями труда побежденных давала мало экономической выгоды.

Ярким отражением социального строя и хозяйственной системы ирокезского общества являлась религия ирокезов. В ней отразились и древний охотничий быт, и сложившееся позже земледельческое хозяйство, и сама структура ирокезского общества.

¹ Хорошей иллюстрацией может служить такой случай: племя ошондагов во время войны между французами и ирокезами в 1689 г. усыновило француза-миссионера; он был принят вместо умершего от болезни старейшины, унаследовал его звание и скоро занял выдающееся положение как член союзного совета. Не менее характерен другой пример: племя сенека взяло в плен двух сестер-англичанок; они были усыновлены разными родами, и благодаря этому обряду кровь обеих сестер считалась настолько изменившейся, что их дети могли вступать в брак между собою, что обычно было совершенно исключено для детей сестер.

Одну из самых характерных черт религии североамериканских племен составлял культ личных духов-покровителей, так что некоторые исследователи считают эту форму верований наиболее типичной их особенностью. Считалось, что каждый человек имеет духа-покровителя.

Главными специалистами по врачеванию, предсказателями и посредниками в сношениях с духами были у ирокезов, как и у других индейских племен, шаманы, проходившие особую подготовку и имевшие своих особых духов.

Многие религиозные обряды ирокезов были связаны (как это было и у ряда других племен) с тайными обществами. У каждого из этих обществ был свой определенный ритуал; участвовать в обрядах общества человек мог, только пройдя известный вид посвящения.

Большинство тайных обществ имело целью лечение различных болезней и недугов и устранение всяких несчастий. В ритуал обществ входили древние обрядовые песнопения и разнообразные пляски; для отбивания ритма служили барабаны и погремушки.

Возрастающее значение земледелия привело к возникновению культа основных земледельческих растений — кукурузы, бобов и тыквы, почитавшихся у ирокезов под именем «трех сестер», «нашей жизни», «наших кормилиц». Эти духи культурных растений признавались равно всеми ирокезами, они не имели никакой связи с родовой организацией и не считались духами-покровителями отдельных людей. Они представлялись в виде трех прекрасных женщин, каждая — в одежде из листьев соответствующего растения.

Наиболее видное место в религии ирокезов занимала вера в сверхъестественную силу, разлитую повсюду и поклонение явлениям природы, оказывавшим влияние на их хозяйственную жизнь: они почитали небо, солнце, оживляющую силу природы, дождь и теплые ветры, как благотворные божества, и старались умиротворить мороз, град, холодные ветры, как предвестников зла. Вокруг сверхъестественных существ, олицетворявших у ирокезов явления природы, возникли сложные циклы верований и мифов.

На первом месте из ирокезских божеств стояло небо, олицетворявшееся в «держателе небес», объявившем людям свою волю в снах. Индейское имя этого божества в буквальном переводе означало: «тот, который поддерживает в двух местах небесный свод». Держатель небес представлялся величественным антропоморфным существом мужского пола, одетым в плащ из окрашенных в голубой цвет собачьих шкур. Созидательные, светлые силы природы почитались также и в лице другого благотворного божества — «хозяина жизни».

Разрушительные, темные, неблагоприятные для человека силы ирокезы воплощали в лице брата-близнеца хозяина жизни — божества зимы, холода и льда. «Одетый льдом» (как называли это божество) нес с собой голод и нужду и олицетворял собой все, что есть разрушительного в природе.

Считалось, что между двумя братьями-близнецами — хозяином жизни и божеством зимы была постоянная вражда. Во время яростной борьбы двух братьев ровная прежде поверхность земли была изрыта и покрылась горными хребтами и долинами. Таким образом, здесь налицо типичный дуализм, борьба благотворных и губительных начал природы, света и тьмы, жизни и смерти, олицетворяемая в виде двух божественных братьев-близнецов. Этот дуалистический миф, известный многим народам (например, Зевс и Тифон, Ормузд и Ариман, Вишну и Шива, Белобог и Чернобог), восходит, вероятно, к древнейшей эпохе человеческой истории с ее дуально-эзгогамной организацией.

Олицетворением темных сил считалась и бабка обоих близнецов, — «та, тело которой черно», богиня тьмы и почвы, болезней и смерти. Культ этого божества пережил любопытную эволюцию. Когда основным занятием была охота, эта богиня, отождествлявшаяся с землей и смертью, умиротворялась как злое божество; но постепенно, по мере того как ирокезы все более и более становились в зависимость от земледелия, они начинали почитать ее как свою мать и щедрого благодетеля, создав в конце концов настоящий культ «матери-земли», столь типичный для земледельческих народов вообще (например, для древних народов Средиземноморья и Переднего Востока).

Огромное значение имело также божество войны, олицетворение солнца, называвшееся «наш старший брат» (у моханков — «хозяин войны»). Его призывали в лесах и на охоте, на водах и при любой опасности. Ему жертвовали первые плоды, первую дичь. Как бога войны, его особенно почитали воины, и обычно перед выступлением в поход ему приносили в жертву собаку, вздергиваемую на высоком шесте. Иногда такими жертвами служили пленники.

Среди ирокезских божеств были также божества грома и молнии, бури, весеннего ветра и др.

Таким образом, ко времени колонизации религия ирокезов, сохраняя пережитки тотемизма и развив разнообразные анимистические представления, начинала оформляться в политеизм; религиозное отношение к животным исчезло, и благоговение было перенесено на антропоморфные божества. Весь культ стал приобретать ярко выраженный земледельческий характер.

Со второй половины XVII в., под влиянием проповеди христианских миссионеров, у ирокезов начало распространяться представление, скопированное с христианского бога, о «великом духе», т. е. начала обнаруживаться тенденция к монотеизму, чего совершенно не знала их религия до этого.

Ирокезы под гнетом колонизаторов

С середины XVII до середины XVIII в. Союз ирокезов представлял собой грозную политическую силу. И французы и англичане старались всеми способами списать дружбу и расположение могущественного союза; подкупы, ценные подарки, лесть, заверения в дружбе — все пускалось в ход для достижения этой цели. И когда в 1702 г. пропел слух, что ирокезы намереваются вступить в союз с французами, секретарь колониального управления Пенсильвании писал в Англию: «Если мы потеряем ирокезов, мы погибли».

Ирокезы прекрасно понимали свою роль в борьбе европейских наций за господство, что отмечали и французские и английские историки того времени. Сознавая, что свобода и благосостояние их народа зависели от результатов борьбы между англичанами и французами и от равновесия сил между теми и другими, ирокезские старейшины опасались, что французы и англичане могут прийти к соглашению о разделе между собой страны ирокезов и уничтожат ее или что одна из этих двух держав станет настолько сильнее другой, что ирокезы потеряют всякое значение. В связи с этим, поддерживая внешне дружбу с англичанами и храня «узы договора», ирокезы, особенно после 1700 г., стремились сохранять нейтралитет в столкновениях и войнах английских и французских колоний. Однако ирокезы были связаны с англичанами торговыми отношениями, поэтому их «нейтралитет» был проанглийским; это означало, что они всегда могли

пропустить через свои земли англичан к Великим озерам и по долине Огайо в долину Миссисипи. Поэтому для защиты своих владений с востока, со стороны разраставшихся к западу английских колоний, французы вынуждены были продвинуть линию фортов более 3 тыс. км длиной. Это повело к распылению французских сил и ослабило их в годы Семилетней войны (1756—1763), когда произошла решительная схватка между соперничавшими державами и на материке Северной Америки.

С переходом, по окончании войны, французских колоний в Америке в руки англичан (1763 г.) пало и могущество Союза ирокезов. Уже никто не заискивал больше перед Союзным советом, всякий поток подарков его пойдям; англичане, изгнав своего соперника, не стеснились больше в способах захвата земель и колониальной экспансии.

Когда вскоре английские колонии в Северной Америке восстали против метрополии и начали открытую борьбу за независимость (1775), Англия вновь попыталась использовать Союз ирокезов. Ссылаясь на старые договоры и «традиционную дружбу» и обещая, в случае победы Англии, неприкосновенность индейских территорий, представители королевской власти потребовали присоединения Союза к армиям британского короля. Но все интриги и происки англичан на этот раз успеха не имели, и первое время Союз оставался совершенно нейтральным. Лишь через два года, в 1777 г., под нажимом англичан собрался в долине Онондага Великий совет шести племен для обсуждения этого вопроса. Но совет не мог прийти к единому решению, мнения разошлись, повидимому, не обошлось и без стычек между сторонами; дренший огонь Совета шести племен потух, и было решено, что каждое племя поступит по своему разумению. В результате, сенеки и кайюги открыто и единодушно приняли сторону короля. Мохавки и онондаги разделились — часть их присоединилась к британским армиям, а часть осталась нейтральной; онейды и тускароры стремились сохранить нейтралитет, но скоро и они были вовлечены в войну, но на стороне американцев. Ирокезские отряды, принявшие британскую сторону, настолько затруднили поставшим колониим ведение войны, что американское командование решило принять самые крутые меры. В августе 1779 г. в земли ирокезов был отправлен карательный корпус генерала Сэлливана, пронесшийся по их земле подобно лесному пожару. Деревни были сожжены, дозревающая, но еще не убранная с полей кукуруза была частью выжжена, частью посечена саблями, бесчисленное количество фруктовых деревьев вырублено, запасы зерна и житницах сожжены, скот перебит¹. На предстоящую суровую зиму население, разбежавшееся по окрестным лесам, осталось без крова, без запасов пищи. Все экономические достижения были сведены на нет, вся ирокезская культура была разрушена. Экспедиция Сэлливана была последним ударом, окончившим с былой мощью ирокезов; после нее окончательно пала их политическая независимость. Территория племен онейда и тускарора была опустошена ирокезами же — союзниками англичан.

Мирный договор 1783 г. между Штатами и Англией не упоминал об ирокезах, которые, таким образом, в тяжелую минуту были покинуты спродвигавшими их на войну англичанами и оказались брошенными на «милость» победителя: британское правительство предоставило им самим договариваться с победившими колониями. Значительная часть ирокезов из всех племен и почти все племя мохавков, больше других

¹ К этому времени хозяйственное развитие ирокезов уже настолько шагнуло вперед, что у них были большие фруктовые сады (яблони, сливы), домашние животные (свиньи) и птица; в одном селении, пишет участник этой экспедиции, было порублено полторы тысячи яблонь.

находившиеся под влиянием англичан, еще до заключения мира ушли в Канаду, где британское правительство поместило своих союзников в резервации. Оставшиеся на территории штата Нью-Йорк ирокезы постепенно вернулись на свои поселения.

После ряда «договоров» с США о продаже земли, после неоднократных насильственных переселений на новые малоизвестные земли, потеряв большую часть своих территорий, ирокезский народ оказался разбросанным по материке — от Квебека до Оклахомы (более чем на 2000 км) небольшими селениями в четырех штатах США и двух провинциях Канады.

Ирокезы, живущие в резервациях, до сих пор говорят между собой на своем языке, сохраняя диалектные различия отдельных племен. Почти все они двуязычны, т. е. знают английский язык; теперь уже редко встретишь ирокеза, не говорящего по-английски, чаще это глубокие старики и изредка женщины. Литературы на ирокезском языке не существует, если не считать огромного количества переводных книг религиозного содержания различных христианских церквей.

Кроме официально зарегистрированных «резервационных» ирокезов, есть немало индейцев, которые ушли из резерваций либо на сельскохозяйственные работы, либо в города. Живущие среди американского, англо-канадского и франко-канадского сельского и городского населения отдельные ирокезы и даже целые семьи не учитываются официальными переписями Канады и США как индейцы, а попадают в рубрику «прочих». Так, известно, что ирокезы племени сенека живут почти в каждом штате США и во многих крупных городах страны; их довольно много и в Нью-Йорке. По данным отдела социального обеспечения штата Нью-Йорк на 1936 г., не меньше тысячи индейцев сенека живет по городам и селениям штата вне резерваций.

Как и все другие индейцы США, ирокезы страдают от малоземелья; их резервации все время сокращаются правительством.

Многие резервации очень пострадали также от разных мошеннических проделок с принадлежащей им землей: путем подкупов и спаивания людей, использовании подставных лиц и незаконного получения от племен письменного согласия на продажу земли различные земельные компании и спекулянты неоднократно обогащались за счет индейцев, скупая за бесценок принадлежащие последние земли. Ярким примером этого является ирокезская резервация Тонаванда в штате Нью-Йорк, в многолетней и неравной борьбе с Огдэнской земельной компанией потерявшая 0,9 своей земли¹. Да и оставшейся землей они владеют в настоящее время потому, что в 1870-х гг. им помог выкупить ее за свои деньги их соплеменник генерал Паркер².

¹ Еще Л. Г. Морган в свое время, мобилизовав внимание широкой общественности на проделках Огдэнской компании, добился аннулирования очередного «договора», представленного этой компанией с помощью подставных лиц в сенат США для ратификации. Это снижало ему огромную популярность среди ирокезов, и в знак благодарности он и был усыновлен ими в Тонаванде.

² Эли Паркер (1828—1895) — образованный ирокез из племени сенека, в ранней юности друг и помощник Моргана, его проводник и переводчик во время исследовательской работы среди ирокезов, с 24 лет — родовой старейшина племени сенека, «последний великий старейшина ирокезов», носивший это звание до самой смерти. Во время войны между Севером и Югом (1861—1865) он был прилечен в армию северян сначала в качестве военного инженера (в чине капитана), затем был переведен в штаб главнокомандующего войсками северян генерала Грапта и впоследствии назначен его личным секретарем; за свои военные заслуги он получил чин полковника, затем генерала. Рукой Паркера был написан акт о капитуляции главнокомандующего южан генерала Ли, подписанный 9 апреля 1865 г. и закончившей междоусобную войну в США. Память его свято чтится ирокезами, а воспоминания совре-

И все-таки еще в 1923 г. ирокезы-сенки жили под угрозой предъявления им иска в 200 тыс. долларов со стороны Огдэнской земельной компании.

Как обстоит дело сейчас, мы не знаем, но, судя по жалобе ирокезов Генеральной Ассамблее ООН, спекуляция ирокезскими землями и отторжение их продолжаются.

Вследствие проведенного по закону 1887 г. раздела общинных земель, у ирокезов появилась некоторая прослойка землевладельцев. Подавляющая часть не в состоянии вести хозяйство на своих нищенских участках и сдает их в аренду, получая ничтожный доход. Столь же скуден и другой источник существования ирокезов — так называемая рента, полагающаяся в счет проданных государству земель. У ирокезов размер этой ренты варьирует в отдельных резервациях от 1,35 до 68 долларов на человека в год (по официальным данным 1936 г.). Иногда, согласно старинным договорам, уплата ренты производится натурой. Так, индейцы-онондаги за уступленные ими ценные соленосные земли получают ежегодно от штата Нью-Йорк через правительственных агентов 100 бушелей (3,5 т) соли, что в 1940 г. составляло около 5 кг на каждого индейца резервации; одна из резерваций получает ежегодно определенное количество сукна. Если небольшое количество соли или тканей, приходящееся на одного человека, в конце XVIII столетия, когда индейцы вели натуральное хозяйство, представляло известную ценность, то в наши дни такая система является форменным издевательством над индейцами. И в то же время этот способ выплаты ренты дает повод считать индейцев хотя и мелкими, но все же рантье, живущими на доходы от продажи своих земель; американское правительство имеет формальный повод говорить, что земли у индейцев не отняты даром, а оплачиваются по договорам ежегодной рентой.

Наряду с появлением в пределах резерваций американских капиталистических фермеров, занимающих большую часть годных для обработки резервационных земель, здесь создалась небольшая прослойка зажиточных фермеров-ирокезов, пользующихся наемным трудом, т. е. эксплуатирующих своих безземельных соплеменников. Но кулацкая прослойка и малочисленна и несоизмеримо экономически слабее крупного или даже среднего капиталистического фермерства США.

Жизненный уровень той части ирокезов, которые являются мелкими фермерами, как правило, значительно ниже уровня окружающих их белых фермеров-бедняков.

Основным их занятием остается земледелие, затем молочное скотоводство и кое-где разведение домашней птицы. Где это возможно, фермеры-ирокезы занимаются рыболовством. Но так как все эти занятия не могут прокормить их, то во многих резервациях развиты подсобные «индейские» промыслы: плетение корзин, изготовление лыж и ракеток для игры в мяч, изделий из бисера. Летом эти «индейские» изделия продаются приезжающим туристам: так, в парке около Ниагарского водопада всегда можно встретить индианок племени тускарора, предлагающих мелкие сувениры в ложпоиндейском стиле — бисерныепочки, вышитые бисером бумаж-

менников-американцев рисуют его как умного и обаятельного человека, талантливое инженеря и военного; он пользовался огромным уважением и авторитетом среди всех знавших его, в том числе и в тогдашних правительственных и военных кругах США. Жизнь и деятельность Паркера на широком историческом, бытовом и этнографическом фоне дана в работе Arthur C. Parker. The life of general Ely S. Parker. Last grand sachem of the Iroquois and general Grant's military secretary. Buffalo, 1919.

ники и портсигары, куколок в псевдоиндейских костюмах, миниатюрные модели индейских предметов (крошечные мокасины, люльки, сани тобоган) и другие безделушки.

При первой возможности индейцы уходят из резерваций в надежде найти работу. И мужчины и женщины нанимаются на сезонные сельскохозяйственные работы у крупных фермеров, на сбор фруктов, табака. Многие мужчины уходят работать на консервные заводы, фабрики, склады и мастерские.

За годы второй мировой войны, в связи с большим спросом на рабочие руки, бегство из резерваций усилилось — индейцы работали на полевых заводах, железных дорогах, служили в армии. Послевоенная безработица, тяжело отразившаяся на положении рабочего класса США, сильно ударила и по индейцам, резко ухудшив их и без того бедственное положение.

Трагедия американского или канадского фермерства, потрясающая свои безысходностью, характерна для индейцев еще в большей степени. Не имея ни усовершенствованных земледельческих орудий, ни рабочего скота, ни денег на их приобретение, мелкие фермеры-индейцы еще меньше могут конкурировать с капиталистическим хозяйством крупных фермеров, чем их американские собратья по классу. Разоряясь, индейцы продают свои участки, покидают резервации и переходят в ряды безземельных сельскохозяйственных рабочих или люмпен-пролетариев, скитающихся по дорогам Америки в поисках любой работы, ночующих где попало, ведущих тяжелую полунищенскую жизнь.

Быт ирокезов-фермеров сильно американизирован, хотя во многих областях их жизни сохранились этнические особенности.

Можно пройти десятки километров мимо фермерских домиков современных ирокезов, встретить многих потомков основателей Союза шести племен и даже разговаривать с ними, не подозревая, что это индейцы. Ирокезы любят передавать шутку о «белом» шофере, который, проезжая по резервации, остановил индейца и спросил: «Скажите, как я могу попасть в город, не проезжая через резервацию? Я боюсь индейцев». Апатичный случай рассказывает Н. Васильев, советский автор, несколько лет живший в Соседиенных Штатах. Разыскивая «индейскую резервацию» близ Пиагарского водопада (кстати, считающуюся у американцев наиболее «преусеивающей»), он долго ездил на машине мимо «всёма убогих фермерских домиков», прежде чем узнал, что это и есть резервация. Быт ее обитателей поразил его своей нищетой: «Мы идем по резервации, с разрешения хозяев заходя в некоторые избы. В сущности, это даже не избы, а жалкие хижинки. Вот, например, жилище пожилого индейца. В комнате нет почти никакой мебели и кухонной утвари...

Глава семьи раньше был фермером, но не выдержал конкуренции своих американских коллег и разорился. Теперь он рабочий одного из заводов в Найагара-Фоллс. На свою зарплату он не может удовлетворить даже минимальных потребностей семьи, которая вынуждена вести полуголодное существование.

Вот семья другого индейца, еще продолжающего заниматься земледелием. Ее материальное положение ничуть не лучше. Такую же картину бедствия, болезни и нищеты мы видим повсюду. Почти на всех домах лежит отпечаток крайнего запустения. Хозяйственная утварь валяется неприбранной. Отощавший скот стоит, как правило, не в хлеву, а на привязи у изгородей»¹.

¹ Н. Васильев. Америка с черного хода. «Советский писатель», 1949, стр. 235.

Васильев совершенно правильно объясняет катастрофическое положение ирокезов всей национальной политикой США, которая, навязав индейцам новые для них хозяйственные формы, не оказывала им никакой помощи. Превращенные в мелких частных собственников, индейцы стали вливаться со свирепой конкуренцией торговых монополий и разорялись.

«Немногим лучше, — пишет далее Васильев, — выглядит изба вожди одного из паходящихся в резервации племен: и тут нищета выглядывает из каждого угла. Мы застаем престарелого вождя за трапезой, судя по всему — чрезвычайно скромной... Он не знает английского языка, и мы беседуем с ним с помощью проводника. Разговор, естественно, вращается вокруг незавидного положения индейцев в резервации, к тому же ухудшающегося из года в год. Болезни, причиной которых являются хронические недоедания и грязь, — настоящий бич индейцев. За время войны многие разбежались по разным городам в поисках работы и куска хлеба. Они уже больше не вернутся сюда».

Только один дом в резервации оказался, как сообщает Васильев, похожим на настоящий дом с культурной и даже комфортабельной обстановкой. Этот дом принадлежал агенту земельных компаний, скупающих у индейцев их земли. Одновременно он был представителем фирмы «Стандарт ойл», продающей здесь керосин.

Крайняя бедность ирокезов сказывается во всех областях жизни. Подавляющее большинство индейцев до сих пор обрабатывает землю заступом и засеивает вручную. Сохраняется старый сельскохозяйственный инвентарь: корзины-севалки, деревянные ступы для размельчения кукурузы, самодельные решета и сита из лучинки. До сих пор индейцы пользуются деревянной посудой. Для перевозки грузов служит допотопная волокуша.

Пища ирокезов очень скудна. В основном — это кукуруза, бобы, иногда мясо. Но и из этого небольшого количества продуктов ирокезы готовят различные блюда, питаются хоть и бедно, но довольно разнообразно. Им известно до 40 рецептов приготовления кукурузных блюд, преимущественно типа похлебок и жидких каш, в различной комбинации с бобами, тыквой и другими растительными продуктами; иногда их сдабривают мясом или рыбой. Некоторые из этих кушаний характерны для стола и алгонкинских племен; многие вошли в ежедневный обиход современных американцев и канадских французов. Из этих заимствованных у коренного населения блюд особенно популярны так называемая «хомини» — каша из кукурузной муки — и «суккоташ» — похлебка из кукурузных зерен и бобов, заправленная маслом (оба термина — алгонкинские).

По одежде ирокезы почти не отличаются от других бедняков США. Мужчины носят тот же комбинезон с рубашкой. У женщин сохранилась одежда египетского покрои XIX в., что вообще характерно для глухих сельских районов США. Девушки и молодые женщины носят широкие длинные платья, иногда с тяжелой темной юбкой, видной из-под более короткого платья; женщины постарше надевают кофты и юбки, доходящие почти до полу. Обращает на себя внимание прическа той части населения, которая придерживается еще старых обычаев: у мужчин длинные полосы, которые им приходится заплетать во время работы, чтобы они не мешали; девушки носят волосы распущенными, а женщины заплетают их в две или в одну косу, независимо от возраста.

Из особенностей старой национальной культуры у ирокезов сохранилась народная медицина. Когда-то ирокезская медицина славилась поразительным знанием лечебных свойств различных растений. Целебную силу индейских садоводы узнали уже перлы попавшие в страну европейцы — французские моряки, пытавшиеся здесь обосноваться. В первую

же зиму (1535/36 г.) среди них началась цынга; из 110 человек зимовавших 25 умерло, остальные выжили благодаря тому, что их вылечили ирокезские знахари лекарством, приготовленным из дренесных почек и коры. Из растений, употребляемых ирокезскими и алгонкинскими лекарями, до 70 признаются научной медициной и входят в фармакопею США. Конечно, современным медицинским требованиям ирокезская медицина ни в какой мере не отвечает. Тем не менее ирокезы, лишённые медицинского обслуживания, вынуждены, как сотни лет назад, лечиться у своих знахарей.

Интересный эпизод, связанный с вопросом о народной медицине ирокезов, рассказывает Н. Васильев в упоминавшейся выше книге «Америка с чёрного хода». При посещении резервации тускаророров у Ниагарского водопада ему повезло встретиться образованного ирокеза. «Вдумчивость суждений, хорошее знание истории своего народа и свободная английская речь выдают в нашем проводнике интеллигентного человека. Мы не торопимся задавать ему вопросы о его профессии и образовании, все разъясняется само собой, когда, по его приглашению, мы выходим в знакомую им бревенчатую избу.

В избе всего две комнатки. Одна из них завалена травами и кореньями, лежащими на полу, на столе, на полках. Их раскладывает старая женщина, которую индеец представляет нам как свою мать. Судя по всему, эти травы и коренья имеют какое-то отношение к профессии хозяина дома. Предупреждая наш вопрос, он объясняет:

— Видите ли, я лекарь. Мой отец и дед также были лекарями. Это у нас родовая профессия. Мать помогает мне, она prepares лекарства из растений. Но у меня есть и специальное образование, я его получил в университете».

Получив диплом врача, собеседник автора не остался в городе, а вернулся в резервацию. В городе никто не стал бы лечиться у врача-индейца, хотя было время, когда индейская медицина находилась в большом почёте, а «индейский доктор» был единственным представителем лекарской профессии среди белых поселенцев.

Сейчас он практикует на индейский манер, хотя и понимает преимущество современной медицины перед индейской. Но для того, чтобы практиковать на современный лад, нужны большие затраты.

«Я не смог достать средства даже для крохотной амбулатории, — говорит он сокрушенно. — Муниципалитет Найагара фоллс отмахивается от нас, так как резервация находится под федеральным, а не под местным контролем¹. Частного кредита ни от кого не получишь. Нам нечего дать в обеспечение кредита»².

Слова эти прекрасно объясняют причину устойчивости народной медицины у индейских племен.

Хотя считается, что в отношении здравоохранения ирокезы находятся в наиболее благоприятном положении по сравнению с индейцами других

¹ Ирокезские резервации штата Нью-Йорк находятся в особом положении по сравнению с другими индейскими резервациями США. Как все индейские резервации США, юридически они подведомственны Управлению по делам индейцев, входящему в аппарат федерального правительства. В то же время «имперский штат» (Нью-Йорк) никогда не уступал федеральному правительству какой бы то ни было власти над землями внутри своих пределов, поэтому действительное право на управление резервациями Нью-Йорка принадлежит не Вашингтону, а штату Нью-Йорк. В результате ирокезские резервации штата Нью-Йорк оцугались, так сказать, между двумя стульями, и даже те жалкие мероприятия по улучшению быта индейцев, которые проводились Управлением по делам индейцев в соответствии с Рузвельтовским законом 1934 г. (The Indian Reorganization Act), проходили мимо них.

² Н. Васильев. Ук. соч., стр. 233—235.

резерваций Канады и США, тем не менее до 10% ирокезов поражено туберкулезом.

Не лучше обстоит дело и с народным образованием. Школ не хватает, они плохо оборудованы, квалификация педагогов низка. Есть школы с интернатами — ими ведают миссионеры, которые, конечно, больше всего занимаются «религиозным воспитанием» индейских детей, приучением их к регулярному посещению церковных служб и выработкой покорности белым. Особенно плохо обстоит дело среди ирокезов-онейдов, живущих в Висконсине: здесь школ совсем мало, и из-за их удаленности от селений (8—10 км) дети посещают их очень нерегулярно. Несомненно, что резкое ухудшение условий жизни «среднего американца» и «нижних классов» за послевоенные годы, связанное с этим сокращение числа школ и сильное снижение посещаемости их (что хорошо известно из периодической печати Канады и США) не могут не вызвать еще большего понижения уровня образования ирокезов.

Несмотря на то, что современные ирокезы представляют собой классовое общество, у них сохранились следы первобытно-общинных отношений — счета родства по материнской линии (кроме моханков, у которых отцовский счет родства), родовой экзогамии, фратриального деления (проявляющегося лишь в погребальных обрядах); еще действует обычай взаимопомощи соседей, распространяющийся в настоящее время на всех жителей селения, действуют тайные общества, поддерживаемые консервативной частью индейского населения. Но основа первобытно-общинных отношений у ирокезов давно разрушена. Коллективная собственность на землю большие не существует, а вместе с тем не существует — овачира (в новом понимании слово «овачира» означает обычную современную семью). С падением овачиры как трудового коллектива родственников по материнской линии, владеющего общинной собственностью, изменилось и общественное положение женщины.

Первое время после распада Союза женщины еще продолжали принимать участие в различных совещаниях племени. Имена правительниц и «главных женщин» появлялись еще некоторое время в протоколах совещаний и в земельных актах штата Нью-Йорк, но очень быстро исчезли.

Долго сохранился обычай усыновления чужаков, но из фактора жизненно необходимого для пополнения племени, рода, семьи он превратился в символический акт. Ирокезы стали усыновлять отдельных американцев, тем или иным способом списавших их расхождение. Сведения о таком виде усыновления начинают появляться еще в XVIII в., когда усыновляются миссионеры, агенты и другие лица, и этот акт не влечет никаких перемен в их последующей жизни. Американцы очень быстро поняли все преимущества и выгоды быть усыновленными и постепенно стали сознательно использовать этот обычай как один из способов проникновения в индейскую среду в корыстных целях; ряд материалов XVIII в. свидетельствует об использовании этого своеобразного приема в северноамериканской колониальной политике. После поселения ирокезов в резервациях в XIX и XX вв. усыновление практиковалось исключительно в этой редуцированной форме, но уже только как знак уважения к отдельным лицам. Общеизвестен факт усыновления этнографа Моргана одним из родоплеменников сенека в 1847 г.

Многие ирокезы до сих пор придерживаются старых верований, хотя официально большинство их числится христианами. Миссионерская «работа» среди ирокезов ведется уже более 300 лет.

Миссионеры всех мастей — католики, пресвитериане, баптисты, методисты, проповедники епископальной церкви и других церковных конгрегаций прилагали немало усилий, чтобы обратить в христианство непо-

корных «язычников». Но до сих пор почти в каждой резервации на основных ирокезских территориях, т. е. в штате Нью-Йорк, существуют так называемые «языческие» группы. Деятельность их представляет своеобразный протест против политики насильственной ассимиляции и национального угнетения, облеченный в реакционную религиозную форму. С одной стороны, эти группы борются за сохранение народного искусства, старинных праздников, собирают древние мифы и предания. По месту

Рис. 12. Рисунок, сделанный ирокезом из резервации Коршплавтер (Пенсильвания, 1939 г.), изображающий обрядовую пляску в Доме Совета

с тем увлечение стариной, а еще более — религиозной обрядностью, уводит индейцев от современности, нанося им большой вред.

Приерженцы старины называют себя народом «Длинного дома». Все свои религиозные обряды они отирапляют в специальных зданиях-молебельнях, именуемых ими «Длинными домами» в память общинных домов, в которых жили ирокезы до разгрома Союза. Здесь же собираются советы племен и справляются шесть годовых празднеств ирокезов, ведущих свое начало от глубокой старины и впервые описанных Морганом: праздник Середины зимы, или Нового года, праздники Клена, Посепа, Земляники, Зеленой кукурузы и Урожая. Отдельные детали обрядов и плясок несут на себе отпечаток пережитков фратриальной и родовой организации (рис. 12).

Основными организаторами и участниками всех этих празднеств и обрядов являются «язычники», но почти всегда присутствуют в качестве зрителей, а иногда и принимают участие многие из крещеных ирокезов. Духовенство ведет с этим явлением энергичную борьбу, но часто так называемые «христиане» идут на эти празднества именно в знак протеста против нажима со стороны церкви.

На собраниях советов племен еще недавно сохранялся обычай торжественно излагать древние предания о возникновении Союза ирокезов, его основателе Гайавате и о последующих событиях в жизни Союза. Благодаря этому обычаю старики-ирокезы и сейчас помнят много исторических сказаний о своем народе. Недавно, по инициативе самих ирокезов, составилось даже нечто вроде комиссии из вождей от всех шести племен, и под

их диктовку были записаны главнейшие предания и легенды, относящиеся к эпохе возникновения союза; записанное было прочитано на совете бывшего Союза ирокезов и утверждено им. Таково происхождение одного из изданных сборников «Истории шести наций», основанной на преданиях.

У старшего поколения ирокезов-«язычников» удержались еще в памяти древние мифы и различные легенды, создававшиеся в самые отдаленные времена.

Огромно воспитательное значение этого фольклора — ряд его эпизодов в образной форме говорит о значении сплоченности для самого существования племени, о необходимости мира между народами, о преимуществах общей дружной работы (что отразил в своей поэме и Лонгфелло).

Стремление ирокезов сохранить свою культуру, отстаивать национальную независимость крепнет с каждым годом. Появление закона Уилер-Говарда (см. статью «История колонизации Северной Америки и современное положение индейцев»), столь много обещавшего индейцам, было встречено ирокезами восторженно. Ирокезы-сенеки, у которых более других сохранилось чувство племенного самосознания, первыми составили проект конституции, в основу которого была положена конституция Союза шести племен. Индейцы верили, что теперь они получают действительную помощь и самоуправление.

Эта реформа, констатировала резолюция, вынесенная племенем онейда в Висконсине летом 1937 г., «открыла нам возможность нашей социальной и экономической реабилитации»; этот закон — «неожиданное счастье», он означает «новый день для американских индейцев», — говорилось там же.

Но очень скоро восторги по поводу нового закона сменились глубоким разочарованием.

«Мы нашли в этом законе не самоуправление, а только изоляцию моего бедного народа и лишение его прав, гарантированных 14-й поправкой к конституции», заявил один из индейских делегатов. Правительство США принимает меры к уничтожению последних остатков организационного единства ирокезов. 23 октября 1950 г. в Лейк-Саксессе, после заседания Политического комитета Организации Объединенных Наций, группа пождой ирокезов вручила главе делегации СССР на пятой сессии Генеральной Ассамблеи ООН А. Я. Вышинскому копию жалобы на дискриминационные действия американских властей в отношении североамериканских индейцев и особенно в отношении ирокезов. Представители ирокезов распространили эту жалобу среди делегаций Генеральной Ассамблеи ООН.

В жалобе отмечается, что в американском конгрессе готовится ряд законопроектов, которые в случае их принятия «нанесут непоправимый вред социальному и экономическому статусу всего индейского населения».

Некоторые из этих законопроектов предусматривают новое сокращение территории индейских резерваций, попрки договорам, заключенным между американским правительством и индейскими племенами. Другие законы направлены на дальнейшее ограничение самоуправления внутри индейских племен.

В жалобе указывается на притеснения, чинимые властями штата Нью-Йорк в отношении находящегося на территории этого штата Союза ирокезов. В частности, в ней говорится, что власти штата обманым путем уже добились отторжения от Лиги ирокезов 18 млн. акров земли. «Конфедерация шести наций (или Лига, Союз ирокезов) получила признание в истории США, однако за последнее время ей отказывают в существовании как нации... США силой навязывают индейцам шести наций свое господство над ними... Во время прошлой сессии американского кон-

гресса, — сообщается далее в жалобе, — были внесены три проекта законов, которые в случае их принятия будут означать разрушение Конфедерации шести наций.

Эти законы будут насильственно навязаны народу, который не имеет своего представительства в правительстве, принимающем такие законы, и который не имеет никакого желания быть представленным в таком правительстве».

«Несколько лет тому назад, — говорится в разделе жалобы, озаглавленном «Призыв к справедливости» и обращенном к американскому народу, — вы выиграли великую войну. Мы сражались на стороне наших генералов. Нам говорили, что мы сражались за демократию, за права малых народов. Ваши генералы еще живы, чтобы рассказать о нашей лояльности. Да, кровь наших воинов пролилась на полях сражений Франции, Германии и Японии, как нам говорили, за демократию. Почему же вы желаете порвать священные соглашения между вашей страной и шестью нациями? Наши священные договоры ломаются, как ветви молодого дерева, ваши спекулянты земель приходят, чтобы обмануть нас, ваших бывших покровителей — ирокезов, бывших когда-то великой и могучей нацией»¹.

Жалоба ирокезов является одним из множества документов, разоблачающих антинародную, империалистическую политику расового и национального угнетения, последовательно проводимую в интересах реакционных кругов США.

¹ Жалоба американских индейцев племени ирокезов на дискриминационные действия правительства США. «Правда», 26 октября 1950 г.

ИНДЕЙЦЫ ПРЕРИЙ

В штатах Южная и Северная Дакота, Монтана, Небраска, Висконсин по небольшим резервациям, а в штате Оклахома — в сельских районах изолированными индейскими общинами — расселено множество индейских племен, еще в XIX в. кочевавших за стадами бизонов в центральной равнинной части Северной Америки (так называемых «прериях»). Эти охотничьи племена получили в этнографической литературе наименование индейцев прерий. Наиболее многочисленными из них были индейцы сиу и алгонкины. К первым относились следующие племена: дакоты, ассинибойны, пороны (абсароки), хидатсы, айоны, оседжи, ото, понки. Из алгонкинских племен здесь обитали аранахи, чейены (шайны), сиксика (черноногие), оджибвы.

К языковой группе кэддо относились арикары, пауни, вичиты, кэддо. На юге прерий кочевали воинственные племена атапасков — аначи, на северо-западе также атапаски — сарси и индейцы кайова, язык которых не был связан ни с одной из перечисленных языковых групп. Кочевавшие на юге и юго-западе прерий племена команчей, баннок, юта и шошонов по языку принадлежали к шошонской группе большой юта-аптекской семьи языков.

Племена дакотов, команчей, аранаров, чейенов и кайова кочевали в центральной части прерий. Они занимались в основном охотой, в то время как в хозяйстве остальных племен прерий наряду с охотой значительное место занимало и огородничество. Жизни именно этих охотничьих племен было уделено видное место в старой американской литературе и искусстве. Их воинственность, живописный костюм, своеобразный охотничий быт легли в основу распространенного представления об американских индейцах вообще, хотя в действительности они сильно отличались от других племен Северной Америки.

Индейцы прерий представляют большой интерес не только для авторов приключенческих романов. Они чрезвычайно интересны и для исследователей — историков и этнографов. На первый взгляд, судя по их кочевому охотничьему быту, индейцев прерий можно считать представителями очень примитивной стадии исторического развития. Но внимательное изучение показывает, что это далеко не так. Племена прерий имеют за собой сложную и долгую историю. Некоторые из этих кочевых охотников еще не так давно — в XVII в. жили оседлым или полuosедлым бытом, населяя лежащие далее к востоку земли, и занимались земледелием; охота на степных животных была для них лишь побочным занятием. Некоторые племена продолжали заниматься земледелием вплоть до новейшего времени (XIX в.), другие вынуждены были бросить свои деревни и поля и люд нажимом европейских колонизаторов уйти вглубь прерий еще в начале XVIII в. Судя по принадлежности отдельных племен прерий к различным

языковым группам, можно думать, что степи заселялись в разное время и с разных сторон.

Культура индейцев прерий в том виде, как она описана этнографами XIX в., сложилась сравнительно недавно. Сходные условия жизни наложили отпечаток на культуру племен, по происхождению весьма разных. Вероятно, и культура их в прежние время более резко различалась.

Основным условием, определившим своеобразие этой культуры, был переход к кочевой охоте на бизона, сначала пешей, потом (с XVIII в.) конной, с применением огнестрельного оружия, сделавшего охоту еще более продуктивной. Охота на бизона определила особенности питания, одежды, жилища, домашней утвари индейцев прерий, словом — всей их материальной культуры.

Остановимся более подробно на главной, определяющей весь культурный уклад жизни индейцев прерий отрасли хозяйства — охоте. Бизоны, олени, лоси были основными объектами охоты. Наиболее характерная черта ее — коллективность труда и распределения его продуктов.

На время охоты вся власть в племени переходила к нескольким предводителям, назначенным советом племени. Самая охота проводилась по строго соблюдавшимся правилам. Предводители охоты высылали разведчиков, чтобы точно определить, где находятся бизоны, а сами собирались в палатке племенного совета и обсуждали все вопросы предстоящей охоты, намечали ее участников. Через специального глашатая они извещали народ о времени начала охоты. Приблизившись к стаду, охотники разделялись на два отряда, которые полукругом с двух сторон окружали животных. Во главе каждого отряда было по два-три предводителя. Если одна часть охотников схала слишком быстро и тем самым спугивала стадо раньше, чем замыкался круг, то руководителей этой части наказывали руководители другой. По правилам охоты ни одна стрела не могла быть пущена раньше, чем съедутся оба отряда. Когда круг замыкался, предводители давали знак к атаке и охотники пускали свои стрелы в бизонов, мчась вокруг стада на конях. По окончании охоты делили добычу. Лучшие куски откладывались для общей трапезы, происходившей в палатке племенного совета. После этого предводители объявляли об отдыхе на следующий день. Индивидуальная охота преследовалась; если охотник уезжал охотиться в одиночку, то по возвращении его ожидало наказание. Его палатку разрывали на части, жерди ее разламывали, все его имущество разоряли, а иногда даже убивали самого охотника. Индейцы строго следили за соблюдением правил сезонной охоты, заботясь об охране животных во время вывода молодняка и жестоко преследуя браконьерство.

Как уже говорилось, кожная охота значительно облегчала жизнь индейцев прерий. Индейцы высоко ценили лошадей. Они выменивали их у торговцев на лупину, захватывали в качестве военной добычи у американцев, ловили одичавших лошадей, стада которых паслись в прериях. Удивительную ловкость проявляли индейцы прерий в ловле и укрощении мустангов — одичавших лошадей, завезенных в Америку первыми испанскими колонистами.

Американский художник Кэтлин, проделавший большое путешествие по территориям индейцев в 30-х годах прошлого века, с восхищением писал: «Какое поразительное зрелище, когда чейены, лучшие укротители диких лошадей, ловят их без помощи коней и пешком перегоняют луговых мустангов. Вот как они это делают! индейский всадник прежде всего появляется посреди стада диких лошадей и отгоняет несколько испуганных животных, заставляя их броситься вправо или влево, сходит с лошади или оставляет ее, стреножив, или отдает в руки какого-нибудь приятеля».

а сам пешком бросается за беглецом. Он почти совершенно голый; на левой руке носит лассо (ременный аркан), а в правой держит бич; в кармане у него немного сушеного зерна, которое он ест на ходу; быстрым и ровным шагом, идти которым он может целый день, он следует за испуганным животным, бегущим со всех ног...

Любопытная особенность, известная всем индейцам, заключается в том, что дикая лошадь, лань, лось и другие животные никогда не бегут прямо, а описывают всегда дугу в левую сторону... Индеец точно знает точку, где животное остановится, и идет туда напрямик, и оба приходят почти в одно время к известному месту: лошадь, пробежав милю, а пешеход половину или не более трех четвертей расстояния. Животное, растерявшись, бежит снова, и после дня таких перебежек, усталости и страха оно совершенно утомлено к закату солнца; оно покрыто испой, описывает дуги только в несколько метров, когда наконец неутомимый охотник, несколько не усиливший своего шага, так близок, что бросает лассо. Ласки и кротость индейца... довершают остальное, и на следующее утро индеец возвращается к себе в деревню на новом коне, с лассо во рту и приводит за узду свою прежнюю лошадь¹.

Племена восточной области прерий занимались наряду с охотой также и огородничеством. Они возделывали преимущественно кукурузу и табак². Собрав осенью урожай кукурузы, индейцы отправлялись на охоту и возвращались в свои селения только в марте для посева. Засев поля, они вновь уходили в охотничьи экспедиции и возвращались только в июле для сбора урожая.

У индейцев была общинно-родовая собственность на землю. Каждое домохозяйство, состоявшее из родственников по материнской, а позднее — отцовской линии, получало в пользование участок из фонда земли, принадлежавшей родовой общине.

Многие племена на востоке прерий занимались также собиранием дикого риса. Этот промысел, как и сбор диких плодов, ягод и корнеплодов, был делом женщин. Растительная пища была важным дополнением к мясу, составлявшему главную пищу всех индейцев прерий.

Пища употреблялась в вареном или жареном виде. Варилось мясо при помощи раскаленных камней или в яме, которую выстилали кожей, или в коже, наткнутой в виде сосуда на колышки. Впрок оно сохранялось в вяленом виде или в виде порошка, называемого пеммикан. Дакоты приготавливали ягодный пеммикан, представлявший собою смесь мясного порошка с ягодной пастой. Пеммикан мог сохраняться в течение нескольких лет: употребляли его, смешивая с жиром и делая из него мисные лепешки. Ягоды шли в пищу преимущественно в свежем виде, а корни, так же как и мясо, варили.

Основным оружием индейцев прерий был лук. У дакотов и арапахов он был из цельного куска гибкого дерева с сухожильным инурком на наружной стороне. Такой лук называется усиленным. У остальных племен равнинных индейцев был распространен простой лук. Наконечники стрел были кремневые. Появились огнестрельное оружие в начале XIX в. не сразу вытеснило лук, употреблявшийся индейцами до тех пор, пока не исчезли бизоны. Преимущество лука заключалось в том, что пуцельная из него стрела ранила животное, не спугивая стадо, тогда как выстрел из ружья

¹ Д. Кэтлип. У американских индейцев. Библиотека путешествий. Среди дикарей. СПб., 1876, стр. 56—57.

² Обрядовое курение табака было общераспространенным явлением среди всех индейцев. Курили во время религиозных обрядов, общественных собраний, при заключении договоров о мире с другими племенами.

пугал и разгонял животных. Употреблялись также копыя и лассо. Кроме того, охотник всегда имел при себе каменную палицу — томагавк и кремневый нож, применявшийся также при скальпировании прага. Эти же орудия служили боевым оружием индейцев, но в дополнение к ним каждый воин во время боевых действий имел при себе круглый щит из кожи с шеи бизона. Основным земледельческим орудием у индейцев прерий была заостренная палка. Широко применялись каменные топоры и молоты, кремневые ножи и скребки.

Единственным домашним животным до появления лошади была собака. Собак тренировали для охоты; они использовались и для перевозки тяжестей — с этой целью их впрягали в специальные волокуши. Собака имела также большое культовое значение, с ней были связаны многие обряды. «Собачья пляска» занимала одно из главных мест в религиозных обрядах дакотов. Собачье мясо считалось священной пищей. С приходом европейцев в перевозке тяжестей собаку заменила лошадь. Это нашло отражение в языке индейцев: у дакотов слово «лошадь» буквально значит «большая волшебная собака». Названия частей лошадиной сбруи соответствуют названиям деталей собачьей упряжки.

Среди племен, живших по берегам Миссисипи и Миссури, были распространены круглые лодки, представлявшие собою патинутую на деревянный остов шкуру бизона.

Чрезвычайно важной отраслью хозяйственной деятельности индейцев прерий была обработка бизоньих шкур, из которых делали одежду, обувь, перх жилища и утварь. В этой области трудились исключительно женщины. Подошвы к мокасинам, мешки и сумки делались из сыромятной кожи; кожу, предназначенную для шитья одежды, перерабатывали в замшу. Основным орудием обработки служил скребок для снятия мездры и волоса. Лезвие такого скребка было каменное, но с приходом европейцев заменилось железным. Сохшуюся кожу разминали круглым камнем. Из сухожилий изготавливали нитки для сшивания шкур при помощи костяного шила.

Шитье одежды также было женским занятием. Мужской костюм состоял первоначально из замшевого передничка, длинных гамаш — поговиц, прикреплявшихся к поясу, и накидки из шкуры бизона. Последняя составляла главную часть одежды; она красиво орнаментировалась вышивкой из игл дикобраза, кусочками кожи и рисунками. Накидка или плащ представляли собою целую шкуру бизона, с хвостом. Накидывали ее таким образом, чтобы хвост приходился на правую руку. Такие же плащи носили и женщины, разница была лишь в украшениях.

Типичной для женского костюма была рубаха-платье без рукавов, сшитая из двух шкур лося. Подол платья обычно заканчивался бахромой. Женщины также носили ноговицы, но последние были короче, чем у мужчин, и закреплялись у колен. Почти все части одежды красиво расшивались иглами дикобраза, позже бисером, и украшались бахромой.

На ногах носили мокасины, сшитые из двух кусков кожи, с твердой подошвой. Посок мокасина обычно расшивался иглами дикобраза, впоследствии бисером.

В годы колонизации эта одежда подверглась значительной модификации, потом совершенно исчезла из обычного обихода. Мужчины стали носить брюки, изготовлявшиеся сначала из замши, с бахромой по бокам, а затем из фабричной ткани. Появились рубашки — также вначале из замши, а потом из ткани, но орнаментика их была индейской. Очень скоро плащи из шкур бизонов перешли в руки скупщиков, а индейцы заменили их фабричными одеялами. Волосы носили длинными как женщины, так и мужчины; у первых они заплетались в две косы,

у мужчин же оставались распушенными или свизывались в пучок на темени. Нередко мужчины выбривали голову, оставляя длинный пучок волос только на макушке. На лице и других частях тела волосы выщипывали. Головных уборов не носили, украшая волосы лишь перьями орла; положение и форма пера в волосах индейца говорили о его военных заслугах. Особенно выдающиеся члены племени в торжественных случаях надевали своеобразный убор из перьев орла и меха горностая с низко спускающимся

хвостом, тоже увязанным перьями. В таких уборах чаще всего изображаются индейцы на популярных рисунках (рис. 13).

Украшения индейцы прерий изготовляли из раковин и костей животных: женщины в ушах носили раковины, на шею — ожерелья из костей. У восточных дакотов встречались украшения из меди.

Вот как описывал художник Кэтлин одежду семейства вождя дакотов:

«Прежде всего я представляю вам семейство, состоящее из военного начальника великого народа сиу, с его молодой дочерью, еще не замужней, и жены его, держащей своего ребенка... в височной эlegantной маленькой мюльке, украшенной колечками дикобраза и выкрашенной самыми яркими красками. Начальник одет

Рис. 13. Индеец (мстис) в обрядовом уборе племени сик-сиков (черноногих).

в платье, сшитое из кожи бизона; на платье нарисованы битвы, в которых он участвовал. Его туника и гамаши сделаны из кожи лани; на швах они вышиты колечками дикобраза, а скальпированные полосы служат вместо бахромы. Его мокассыны, тоже из кожи лани, артистически вышиты; в правой руке он держит свою пику, и головной убор его из орлиных перьев и меха горностая надет до земли; он увенчан двумя рогами — знаком его положения начальника племени...

Туника молодой женщины сделана из шкурки ягнят, более мелких и более мягких, чем кожа лани; она вышита и разрисована со вкусом. Костюм ее совершенно одинаков с костюмом ее дочери; гамаши и мокассыны тоже изящно убраны¹.

¹ Д. Кэтлин. Ук. соч., стр. 26.

«Из вышеприведенного описания видно, — заключает Кэтлин, — что люди эти — не всегда «бедные, голые индейцы», так как первоначально, когда белые еще не приходили уничтожать их дичь, у них было много кож и мехов для одежды, и за исключением жаркого времени года, когда приятнее быть легко одетым, они одевались вполне удобно и часто даже изящно»¹.

Самым распространенным видом жилища у индейцев прерий была коническая палатка, известная в литературе под названием «типи», что на языке индейцев сиу и означает жилище (рис. 14). Остов палатки сооружался из жердей, расставлявшихся в земле по кругу и скреплявшихся вместе наверху ремнем. Покрышка шивалась из 15—20 выкрашенных в различные цвета бизоновых шкур; внизу она колышками прикреплялась к земле, чтобы ее не поднимал ветер. В верхней части покрышки устраивались особые лопасти, защищавшие дымовое отверстие от ветра. Огнище раскладывали в центре типи. У индейцев сик-сиков (черноногих) палатка была достаточно велика для трех очагов. Ночью обитатели палатки располагались на низких настилах, покрытых бизоновыми шкурами, повернувшись ногами к огню.

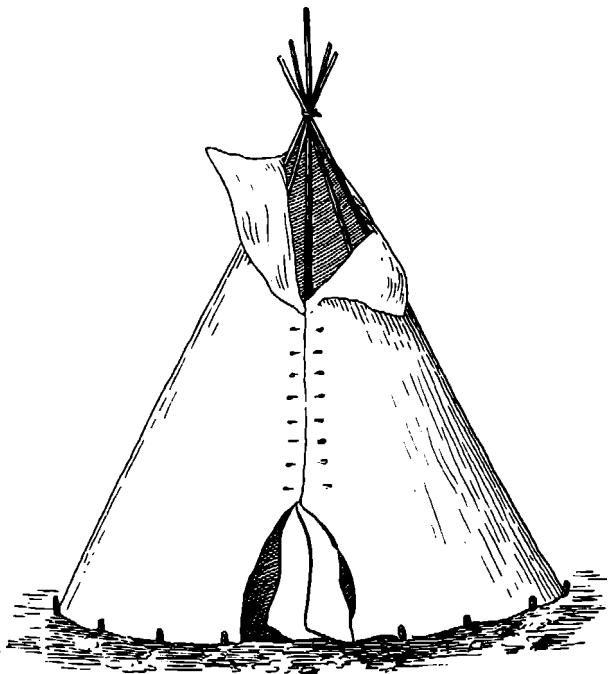

Рис. 14. Схематическое изображение переносного жилища («типи») индейцев прерий.

Палатка считалась собственностью женщин. Женщины сооружали, разбирали и нередко на своих плечах переносили палатки при перекочевках. Но привилегированное место внутри типи в глубине ее, против входа, занимал мужчина. Обычно семьи, принадлежавшие к одному роду, ставили свои палатки рядом.

У тех племен прерий, которые наряду с охотой занимались земледелием (манданы, пауни, арикары и др.), были постоянные поселения, состоявшие из землянок прямоугольной формы, напоминавшие землянки индейцев Канады и Аляски. Эти племена пользовались типи только во время охоты.

Оригинальной чертой культуры равнинных индейцев было устройство лагеря в виде круга. В идеальной форме этот круг представлял собой схему племенной организации. В круге каждый род имел свое строго определенное место, на котором он разбивал свои палатки. В центре лагеря располагалась палатка племенного совета. Даже племена, занимавшиеся частично

¹ Там же.

земледелием и жившие в постоянных селениях, во время охотничьих экспедиций устраивали свой лагерь в форме круга — это было удобно для защиты от нападения врагов.

Все предметы домашнего обихода у индейцев прерий, — легкие, изготовленные из лебяжьих материалов: рога, дерева, кожи, — были всецело приспособлены к кочевому образу жизни.

Ложки делали из рога, чашки — из дерева. Кожаные ремни замсняли гвозди, бечевку, цемент и клей. В каждой типи хранилось множество кожаных мешков, сундуков и футлиров различных форм и размеров. В них хранили пищу, собирали ягоды, корни, укладывали при передвижении утварь и пр. Делали их из двух сортов кожи: сыромятной и мягкой замши. Изделия из первой покрывали геометрическим рисунком. Предметы из замши расшивали иглами дикобраза, а позднее — бисером. В этих мешках хранили курительные трубки и другие ценные вещи.

Манданы, пауни и другие полуоседлые племена занимались в ограниченных размерах гончарным производством.

Восточные дакоты славились выделкой трубок из атланта, которые были предметом обмена с соседними племенами. Племена, знавшие гончарное дело, изготавливали трубки из глины. У каждого племени были свои оригинальной формы трубки, которые считались священными. Мундштуки, как правило, украшались перьями, полосками кожи, вышитыми иглами дикобраза.

Социальный строй индейцев прерий изучен недостаточно. Первые описания его относятся к тому времени, когда их родоплеменная организация была уже сильно разрушена. Кочевой образ жизни, высоко продуктивная конная охота должны были вызвать изменения в социальном строе индейцев.

Индейцы прерий были организованы в племена, делившиеся на роды. У некоторых племен счет родства велся по материнской линии, у остальных — по отцовской. Характерно, что первый сохранялся главным образом у тех племен, которые наряду с охотой занимались земледелием и у которых труд женщины в общественном хозяйстве не утратил своего значения. В то же время у чисто охотничьих племен уже к XIX в. установился счет родства по отцовской линии, а сама родовая организация претерпела значительные изменения. Так, дакоты делились на охотничьи группы, состоявшие из родственников по отцовской линии. Эти группы обычно бродили зимой порознь в поисках дичи, собираясь весной в общий лагерь для совершения религиозных обрядов, служивших подготовкой к летней коллективной охоте на бизона.

Хозяйственной ячейкой у большинства индейцев прерий была не одна семья, а несколько связанных родством семей. Они вместе кочевали, не расставаясь и зимой, когда охота была особенно трудна. У северных арапахов такие группы родственников не только вместе добывали пищу, но и приготавливали ее совместно.

Характерной особенностью социального устройства равнинных индейцев было наличие мужских обществ, или братств. Они были частью военными, частью религиозными объединениями. Эти общества поочередно следили за порядком в лагере, охраняли своих соплеменников во время перекочевок, следили за порядком во время охоты (к несению этой службы племенные советы приписывали общества, состоявшие из заслуженных воинов или старейшин). Каждое общество имело свое название, — чаще всего это было название какого-нибудь животного, — имело свои обряды, пляски и регалии. Здесь юноши обучались военному искусству и получали жизненно важную закалку. У некоторых племен (черноногих, арапахов, манданов,

хидатсов) эти общества создавались на возрастной основе, объединяя сверстников.

Можно полагать, что введение конной охоты, увеличившей производительность труда охотника, явилось сильным толчком к появлению неравенства в среде индейцев, выделению родоплеменной верхушки.

Племена прерий создали несколько военных союзов, которые в XIX в. были уже в упадке.

«Великая конфедерация прерий», как называли американские этнографы союз дакотских племен, объединила семь племен — мденакэтон, вахпекото, вахпетон, сиссетон, янктон, яктопаи и тетон. Индейцы называли свой союз «Семь костров племенных соборов». Каждое племя, входившее в союз, имело свой совет, или «костер совета», и в своих внутренних делах было независимо. Дакотский союз племен возглавлялся советом старейшин — представителей семи племен. Сик-сики представляли собой объединение трех племен.

Племена прерий вели между собой частые войны. По эти войны не отличались ни длительностью, ни жестокостью и ограничивались мелкими стычками между небольшими отрядами враждующих племен. Существовали строгие правила, по которым начинали войну, обменивались пленниками, заключали мирные договоры (с обязательным выкуриванием трубки мира).

Обычай скальпирования, первоначально распространенный у индейцев восточных областей Северной Америки — мускогов, ирокезов и других, был навязан индейцам прерий европейскими колонистами, поощрявшими охоту за скальпами. Скальп — небольшой кусок кожи с волосами — снимали острым ножом с головы убитого врага. По числу снятых скальпов определялась отвага воина. Скальпы высушивались, своеобразно украшались и сохранялись как символы военных подвигов.

Пленных принимали в племя. Рабство у индейцев прерий не развилось, да рабский труд и не мог найти применения в хозяйстве.

Положение воина в обществе определялось щедростью, с которой он раздавал свои богатства соплеменникам, а также его военными подвигами. Вождями племени могли быть только люди, отличавшиеся этими качествами.

Существенной чертой религиозных воззрений большинства равнинных индейцев было представление о сверхъестественной силе, разлитой в природе. У различных племен эта сила обозначалась по-разному: у дакотов — «вакан-танка», у омахов — «ваканда», у пауни — «кавахари», у черноногих — «натосива» и т. д. Превыше всего индейцы почитали солнце, с культом которого были связаны обряды инициации, илiski и множество мифов. У дакотов все божества распределялись в иерархическом порядке: на первом месте были солнце, небо, земли и скалы; второй ряд составляли луна (женское божество), «крылатый» (истер); затем шли бизон, медведь, четыре ветра, смерч и еще четыре класса низших божеств. По представлениям черноногих, луна была женой главного божества — солнца, а утренняя звезда — их сыном. Духи волка, медведя, рыси и совы почитались злыми, виновниками болезней среди людей. Каждое божество имело свой символ, наносимый на различные объекты, что придавало им магическое значение. Гром, например, изображался в форме зигзага, вихрь — в виде бабочки или се кокона и т. д.

У многих племен культ стихий природы был соединен с символизмом цветов и поклонением странам света. Например, дакоты считали, что земля связана с белом и с синим цветом, огонь — с востоком и красным цветом, ветер — с югом и черным цветом, вода — с западом и желтым цветом.

Каждая из этих стихий, кроме того, вызывала представление о божестве-покровителе. Следует заметить, что у индейцев Северной Америки четырьмя странам света вообще приписывалось особое значение; с ними были связаны символ креста и вера в священные свойства числа «четыре».

Вся религиозная обрядность была построена на культе личных духов-покровителей, благорасположения которых добивался каждый мужчина путем поста и всевозможных самоистязаний. Считалось, что духи-покровители являлись во сне или в видениях, принимая форму человека или животного. После такого видения индеец приобретал право на ношение специальных знаков отличия (перьев, кож, раковин), исполнение определенных плясок, изображение символов своего божества на различных предметах. Подготовка к обряду посвящения начиналась с юношеских лет. Важную роль при этом играли шаманы: они обучали юношу необходимым молитвам.

Шаманы, кроме того, лечили больных, предсказывали погоду, удачу на охоте, в войне и т. д. Свои действия они сопровождали пением и шумом трещоток. Болезни «изгоняли» разными шарлатанскими приемами, но иногда лечили травами и корнями. Шаманы применяли особый, «священный язык», состоявший из слов, заимствованных у других племен, из описательных названий предметов и из искаженных слов своего языка.

Широко было распространено пользование различного рода амулетами, особенно у черноногих, арапахов, абсароков, у индейцев кайова, хидатсов и мандавов. Амулеты были или личные, родовые и племенные. Последние назывались «племенные (родовые) связки»; их редко развязывали и употребляли лишь при совершении особо священных обрядов. Таковы «священные стрелы» чейсенов, «священная трубка» арапахов и черноногих, «священный бубен» мандавов. В общеплеменной связке дакотов хранилась трубка, сделанная из ноги молодого бизона. Паряду со связкой почитались «спящий лук» и «священный щит»: их брали воины с собой в поход.

Как в религиозной, так и в общественной жизни индейцев важное место занимали пляски, имевшие религиозный, военный и увеселительный характер. Одной из важнейших у всех племен прерий была «пляска солнца». Пляшущий должен был все время, не мигая, смотреть на солнце. Ритуал, связанный с этой пляской, весьма сложен, и подготовка к нему шла в течение всей зимы. Индеец постился, парился в специальной палатке, старался ни в каком случае не причинять людям зла. Пляска устраивалась летом и продолжалась три дня; она сопровождалась самоистязанием исполнителя. Место пляски огораживалось жердями в форме круга, в центре которого устанавливался «солнечный столб», обвешанный кусочками кож, перьями, позже — доскутками тканей, что означало жертвоприношение солнцу; у основания этого столба устраивался алтарь из черной бизона. Фанатики, дававшие особые обеты, подпешивали себя к столбу за ремни, протытые в разрезы — под кожу и мускулы. Во время пляски демонстрировалась священная связка — амулет племени.

Существовали и другие пляски, обряды, жертвоприношения, например, «пляска бизона», имевшая целью обеспечить удачную охоту. Абсароки и сик-сики устраивали сложную пляску посева табака. Чауни в старину приносили в жертву утренней звезде пленницу. Очень важное значение имела у ряда племен «собачья пляска». По возвращении воинов из похода устраивалась «пляска скальпов», исполнявшаяся женщинами. Большая часть плясок по своим названиям связывалась с животными, которые изображались во время плясок. Сопровождались пляски пением, звуками бубна, шумом трещоток и свистулеск. Были и особые женские пляски.

Похоронный обряд индейцев прерий был связан с представлением о загробном существовании душ умерших: считалось, что каждый человек имеет свою тень, т. е. душу. Тело умершего индейца-дакота заворачивали в лучший плащ из шкуры бизона или новое красное или синее одеяло и клали на помост, устраиваемый на могиле, чтобы «душа могла проститься с телом». Впоследствии кости собирали и погребали в земле. Тиши, в которой был мертвец, покидали и строили новое жилище в другом месте. Родные оплакивали покойного и в погребальных плачах предостерегали умершего, чтобы он не спешил, рассмотрел хорошо дорогу, так как путь в загробный мир темен. В знак траура родные умершего раздавали свои одежды, одеваясь в лохмотья. Друзья поина отправлялись в поход и в стране врага делили между собой его одежду и военные доспехи. Если поход их был удачен и они возвращались домой со скальпами врагов, то печаль по умершему сменялась радостью — считали, что успех радует не только живых, но и мертвых.

Время исчислялось зимами (обычно говорили: человеку столько-то зим) и не днями, а ночами. Каждый месяц начинался с новой луны. У дакотов существовало поверье, что в полнолуние на одной стороне луны появляется множество мышей, которые начинают грызть луну и постепенно поедают всю, после чего появляется новая луна, и когда она полна, ее таким же образом поедают мыши, как и предыдущую. Месяцы обозначались по каким-либо природным признакам, характерным для данного времени. Год делился на 10 месяцев: пять из них — зима, пять — лето.

Индейцы прерий вели регулярный счет годам. У некоторых племен существовали целые «летописи», где каждый год отмечался каким-нибудь рисунком, обозначающим то или иное замечательное событие этого года. Рисунки наносились на бизонью или оленью шкуру. Эти своеобразные хроники являются в то же время образцами пиктографического (рисуночного) письма.

Наибольшего совершенства в пиктографическом письме достигли дакоты и индейцы кайова. Рисуночное письмо отличалось большой выразительностью: изображения фигурок людей и животных передавались самые разнообразные сцены и события. Изображения эти были очень реалистичны и художественно выполнены, несмотря на то, что единственным инструментом художника-индейца была заостренная кость или стрела (рис. 15).

В 1877 г. впервые была опубликована летопись, составленная дакотами: она охватывала период за 71 год, начиная с 1800 г. Другие найденные у дакотов хроники относились к началу и середине XVIII в.

У индейцев прерий очень высоко было развито изобразительное искусство. Оно существовало в виде вышивки по коже иглами дикобраза либо бисером и в виде разрисовки кож. В обоих преобладал геометрический орнамент, каждая деталь которого имела определенное название и значение; композиции в целом выражала какой-либо символ или сцену, чаще всего военного содержания. Особенной оригинальностью отличалась вышивка мокассинов. Часто на них изображались военные подвиги носящего их человека. Вышивка футляров для трубок и кисетов для табака считалась самими индейцами проявлением высшего искусства. Покрышки палаток и одежда разрисовывались реалистическим картинным письмом.

Такой, в общих чертах, представляется чрезвычайно своеобразная и богатая культура индейцев — охотников на бизонов в североамериканских прериях.

Капиталистическая колонизация Северной Америки разрушила культуру коренного населения и явилась причиной гибели многих индейских народов прерий.

Вторжение колонизаторов в прерии

По окончании гражданской войны, в годы проведения на запад железных дорог и бурного промышленного развития США, американцы начали массами вторгаться в степи. Тогда открылся новый хищнический промысел — добыча бизоньих шкур.

Индейцы не трогали американцев, которые охотились на бизонов ради их мяса, так как бизонья было много. Но в конце 1860-х годов в прериях появляется новый тип промышленников — охотники за бизоньими шкурами. Именно эти хищники за несколько лет уничтожили огромные стада бизонов. Охота за бизоньими шкурами была не только коммерческим предприятием, но и продуманной мерой: была уничтожена самая основа существования индейцев и тем самым ослаблено сопротивление племен прерий.

«В шестидесятых годах, в пору буйного развития страны, — говорит писатель Г. Фаст, — охота за шкурами сулила богатство. Создавались сообщества усатых охотников и еще более усатых живодеров. Сорок, шестьдесят, иногда сотня фургонов следовали за стадами, выстрелы гремели с утра до ночи. На сотни миль разносился в прериях смрад гниющего мяса, и даже обожравшиеся койоты уже не подходили к трупам. Такой бойни Америка еще не видывала; и, вероятно, никогда еще за всю историю человечества миллионы фунтов пригодного в пищу мяса не гнили без пользы под знойным солнцем. Даже неизмеримые стада бизонов не могли устоять перед резней такого размаха...

В глазах индейцев это было одним из многочисленных преступлений, которым они не находили оправдания и которые имели для них особенно тяжелые, трагические последствия. С незапамятных времен жили они бизонами прерий: мясо давало им пищу, шкуры — одежду, жилища, доспехи; кости — иглы и оружие; зубы превращались в украшения, сухожилия — в нитки, внутренности — в сосуды и мешки, копыта — в клей; и даже навоз служил драгоценным топливом; спрессованный и высушенный, он горел жарким, ровным пламенем. Тут не было отходов — бизон до последней капли крови использовался кочующими индейцами, которые убивали лишь столько, сколько было нужно, и смотрели на стада бизонов, как на вечный источник своего существования...

Но непонятным для индейцев причинам эти люди губили их и разрушали самую основу их жизни. Охоту за мясом, даже в широких масштабах, они могли понять; но поголовное и бесцельное истребление бизонов было в их глазах тягчайшим из всех преступлений.

Ибо вместе с бизонами из прерий ушла самая жизнь индейских племен»¹.

Правительство США завершило преступные действия охотников за бизоньими шкурами, лишив индейцев даже и тех земель, на которых некогда паслись стада бизонов. Освобождая земли за р. Миссисипи для колонизации, правительство переселило индейцев прерий в резервации, лишённые всего, что составляло основу существования этих охотничьих племен, — свободных пространств для кочевания, бизонов, воды.

Наиболее яркой иллюстрацией трагической судьбы индейцев, ограбленных колонизаторами, может служить история дакотов. Отнятие у дакотов их исконных земель и переселение их в резервации начинается с 1837 г., когда впервые были взяты у них территории, расположенные к востоку от Миссисипи. В 1851 г. дакоты вынуждены были

¹ Говард Ф а с т. Последняя граница. М., 1948, стр. 214—216.

отказаться от своих прав на большую часть земли к западу от Миссисипи, вплоть до оз. Траперс, получив вместо этого резервацию в верховьях р. Миннесоты. Это была первая резервация дакотов. В 1862 г. индейцы этой резервации, под предводительством Маленького Ворона, восстали против тирании колонизаторов, которые вытесняли бывших хозяев этих мест с земель, принадлежавших их предкам. Это восстание было жестоко подавлено правительственными войсками, дакоты были выселены за пределы штата Миннесоты, часть их бежала в Канаду.

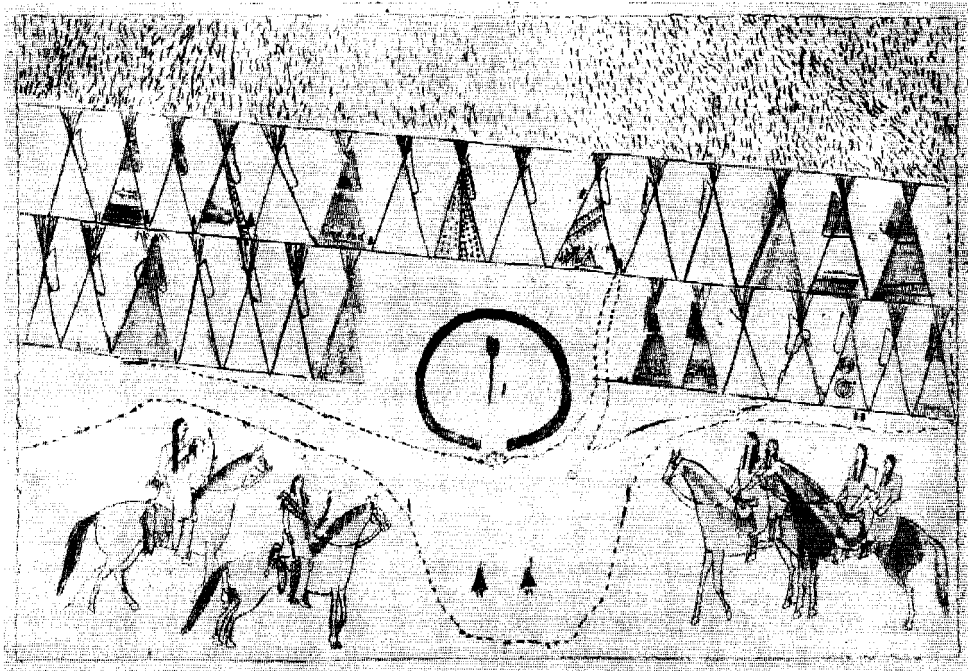

Рис. 15. Рисунок индейца племени кайова, изображающий стойбище, стада бизопов в «царстве духов».

В 1867 г. дакотам был навязан договор, согласно которому индейцы «уступали» правительству США большую часть своей территории к западу от Миссури и переселились в резервацию, охватывавшую современный штат Южная Дакота. К ним были назначены агенты, на их территории и вокруг нее установлены военные посты. «Одним ударом, — пишет историк дакотов Муни, — они были превращены из свободного в зависимый, опекаемый государством народ»¹.

Вскоре на территории дакотов была построена железная дорога, которая привела в их страну массу охотников и переселенцев, истреблявших бизонов в таком количестве, что спустя восемь лет эти животные здесь почти исчезли. Затем в резервации было найдено золото, привлечшее массу золотоискателей и всевозможные подонки общества. Это еще больше ухудшило и без того бедственное положение дакотов. «Трудно предста-

¹ J. M. O'Neary. The Ghost dance religion. Bureau of American Ethnology, 14-th Report, p. 11. Washington, 1896, стр. 825.

вить себе, — писал чиновник управления по делам индейцев Морган, — размеры того бедствия, в котором оказался этот народ в результате внезапного исчезновения бизона и уменьшения числа олсней и других животных»¹.

В 1872 г. дакоты вторично восстали; и потерпели жестокое поражение. Им был навязан новый договор, по которому отрезалась треть их территорий, представлявшая лучшую землю резервации. За отобранную землю был установлен государственный паек. А в 1882 г. у них снова стали требовать уступки земель в центре резервации. Индейцы сопротивлялись, но «комиссии» под руководством генерала Крукера удалось заключить договор, согласно которому индейцы опять «уступали» половину оставшейся части своей резервации. Вследствие всех этих уступок, вынуждаемых у индейцев силой оружия, некогда довольно большая резервация дакотов была разрезана на пять маленьких разрозненных резерваций. Лишенные возможности прокормиться охотой на бизонов, индейцы вынуждены были обратиться к сельскому хозяйству на непригодных для этого землях. Пайки, обещанные правительством за землю, казалось, были единственным устойчивым источником питания индейцев. Но они выдавались неаккуратно и постоянно урезывались.

Повторившиеся в течение нескольких лет подряд неурожаи, а также скудость пайков (временами и отказ в их выдаче) привели к новому восстанию сиу-дакотов в 1890 г., жестоко подавленному американским правительством (рис. 16).

В этом году по всему западу континента, к северу от Мексики, среди индейцев распространилось уже упоминавшееся выше религиозное движение, известное под названием «пляски духов». У дакотов оно вылилось в форму восстания. Власти зверски расправились с восставшими. Передавали ужасные подробности побоища у Вундед Ни 29 декабря 1890 г. Индейские селения были окружены отрядами солдат, и жители их умерщвлялись поголовно — мужчины, женщины и дети. После ухода солдат на месте селений остались груды человеческих тел. Восстание 1890 г. было последней попыткой дакотов бороться с оружием в руках за свою независимость. После этого они еще больше были стянуты кольцом «копеки».

Молла драматизма также история чейенов, мужественно и стойко боровшихся против «индейской» политики правительства США, политики обмана и насилий.

Чейены издавна кочевали в северо-западной части прерий, в бассейне Паудер-Ривер (приток р. Йеллоустон, впадающей в Миссури) и возвышающихся среди равнины «Черных холмах», в пределах теперешних штатов Вайоминг, Монтана, Северная и Южная Дакота. Жившая к северу часть племени позже других индейцев подверглась агрессии колонизаторов. В 1865 г. правительство подписало с ними договор, в котором торжественно обещало сохранить за ними занимаемую территорию, где чейенские охотники имели вдоволь дичи, леса, воды, словом, — всего, что им было нужно. Но когда была проведена Тихоокеанская железная дорога, правительство беззастенчиво нарушило договор и объявило о переводе всех индейцев с их родины на юг, на Индейскую территорию. Часть племен (сиу, арапахи, южные чейены) подчинилась, другие продолжали борьбу.

В 1877 г. последнее сопротивление северных чейенов было сломлено, и они тоже вынуждены были согласиться на переход в Индейскую

¹ См. J. М о о н е у. Ук. соч., стр. 825.

территорию. Но попав в непривычную для них обстановку, в бесплодную и лишенную дичи и поды степь, чейсны скоро поняли, что их обманули. Индейское агентство морило их голодом. Брошенные на произвол судьбы, индейцы медленно умирали от болезней, жажды, голода. Не добившись удовлетворения своих законных требований, племя северных чейснов самовольно ушло на север, чтобы пробраться на родину. Об этом героическом переходе небольшого индейского племени (сентябрь —

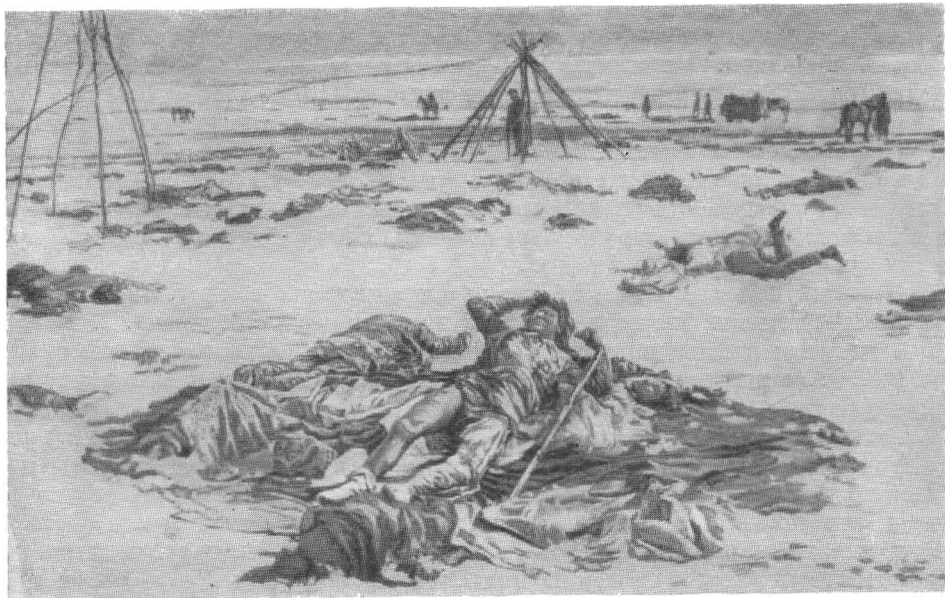

Рис. 16. «После битвы». Картина американского художника М. Райта, рисующая избиение индейцев сиу американскими войсками.

декабрь 1878 г.) рассказывает Говард Фаст («Последняя граница»). Чейсны совершили этот переход — противением почти в две тысячи километров — через области с праждебным для них населением; совершили его, отбиваясь от непрерывных атак преследовавших их регулярных войск и местных ополчений, не раз прорываясь через кольцо преследователей. Большая часть мужественного племени погибла. Индейцев заманили в ловушку и зверски истребили вместе с женщинами и детьми. Но другой части, под предводительством Маленького Волка — одного из пождей чейснов — удалось преодолеть все трудности и скрыться в малонаселенных «Черных холмах» Вайоминга.

Мужественная борьба дакотов и чейснов за право жить на своих землях получила в свое время широкую огласку, как ни старалось правительством замаять обстоятельства этой борьбы. Так же трагична история небольшого племени понка (сиу)¹: в 1858 г. понки были помещены в резервацию в Южной Дакоте, а в 1865 г. их заставили продать треть этой резервации; остальную землю отняли через три года. Понкам было

¹ M. Wright. A guide to the Indian tribes of Oklahoma. Norman, 1951, стр. 211—213.

предложено переселиться на Индейскую территорию; индейцы поклялись умереть, но не уходить с земли, которую они по праву считали своей. Против них были посланы войска и все племя отправлено по этапу на Индейскую территорию. Здесь произошло по существу то же, что было потом с северными чейенами: один из вождей понков — Стоящий Медведь, потерявший при переселении всех родных, без разрешения агента, с группой друзей в 30 человек ушел из резервации, чтобы вернуться на родину. Все они были арестованы. После освобождения из тюрьмы Стоящий Медведь отправился в восточные штаты, где выступил перед общественностью с обличением правительства в издевательских действиях против индейцев. Вспыхнул скандал. На защиту индейцев выступил поэт Лонгфелло и другие передовые деятели США. Правительству пришлось создать комиссию для выяснения убытков, причиненных понкам. Примеров борьбы индейских племен за свои права, за землю слишком много, чтобы можно было все их привести. Нет ни одного индейского племени, численность которого всего за несколько десятков лет не сократилась бы вдвое-втрое, даже если индейцы и не подвергались прямому физическому истреблению.

Индейцы гибли не только от рук американских солдат, но вымирали от голода, плохих бытовых условий, эпидемических болезней. В 1892 г. 15 % племени кайова погибло от эпидемии кори. Племя осаджей с 1829 по 1886 г. сократилось втрое, пережив ужасные годы голода и эпидемий. Племя баннок, насчитывавшее в середине XIX в. 8 тыс. человек, к началу XX в. едва достигало 500 человек. Всего за 10 лет (с 1847 по 1857 г.) численность ассинбойпов сократилась вдвое, а мапданов — в пять раз! И наиболее резкое уменьшение численности индейцев приходится на годы переселения племен в резервации — вторую половину XIX в. А ведь эта мера рекламировалась правительственными кругами как единственный путь к спасению индейцев от вымирания.

Индейцы штата Оклахома

Часть индейцев прерий живет в настоящее время в штате Оклахома. Формально они являются гражданами штата и не обязаны проживать в пределах резерваций, как, например, дакоты или арапахи в штатах Южная и Северная Дакота и Вайоминг. Однако как те так и другие находятся примерно в одинаковом положении: резервационные индейцы во всех областях жизни всецело подчинены агентству Управления по делам индейцев, индейцы Оклахомы также находятся под наблюдением агентств. Положение индейцев Оклахомы известно лишь в общих чертах: американская печать предпочитает о них вообще не упоминать. Однако кое-что можно почерпнуть из этнографических изданий.

В Оклахоме живет большая часть индейцев прерий: южные чейены и арапахи, пауни, кэддо, вичиты, понки, команчи, кайова, осаджи. Они живут большей частью в сельских местечках близ городов, где расположены агентства, которым поручено наблюдение за индейцами (рис. 17). Чистокровные индейцы живут в сельских местностях, чаще всего замкнутыми общинами. Метисы большей частью населяют города и не считаются индейцами. Число метисов среди бывших племен прерий, живущих в Оклахоме, не так велико, как, например, среди мускогов, прокезов-чироков той же Оклахомы, но есть племена, где метисы составляют около половины всего состава (например, кайова).

Индейцы Оклахомы были в числе первых среди тех племен, у которых правительство США в конце XIX в. ликвидировало общинную собствен-

ность на земли, передав их в частное владение; одними из первых они испытали разрушение всей родоплеменной организации.

С 1936 г. индейцам Оклахомы было предложено, если они того пожелают, вновь организовать в племена, завести кооперативные организации для сбыта продуктов земледелия и скотоводства. Но у подавляющего большинства индейцев племенная организация давно уже не

Рис. 17. Многие индейские семьи вынуждены круглый год жить в подобных брезентовых палатках (поселок арапахов и чейенов в Оклахоме)

существует, хотя формально они образуют «племена», разделяющиеся на округа. Племена эти имеют свои «конституции». Во главе племен стоит выборный Деловой комитет, куда входит представитель округов. Комитет обычно избирается на четыре года, возглавляется он «вождями». Деловые комитеты являются разновидностью муниципального самоуправления. Обязанности членов комитета ограничены внутренними делами индейских обществ: они ведают общинными землями, если те еще сохранились, отправлением религиозных обрядов, школьным образованием и имеют право обращаться от имени общины в Комиссию по расследованию претензий индейцев к правительству США (Indian claims commission). Вся деятельность Деловых комитетов подчинена местному агентству. Комитеты могут только давать советы агенту по тому или иному вопросу, но обязательной силы их мнение не имеет. В Деловой комитет большей частью попадают зажиточные индейцы, чаще метисы.

Считается, что все индейцы прерий — теперь фермеры-земледельцы или скотоводы. На деле подавляющее большинство их не имеет земли или владеет очень небольшими, неудобными участками. Источники существования для этих индейцев очень ограничены. Они батрачат на

своих более зажиточных собратьев или на фермеров-американцев, реже работают по найму в местной промышленности или являются резервом низкооплачиваемой сезонной рабочей силы, нанимаемой по контракту для сбора урожая.

Несмотря на тяжелые условия жизни, индейцы тянутся к образованию, искусству. Этот талантливый народ мог бы дать много прекрасных художников, артистов, ученых. Но известности достигают лишь единицы. Почти единственным учреждением, которое может познакомить интересующегося с изобразительным искусством индейцев, является художественный отдел в Оклахомском университете (Art department in University of Oklahoma). Индейцы-художники — арапах Уотсон (Карл Суизи), кайовы Стигсен Мопоп, Монро Тсатон и др. — в своем творчестве возрождают, в несколько стилизованном виде, чудесные образцы индейского изобразительного искусства. Ежегодно в Анадарко (графство Кэддо) организуется выставка индейского искусства, которая, по мысли ее устроителей, должна не только поднять общественный интерес к искусству индейцев, но и служить местом сбыта изделий индейского ремесла¹. Здесь устраивают костюмированные представления, показывают национальные танцы, религиозные обряды индейцев. Выставку оформляют художники-индейцы. Таким же коммерческим предприятием являются устраиваемые отдельными племенами религиозные празднества, на которые съезжаются этнографы, фольклористы и просто богатая скачущая публика. К более широкой деятельности, которая была бы связана с искусством и литературой всей Америки, индейцы не имеют доступа.

Более доступно индейцам религиозное поприще. Именно в области религии стараются привлечь немногочисленную индейскую интеллигенцию опекуны из Управления по делам индейцев. В индейских общинах развивают свою деятельность церкви различных толков — методистская, баптистская, пресвитерианская и католическая. Среди проповедников и священников довольно много индейцев. Желая отвлечь индейцев от печальной действительности, правительство легализовало религиозную секту, называемую Туземная американская церковь, организованную в западной Оклахоме среди бывших индейцев прерий.

Индейцы прерий в резервациях

В настоящее время различные племена прерий в сильно сократившемся числе расселены по резервациям. При этом принцип племенной принадлежности нарочито нарушен. Крупные племена, способные к сопротивлению, были расселены по разным резервациям совместно с иноязычными индейцами.

Перселенные в резервации, индейцы прерий вынуждены были сделать мучительный для них переход от кочевой охоты к земледелию и скотоводству. Правительство США не только ничего не сделало, чтобы облегчить такую перестройку жизни индейцев, но лишило их необходимых для этого средств. Первоначально отведенные индейцам резервации были довольно обширны, и хотя в их пределах были неудобные земли, индейцы могли выбрать пригодные для сельского хозяйства участки. Однако размеры резерваций скоро начали сокращать, оставляя индейцам

¹ M. Wright. Ук. соч., стр. 26.

худшие земли, а с проведением закона 1887 г. о разделе общинных земель индейцы были поставлены в совершенно невыносимые условия. При общинном пользовании пастбищами они еще кое-как могли прокормить свой скот, но когда общинные земли были частью распроданы, а часть разделены на мелкие владения, индейцы вынуждены были продавать его. Экономический кризис конца 1920-х гг. окончательно разорил мелких собственников. Многие индейцы, уже не имевшие скота для продажи, стали распродавать свои участки под нажимом спекулянтов, наводнивших резервации, и агентов Управления по делам индейцев, немало выигравших от этих операций. Вконец разоренные индейцы к началу 30-х годов превратились в нищих, лишенных всяких надежд на будущее. Такое положение характерно, например, для арапахов и шононов, поселенных в одну резервацию в штате Вайоминг. Большая часть их резервации даже в неурезанном виде представляла неудобную землю. Индейцы сосредоточивались на юге резервации, в долине р. Литл Винд-Ривер. Их пастбища подвергались постоянным вторжениям американских скотоводов.

Индейцы не имели ни навыков, ни сельскохозяйственных орудий для занятия земледелием. Племена владели жалкое существование, живя в основном на пособие, которое с большими задержками выдавалось правительством в счет проданных индейцами земель. В особенно тяжелые годы индейцы съезжали семенной фонд, отпущенный правительством из тех же источников. Раздел общинных земель и передача их в частную собственность оставили 60 % арапахов без земли или с такими участками, которые были совершенно не пригодны для ведения сельского хозяйства¹.

Такая же судьба постигла и скотоводство. Полученный индейцами в счет уплаты за проданные земли скот — коровы и овцы — погибал от недостатка кормов и отсутствия у индейцев навыков скотоводческого хозяйства. Наиболее предприимчивые из индейцев в 30-х годах организовали кооперативные торговые объединения. В 1931 г. были созданы объединенные ассоциации скотоводов из зажиточных индейцев (от арапахов в этих объединениях участвовало всего 30 человек), которые пасли скот на пастбищах, нанятых вне пределов резервации, потому что в резервации уже не было хороших пастбищ. Кроме этих 30 скотоводов, в племени не было сколько-нибудь крупных собственников. Индейцы батрачили на фермеров-американцев, занимались на строительстве дорог и т. д. Тогда же до 90 % взрослых арапахов работали по найму² и своего хозяйства — ни земледельческого, ни скотоводческого — не имели.

После 1930 г. ряд страшнейших засух, разоривших американских фермеров степной полосы, окончательно свел на нет и скотоводство индейцев. В эти годы сотни тысяч разоренных фермеров, покинув выжженные поля Оклахомы и Дакоты, в поисках заработка бродили по Калифорнии и другим штатам, не затронутым этим бедствием. Индейцы не могли уйти из резерваций и должны были ждать голодной смерти. Появление закона 1934 г., прекращавшего раздел общинных земель, мало помогло бедствовавшим индейцам. Государственная помощь кооперативам попала в руки племенной знати, превратившейся в фермеров-предпринимателей. Сам автор этого закона, занимавший одно время

¹ H. E l k i n. The northern Arapaho of Wyoming. Acculturation in seven american Indian tribes. Ed. R. Linton, New York, 1940, стр. 234.

² Там же.

пост главы Управления по делам индейцев, Колье, на заседании Комитета по делам индейцев заявил: «Положение племен сиу безвыходно. Они потеряли большую часть своих земель и других видов имущества. Земля, оставшаяся у них, раздроблена между собственниками. Бедность их достигает крайних пределов... В известном смысле можно сказать, что Indian Reorganization Act¹ появился для сиу слишком поздно»². Колье сообщает, что в 1942 г. средний годовой доход семьи индейца сиу (считающейся средней по достатку) был 152 доллара, т. е. раз в 20 меньше необходимого в эти годы прожиточного минимума средней американской семьи. Большую часть этого ничтожного «дохода» индейцы получают от работы по найму. Они либо работают батраками у зажиточных фермеров, либо нанимаются целыми семьями через подрядчиков на плантации Южной Дакоты, Небраски, Вайоминга и Колорадо. Лишь немногие из индейцев, большей частью из бывшей родоплеменной знати, метисы, сумели удержаться на поверхности. Сейчас это настоящие капиталистические фермеры, тесно связанные с рынком. Классовое расслоение среди индейцев, в частности у племен сиу, особенно проявляется в последние годы. Зажиточные индейцы все более и по образу жизни отходят от своих соплеменников.

«В индейской резервации наблюдатель найдет большие различия в индейских обычаях и образе жизни,— писал этнограф Мак-Грегор об индейцах сиу-дакотах из резервации Пайн Ридж, — наблюдатель увидит, что между владельцем ранчо, имеющим небольшую примесь индейской крови, с его доходной скотоводческой фермой, и чистокровным индейцем из хижины, живущим на небольшой государственной паек и работой по найму, такие глубокие различия в поведении и взглядах, что они кажутся людьми из разных миров.

Метис говорит о трудностях ограничений военного времени и цене на скот. Он выглядит и живет скорее как его белый сосед, чем как его темнокожий брат — индеец. И действительно, он в социальном отношении принадлежит к группе белых, которые имеют ранчо и ферму или держат магазин. Он ест в их домах и ходит к ним в гости, и его дети вступают в брак с их детьми.

От чистокровного индейца посетитель услышит рассказы о великих днях сиу, переданные с яркой жестикующей. Возможно, ему покажут одеяние из бизоньей кожи или красиво расшитый бисером мешочек для трубки. Разговор может повернуть на жалобы на Управление по делам индейцев, тяжелые времена, на неурожай на огороде»³.

Те же социальные различия ярко отражаются в быту индейцев: бедные индейцы,— а таких большинство,— живут в деревянных хижинах или брезентовых покусных палатках, совсем не приспособленных для жизни в них зимой.

Арапахи из Вайоминга ютятся в однокомнатных деревянных хибарках. Зачастую рядом с таким домом стоит брезентовая палатка. Отапливаются дома дешевыми железными печками.

Национальная одежда почти исчезла из обихода индейцев прерий. Только у стариков можно встретить мокассы. Повсеместно индейцы

¹ Имется в виду закон 1934 г., см. главу «История колонизации Северной Америки и современное положение индейцев США и Канады».

² U. S. Congress, 76. Wheeler-Howard Act-exempt certain Indians. Hearings before the Committee on Indian affairs. Washington, 1940, стр. 53.

³ G. M c G r e g o r Warriors without weapons. Chicago, 1946, стр. 24—25.

посят брюки из дешевой материи, пестрые ковбойки, шляпы с большими, загнутыми по бокам полями.

Своеобразное искусство индейцев прерий в условиях безысходной нужды и заботы о завтрашнем дне уходит в прошлое. Очень немногие индианки вышивают бисером мокассы, мешочки, чтобы заработать (рис. 18). В резервациях нет даже тех немногих возможностей для применения народных талантов, какие существуют для индейцев Оклахомы,

Рис. 18. Изделия индейцев сиу-дакотов из резервации Пайн Ридж (Южная Дакота)
 1 — игрушечные мокассы, вышитые разноцветным бисером; 2 — сумочка из кислой замши; на лицевой стороне вышита сплошь разноцветным бисером; 3 — кукла в женской одежде индейцев сиу из замши, расшитой бисером (из коллекции МАЭ № 1913-4/1-2, 1913-2, 958-21)

не живущих в резервациях. И тут, под покровительством чиновников из Управления по делам индейцев, все творческие силы жителей резерваций направляются в русло религии. Хотя в резервации Пайн Ридж действует несколько церквей (епископальная, пресвитерианская и католическая), за последнее время здесь оживилась деятельность шаманов. В 1939 г. была возобновлена «пляска солнца», до того запрещенная. Довольно много последователей и у туземной американской церкви. Но, как сообщает этнограф Мак-Грегор, индейцы все более освобождаются от пут как христианской, так и своей древней религии. По его словам, они уходят от контроля церкви¹.

¹ G. Mc Gregor. Ук. соч., стр. 103.

Тяга к знаниям, в первую очередь к знанию английского языка, среди индейцев отмечалась повсеместно. Их все менее удовлетворяют резервационные школы, где основной упор делается на узко практические дисциплины.

В 1940-х годах была введена письменность на языке сиу-дакотов, однако неизвестно, насколько она удовлетворяет культурные запросы индейцев; нет сведений и о числе грамотных.

Почти все индейцы США, в том числе индейцы прерий — сиу и другие некогда кочевые народы, проявляют большой интерес к совершающимся в мире событиям. Они горячо откликнулись на борьбу демократического лагеря против фашизма в годы второй мировой войны. В числе индейцев призывного возраста из 26 агентств (резерваций) добровольцев было в 15 раз больше, чем призывников¹. Среди добровольцев было много индейцев из племен сиу и других племен прерий.

Но, несмотря на заслуги индейцев в войне, их гражданские права попираются, как и прежде. У индейцев отнимают остатки их земель. Не далее как в 1950 г. было проведено отчуждение у индейцев сиу 600 кв. миль земли под полигон; в 1948 г. 155 тыс. акров лучшей пахотной земли в долине Миссури было «передано» тремя племенами резервации Форт-Бертольд (Северная Дакота) правительству США, так как это место было предназначено военным ведомством к затоплению. Глава индейской делегации Джиллет, подписавший это «соглашение», заявил: «Каждый знает, что этот контракт разрывает на куски наш договор, заключенный в 1851 г. в форте Ларамии, и нарушает законы нашего племени».

¹ «Indian at work», 1941, № 8, стр. 19.

ИНДЕЙЦЫ ПУЭБЛО

Площадь штатов Новая Мексика и Аризона — 612 тыс. кв. км. Из них 7770 кв. км¹, т. е. немногим более одного процента, отведено правительством США индейцам пуэбло — коренным жителям этих мест. Индейцами пуэбло называют ряд земледельческих племен, родственных между собой по языку и культуре. Название «пуэбло» они получили от испанцев за свои глинобитные дома-селения (по-испански слово «пуэбло» означает селение, община). По языку пуэбло делятся на индейцев тано (с диалектами тева, тигуа, тано и пиро); керес — восточных и западных; зуньи и хопи (пюшонская ветвь юта-ацтекской семьи языков). К этой же юта-ацтекской семье языков принадлежат, возможно, и остальные языки пуэбло. Индейцы, говорящие на языках керес и тано (так называемые «восточные пуэбло»), живут в долинах по течению р. Рио-Гранде; западные пуэбло — зуньи и хопи — на полупустынном плоскогорье, примыкающем к р. Колорадо. По данным 1942 г., значилось 17 тыс. индейцев пуэбло.

Индейцы пуэбло до испанского завоевания

На юго-западе Северной Америки индейцы пуэбло живут очень давно. Археологические данные о них восходят к последним векам до нашей эры. В эти времена здесь обитали полуседлые племена, занимавшиеся охотой и собирательством. Основным охотничьим орудием их было кольцо с метательной дощечкой. Археологические данные, относящиеся к более позднему времени, свидетельствуют о том, что местное население этой области постепенно переходит к оседлому образу жизни и земледелию. Для этого периода — примерно IV—VII вв. н. э. — характерно развитое плетение, почему археологи и называют его условно периодом «корзинщикоп». Индейцы разводили кукурузу, тыква. Жили деревнями, в подземных строениях. Стены этих жилищ, всегда однокамерных, выкладывались каменными плитами или бревнами, которые обмазывались глиной. Входом в такое подземное жилище служило отверстие в потолке, куда спускалась лестница. Установлено, что в это время жители деревень занимались уже производством глиняной утвари и у них появилось ткачество.

Все перечисленные культурные достижения — земледелие, гончарство, ткачество — получают особенное развитие в следующий период, называемый периодом «пуэбло». Он датируется началом VIII—XIII в. и подразделяется археологами в свою очередь на два периода — «развитых

¹ D. A. B e r l e. The Pueblo Indians of New-Mexico. Their land, economy and civilization. «American Anthropologist», 1948, v. 50, № 4, стр. 84.

пуэбло» (VIII—X вв.) и «великих пуэбло» (XI—XIII вв.). Индейцы времени «развитых пуэбло» занимались земледелием, выращивали тыкву и бобы, а главным образом кукурузу. В этот период появляется новая сельскохозяйственная культура — хлопчатник, на разведении которого, в связи с развитием межплеменного обмена, специализировались индейцы племени хопи. Главное земледельческое орудие этого времени — мотыга. Кукурузу размельчали и растирали в муку на каменных зернотерках (метате — испорченное ацтекское *metlatl*). Большое значение имела охота. Мясо лося, бизона, горной козы, оленя и кролика шло в пищу; шкуры, сухожилия, медвежий жир широко использовались в хозяйстве. Охотились при помощи лука и стрел. Домашними животными были собаки и индейки, целые стада которых находились под присмотром стариков и детей. Гончарные изделия, представленные небольшого размера сосудами, горшками с ручками, изготовлялись напелем (именно в этот период распространилась по юго-западной области керамика с черным геометрическим орнаментом на белом или красном — на оранжевом); они уже с успехом заменяли многочисленные плетеные изделия, столь обильные в предыдущий период. В текстильной технике появляется нововведение — примитивный ткацкий станок. Одежда и одежда из домотканной материи постепенно вытесняют распространенные ранее одеяла из перьев и меховых шкур.

Деревни индейцев эпохи «развитых пуэбло» меняют свой облик. Появляются большие дома в 6—14 комнат, что, очевидно, было связано с изменениями, происшедшими в общественной жизни этих индейцев. Производимые в юго-восточной части штата Юта раскопки обнаруживают жилища VIII в., состоящие из длинных рядов смежных комнат. Стены этих жилищ выложены каменными плитами или высушенными на солнце кирпичами из глины с примесью соломы (строительный материал, типичный для более позднего периода). Это были уже наземные строения; старые же подземные жилища, видимо, превратились в обрядовые помещения (кива). Кивы располагались к югу или юго-востоку от жилья. Это круглые в основании, колодецеобразные сооружения со стенами каменной кладки. Внутри их из стен выступали каменные скамьи, идущие по кругу. Попасть в киву можно было через отверстие в крыше по деревянной лестнице.

Период «великих пуэбло» характеризуется строительством огромных жилищ, вмещавших сотни людей. Уже в предыдущий период появилась тенденция к объединению однокамерных жилищ в многокомнатный дом. Эта тенденция затем становится общим правилом. Комнаты пристраиваются к основному массиву строения по мере роста населения. Наиболее известным из этих строений является пуэбло Бонито, один из удивительных памятников архитектуры XII в. Развалины его находятся в каньоне Чако (Новая Мексика). Все строение, представляющее один дом, образывало полукруг, внешняя закругленная стена которого замыкала все селение, делая его недоступным для нападения извне. По полукругу шли жилые помещения концентрическими дугами. Они спускались уступами внутрь замкнутого двора, образуя террасы. В таком «доме-селении» было свыше 600 комнат. В центре двора стояло несколько помещений обрядового значения. В пуэбло Бонито сочетались прочность и добротность постройки со строгостью и изяществом форм. Стены, массивные в нижних этажах, делались тоньше кверху. Комнаты были сравнительно велики; те из них, которые не имели окон и дверей, служили хранилищами. В комнатах, где помещались отдельные семьи, чаще не было очага: вся хозяйственная жизнь проходила на крышах.

Другой тип строений этого времени — жилища в скалах (Cliff dwellings). Руины их группируются главным образом в каньонах рек Колорадо и Сан-Хуан и по их притокам. Южнее р. Сан-Хуан они встречаются реже, за исключением каньона Челли. Под огромными навесами расположены дома с террасами, как и в селениях на плоскости, но стройность плана утрачена, так как строители пещерных жилищ зависели от расположения пещер. Типичный образец их — так называемый «Скальный дворец» (Cliff palace) в юго-западной части Колорадо, датированный серединой XI в. Во «дворце» до 200 комнат, 32 кивы и большие каминные башни. Часть комнат служила для жилья, часть — амбарами, где хранили продукты; в некоторых комнатах найдены зернотерки. Для периода «великих пуэбло» характерно строительство башен. Назначение их не ясно. Предполагают, что это дозорные башни или башни для наблюдения за небесными светилами. Однако только башни, расположенные на открытой местности, а не под навесами скал, как, например, в Скальном дворце, могли служить индейцам своего рода обсерваториями.

Пуэбло на плоскости и пуэбло на скалах относятся примерно к одному времени и построены племенами одной стадии развития культуры. И те и другие имели характер крепостей. До сих пор не ясна причина появления этих огромных построек на плоскости, в пещерах или в горах¹. Их было сравнительно немного среди небольших деревень, разбросанных в долинах рек.

Жители больших пуэбло и деревень были земледельцами, создавшими искусственное орошение. Они рыли каналы, выкладывали их каминными плитами, копили дождевую воду в особых резервуарах, устраивали дамбы для орошения полей. Их гончарные изделия — чаши, горшки, тарелки, украшенные снаружи или изнутри, отличались изяществом формы и рисунка. Особенно хороши найденные в каньоне Чако плоскодонные горшки с узким горлышком и широкие в поисе, с разрисовкой черным по белому фону.

К концу XIII в. индейцы ушли из больших пуэбло. Возможно, что виной этому были засухи 1276—1299 гг.², выжегшие их поля. Однако не исключено, что здесь сыграло роль и переселение с севера воинственных племен навахов и апачей, происходившее примерно в это же время. Вполне вероятно, что эти события были связаны и с переселениями адтеков, имевшими место в XIII в. В руинах пуэбло конца XIII в. найдены следы пожаров, скелеты непогребенных людей с проломленными черепами.

К XVI в. индейцы пуэбло обладали сравнительно высокой культурой, хотя и уступавшей культуре этих народов в предыдущие столетия. Они применяли искусственное орошение, знали ткачество. Основным их хозяйственным занятием было земледелие. Сажали кукурузу, фасоль, тыкву, подсолнечник.

Поля располагались как около деревень, так и в отдалении, в зависимости от наличия удобных земель и водных источников. Когда почва

¹ Возможно, что перенесение селения в горы было связано со стремлением освободить площадь для посевов, а это было существенно, потому что орошенной, удобной для обработки земли было мало.

² Дата эта установлена американским археологом Дугласом на основе изучения годовых колец на поперечных распилах бревен, обнаруженных при раскопках. Точная хронология устанавливается при этом сопоставлением последовательности колец разной ширины на бревнах, найденных при раскопках, с последовательностью колец на современных деревьях. Использование этого метода возможно, конечно, только в том случае, если наиболее позднее из ископаемых бревен было срублено не раньше, чем началось нарастание колец на современных деревьях.

истощалась, участок покидали. Сеять начинали в апреле. Распашку полей и работы по орошению полей производили все мужчины селения, пользуясь палкой-копалкой и мотыгой (рис. 19). Посадкой ведали женщины. Первые кукурузные початки снимали недозревшими и пекли в печах. В сентябре — октябре все деревня сообща собирала урожай. Кукурузу сушили на крышах-террасах и складывали в кладовые, расположенные в первых этажах общинных домов. С XVI в. появляются фруктовые деревья; культуру их индейцы переняли от испанцев.

Каждое селение имело свою территорию, куда входили охотничьи угодья и земля, пригодная для обработки, т. е. орошаемая. Земля селения распределялась по участкам между родами; на границах этих участков стояли каменные столбы с родовыми метками. Обычно родовые земли не представляли сплошного массива, а располагались в различных местах земельных владений селения — на случай неурожая на каком-нибудь участке. У индейцев хопи было два вида землепользования на родовых землях: земли материнской большой семьи и земли отдельных домохозяйств, выделившихся из большой семьи.

Деревни индейцев нуэбло обычно располагались в долинах рек, на равнинах и плоскогорьях (месах). Эти поселения — «пуэбло», давшие название всей рассматриваемой группе индейских племен, и в самом деле составляют одну из характернейших черт их самобытной культуры.

Поселения на равнинах, чаще всего на речных берегах, укреплялись для защиты от нападения врагов. В неприступных поселениях на плоскогорьях индейцы не могли оставаться продолжительное время, так как там не было воды (только в горной деревне Акома при раскопках был найден резервуар для воды). Предполагают все же, что поселения в горах особенно были распространены в период испанской колонизации — начиная со времени знаменитого восстания индейцев нуэбло (1680 г.), когда они предпочитали селиться в более безопасных горных поселках, несмотря на неудобства, связанные с отсутствием воды.

У индейцев нуэбло известно три основных типа жилищ.

1. Строения из множества комнат, вытянутых в параллельные ряды. Их этажи образуют террасы. Нижняя часть жилища не имеет ни окол ни дверей, — это самая широкая часть строения; помещения второго этажа несколько уже и образуют таким образом террасу; помещения третьего этажа еще уже. Приставные лестницы позволяют переходить с террасы на террасу. Такие жилища строились на плоскогорьях.

2. Пирамидообразные сооружения, также состоящие из нескольких этажей, поставленных один на другой уступами — террасами, но так, что середина всего здания является его самым высоким пунктом. Так построены дома индейцев в деревнях Таос, Вальпи и др. (рис. 20).

3. Замкнутые вокруг двора многоэтажные, также с террасами, строения, встречающиеся как на равнинах, так и на плоскогорьях.

Принадлежность каждого селения было одно или несколько помещений общественного и обрядового назначения (кива).

Кива — место заседания родовых советов и совета племени; здесь же происходили религиозные обряды. С XVI в. в селениях восточных нуэбло появились христианские церкви.

Материалом при постройке жилища служил песчаник, реже — сырцовые кирпичи из глины, смешанной с соломой¹. Деревом пользовались в минимальных размерах. Тщательность отделки со времени колонизации ут-

¹ Как известно, Л. Г. Морган считал употребление сырцового кирпича для построек одним из существенных признаков перехода к «средней ступени варварства» в Новом свете. Эту периодизацию условно принимал и Энгельс.

рачивалась. Вместо хорошо пригнанных и отшлифованных каменных плит для возведения стен стали употреблять грубо обработанные куски серого песчаника, скрепленные сырой глиной. При устройстве потолка между горизонтальными рядами балок прокладывали хворост. Затем все строение обмазывали глиной. Стены изнутри белили и часто украшали цветным орнаментом вверху и внизу. Соединение между этажами поддерживалось через отверстие в потолке: с этажа на этаж пели либо столбы с вырубленными на них ступеньками, либо приставные лестницы. Узкие отверстия типа бойниц служили единственным источником света. Внутренние помещения нижнего этажа, не освещенные и не вентилируемые, отводились под склады.

Три-четыре клетушки-комнаты служили жильем для парных семей, родственных по материнской линии; когда-то они имели общий очаг (на террасе), общие зернотерки и зернохранилища. Во главе такой группы стояла пожилая женщина, распорядившаяся всеми домашними работами. Когда родственная группа разрасталась, для парных семей делали надстройки над прежним помещением или боковые пристройки.

Строительство общественных домов требовало соединенных усилий всей общины. Существует мнение, что при возведении их применялся рабский труд. Однако сомнительно, чтобы рабство у индейцев пуэбло существовало в столь широких размерах, — для возведения таких странных были бы нужны большие массы рабов. Работы эти были общинными; они производились на основе строгих правил дисциплины, выработанных издавна.

Индейцы пуэбло были искусными гончарами. Их глиняную посуду, красиво раскрашенную и разнообразную по форме и назначению, охотно принимали в обмен соседние племена. Плетеные изделия — сумки, тарелки и другие предметы — немногим уступали необычайно искусным плетеным изделиям, которыми так славились некоторые калифорнийские племена.

У индейцев пуэбло было развито ткачество на вертикальном ткацком станке. Орудия труда были каменные или деревянные. Из домашней утвари характерна каменная зернотерка, заменявшая здесь деревянную ступку, распространенную у восточных индейских племен Северной Америки.

Костюм индейцев пуэбло был несложен: мужчины носили кожаный фартук, зимою — плащ из домотканного материала или из кроличьих шкур; женщины — доходящую до колен накидку, перскинутую через правое плечо. Те и другие носили ноговицы и мокасины, причем женщины

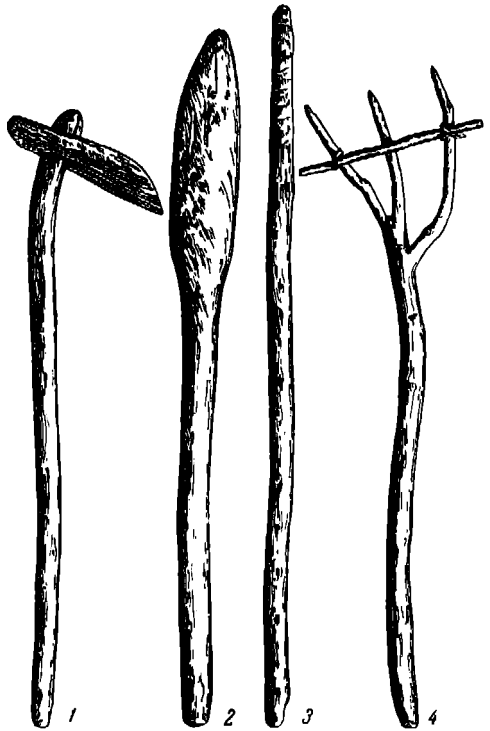

Рис. 19. Земледельческие орудия индейцев пуэбло

1 — мотыга; 2 — палка для разбивания комьев земли; 3 — палка-копалка; 4 — вилы

Рис. 20. Селепье индейцев хопи (дер. Вальпи)

обертывали ноги от колен до щиколоток свособразными обмотками из длинных полосок кроличьих шкурок.

Общественный строй индейцев пуэбло, восстанавливаемый по пережиткам, сохраняющимся до сих пор, характеризовался наличием родо-племенной организации. Племена пуэбло разделялись на роды с материнским счетом родства; роды носили тотемические названия и были строго экзогамны, у индейцев племени хопи, например, было 34 таких рода. Род возглавлял вождь — мужчина, он представлял свой род на совете селения и был одновременно «отцом» мужской организации — «братства». Наряду с вождем род возглавляла женщина — «старейшая мать», хранительница родовых фетишей. Она улаживала споры между сородичами, имела решающий голос при распределении земельных участков.

Поселение, состоявшее из одного или нескольких домов и имевшее свою киву, являлось самоуправляющейся общиной. Между собой эти общины были слабо связаны. Земельная собственность такого селения ограничивалась пригодной для земледелия орошаемой землей, которая распределялась между родовыми группами, имевшими общее хозяйство¹. В селении жили члены различных родов, образуя большие родовые общины, разделявшиеся на парные семьи. У хопи родовую общину составляла группа родственников по материнской линии: женщина — глава группы, ее муж, ее несовершеннолетние дети, холостые и вдовы ее братья, замужние дочери с мужьями и детьми и сыновья, вдовы или разошедшиеся со своими женами. Входящие в нее парные семьи экономически не были самостоятельны. Мужья женщин данной группы оставались связанными с людьми своего материнского рода. Они помогали своим сородичам в хозяйстве, участвовали в родовых обрядах. Хозяйкой-распорядительницей дома (вернее, части общинного дома) была замужняя женщина. Каждое домохозяйство (семейно-родовая группа, ведущая общее хозяйство) пользовалось не только отведенным ему участком родовой земли, но и огородными и садовыми участками и зернохранилищем.

¹ L. Thompson and A. Joseph. The Hopi way. Chicago, 1944, стр. 34.

Источники XVII в. дают некоторое представление о порядке наследования, существовавшем у индейцев пуэбло. Дочери наследовали имущество матери. В случае их несовершеннолетия над ними устанавливалась опека, которую поручали их дяде по матери или какому-нибудь другому сородичу. По сообщениям испанских авторов, сыновья наследовали отцу. Понятно, существовали ли эти порядки одновременно или второй из них — более позднее явление (передача имущества от отца к сыну означает нарушение норм материнского права).

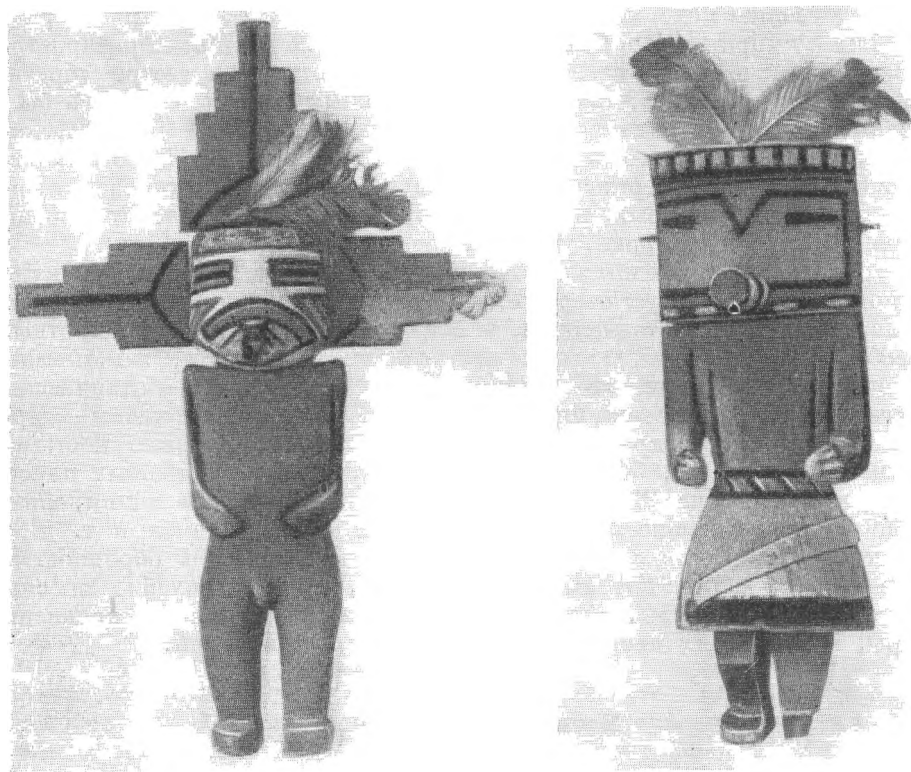

Рис. 21. Изображения качип (из коллекции МАЭ, № 3945-7,8)

Борьба отцовского рода с материнским, повидимому имевшая место уже в XVI—XVII вв., отражалась и на получении ребенком имени. Так, у хопи при наречении имени ребенку главную роль играли родственники по отцу, и особенно мать отца. Дети оставались «членами» рода матери, являясь «детьми» рода отца. Внебрачные дети назывались «краденными», потому что они считались как бы украденными из рода отца. Забота о воспитании ребенка и приучение его к охоте, земледельческим работам и ремеслам ложилась на одного из родителей, в зависимости от пола ребенка. У хопи выбор обрядового «отца» для подготовки к инициации принадлежал отцу, хотя оплачивала обряд мать ребенка.

Чрезвычайно характерно для такого переходного состояния наличие у индейцев пуэбло уже упоминавшихся мужских союзов — «братств», или «обществ», которых у индейцев было великое множество. Почти все общества были в той или иной мере связаны с культом животных

и «лечением» болезней. История этих братств рисуется примерно в следующих чертах. Развитие обмена, накопление материальных ценностей способствовали разложению сохранившегося в той или иной степени материнского рода индейцев пуэбло. Зарождение патриархальных отношений сопровождалось появлением тайных мужских союзов, или братств, которые являлись орудием борьбы с традициями матриархальной системы и одновременно служили для обогащения родоплеменной верхушки. Братства были экономическими объединениями. Обязательства участвующих в обществах «братьев» первоначально, очевидно, сводились к преподнесению подарков друг другу и участию в коллективных работах в пользу «брата». На членов братства и их родственников распространялось фиктивное родство. Хопи не мог жениться на сестре «брата», не мог с ним торговать, так же как и с родным братом. Братства были связаны с разными видами знахарской практики. В XVI—XVII вв. они захватили право выставлять одного из своей среды на пост вождя селения. Со своей стороны материнский род создавал такие же организации, общественная роль которых, к сожалению, очень мало освещена, особенно на ранних этапах истории.

В религиозных представлениях индейцев пуэбло преобладал культ сил природы, и в первую очередь культ солнца. Большое место занимали тотемистические представления и в связи с этим почитание животных. Свообразен культ так называемых «качин», — существ, занимающих промежуточное положение между богами и людьми, — отличающий религиозные представления индейцев пуэбло. Изображения качин — деревянные фигурки, раскрашенные и наряженные в обрядовые костюмы, украшенные перьями, были непременным атрибутом обрядовых плясок индейцев пуэбло (рис. 21). Их религиозные верования и праздники, обязательно сопровождавшиеся плясками — пляской оленя, змеи и т. д., в годы колонизации так и не были вытеснены католической обрядностью. Более того, подобно другим «обращенным», индейцы пуэбло вносили в католические обряды, которые их заставляли исполнять испанские патеры, черты своих древних религиозных представлений.

Испанское завоевание

Вторжение испанцев нарушило естественный ход развития всех индейских племен, и индейцев пуэбло в частности. Правда, испанцы принесли с собой достижения европейской культуры того времени, впоследствии воспринятые индейцами пуэбло, но в то же время испанская колонизация означала для индейцев уничтожение тысяч жизней и принудительный труд.

Впервые в юго-западную часть Северной Америки попали испанцы из экспедиции Коронадо, отправившегося в 1540 г. из Мексики на поиски семи легендарных городов Сиболла, якобы расположенных где-то к северу от Мексики и обладавших несметными богатствами. Возможно, эта легенда отразила времена существования «великих пуэбло».

Отряды Коронадо вторглись в земли индейцев зуни и селения, расположенные по Рио-Гранде. Уже в 1580-х годах испанцы проникли в самую гущу племен пуэбло и к концу 1590-х годов земли этих индейцев были объявлены частью испанских владений в Америке, а сами индейцы — вассалами испанской короны.

Все территория индейцев пуэбло была разделена на округа, возглавлявшиеся представителями духовной власти и администрации. Индейцы

познали все ужасы испанской инквизиции. Миссионеры, насаждая католическую религию, посылали на виселицу индейских знахарей, сжигали предметы культа, разрушали обрядовые помещения. Пасивно обращенных в христианство индейцев прикрепляли к миссиям и заставляли работать на священников. На индейцах наживались и монахи и чиновники. Так, губернатор колонии де-Мендисабал (1659—1661 гг.), используя свою власть, бесостенно эксплуатировал индейцев и не оплачивал их работу. Когда окончился срок его службы, колониальная администрация была засыпана жалобами индейцев. За малейшее неповиновение испанский суд приговаривал индейцев к повешению или продаже в рабство. Несчастные сотнями гибли на серебряных и свинцовых рудниках.

Возмущение индейцев бесчинствами и насилиями завоевателей вылилось в широкое восстание пуэбло в 1680 г. Руководил им старый индеец из деревни на р. Сан-Хуан, где испанцы проявляли особую жестокость. Объединение индейцев было нелегким делом. Каждая деревня жила более или менее изолированно, замкнуто. Но организаторам восстания удалось поднять большинство племен пуэбло, даже далеских хопи, — так велика была их ненависть к поработителям. Восставшие убили несколько сот испанцев и в течение 10 дней держали осаду Санта-Фе, где укрылись оставшиеся в живых испанские поселенцы и солдаты гарнизона. Вскоре все испанцы бежали в г. Эль-Пасо (в нынешнем Техасе). С тех пор, в течение 12 лет, несмотря на многочисленные попытки, испанцы не могли закрепиться в области племен пуэбло. Индейцами была одержана блестящая победа, особенно если учесть разницу в вооружении индейцев, пользовавшихся луком и стрелами, и испанских солдат, имевших огнестрельное оружие. Только в 1692 г. губернатору Варгасу мерами самого жесточайшего террора удалось покорить часть племен пуэбло и восстановить власть испанцев в Санта-Фе.

Новый губернатор вел политику разжигания розни между племенами, ослабленными к тому же многолетней борьбой и страшными голодовками (следствиями засух), несколько раз повторившимися в течение десятилетия. Однако страх, вызванный в испанцах восстанием 1680—1681 гг., был настолько силен, что им пришлось отказаться от эксплуатации индейского труда на шахтах и других тяжелых работах; деятельность миссионеров по «обращению язычников» стала более осторожной. За все время испанского господства только восточные пуэбло (керес и тано) находились под властью испанцев. Хопи так и не покорились завоевателям и ушли в неприступные горные районы, куда к ним бежали целыми родами восточные пуэбло; часть их, скрываясь от испанского ига, находила убежище также у павахов. Хопи не допустили у себя введения христианства и изгоняли миссионеров и испанских чиновников, время от времени пытавшихся подчинить своему влиянию это независимое племя.

Когда Мексика отделилась от Испании (1821 г.), она унаследовала и бывшие испанские владения в бассейнах рек Рио-Гранде и Колорадо, населенные индейцами пуэбло. Но эти земли недолго входили в состав Мексиканской республики: в 1848 г. они были отняты у нее Соединенными Штатами в результате захватнической войны.

Американцы еще до 1848 г. начали проникать в страну индейцев пуэбло. Это были главным образом плантаторы-рабовладельцы из соседнего Техаса.

Появление янки в индейских деревнях, их бесперемонность и посягательства на земли индейцев вызвали возмущение населения. Были

случаи открытых выступлений индейцев против американских колонизаторов, например, восстание индейцев деревни Таос, жестоко подавленное американскими военными частями.

Появление европейцев на юго-западе Северной Америки внесло большие изменения в жизнь местного населения. Еще в «испанский» период колонизации индейцы усвоили ряд достижений европейской культуры: они научились применять тягловую силу рабочего скота в земледелии, освоили овцеводство, причем стали разводить овец не только ради их мяса, но и употребляя шерсть для изготовления тканей. Скотоводство, вероятно, дало толчок к разложению первобытно-общинного строя индейцев пуэбло. Скотоводством занимались мужчины; они же были собственниками стад. Мужчина — владелец скота — стремился передать имущество своему сыну, а не сыну сестры, как было раньше у этих племен. Материнский род, сохранившийся у большей части индейцев пуэбло, с развитием скотоводства и ростом обмена стал разлагаться; рамки материнского рода оказались тесны для новых социально-экономических отношений.

Индейцы переняли у европейцев и развили искусство чеканки серебра, усовершенствовали технику ткачества. Мелкая промышленность позволила расширить обмен и еще более способствовала дальнейшему развитию индейского хозяйства. Казалось бы, культура и хозяйство индейцев, обогащенные в результате открытия Нового света европейцами, должны были расцвести. В действительности же условия эксплуатации и национального угнетения, в которые поставлены индейцы, являлись тормозом развития их национальной культуры и экономики.

Современное положение индейцев пуэбло

На первых порах после захвата мексиканских областей американское правительство не скупилось на обещания уважать суверенные права индейцев. Но очень скоро индейцы пуэбло были ограблены, как и все другие индейцы США. Их владения были сильно урезаны, лучшие земли у них отняты, а деревни превращены в резервации.

Индейцы США, в том числе и индейцы пуэбло, поставлены в тяжелые экономические условия, в силу которых у них сохраняются о старые формы хозяйства. Очень часто в американских этнографических изданиях, в журналах высказывается та мысль, что индейцы сами предпочитают держаться старых, отживших форм быта — жить в холодных вигвамах или сырых полуразрушенных домах-пуэбло, ковырять мотыгой сухую землю, обращаться при заболевании к невежественным шаманам и т. д. Все это вымысел, цель которого — представить индейцев примитивными, косными, требующими специальной опеки культуртрегеров из Управления по делам индейцев.

На самом деле индейцы в достаточной мере представляют себе преимущества европейской культуры и прекрасно сознают, что только свободное существование, действительное самоуправление и в особенности коренное улучшение экономики являются необходимыми условиями сохранения их национальной культуры. Именно этого-то и не может им дать империалистическое государство, под властью которого они находятся. Индейцы продолжают держаться старинных приемов обработки земли, жить в старых, неудобных жилищах, обращаться к знахарям и шаманам и т. д. не из особой привязанности к старине, а по отсутствию средств построить себе новые, лучшие дома, завести более усовершенствованный сельскохозяйственный инвентарь, заплатить врачу.

Для нормального развития экономики индейцев пуэбло, основанной на скотоводстве и земледелии¹, важнейшим условием является наличие орошаемой земли. Все индейцы пуэбло в общей сложности владеют 788 тыс. га земли, большая часть которой не пригодна для скотоводства и земледелия (пески, горы, истощенные почвы, земли, требующие орошения). Некогда индейцы пуэбло сосредоточивались главным образом в плодородной долине Рио-Гранде. Уже испанцы начали вытеснять индейцев с удобных земель; после 1848 г. обезземеливание индейцев пошло с потрясающей быстротой. Некоторые из селений со времени присоединения области к США потеряли 90% своих орошаемых земель². Считается, что в резервациях хоппи и зуни самая хорошая земля, но и здесь лишь 5—10% ее пригодны для земледелия. Как и везде, правительство отбирало удобную землю в резервациях индейцев пуэбло, пренебрегая договорами, в свое время гарантировавшими неприкосновенность земельных владений индейцев. Так, по договору с хоппи, заключенному в 1882 г., им под резервацию отводилось 3920 кв. миль; в настоящее время площадь резервации хоппи уменьшилась до 986 кв. миль, т. е. более чем в четыре раза³.

Правительство США разрешило свободное поселение американцев на индейских землях, издав в 1876 г. демагогическое постановление, которым объявлялось, что индейцы пуэбло достаточно цивилизованы и в сущности не являются индейцами, не требуют специальной опеки, а следовательно и особой защиты своих прав. Это цинично-лицемерное распоряжение принесло свои плоды: к 1913 г. на территории индейских поселков жило уже 3 тыс. американцев. Они захватывали принадлежавшую индейским деревням землю и оросительные каналы. Только в 1924 г. был издан закон, по которому индейцы должны были получить компенсацию за потерю земель и каналов либо обратные самые земли, захваченные американцами, чьи права верховный суд признает действительными. Но и этот закон остался на бумаге. Расследование жалоб индейских общин велось в течение долгих 11 лет, причем большая часть жалоб была отклонена. Так, общины Емец, Зиа и Санта-Ана безуспешно пытались получить около 400 тыс. акров земли, захваченной крупным землевладельцем Бака, но конгресс счел вполне законным этот грабеж и отказал в иске индейцам. Не получили удовлетворительного разрешения и претензии селений Акома и Санто-Доминго⁴.

Индейцы получили денежную компенсацию лишь за часть потерянных земель, а также небольшое количество земельных участков, переданных в основном в частную собственность отдельным зажиточным индейским семьям. Всего индейцы пуэбло получили 47 тыс. акров из многих миллионов акров земли, незаконно отнятой у них, причем орошаемые земли составляли только 6% (2869 акров) этого количества⁵.

Из всех домашних животных, появившихся у индейцев пуэбло с приходом испанцев, особенное распространение получили овцы и козы. Индейцы стали устраивать для скота загоньы около жилищ (племя зуни) либо в долинах у воды (керес). Вся работа по уходу за скотом — дело мужчин, они же — пастухи. Скотоводство стало одной из важнейших

¹ В 1942 г. индейцы хоппи 34% общего дохода получили от скотоводства, 22% от земледелия и 36% от работы по найму (L. Thompson and A. Joseph. Ук. соч., стр. 25).

² J. Collier. The Indians of the Americas. New York, 1947, стр. 248.

³ L. Thompson and A. Joseph. Ук. соч., стр. 28.

⁴ D. A. Beale. Ук. соч., стр. 10.

⁵ Там же, стр. 12.

отраслей хозяйства индейцев пуэбло. Но и эта отрасль в самом жалком состоянии. Как правило, индейцы не могут прокормить свой скот в зимнее время и вынуждены закладывать его под ростовщические ссуды для покупки кормов¹.

Лучшие пастбища отняты у индейцев, они вынуждены пасти скот на истощенных землях резерваций. Широко рекламированный в США проект оздоровления почв (1930-е годы) не только ничего не дал мало-земельным индейцам, но еще более разорил их. В ожидании, когда по их высохшим землям потечет вода, индейцы должны были, по указанию властей, уменьшить количество скота. Так, индейцы селения Ораиби (хопи) вынуждены были сократить поголовье на 44%.

В результате этой меры сотни индейских семей были разорены и всего лишь четыре деревни индейцев пуэбло (из 25) получили 1000 акров орошаемой земли, да и та попала в руки зажиточной верхушки. Управление по делам индейцев через агентства поддерживает зарождающуюся индейскую буржуазию. Массовый раздел общинных земель и разрушение племенной организации, предпринятые правительством в конце XIX в., у индейцев пуэбло встретили сильное сопротивление. Хопи, а за ними и другие племена категорически воспротивились этой мере. Они посылали петиции в Вашингтон, требуя уважения к своим обычаям. Петиции не дали никакого результата. В резервацию хопи были посланы войска, индейские вожди были арестованы и брошены в тюрьмы, но индейцы упорно стояли на своем. В результате стойкого сопротивления, у индейцев пуэбло, а также у некоторых других племен Новой Мексики и Аризоны — налахов, апачей, папаго — основной формой землевладения осталась общинная собственность. Однако капиталистические отношения все более проникают в индейские общины, усиливается процесс классового расслоения. Образуется зажиточная верхушка, состоящая из вождей, знахарей, главарей «братств». У индейцев хопи эта зажиточная часть населения составляет менее 0,8% всего племени; не более велика она и у других племен. Подавляющее большинство индейского населения живет очень бедно: либо батрачит на своих более обеспеченных соплеменников, либо сдает свой участок им или американским фермерам в аренду, не имея возможности обработать его самостоятельно, либо занимается каким-нибудь подсобным промыслом (рис. 22).

Зажиточные индейцы притесняют бедняков и наживаются на чужой нищете. В их руках и лучшая земля, и оросительная сеть — основной нерви хозяйственной жизни общины, и современные сельскохозяйственные машины. Они организуются в торговые кооперативные компании, играющие посредническую роль между индейцами, с одной стороны, и городским рынком и американскими сельскохозяйственными монополиями — с другой. Американский капитал создает себе в лице индейской буржуазии социальную опору для эксплуатации индейского народа. Вся продукция индейского земледелия — кукуруза, чилийский перец, опощи и фрукты — попадает на рынок через этих посредников.

Индейцы пуэбло издавна славились своим гончарным мастерством, умевшем изготавливать плетеную утварь, а также поделками из серебра. Это искусство они с успехом переняли от испанцев, и за две-три сотни лет усовершенствовали его, стали умелыми мастерами, передали свои навыки также и соседям-навахам (рис. 23).

Для многих семей мелкая промышленность представляет один из важных источников существования, но, как правило, доходы от продажи

¹ D. Aberle. Ук. соч., стр. 12.

изделий мизерны. Мастера находятся в полной зависимости от скупщиков. Скупщики скупают их инструментами, продуктами в кредит, назначая произвольно цены на товары индейских мастеров. Годовой доход от наиболее выгодного из индейских ремесел — работ по серебру — обычно не превышает 200 долларов на семью. Этих денег не хватает на покрытие долгов и пропитание семьи, и мастера вынуждены сидеть днем и ночью, слепнуть при свете керосиновой лампы над тонкой работой. Женщины-индианки изготовляют на продажу глиняную посуду (рис. 24).

Лавочники и скупщики — в большинстве американцы, но встречаются и зажиточные индейцы. Скупщики-индейцы обирают своих единоплеменников, используя к своей выгоде старые обычаи. Эксплуатации трудящихся индейцев местным кулачеством облекается, например, в форму обмена подарками между членами братства. Бедный ремесленник «дает» изделия своего ремесла ближайшим родственникам или членам своего братства и получает от них пищу и одежду. Обмен «подарками» приурочивается к праздникам и облекается в обрядовую форму. Членов братства обслуживает специальный посредник-скупщик. За каждый совершенный обмен он берет от ремесленников вознаграждение, хотя и без того получает значительную выгоду, перепродавая по высокой цене полученные за бесценок товары.

Рис. 22. Женщины племени хопи за работой

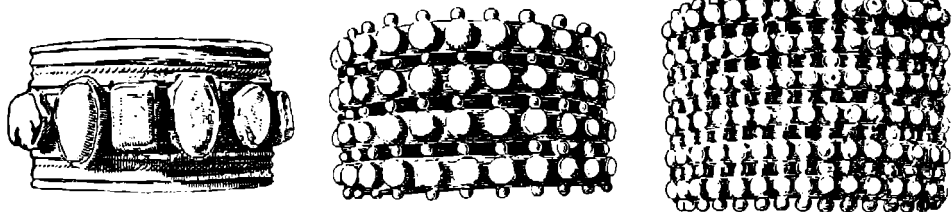

Рис. 23. Серебряные украшения работы мастеров племени зуньи

Бытовые условия индейцев пуэбло очень тяжелы. В индейских деревнях почти не строят новых домов. Старинные дома-общины, сырые и темные, все еще служат убежищем для сотен людей. Изредка строятся маленькие глинобитные хижины в одну комнату, с земляным полом

и часто без окон. Лишь немногие имеют возможность пользоваться керосиновыми лампами. Особенно тяжелы жилищные условия ремесленников-ювелиров, вынужденных круглые сутки сидеть над тонкой ювелирной работой в маленьком помещении, где ютится вся семья.

Бывший глава Управления по делам индейцев Колье так описывает более чем скромное жилище индейцев: «В пуэбло Санто-Доминго семья обычно живет в одной большой комнате; ее балки из цельных деревьев, почерневших от времени; белоснежные стены шутри и снаружи завешены красным чилийским перцем, вяленным мясом и красными, голубыми и темнозелеными початками кукурузы. Здесь нет кроватей, столов или стульев; очаг и похожая на улей глинобитная печь на улице — их кухня»¹.

В одежде индейцев сохранились кое-какие черты национального костюма, особенно у западных пуэбло. Мужчины поверх брюк и рубашки, женщины поверх фабричного платья из дешевой материи носят одеяла, но не собственного производства, а фабричные. Красивые индейские одеяла идут на продажу и для самих индейцев слишком дороги. До сих пор некоторые индейцы, чаще всего женщины, носят мокасины. Большинство мужчин и дети ходят босиком.

Индейцы пуэбло лишены медицинского обслуживания. Нищета, антисанитарные жилищные условия делают их совершенно беззащитными перед частыми эпидемиями оспы, гриппа, дифтерии. Самыми губительным бичом индейцев являются трахома и туберкулез. В деревнях много слепых — жертв трахомы. Управляющий агентством пуэбло сообщил в 1930 г., что ни в одной из деревень индейцев пуэбло нет ни клиник, ни амбулаторий. Всего три врача и пять медицинских сестер обслуживают 11 тыс. индейцев². Естественно, что при такой постановке здравоохранения индейцы обращаются к шаманам, процветающим под покровительством американской администрации. Неудивительно, что смертность, и особенно детская, у индейцев очень велика. Этнограф Лаура Томпсон сообщает, что у индейцев хоши смертность на 15% выше, чем по всей стране, а детская смертность, вообще очень большая у индейцев США, — на 25% выше, чем по всей стране³.

Среди индейцев США в последнее время отмечается большой интерес к изучению английского языка; они требуют от правительства организации таких же школ, как и те, в которых обучаются дети «белых». Все яснее осознают индейцы, что изоляции, в которой они находятся по воле правящих кругов США, не спасет их культуры. Они стремятся вырваться за пределы заповедников-резерваций, понять происходящие в стране события. Несмотря на тяжелые материальные условия, индейцы посылают детей в школы и следят за их успехами. По школ в резервациях мало, учителя зачастую не знают языка индейцев, а индейцы не понимают по-английски. В этих условиях занятия в школе превращаются в издевательство над учащимися. Выспих учебные записки в индейских резервациях, разумеется, нет. Немногие зажиточные семьи посылают своих детей в колледжи штатов Новая Мексика и Аризона. У индейцев хоши с недавнего времени введена письменность на родном языке, опубликован ряд текстов религиозного содержания.

¹ J. Collier. Ук. соч., 1947, стр. 251.

² U. S. Congress, 72. Hearings before a Subcommittee of the Committee on Indian Affairs. Survey of conditions of the Indians of the United States. Washington, 1932, стр. 9876.

³ L. Thompson and A. Joseph. Ук. соч., стр. 30—31.

Среди индейцев пуэбло с XVI в. стали развивать свою деятельность католические миссионеры. Их влияние, однако, ограничивалось восточными пуэбло. Среди индейцев хопи и зуни и в настоящее время крещенные насчитываются лишь единицами. Но и те из индейцев, которые официально числятся католиками и в селениях которых действуют католические церкви, питают глубокое недоверие к священникам и неохотно

Рис. 24. Индейцы пуэбло провозят на продажу глиняную посуду по старинным образцам

1 — расписной горшок; 2 — глиняная чаша, расписанная снаружи и изнутри; 3 — глиняный кувшин с изображением человеческого лица (на коллекция МЭ).

подчиняются требованиям церковной обрядности. Настороженное отношение индейцев к священникам вызывается и самыми кровными материальными интересами: индейцы не хотят признавать нрав церкви на землю, отнятую у народа еще в годы испанской колонизации и переданную монастырям и миссиям.

Индейцы пуэбло до сих пор отмечают свои праздники и отправляют старинные обряды. Многие из них искусственно поддерживаются шаманами и вождями в целях наживы. Таково в первую очередь представление «змеиной пляски» у индейцев хопи, вызывающей нездоровый интерес публики, так как пляшущие держат в руках живых гсмучих змей.

Индейцы пуэбло подчинены Объединенному агентству пуэбло. В каждой индейской деревне живет чиновник-агент, имеющий почти неограниченные полномочия. Ему подчинены все выборные местные власти, хотя юридически индейская деревня является самоуправляющейся общиной. Но и здесь, как у других индейских племен, самоуправление использовано американской администрацией для контроля над индейцами, несущими, таким образом, гнет двойного надзора: со стороны американских чиновников и их ставленников — членов местного управления.

Правитель («Губернатор»¹) селения (т. е. вождь) и возглавляемый им совет селения (ставленники американской администрации) — местные кулаки. Братства — эти кулацкие объединения на индейский лад — имеют большой вес в выборе и назначении должностных лиц.

Индейцы пуэбло подчинены тройной юрисдикции — федеральной, штата, в котором они живут, и местной.

Эта тройная зависимость чрезвычайно запутывает положение, налагаемая на индейцев масса ограничений и обязательств. Особенно суровы по отношению к индейцам власти штата. Известно, что индейцы США с 1924 г. получили право гражданства. Однако до последнего времени штаты Новая Мексика и Аризона не признавали за индейцами избирательного права. Только через 25 лет после выхода закона о гражданстве индейцев они получили формальное право голоса, но оно при существующей в США избирательной системе и практике проведения избирательных кампаний имеет фиктивное значение.

Когда-то индейцы пуэбло принадлежали к числу наиболее развитых индейских племен. Условно американской действительности тормозят развитие этого талантливой, трудолюбивого народа.

¹ Термин этот остался от тех времен, когда испанские колониальные власти ввели свою систему управления, иногда используя при этом индейские обычаи и только перемешивая вождей в «губернаторов», «капитанов» и пр.

НАВАХИ

Навахи — самая многочисленная из индейских народностей США: их насчитывается около 70 тыс.¹, что составляет почти шестую часть всего индейского населения США. Они живут в резервации, охватывающей части штатов Аризона, Новая Мексика и Юта.

Навахи говорят на одном из языков атапаскской языковой семьи. Как и все атапаски, навахи называют себя «дене», т. е. «люди». «Навахами» (что означает «возделанные поля») их, как полагают американские лингвисты, назвали индейцы тева (группа пуэбло)². Навахамп они называют себя только при общении с американцами — этот этноним еще со времени испанской колонизации является их официальным названием.

Американские расисты, в целях оправдания истребления индейцев и жестокого порабощения оставшихся в живых, не раз пытались доказать, что к началу колонизации Соединенными Штатами западных областей Северной Америки индейцы были дикарями, с которыми иначе и нельзя было обращаться, и что только господство европейцев вывело их на путь прогресса. На самом же деле навахи ко времени их порабощения и захвата принадлежащих им территорий были сильным народом, достигшим значительного развития в экономике и культуре, привыкшим к свободе и независимости.

Старая культура навахов

Переселившиеся из областей северо-запада Америки примерно в XIII—XIV вв., кочевые охотники-навахи встретились на своей новой родине с высокоразвитыми племенами индейцев пуэбло.

Тесное общение с этим земледельческим народом не могло не отразиться благоприятно на хозяйстве и культуре навахов. Связи с индейцами пуэбло обогатили культуру навахов, помогли им быстрее перейти к оседлости и освоить земледелие. Археологические находки на месте давних поселений навахов в Новой Мексике, датируемые XIV—XV вв., свидетельствуют о том, что уже в то время навахи перешли к оседлому образу жизни, связанному с земледелием. Основным сельскохозяйственным орудием у них, как и у индейцев пуэбло, была заостренная палка. Навахи возделывали те же культуры, что и их соседи: кукурузу, тыкву, фасоль, подсолнечник, а в XVII в. научились у испанцев выращивать пшеницу и фруктовые деревья, главным образом персиковые. Искусственного орошения, известного индейцам пуэбло издавна, навахи не применяли. Вместе с тем они продолжали занятие охотой, доставлявшей

¹ E. Fergusson. New Mexico. New York, 1951, стр. 83.

² Там же, стр. 88.

им мясную пищу. Охотились при помощи лука и стрел. В отличие от соседних индейских племен, пользовавшихся простым луком, навахи употребляли более совершенный тип лука (о котором уже говорилось выше) — «усиленный».

Появление скота, завезенного на юго-запад испанскими колонистами, произвело большие изменения в жизни навахов. Земледелие отошло на второй план. Скотоводство, расцвет которого относится к XVIII в., дало навахам более регулярный источник мясной пищи, шерсть для выделки тканей, шкуры, обеспечило излишек продуктов для обмена. Навахи стали разводить овец, коз, крупный рогатый скот и лошадей. На высокогорные пастбища летом уходила только часть населения; не занятые уходом за скотом индейцы оставались в селении для присмотра за посевами.

Поселения навахов, в течение шести веков почти не изменившие своего характера, отличались большим своеобразием. В них могло быть от 3 до 10 жилых построек, отстоявших одна от другой на несколько десятков метров. При поселении были пахотная земля, выпой для скота и закрепленный традицией участок, куда скот отгоняли на лето.

Жилище навахов (местное название «хоган») сохранило черты северного происхождения. Хоган — полуземлянка с характерным для северного жилища входным коридором. В таком хогане помещалась семья в 5—10 человек. Обычно площадь хогана не превышала 20 кв. м, и почти вся жизнь семьи из-за тесноты в доме протекала на воздухе.

Навахи издавна славятся своими ремеслами. Так, им давно было известно искусство плетения; особо следует отметить изготовление круглых корзин, стенки которых просмоливались и не пропускали воды (гончарство у навахов большого развития не получило). Расцвет ремесел, как и всей культуры навахов, приходится на XVIII в. Удивительна быстрота, с которой этот народ воспринимал новые культурные влияния, придавая им в то же время своеобразные черты своей национальной культуры. Это прежде всего относится к ткачеству, которое навахи освоили с развитием у них овцеводства, специализируясь главным образом на изготовлении орнаментированных одежд. Вопрос о происхождении ткачества у навахов не ясен. Некоторые ученые предполагают, что навахи научились ему от индейцев пуэбло (у последних ткачеством занимались мужчины, у навахов — женщины). Очень скоро они далеко превзошли в этом искусстве своих учителей, хотя работали на таком же примитивном ткацком стане (вертикальном). Для окраски шерсти и украшения одежд навахи применяли не только растительные краски, известные им издавна, но и покупаемые у мексиканцев индиго, красную ткань, полоски которой выстали вместе с шерстяными нитями в ткань одеяла. В XVIII—XIX вв. навахские одеяла были в каждой испанской и мексиканской семье. Характерно, что в войнах с навахами и индейцы и испанцы стремились захватить в рабство навахских женщин — искусных ткачих, труд которых приносил хозяевам большие доходы. Навахи успешно развили и другое ремесло, также заимствованное, на этот раз от испанцев, — чеканку серебра. Этим занимались исключительно мужчины. В качестве материала навахи употребляли мексиканские и американские монеты, выделывая из них прекрасные подвески, пояса, украшения для сбруи и т. д.

Расцвет культуры бывших бродячих охотников — навахов, перешедших на юго-западе к оседлому образу жизни, сказался и в их одежде. До XVIII—XIX вв. одежда навахов была очень примитивной: летом мужчины носили шпестенную из травы набедренную повязку, женщины — такую же юбку; в холодную погоду покрывали тело шкурами или домо-

ткаанными одеялами; надевали гамашы и мокассыны. В XIX в. павлах носил кожаные короткие брюки, рубашку из прямоугольного куска бязи или одеяла, перевязанную кожаным поясом, узким сзади и широким спереди, с большой серебряной пряжкой. Жепская одежда изготовлялась из двух кусков домотканной материи, сшитой на плечах и по бокам так, что оставались отверстия для головы и рук. Красный шерстяной пояс, зачистую украшенный серебряными бляшками, на фоне полосатой материи платья (красные, черные и голубые полосы) усиливал нестроту жепской одежды. И мужской и женский костюм дополняли многочисленные украшения — серебряные, своего производства, а также сделанные из красивых ракушек, которые выменивали у индейцев юта.

У нас нет никаких прямых свидетельств о существовании у павлах племен. Однако следы родовой организации сохранились. У павлах отмечено тотемных названий родов, характерных, например, для ирокезов или индейцев прерий. Американские этнографы сообщают только географические наименования, якобы соответствующие прежним названиям родов. Однако в XIX в. (время, к которому относятся имеющиеся сведения по общественной организации павлах) расселение родов не соответствовало этим названиям, так как в каждом поселке обычно жили люди из разных родов.

Материнско-родовая организация, очевидно с конца XVII в., с развитием скотоводства и ростом обмена, начала разрушаться. Выделившись из рода семья еще сохранила черты, характерные для парной семьи эпохи матриархата (наличие раздельной собственности у мужа и жены, матрилокальное поселение, наследование по материнской линии и т. д.), однако с накоплением богатств появляется стремление к передаче имущества от отца к сыну, а с развитием скотоводства в зажиточных скотоводческих семьях отмечается полигамия.

Разложение материнского рода сопровождалось вытеснением родовых отношений территориальными. Как уже говорилось, в поселении жили люди разных родов, сплзанные между собой экономическими и социальными отношениями. Жители селения имели общий выгон; пахотная земля при селении распределялась между семьями. Существовавший у соседней общины взаимопомощи был тесно связан с земледельческими занятиями: во время больших хозяйственных работ объединялись семьи, не всегда принадлежавшие к одному и тому же роду.

Селение избирало вождя, в обязанности которого входило наблюдать за порядком в хозяйственных делах, разрешать споры и т. д.

Развитие скотоводства и земледелия, рост внутреннего и межплеменного обмена способствовали классовому расслоению в общине. Среди рядовых общинников появились богатые и бедные. Родовая верхушка превращалась в класс эксплуататоров. Более быстро расслоение проходило в скотоводческих районах, где широко развилось производство изделий ткацкого ремесла. Ремесло стало отделяться от земледелия. Появилось рабство, которое имело патриархальный характер. Рабов выменивали или захватывали во время частых стычек с соседними индейскими племенами, испанцами, позднее — мексиканцами. Рабов часто принимали в семью, и дети от браков рабов со свободными были свободными, равноправными членами общины. Но именно рабов приносили в жертву при совершении некоторых религиозных обрядов. Рабы выполняли по преимуществу полевые, а также и домашние работы¹. Применение рабского труда

¹ К. Loomala. Navaho life of yesterday and today. Berkeley, 1938, стр. 24.

особенно распространилось в XVIII в., когда окрепшие и разбогатевшие навахи стали вести оживленную торговлю с индейцами и испанцами и совершали постоянные нападения на испанские селения и деревни других индейцев.

Индейцы юго-запада Северной Америки находились между собой в постоянных отношениях обмена. Отдельные племена часто были поставщиками какого-нибудь определенного продукта или изделия. Так, индейцы зуны поставляли соль, тано — бирюзу, жители селения Сан-Филипе — минеральную краску для гончарных изделий, деревня Акома — хлопчатобумажные домотканые плащи, юта — плетеные изделия и шкуры, навахи — одеяла и оленьи шкуры и т. д. С XVII в. индейцы вовлекаются в торговлю и с испанскими колонистами, селения которых в общем сосредоточивались по берегам р. Рио-Гранде, а затем с мексиканцами. Навахи, несмотря на постоянные стычки с теми и другими, весьма успешно торговали. Испанский автор XVIII в., цитируемый Луомала, отмечал, что они при этом объяснились на испанском языке, который усваивали с чрезвычайной легкостью¹.

Такой в общих чертах рисуется культура навахов до присоединения их территории к США.

Навахи под властью США

Во время испанской колонизации навахи фактически не были покорены и оставались совершенно самостоятельными: они не допускали к себе ни миссионеров, ни солдат. Попытка испанцев подчинить навахов путем назначения вождями своих ставленников также не имела успеха. Такими же были отношения навахов с мексиканскими властями.

С захватом юго-запада Северной Америки Соединенными Штатами (1848 г.) для навахов, как и для всех индейцев этой области, началась полоса беспримерных страданий. Против мирных индейских селений посылали отряды солдат, которые вытаптывали поля индейцев и убивали их скот. Американские чиновники заключали с отдельными подкупленными вождями мошеннические «договоры» и на их основании требовали от навахов подчинения. Но навахи не признавали этих договоров, оказывали американским солдатам стойкое сопротивление и держали в страхе пограничные американские города. Тогда правительство предприняло постройку фортов на территории индейцев. В 1859 г. против навахов был направлен полк волонтеров полковника Карсона, куда были набраны всякого рода авантюристы, наводившие Дальний Запад в годы «золотой лихорадки». Карсон получил инструкцию убивать всех мужчин, способных носить оружие, а женщин и детей уводить в специально отведенную для навахов резервацию на р. Искос близ форта Самнер, а так же уничтожать посевы и скот индейцев. Навахи под натиском превосходящих сил ушли в каньон де Челли, где были подвергнуты долгой осаде. В конце концов умирающим от голода осажденным, среди которых было много женщин и детей, пришлось сдаться на милость победителей. Восемь тысяч навахов по этапу отравили в форт Самнер, где они бедствовали с 1863 по 1868 г. Еще и сейчас пребывание в форте Самнер вспоминается навахами как самое мрачное время в их истории². По договору 1868 г. навахам отвели резервацию к северу от той области, где они жили раньше, — на территории двух штатов:

¹ К. Луомала. Ук. соч., стр. 24.

² С. Kluckhohn and D. Lighton. The Navaho. Cambridge, 1948, стр. 9.

Новая Мексика и Аризона. Панахи получили 1200 тыс. га совершенно непригодной земли — пески и скалы — и были обречены на вымирание. Время от времени под нажимом прогрессивной общественности правительство США нарезало навахам небольшие участки. Но как только индейцам доставалась хорошая земля, она сейчас же тем или иным способом у них отнималась. Так, в 1908 г. навахам удалось добиться прирезки 1400 тыс. га земли, а в 1911 г. столько же гектаров лучшей земли было отрезано от навахской резервации и продано скотоводам-американцам¹. В настоящее время навахская резервация занимает территорию в 25 тыс. кв. км, расположенную в самых пустынных областях трех штатов — Юта, Новая Мексика и Аризона. «Страна навахов является частью колорадского плато — области складчатых и сбросовых гор, пересеченных бесчисленными каньонами. Область настолько рассечена переплетающимися ущельями, что плато представляет собой нагромождение разбросанных в диком хаосе столовых гор, изолированных хребтов и башнеподобных остроконечных вершин, среди которых прокладывают свой извилистый путь истощенные потоки», — так характеризовал дикую природу территории навахов геолог Грегори². Горы, которыми изобилует край навахов, покрыты богатой лесной растительностью. Резервация навахов богата и полезными ископаемыми. Но экономика народа развита слабо. Основными ее отраслями остаются скотоводство и земледелие, для развития которых условия в резервации неблагоприятны.

Скудные осадки, постоянные засухи, перемежающиеся короткими и бурными ливнями, губящими посевы и смывающими плодородный слой почвы, делают область, где живут навахи, еще более непригодной. Земли навахов гибнут от эрозии (рис. 25). Для США эрозия — национальное бедствие, с которым капитализм не в состоянии бороться. В результате хищнического ведения хозяйства 70% всей возделанной земли в Соединенных Штатах подвержено эрозии. В годы президентства Рузвельта был, правда, разработан проект оздоровления почв, но никакой реальной пользы народу он не дал.

В соответствии с этим проектом работы по оздоровлению почв, главным образом — орошению, должны были проводиться и в навахской резервации. Для навахов это начинание оказалось бедствием не меньшим, чем эрозия. Их заставили продавать свой скот, «обременяющий» пастбища, и сократить посевную площадь, что привело к разорению мелких собственников, а орошенная земля попала в руки богатых скотоводов-американцев.

«План Управления по делам индейцев, выработанный совместно с Администрацией регулирования сельского хозяйства (Agricultural adjustment administration), не был вполне успешным и в своем проведении и по результатам, отчего пострадали мелкие собственники», — осторожно констатировала комиссия, изучавшая положение навахов в 1930-х годах³. Загнанные в резервации навахи находятся в безвыходном положении. Индейские резервации в США мало чем отличаются от концентрационных лагерей. Правда, из этих лагерей можно уйти, но расовая дискриминация, незнание английского языка крепче всякой колючей проволоки стерегут заключенных в резервации индейцев.

¹ С. Kluckhohn and D. Leighton. Ук. соч., стр. 11.

² H. Gregory. Geology of the Navajo country. U. S. Geol. survey. «Profess. Paper», № 93, стр. 11.

³ U. S. Congress, 72. Hearings before U. S. Senate. Report in survey of conditions of the Indians of the United States. Washington, 1932, стр. 17538.

Американский этнограф Эрнст Фергюссон пишет о положении навахов, что «эти граждане США живут в самых плохих условиях, какие только есть на земле»¹.

Основа хозяйства навахов — скотоводство. Почти половину общего годового дохода навахи получают от продажи шерсти, молодняка, мяса.

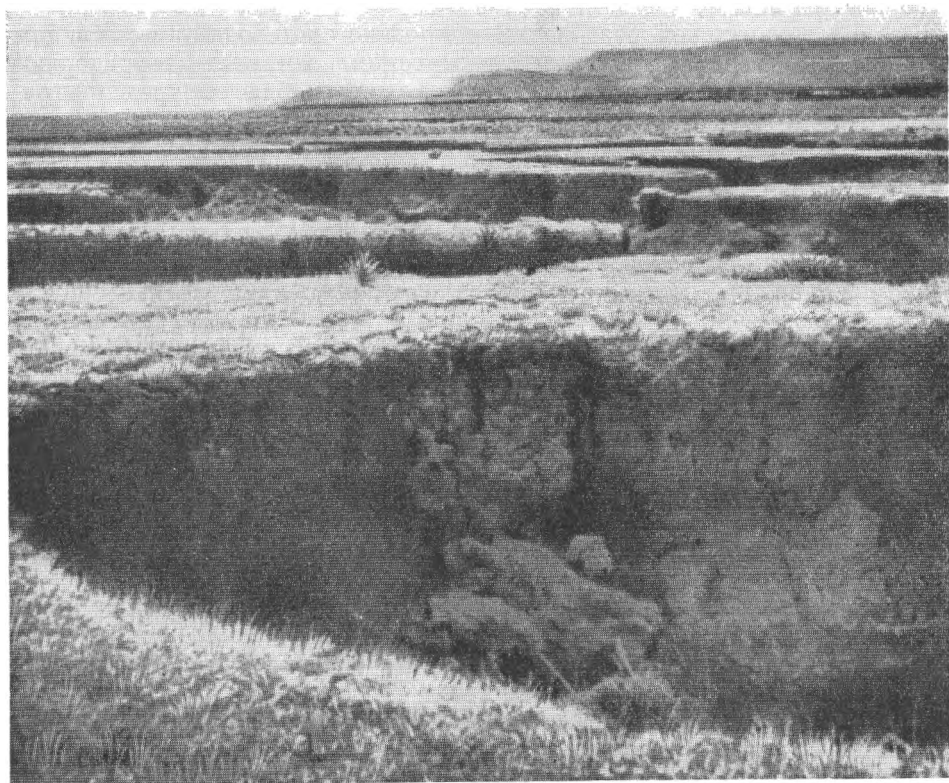

Рис. 25. Участок земли в резервации навахов, пораженный эрозией

В 1940 г. в наваховской резервации было около 400 тыс. овец, 70 тыс. коз, 16 тыс. коров и около 40 тыс. лошадей. Распределение скота крайне неравномерно: очень небольшая часть навахов, менее одного процента всех семей, владеет стадами в 500 голов и более; в то же время около трети всех семей вообще не имеет скота. Таким образом, львиная доля доходов сосредотачивается в руках ничтожного меньшинства племени — вождей селений, торговцев или просто зажиточных общинников. Им же принадлежат оросительные каналы, лучшие пастбища и плодородная пахотная земля, что позволяет им командовать в общине. Частная собственность на пахотную землю и пастбища получает все большее распространение. Зажиточные скотоводы и фермеры эксплуатируют своих одноплеменников почти как капиталистические фермеры-американцы. Годовой доход в 1940-х годах лишь у одного процента наваховских семей превышал 2 тыс. долларов². Средний же годовой доход навахов в то же

¹ E. Fergusson. Ук. соч., стр. 93.

² C. Kluckhohn and D. Leighton. Ук. соч., стр. 26.

время едва достигал 400 долларов¹! По преуменьшенным данным комитета Геллора при Калифорнийском университете, семье из четырех человек для обеспечения самого скромного существования требовалось в 1946 г. около 4 тыс. долларов².

Разработка естественных богатств резервации навахов, богатой лесом и полезными ископаемыми, развила бы экономику населения, повысила

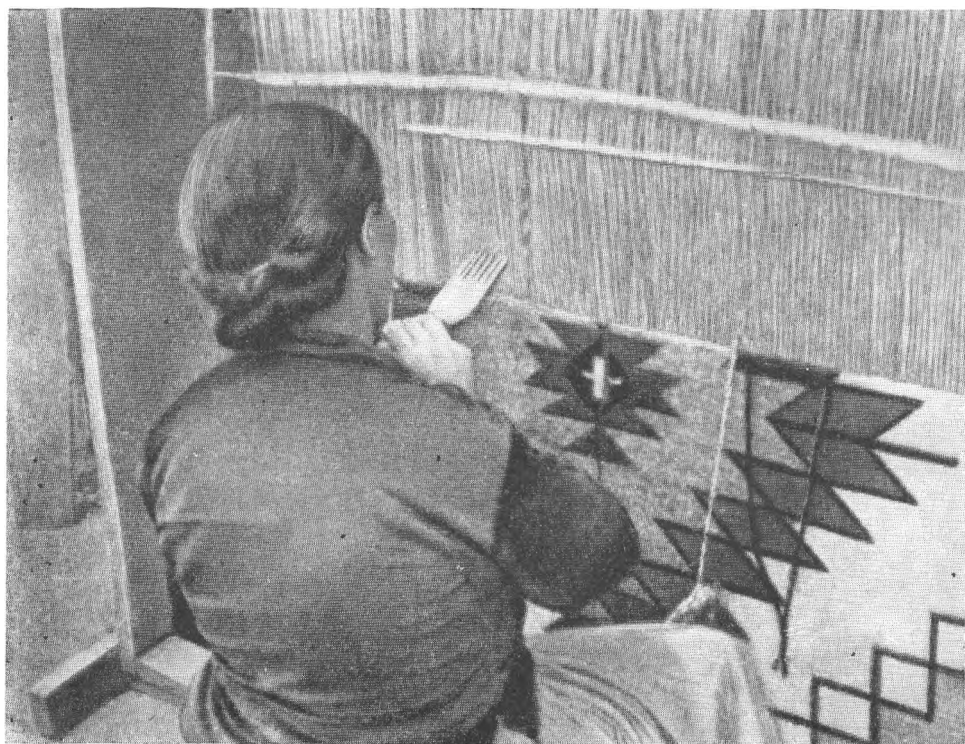

Рис. 26. Наважская ткачиха

бы жизненный уровень. Однако правительство США не только не помогает индейцам развивать промышленность на основе местных ресурсов, но и отбирает у них все, что имеет хоть какую-нибудь ценность. В 1930-х годах было проведено законодательным путем запрещение отнимать у навахов землю. Но не далее как в 1947 г. был подписан закон, передающий государству права на месторождения гелия в резервации.

Навахские женщины и сейчас славятся своим мастерством в изготовлении одежд (рис. 26), которыми сами они не пользуются, а вынуждены покупать дешевые фабричные одежды, употребляя их как накидки, полог в хогане и т. д. В 1940 г. было зарегистрировано 600 навахов, занимавшихся производством серебряных украшений, из них 84 — профессиональные ремесленники (рис. 27). За тяжкий труд в полутемном хогане квалифицированный ремесленник получает в год не более 100—150 долларов.

¹ E. Ferguson. Ук. соч., стр. 96.

² Факты о положении трудящихся в США. Л.—М., 1949, стр. 60.

Сбыт всей производимой навахами продукции идет исключительно через лавочников, скупщиков, всякого рода посредников, наживающихся за счет наважских ремесленников. Лавочники, главным образом американцы, имеют специальное разрешение на торговлю с индейцами;

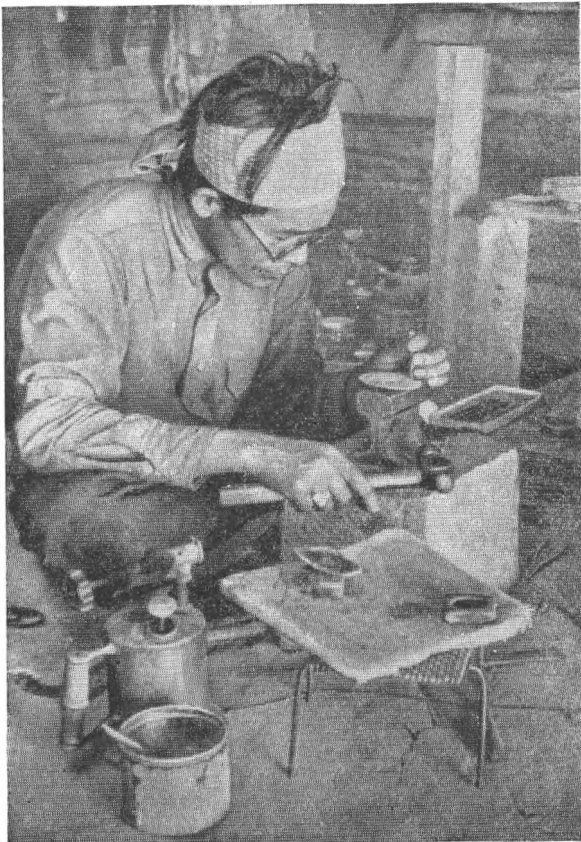

Рис. 27. В мастерской наважского ювелира

от них зависят судьбы десятков тысяч навахов. Эти лавочники снабжают мастеров сырьем, инструментами, продуктами и держат ремесленников в неоплатном долгу. Лавочники, как пиявки, присосались к резервации навахов и выжимают из индейцев последние соки. Без них навахи не могут сделать ни шагу.

«Для большинства дено (т. е. навахов) торговый пост остается почти единственным местом соприкосновения с внешним миром», пишет Эрн Фергюссон¹. По произвольно назначаемым ценам лавочники обменивают на предметы первой необходимости изделия наважского ремесла — ковры, одеяла, серебряные украшения, скупает у навахов шерсть, скот, зерно (рис. 28). Навахи почти не получают денег на руки, так как все торговые сделки совершаются путем обмена. У лавочников всегда в распоряжении дешевая рабочая сила — должники-

ки, которые отрабатывают долги в качестве грузчиков, проводников, батраков.

Бедственное положение навахов ни для кого в Америке не секрет. Поэтому под давлением общественного мнения конгресс США ежегодно отпускает некоторую сумму на пособия нуждающимся. Эта филантропия не может да и не имеет в виду коренным образом улучшить экономическое положение навахов. Большая часть ассигнованных денег оседает в Вашингтоне, а то, что доходит до резервации, попадает зажиточным индейцам, чиновникам индейской службы — кому угодно, только не действительно нуждающимся.

Навахи, составляющие шестую часть индейского населения США, получали в 1948 г. всего двенадцатую часть ежегодных ассигнований

¹ E. Fergusson. Ук. соч., стр. 93.

конгресса на нужды индейцев, что, по заявлению председателя отдела благосостояния индейцев при Национальной федерации женских клубов, госпожи Д. Керк, объясняется давлением членов конгресса от штатов Аризона и Новая Мексика на Управление по делам индейцев. Власти этих штатов вообще отказываются выделить из фондов, предназначенных на пособия, средства для оказания помощи индейцам. Не трудно понять, какими мотивами руководствуются конгрессмены от штатов Новая Мексика и Аризона, отказывая индейцам даже в нищенском пособии. В ре-

Рис. 28. У лавочника, скушающего изделия навахских мастеров

зервации навахов имеются месторождения газа, шахта и несколько мельниц, на которые навахи привлекаются в качестве рабочих. Предприниматели не обеспечивают жильем семьи рабочих, и в печати сообщалось, что навахов трудно удержать на работе при таких условиях. Ясно, что, лишая индейцев пособий, власти штатов помогают предпринимателям удерживать дешевую рабочую силу. «Наблюдается страшная тенденция организованного политического нажима или угроза нажима со стороны белых, живущих по соседству, которые хотят получить землю индейцев или удержать индейцев на низком жизненном уровне, чтобы располагать дешевой рабочей силой или получать большие прибыли от торговли с навахами»¹, признается Клюкхон.

Павахи лишены минимальных культурных условий жизни (рис. 29). Недоедание, плохая пища, антисанитария, фактическое отсутствие медицинского обслуживания приводят к тому, что в резервации свирепствуют туберкулез, дифтерия, трахома, желудочные заболевания. 45% всех случаев смерти среди навахов падает на смерть от туберкулеза! Из

¹ С. Kluckhohn and D. Leighton. Ук. соч., стр. 107--108.

каждых 10 младенцев два-три умирают, не прожив года. Детская смертность от дифтерии и желудочных заболеваний у навахов в 40 раз больше, чем по всей стране¹. В результате тяжелых условий жизни навахи очень рано умирают. Средний продолжительность жизни навахов — 17 лет!²

Несмотря на то, что в резервации есть несколько школ, для подавляющего большинства навахов образование недоступно. Ни одна из книг, посвященных навахам, не упоминает о навахах, которые получили бы высшее образование. Если таковые и есть, они представляют редкое исклю-

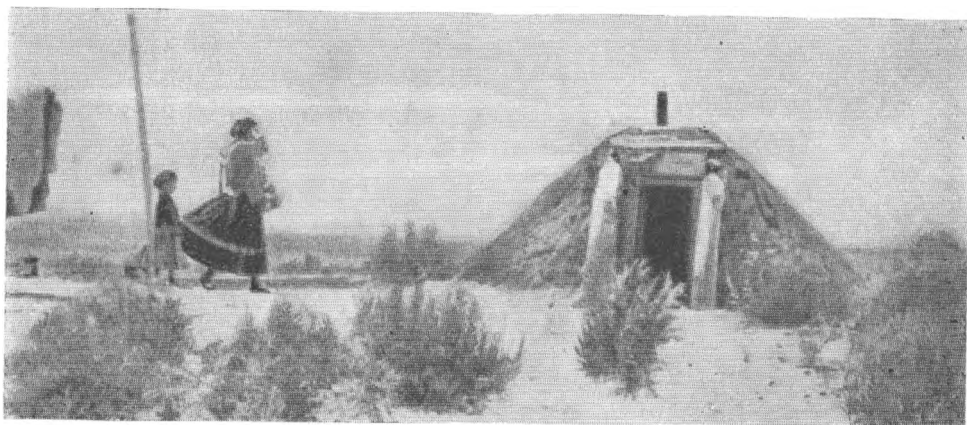

Рис. 29. Навахи и сейчас вынуждены жить в землянках

чение. Большинство навахов (71%) не знает английского языка, и только 10% всего населения владеют им «сносно», как выражается этнограф Клюкхон.

С недавних пор введена письменность на навахском языке, но число навахов, умеющих читать и писать на родном языке, невелико — всего 500 человек³. В 1940-х годах издавалась ежемесячная газета на английском и навахском языках, но просуществовала недолго из-за отсутствия подписчиков.

Самая постановка школьного дела оставляет за дверьми школы большую часть индейских детей. До 1933 г. детей навахов забирали в школы-интернаты Калифорнии, Пенсильвании и других, преимущественно отдаленных областей. В интернатах налагался запрет на все, что имело отношение к прежней жизни детей. Они забывали свой язык, их приучали смотреть свысока на своих «несцивилизованных» сородичей. После этого 95% интернатских детей возвращались в резервации, где применить свои знания они не могли, и жизнь становилась для них невыносимой. В то же время навахов не удовлетворяют школы с узко техническим уклоном, появившиеся с 1933 г. Сами навахи протестуют против такого ограничения учебной программы. Делегат навахов заявил в комиссии сената по расследованию претензий индейцев (1937—1940 гг.), что детям навахов нужно такое же образование, как и детям белых людей⁴.

¹ E. Fergusson. Ук. соч., стр. 93.

² «New York Times», 30/V 1953.

³ C. Kluckhohn and D. Leighton. Ук. соч., стр. 92.

⁴ U. S. Congress 76. Hearings before a Subcommittee of the Committee on Indian affairs. Survey of conditions of the Indians of the United States. Washington, 1940, стр. 21094.

После второй мировой войны навахи посылали своих делегатов в Вашингтон с требованием увеличить сеть школ в резервациях. В 1946 г. лишь четвертая часть всех детей школьного возраста могла учиться; остальные не ходили в школу не только из-за недостатка одежды, необходимости работать дома, но и вследствие неудовлетворительного состояния самих школ и интернатов при них (рис. 30). При устройстве школ не учитывают разбросанности селений по большим пространствам. Дети из отдаленных навахских селений не имеют возможности попасть в школу из-за отсутствия транспорта. Школы в полуразрушенном состоянии. Чаще всего это жалкие лачуги в одну-две комнаты. Залованье учителей крайне низкое; учительский персонал в основном набран из случайных людей, чаще всего не знающих навахского языка.

Подавляющее большинство навахов неграмотно.

Глава Управления по делам индейцев Брофи сообщал в 1946 г., что только 12% призванных в армию навахов были грамотны. Но даже находясь в таком жалком состоянии образования индейцев вызывает злобные нападки наживающихся за счет навахов лапчинок и предпринимателей. Оскорбительные отзывы об индейцах, учившихся в школе, свидетельствуют о том, что для американской буржуазии выгодно держать индейцев в темноте и невежестве.

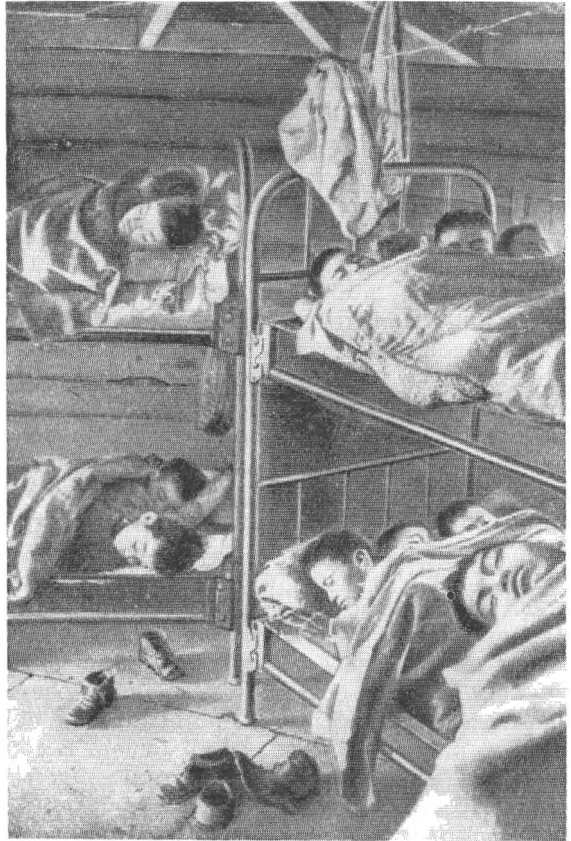

Рис. 30. Спальня мальчиков в школе-интернате (резервация навахов)

Религиозное воспитание навахов всячески поощряется. В резервации действует 11 церквей разных толков, вплоть до мормонской¹. Известно, что в США широко практикуется разобщение населения по разным религиозным сектам. В индейских резервациях, где население не очень многочисленно, это разобщение еще более ощутимо.

Обслуживающий состав миссий на одну пятую состоит из навахов. При миссиях организованы школы, которые внушают индейцам ужас: миссионеры пещадно притесняют детей, бьют, сажают в карцер за малейшую провинность. Чтобы заставить навахов отдавать детей в

¹ Американская религиозная секта (официальное название «Церковь Иисуса Христа святых последнего дня»), основанная около 1830 г.

школы при миссиях, миссионеры подкармливают обращенных в христианство, отказывая в помощи «язычникам», как бы они ни бедствовали. Добровольно принимают крещение карьеристы, богачи, стремящиеся к политическому влиянию. За последние годы и среди навахов, при покровительстве американских властей и миссионеров, получил распространение пейотизм (см. статью «История колонизации Северной Америки и современное положение индейцев»).

Вплоть до 1948 г. власти штатов Новая Мексика и Аризона лишали права голоса 70-тысячный народ на том основании, что навахи пахотятся «под опекой» правительства США и, следовательно, не являются юридически самостоятельными.

Навахи фактически не имеют и местного самоуправления, находясь под контролем чиновников Управления по делам индейцев.

С поселением навахов в резервации американские власти долго экспериментировали над организацией управления. Так, в 1925 г. вся территория навахов была искусственно разбита на несколько округов, каждый со своим органом самоуправления. Округа посылали депутатов в объединенный орган управления, носивший название парламента. На руководящие должности в парламент попали главным образом немногочисленные навахские интеллигенты; народ не избрал ни состоятельных скотоводов, ни шаманов. Навахский парламент, таким образом, сосредоточил в себе наиболее передовых людей, которые осмеливались выражать недовольство национальной политикой правительства США. По именно за это парламент был лишен финансовой поддержки, округа расформированы. Созданный затем «совет племени» состоял из так называемых «йесменов» (от английских слов «yes» — да, «men» — люди) — подголосков агентов Управления по делам индейцев, но народ не признавал их своими представителями.

В 1934 г., в соответствии с законом Рузвельта, 60 тыс. навахов, квалифицированные как «племя», получили «самоуправление». Общеплеменной совет возглавляется председателем, вице-председателем и состоит из 44 делегатов от районов, вернее — местных общин. Каждая из них имеет свой совет. Полномочия совета племени чрезвычайно ограничены, и вся работа его протекает под неусыпным надзором администрации Управления по делам индейцев. В совет избираются только мужчины. Так же мало самостоятелен племенной суд, из компетенции которого изъяты наиболее важные дела.

Несмотря на то, что правительство США при помощи бюрократического аппарата Управления по делам индейцев и армии миссионеров пытается изолировать индейцев, навахи и тысячи других индейцев живо откликнулись на события второй мировой войны. 3600 навахов служили в армии. Взвод морской пехоты, сформированный из навахов, покрыл себя славой в боях. «Война окружила ореолом индейцев из племени навахов, — писал Оливер ла Фарж. — По вот война закончилась, и индейцы вернулись на родину, окрыленные большими надеждами. Однако они столкнулись лицом к лицу со всей реальностью спящего безнадежного и отчаянного положения»¹. Для ветеранов войны в навахской резервации нет ни работы, ни земли, ни скота; не получить им работу и вне резервации, — в США и помимо индейцев достаточно безработных.

В условиях капиталистической Америки эта крупнейшая индейская народность США обречена на безысходное существование, лишена возможности культурного и экономического развития.

¹ O. La Farge. «Harpers», Nov. 1947.

ИНДЕЙЦЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ
И ЮЖНОЙ АМЕРИКИ

ИСТОРИЯ ЗАВОЕВАНИЯ И КОЛОНИЗАЦИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮЖНОЙ АМЕРИКИ И СОВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ИНДЕЙЦЕВ

История открытия и завоевания стран Латинской Америки — одна из самых трагических и кровавых страниц мировой истории. Разрушение Мексики и Перу, уничтожение тысяч индейцев в военных стычках, сожжение на кострах «дикарей», не желавших принять христианство, эпидемии заразных болезней, междоусобные войны за обладание новыми землями и борьба за власть, обман, насилия, подкуп, ввоз негров-рабов из африканских колоний и, наконец, введение рабства среди индейцев — вот чем ознаменовались первые десятилетия после открытия материка.

Многочисленные экспедиции конца XV и первой половины XVI в., имевшие целью открытие новых торговых путей, а затем и расширение колониальных владений, были обусловлены экономическим и политическим положением стран Западной Европы того времени, в частности Испании и Португалии, — развитием абсолютизма, ростом промышленности и торговли, зарождением буржуазии.

Захват и разграбление американских земель сыграли огромную роль в развитии капитализма. «Открытие золотых и серебряных приисков в Америке, порабощение и погребение заживо туземного населения в рудниках, первые шаги к завоеванию и разграблению Ост-Индии, превращение Африки в заповедное поле охоты на чернокожих, — такова была утренняя заря капиталистической эры производства. Эти идиллические процессы составляли главные моменты первоначального накопления»¹.

Путешествия Христофора Колумба (конец XV в.) и последующие экспедиции превратили Испанию в крупнейшую колониальную державу.

«То было время, когда Васко Нуньес Бальбоа водрузил знамя Кастилии на берегах Дарисна, Кортес — в Мексике, Писарро в Перу; то было время, когда влияние Испании безраздельно господствовало в Европе, когда пылкое воображение иберийцев ослепляли блестящие видения Эльдorado, рыцарских подвигов и всемирной монархии»².

Первыми областями, открытыми Колумбом в Новом свете, были острова Вест-Индии, берега Центральной Америки и теперешней Венесуэлы.

Новые острова и территории на материке присоединялись к испанским владениям путем войн с индейцами, обманов и насилий. Еще во время своего первого путешествия Колумб захватил ряд островов, на

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVII, стр. 821.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. т. X, стр. 721.

одном из которых, названном Эспаньолой (буквально «Маленькая Испания», ныне Гаити), основал небольшую колонию Ла-Навидад (Рождество). Эта колония вскоре была уничтожена индейцами, восставшими против жестокого обращения с ними испанцев. Во время второго путешествия Колумб основал на этом же острове поселение Изабелла. Затем последовало покорение ряда других больших островов: Пуэрто-Рико, Сан-Диего (Ямайка) и Фернандины (Куба). Захват островов Вест-Индии был закончен примерно к 1513 г. В этом же году Диего Веласкес де Леон основал на Кубе город Гавану.

Все вновь открытые земли считались собственностью королевского дома. Для руководства управлением колониями, в особенности с целью организации торговых сношений, в Испании в 1503 г. было создано специальное учреждение Casa de Contratación, явившееся своего рода торговой палатой. Функции его вскоре значительно расширились, и оно начало превращаться в орган административного и судебного управления. В 1511 г. был учрежден Королевский совет, замененный в 1524 г. Верховным советом по делам Индии (Consejo Supremo de Indias). В его ведение и были преданы административные и судебные функции. Casa de Contratación сохранила за собой руководство торговлей.

Слободолюбивые индейцы не покорились завоевателям; они отплатили борьбой на зверства и насилии захватчиков. В первые же годы пребывания испанцев на островах Вест-Индии индейцы стали нападать на отдельные небольшие отряды испанцев и иногда даже пытались осаждать укрепленные поселения. Но, несмотря на значительный численный перевес, индейцы не могли противостоять огнестрельному оружию, каналерии и, наконец, военному строю испанцев, находившихся под командой опытных военачальников, ветеранов войны с маврами. Индейцы несли огромные потери. Считают, что в испанских колониях к 1541 г. разными способами было истреблено не менее 15 млн. индейцев¹.

Завоеватели (исп. conquistadores) искали золото, а его на островах Вест-Индии было мало. Мираж золота побуждал испанцев отправляться на поиски новых земель. На завоеванных же островах, в результате жесточайшей эксплуатации, индейское население почти полностью вымерло уже в первой трети XVI в. Испанские дворяне обрабатывать землю не желали, поэтому они старались пополнить население островов индейцами, привезенными из других мест, а также отыскать новые земли, новых индейцев, для распределения их между вновь прибывавшими колонистами.

В 1509 г. началась колонизация Дариена (Панамский перешеек). В 1513 г. Бальбоа пересек Даррен и вышел на побережье Тихого океана. В 1517 г. экспедиция, отплывшая с о-ва Кубы для охоты за рабами, открыла Юкатан и Мексику.

Эти страны были густо населены сильными и культурными сельскохозяйственными племенами. Индейцы Мексики, особенно ацтеки, оказали упорное сопротивление экспедиции Кортеса. Больше года понадобилось завоевателям, чтобы захватить главное поселение ацтеков — Теночтитлан. Взятых при этом в плен индейцев клеймили и обращали в рабство.

На месте разрушенного Теночтитлана был построен новый город, названный Мехико. Кортес был назначен губернатором и капитан-генералом покоренной им страны. Вскоре он подчинил себе почти всю территорию современной Мексики.

Немногочисленному отряду испанцев удалось покорить ацтеков не только потому, что испанцы были вооружены огнестрельным оружием

¹ У. Фостер. Очерк политической истории Америки. М., 1953, стр. 67

и выступали верхом на лошадях против пеших индейцев. Большую роль в победе сыграло то обстоятельство, что испанцы использовали внутренние противоречия еще не вполне сложившегося государства ацтеков. Им удалось привлечь на свою сторону покоренные ацтеками индейские племена, что значительно ослабило силы сопротивления захватчикам.

Завоевательные походы испанцев не ограничились областями бассейна Караибского моря. Кровавый их путь шел дальше, вглубь материка Южной Америки. Походы Писарро, Альмагро, Вальдивии и других завоевателей имели своим результатом варварское разрушение государства инков и гибель десятков тысяч индейцев. Появление португальцев в прибрежной полосе северо-восточной части материка привело к полному уничтожению ряда индейских племен побережья. Но вглубь страны португальские завоеватели долго не могли проникнуть; захват и освоение этих районов начались значительно позднее.

Соперничество между Испанией и Португалией не только за право владения новыми открытыми землями, но даже за право открытия новых земель привело к разделу сфер действия этих двух государств, узаконенному неоднократно буллами римских пап.

После первого путешествия Колумба папой Александром VI была издана так называемая «демаркационная булла», разрешавшая Испании захват новых земель к западу от меридиана, проходящего в 100 лигах западнее островов Зеленого мыса, а Португалии — к востоку от того же меридиана.

Практически в ближайшие же годы это разрешение неоднократно нарушалось. По так называемому Тордесильскому испано-португальскому договору 1494 г. демаркационная линия была перенесена далее в западном направлении. Существует предположение, что португалец Кабрал, плывший в Индию, имел специальное поручение держать курс к западу и что открытие им в 1500 г. побережья Бразилии было вовсе не случайным.

К концу первой половины XVI в. была захвачена значительная часть материка. На право участия во владении Америкой стали претендовать, кроме Испании и Португалии, и другие крупнейшие государства Западной Европы того времени — Голландия, Франция, Англия.

Испанцы и португальцы, однако, ревниво охраняли свои владения. Например, замечательное открытие Магелланом у южной оконечности Америки пролива в Тихий океан (1521 г.) испанцы в течение ряда лет стремились сохранить в тайне. Но оградить Магелланов пролив от нежелательного вторжения оказалось невозможным. В 1578 г. английскому пирату Дрейку удалось найти пролив и пройти в Тихий океан. После англичан в район Магелланова пролива неоднократно проникали многочисленные голландские корсары.

В начале XVII в. голландцы захватили атлантическое побережье Южной Америки от р. Сан-Франциско до р. Рио-Гранде-до-Порте (крайний восточный выступ Южной Америки) и владели им в течение 30 лет. Французы неоднократно пытались завладеть Бразилией. Территория Гвианы в продолжение многих лет была ареной ожесточенной борьбы между Испанией, Португалией, Францией, Англией и Голландией — до тех пор, пока она не была поделена между тремя последними странами. Тихоокеанское побережье также неоднократно подвергалось нападениям, главным образом со стороны Англии и Голландии.

Португалия и особенно Испания тотчас же после захвата установили в своих новых владениях ту систему политического управления, которая соответствовала феодально-абсолютистскому режиму метрополии. Эта

система имела целью максимально централизовать управление в колониях и ограничить власть и права отдельных лиц. Колонии были разделены на вице-королевства и генерал-капитанства, правители которых назначались королем. Городами и сельскими округами управляли чиновники — коррехидоры, подчинившиеся вице-королям или генерал-капитанам.

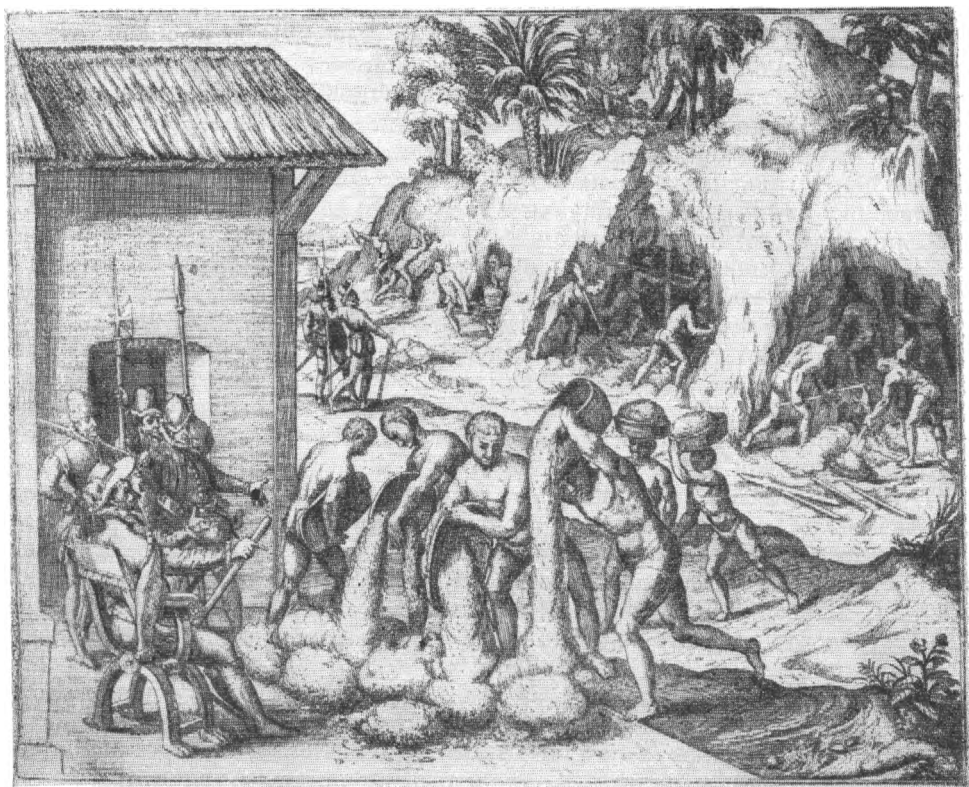

Рис. 31. Припудительный труд индейцев на рудниках (старинная гравюра)

Контролирующим органом являлись так называемые «аудиенсии», находившиеся в крупных административных центрах и непосредственно связанные с Верховным советом по делам Индии.

В первые годы колонизации все усилия завоевателей были направлены на поиски легендарной страны золота — Эльдорадо, на добычу драгоценных металлов (рис. 31), и лишь впоследствии обратили они внимание на эксплуатацию других естественных богатств. Интерес у этих рыцарей грабежа был один — личная нажива. В погоне за ней они не признавали ничего святого. Не только индейцев они не считали за людей, но и свои же товарищи по оружию были для них средством к достижению той же цели. Отсюда — постоянные распри, которыми сопровождалось завоевание, измена начальству, полное равнодушие к интересам своего государства.

Обращение индейцев в рабство, начало которому положил еще Колумб, формально было запрещено. Но это запрещение касалось только мирных индейцев. Индейцев, оказывавших сопротивление белым, а также тех, кого колонизаторы считали «людоедами», можно было обращать в раб-

ство и использовать на самых тяжелых работах (рис. 32). Таким образом, фактически рабство не было ограничено. Положение рабов было крайне тяжелым. Это неоднократно отмечалось даже самими испанцами.

В испанских владениях рабство было узаконено указом короля Карла I (он же Карл V — император Священной Римской империи) в 1525 г.

Рис. 32. Обработка сахарного тростника (старинная гравюра)

Расхищение земель и порабощение индейцев началось еще в период завоевания. Обнищавшие испанские и португальские феодалы обогащались в колониях путем варварской эксплуатации коренного населения, принимавшей различные формы принуждения: репартименто (repartimiento — распределение), энкомьенда (encomienda — поручение, покровительство) или мита (mita — назначение индейцев по жребью на общественные работы). Эти системы сменяли одна другую.

Каковы бы ни были особенности этих систем, все они создавались с одной общей целью — увеличить доходы королевской казны, и все они фактически приводили и к другой цели — к обогащению разорившихся дворян, прибывших в новые земли, чтобы поправить свои личные дела.

На островах Вест-Индии система колониального рабства первоначально имела форму простого распределения (repartimiento) индейцев между завоевателями, к каждому из которых прикреплялось некоторое число индейцев вместе с вождем. Индейцы должны были обрабатывать принадлежавшую их хозяину землю, добывать золото и выполнять другие работы.

Но система репартименто была невыгодна королевскому правительству, стремившемуся превратить индейцев в непосредственных подданных короны, чтобы доходы от их эксплуатации шли в королевскую казну, а не в карманы завоснателей. Поэтому вскоре она была отменена и заменена энкомьендой.

Формально индейцы объявлялись свободными, а испанцы — «опекунами» приданных к ним индейских общин. Согласно королевскому указу, испанцы должны были приобщать опекаемых ими индейцев к благам испанской цивилизации и христианства, а индейцы, в благодарность за это, должны были нести повинности в пользу своих «опекунов». Прикрепленные к помещику индейцы получали небольшой надел, за который были обязаны работать на помещика определенное число дней в году. Со временем барщина все увеличивалась. Так, в XVIII в. в районе Анд индейцы работали на барщине 300 дней в году¹.

На территории Мексики и Центральной Америки, где преобладало оседлое земледельческое население, распределение индейцев производилось не по племенам или отдельным родам, а по территориальному принципу, по деревням. Так были распределены между завоевателями многочисленные селения Мексики. Отдельные энкомьенды достигали очень больших размеров. Кортес, например, получил не менее 25 тыс. кв. миль с населением свыше 100 тыс. человек. В южноамериканских колониях была введена та же система с некоторыми изменениями.

Смертность среди индейцев, работавших на колонизаторов, была очень велика. Рабочую силу необходимо было пополнять. Из районов, где ощущался недостаток рабочих рук, отправлялись специальные экспедиции, приносившие индейцев из областей, которых колонизация еще не коснулась. В дальнейшем, с развитием колонизации, захватом новых земель в районах Атлантического побережья и Карибского моря и продолжавшимся истреблением и вымиранием индейцев, это пополнение оказалось недостаточным. Уже в первые десятилетия XVI в. начался массовый ввоз негров из африканских колоний Испании и Португалии. Работоторговля в странах Латинской Америки существовала долгое время: в Бразилии, например, рабство было отменено только в 1888 г. Во второй половине XIX в. численность рабов в Бразилии, согласно официальной статистике, равнялась полутора миллионам. Да и эта цифра очень уменьшена.

Не желая допустить обезлюдения своих американских колоний, правительство метрополии пыталось издавать законы о защите индейцев (например, «Новые законы» 1542 г. и др.), но они оставались на бумаге, ибо колониальные власти не проповедили их в жизнь.

В тихоокеанской, более густо населенной части материка эксплуатация индейцев приняла более широкие размеры, чем в других районах, что объясняется также отсутствием значительного притока рабочей силы извне, как это имело место в Центральной Америке и в Бразилии. Между тем потребность колонизаторов в рабочей силе для разработки рудников, постройки городов, прокладки дорог все более росла.

Разумается, не все индейские племена захваченной в колониальный период части Нового света в одинаковой степени подвергались эксплуатации. Наиболее тяжелым было положение тех групп местного населения, у которых завоеватели застали общинный строй. В Мексике и Перу эти индейцы составили главную массу крестьянства новых колоний. Исключение делалось лишь для некоторой части индейской знати, ко-

¹ У. Фостер. Очерк политической истории Америки, стр. 94.

торая иногда сохраняла свои земельные владения; основная же масса индейцев-общинников превратилась в феодально-зависимых крестьян.

В 1720 г. был официально упразднен институт энкомьенд. Индейские поселения, входившие в энкомьенды, не получили, однако, земельных наделов. Земли, отнятые у индейцев, остались за помещиками.

Таким образом, в результате этой реформы положение индейцев несколько не улучшилось. Им было запрещено покидать свои поселения, допускался принудительный труд, причем плата устанавливалась государственными чиновниками. Не в силах прокормиться на своих карликовых наделах, индейцы вынуждены были наниматься на работу в поместьях — асьендах, и прежний рабский труд в энкомьендах сменился для них кабальной зависимостью.

Таким образом возник новый слой эксплуатируемого населения — пеоны (peones), состоявший в основном из индейцев и отчасти метисов с сильным преобладанием индейской крови. Находясь в кабальной зависимости, пеоны получали ничтожную плату за свой труд и, прибегая к ссудам, все более запутывались в неоплатных долгах.

Характер пеонажа разъяснял К. Маркс, ссылаясь на Мексику: «В некоторых странах, особенно в Мексике..., рабство существует в скрытой форме... При помощи ссуд, которые подлежат возмещению отработками, причем обязательства переходят из поколения в поколение, не только отдельный рабочий, но и вся его семья становится фактически собственностью другого лица и его семьи»¹. Эти слова Маркса полностью сохранили свое значение и для современных общественных отношений. Пеонаж — это форма долгового рабства, сохранившаяся до наших дней.

Зловещую роль в порабощении индейского населения Латинской Америки сыграла католическая церковь. Она не только давала моральную санкцию грабежам и убийствам, самой бесчеловечной эксплуатации индейцев колонизаторами, но и подрывала боевой дух индейцев. Церковь сама была крупнейшим землевладельцем и эксплуататором сотен тысяч рабов. Не случайно возникший в церковных кругах того времени спор, следует ли индейцев считать настоящими людьми, закончился изданием буллы папы Павла III (1538 г.). Индейцы были объявлены достойными приобщения к лону церкви как обладающие бессмертной душой. Этот «гуманный» акт открыл широкие возможности использования даровой рабочей силы — прежде всего для обогащения самой церкви — и пополнил папскую казну дополнительными сборами десятины с «новообращенных».

В первые же годы после завоевания в Америку направились миссионеры. Их деятельность, протекавшая под прикрытием «высокой» задачи распространения христианского вероучения среди индейцев, по существу не отличалась от системы насилия и грабежа, применявшейся завоевателями (рис. 33). В дальнейшем, в период колонизации материка, при содействии и помощи испанских и португальских королей, монашеские ордена, получив ряд привилегий, приступили к организации миссий. К началу XVII в. в различных районах Южной Америки существовали десятки миссий, на территории которых были поселены многие тысячи индейцев.

Через пожалования от королей и иными путями монастыри и высшее духовенство приобретали обширные земельные владения. Работали на них закрепощенные индейцы. Под угрозой военной силы монахи заставляли индейское население строить церкви, монастыри, миссионерские

¹ К. М а р к с. Капитал, т. I, Госполитиздат, 1953, стр. 174, примеч. 40.

поселки. Они принудительно обращали индейцев в христианство, заставляли их платить церковную десятину, устанавливали другие виды поборов.

В руках князей церкви скапливались огромные богатства. В Мексике, например, к концу колониального периода свыше половины пригодной для обработки земли принадлежало духовенству и монастырям.

Рис. 33. Сожжение индейца на костре
(старинная гравюра)

В духовной жизни американских колоний злое влияние церкви сказывалось еще сильнее, чем в странах Европы. Всякая свободная мысль беспощадно преследовалась, пылали костры, на которых сжигались тысячи «еретиков».

Особенно активной была деятельность иезуитов, нашедшая наиболее яркое выражение в создании парагвайских миссий (так называемые «редукции»). Иезуитские миссии в Парагвае, деятельность которых продолжалась более полутора столетий, накопили огромные богатства, широко эксплуатируя труд индейцев. В Парагвае иезуиты сосредоточивали в своих руках всю торговлю. В Чили им принадлежала пятая часть всех рабов. Когда иезуитов изгнали из испанских колоний (1767 г.), обнаружилось, что в их подчинении было 717 тыс. индейцев. Католическая литература прославляет деятельность миссий в Америке, якобы осуществивших утопические идеи социального равенства. Парагвайские миссии, например, широко известны под именем «Христианской рес-

публики». На самом деле именно католические миссии, и особенно миссии иезуитские, применяли самые изощренные методы угнетения широких индейских масс. Миссии имели свои войска и полицию. Миссионеры судили индейцев за малейшее ослушание. Колодки и цепи, найденные в бывших миссионерских поселках, свидетельствуют о жестокости, царившей в миссиях. Миссионеры вмешивались в личную жизнь подчиненных им индейцев, регламентируя их поведение, одежду, развлечения. В последней четверти XVIII в., вслед за падением господства иезуитов, стала приходить в упадок и вся «миссионерская империя», наличие которой препятствовало развитию капитализма в Америке. Враждебное отношение к миссиям тех государств, на чьей территории хозяйничали миссионеры, стремившиеся к политической власти, противодействие крупных земельных собственников, которым приходилось вести с миссиями борьбу за рынки, наконец сокращение притока рабочей силы — все это привело к упадку могущества миссий.

Праващие круги метрополий смотрели на свои колонии в Новом свете исключительно как на источник доходов. Была установлена строгая система ограничения и контроля по всем отраслям экономики завоеванных стран. Торговлю с испанскими колониями разрешалось вести только через один определенный порт — сначала Севилью, а затем Кадис. Ни один торговый корабль не мог отплыть в Америку или из Америки без ведома испанского правительства.

Применение новых, усовершенствованных методов работы на рудниках в колониях запрещалось, чтобы предотвратить конкуренцию испанским рудникам. В частности, когда в 1557 г. рудокоп де-Медина, работавший на рудниках в Пачуке (Мексика), открыл новый способ амальгамирования, — а это открытие было своего рода революцией в добыче серебра, — испанское правительство запретило пользоваться этим методом в американских колониях и сделало его применение монополией рудников в Альмадене (Испания).

По тем же соображениям в Мексике было запрещено разведение оливковых деревьев, в Аргентине — возделывание виноградников и т. д. Всячески тормозилось также и развитие промышленности. Протекционистская политика метрополии задерживала, таким образом, экономическое развитие американских колоний.

В первые десятилетия после захвата новых земель испанцы и португальцы запрещали их колонизировать. Огромные области, некогда густо заселенные индейцами, оказались пустынными. Постепенно — сначала вблизи побережий, а затем и в отдаленных от гаваней областях — начали возникать земледельческие плантации и скотоводческие фермы. Одновременно с плозом негров началась иммиграция в американские колонии — из Англии, Франции, Голландии и других стран Европы.

Испанцы и португальцы, за исключением лишь крупных вельмож, отирающихся в Новый свет, оставляли свои семьи дома. Неизбежным следствием этого были многочисленные браки между белыми и индианками. Так возник и стал быстро расти смешанный, метисный слой населения, что имело важное значение для последующей истории стран Латинской Америки.

Принадлежность людей к той или иной расе вообще играла очень большую роль на протяжении истории колониального периода. Ее значение было настолько велико, что временами казалось, будто в колониях, особенно в Мексике, существовал своеобразный кастовый строй.

Господствующее положение занимали испанцы, родившиеся в метрополии. Число их было очень невелико. Так, по весьма приближи-

тельным данным 1800 г., их насчитывалось всего 300 тыс. Они составляли привилегированную верхушку нового населения колоний. Из их среды назначались высшие должностные лица колониальной администрации (вице-короли, генерал-капитаны, интенданты и т. д.), армии и церкви.

За испанцами шли креолы, которые считались испанцами, родившимися в Америке. В действительности же значительную, если не преобладающую, часть креолов составляли испано-индейские метисы. По тем же данным 1800 г. их насчитывалось 3 млн. Это были крупные помещики. Но они не допускались к занятию высших должностей и вынуждены были ограничиваться теми, которые им предоставлялись в провинциальных учреждениях, в городских самоуправлениях, в суде и т. п.

Ниже креолов стояли метисы (более 5 млн. к началу XIX в.), составлявшие в ряде стран значительную часть сельскохозяйственного населения. Кроме того, они занимали также скромные должности в учреждениях колониальной администрации, служили управляющими в крупных поместьях, надзирателями в шахтах.

Основную массу населения, униженную и бесправную, составляли индейцы. Многие из них жили в католических миссиях, другие работали пеонами, личными слугами и т. д. Положение индейцев было поистине ужасающим. Они работали по 18—20 часов в день и владели жалкое, голодное существование. Меньше пострадали от колониального режима индейцы, жившие в районах, отдаленных от центров колонизации.

На самой нижней ступени общественной лестницы находились негры-рабы; они работали в шахтах, на плантациях и, в меньшей степени, в городах.

Процентное соотношение белой, индейской и негритянской крови во многом предопределяло положение человека в обществе. Наличие, а тем более преобладание индейской или негритянской крови закрывало путь к достижению сколько-нибудь значительных должностей как в гражданском управлении, так и в церковной иерархии.

Местами, как, например, в Мексике, сложилась тщательно разработанная терминология для обозначения тончайших оттенков расовой принадлежности людей. Например, человек, происходящий от родителей метисов, назывался «*tante en el aire*» (посходящий в воздухе), что, вероятно, должно было обозначать утрату его связи с белыми предками. Ребенок, родившийся от брака метиски с индейцем, назывался «*salto atras*» (прыжок назад), потому что, с точки зрения испанцев, это было приближение к индейским предкам, а не к вышестоящим белым.

Аналогичный процесс формирования новых этнических групп, который в дальнейшем послужил основой создания так называемых «латиноамериканских» наций, имел место также в Центральной и Южной Америке.

Наиболее угнетенную часть населения колоний составляли негры и индейцы, а также некоторые группы метисов. Креолы же занимали промежуточное положение. На метисов и индейцев они смотрели свысока и в то же время были недовольны своим сравнительно с испанцами неоправданным положением, а также тем, что им не давали возможности развивать промышленность и торговлю: такова была колониальная политика метрополии.

Жестокие методы завоевания, физическое уничтожение десятков тысяч индейцев, нечеловеческие условия труда — все это вызвало ряд индейских восстаний, которые продолжались в течение всего колониального периода. Особенно упорными и многочисленными были эти восстания в Перу. Начались они в первой половине XVI в. Наибольшее значение

имело восстание середины XVI в., возглавленное Манко, родственником казненного испанцами инки Атауальпы. После гибели Манко в бою с испанцами, восстанием в течение ряда лет руководил его сын Туапак-Амару. Борьба, закончившаяся поражением индейцев, длилась почти 40 лет. В течение нескольких лет длилось также восстание, вспыхнувшее в Перу в 1780 г.

История Мексики также насчитывает множество индейских восстаний. В одном из крупнейших восстаний (1767 г.) участвовало свыше 100 индейских деревень.

Арауканы Чили в 1600 г. на 200 лет изгнали колонизаторов из центральной и южной областей страны.

В 1572 г. в Бразилии началось восстание индейцев, получившее название «Семилетней войны».

Восстания индейцев расшатывали колониальный режим и были предвестниками революционных войн, освободивших страны Латинской Америки от ига Испании и Португалии.

Креолы, недовольные протекционистской политикой метрополии, оказывали активное сопротивление колониальному режиму. Но оно не было связано с движением народных масс индейцев, негров и метисов, широкого развития которого креолы опасались и потому предпочитали идти на соглашение с крупнейшими европейскими государствами, заинтересованными в расширении рынков и приобретении новых колоний.

Тем не менее в революционных битвах первой четверти XIX в. главной движущей силой были широкие народные массы — индейские крестьяне, негры-рабы, метисы-ремесленники, мелкая городская буржуазия.

Подлинно массовый характер получило движение за независимость в Мексике под руководством Идальго, а затем его сподвижника Морелоса. Широкие крестьянские массы индейцев поддержали Идальго, так как он связывал движение за независимость, борьбу против испанской монархии, с аграрной революцией.

После длительной борьбы, колонии Испании и Португалии в Южной Америке провозгласили свою независимость. Особенно активной была эта борьба в испанских колониях. Восстания, возглавлявшиеся Мирандой, Боливаром, Сан Мартином и др., имели своим результатом отделение колоний от метрополии и создание республик.

Таким образом, в первой четверти XIX в. на территории Мексики Центральной и Южной Америки возник ряд самостоятельных государств. Но эти новые государства были внутренне слабы. Феодално-крепостнические отношения не были окончательно ликвидированы. Между соседними государствами отсутствовали экономические связи. Междоусобные войны внутри отдельных республик отражали борьбу различных кланов за власть. Все это дало возможность крупным капиталистическим державам вмешиваться во внутренние дела латиноамериканских республик и захватывать их экономику в свои руки.

Современное положение индейцев Центральной и Южной Америки

В настоящее время Латинская Америка включает в себя 20 республик и несколько колоний. Все республики в большей или меньшей степени зависят от того или иного капиталистического государства. До второй мировой войны это были главным образом США, Англия и Германия. Но борьба за преобладание в Латинской Америке шла в основном между

капиталом США и Англии. В предвоенные годы усилилось проникновение в Центральную и Южную Америку капиталов из стран фашистской «оси» — Германии, Японии и Италии. В годы войны монополистические круги США, пользуясь благоприятной для них обстановкой, сильно укрепили свои позиции в Латинской Америке, вытеснив оттуда своих конкурентов.

Североамериканские монополии глубоко проникли в экономику стран Латинской Америки, стремясь прерватить их в свои сырьевые придатки.

В руках капиталистов США оказались важнейшие источники сырья, главным образом стратегического, почти все предприятия, добывающие железную руду, $\frac{9}{10}$ запасов меди, более половины добычи нефти, марганца, платины и др.¹ США всячески препятствуют развитию в странах Латинской Америки собственной индустрии, ограничивают ввоз туда промышленного оборудования, особенно для тех отраслей, которые могут конкурировать с соответствующими отраслями промышленности США.

Североамериканский капитал подчиняет себе и сельское хозяйство латиноамериканских государств. Монополиям США принадлежат колоссальные земельные владения и скотоводческие хозяйства в этих странах. Огромные площади земель в странах Центральной Америки заняты плантациями сахарного тростника, бананов, кофе и других сельскохозяйственных культур, принадлежащих «Объединенной фруктовой компании» и другим монополиям США. Производимая продукция идет на экспорт.

Являясь крупным землевладельцем в странах Латинской Америки, капитал США заинтересован в сохранении феодальных отношений в этих странах, так как это предоставляет широкие возможности для самой хищнической эксплуатации сельскохозяйственных рабочих, мелких собственников и арендаторов.

Экономика республик Латинской Америки, развитию которой препятствует гнет американского империализма, таким образом сочетает в себе основы капиталистического хозяйства со значительными пережитками феодальных отношений. Для нее характерна концентрация огромных земельных площадей в руках небольшого числа крупных землевладельцев, система пеонажа, издольщина и др.

Вторжение североамериканских монополий в жизнь латиноамериканских стран не ограничивается одной областью экономики. Экономический гнет американского империализма сочетается с гнетом политическим. Уолл-стрит поддерживает реакционные силы в странах Латинской Америки, навязывает государствам свою политику. «Влияние американского империализма усиливается во всех областях, — писал генеральный секретарь Чилийской коммунистической партии Диас, — в экономике, здравоохранении, в кино, прессе, образовании, радиовещании, в вооруженных силах»².

Экспансия США, возросшая в годы второй мировой войны, еще более усилилась в послевоенные годы. Под видом помощи «братским» республикам Соединенные Штаты опутали латиноамериканские страны различными договорами и соглашениями, в частности договором об обороне западного полушария, и двусторонними военными и торговыми соглашениями, мешающими нормальному экономическому развитию этих стран. Немалую роль в закабалении латиноамериканских государств играют также предоставляемые под видом помощи государственные займы.

¹ М. В. Данилевич. Положение и борьба рабочего класса стран Латинской Америки. М., 1953, стр. 23.

² Газ. «За прочный мир, за пародную демократию!», 8/IX 1950.

Соединенные Штаты различными способами вмешиваются во внутреннюю и внешнюю политику республик Латинской Америки, организуя путчи и заговоры, смещая неудобные им правительства, запрещая торговать с СССР и странами демократического лагеря.

Значительно ограничены также возможности развития внешней торговли латиноамериканских стран — США приобретают у них по пониженным ценам сырье и продукты сельского хозяйства, продавая им по дорогам свои товары.

Рис. 34. Батрачки на картофельной плантации в Эквадоре

Результатом экономической отсталости латиноамериканских стран и усиления экспансии капитала США явилось резкое ухудшение положения трудящихся масс. Обезземеливание крестьян, чрезвычайно тяжелые условия труда индустриальных и сельскохозяйственных рабочих, рост цен на пищевые продукты и предметы первой необходимости, тяжелые жилищные условия, почти полное отсутствие медицинской помощи, незначительное число школ — таковы условия, в которых живут трудящиеся Латинской Америки. Особенно тяжело живется здесь неграм и индейцам.

В некоторых странах Южной и Центральной Америки (например, Уругвай, острова Вест-Индии) индейцы совершенно истреблены. Однако в большинстве республик они не только сохранились, но составляют даже преобладающую часть населения. Так обстоит дело в Гватемале, Никарагуа, Перу, Боливии, Эквадоре, Парагвае, Колумбии.

Установить точное число индейцев, живущих здесь в наши дни, почти невозможно. В одних республиках за последние десятилетия вообще не производилось переписи населения, в других — результаты переписи выражены суммарными цифрами, не отражающими национального состава, в третьих — численность индейцев преднамеренно преуменьшалась.

О произвольности подсчетов можно судить хотя бы по тому, что приводимые различными авторами данные о числе индейцев на территории Латинской Америки варьируют от 18 до 30 млн. Вопрос о численности

индейцев в настоящее время связан с серьезными политическими проблемами, вызванными к жизни большой сложностью классовых и национальных взаимоотношений в странах Латинской Америки. Он связан и с существующей в том или ином виде расовой и национальной дискриминацией, и с вопросом о национальных языках, и с важнейшей проблемой объединения демократических сил против сепароамериканского империализма.

Современные индейцы по своему экономическому положению, по уровню культурного развития представляют далеко не однородную массу. Кроме значительных групп метисного и испанизированного населения, в некоторых республиках, особенно в мало освоенных районах, и сейчас живут довольно большие группы индейцев, очень слабо связанные с остальным населением. У них сохранились архаические формы хозяйства и черты первобытно-общинного строя. Широкое распространение имеет и теперь подсечное земледелие на лесных расчистках у индейцев Бразилии, Гвианы и в других тропических районах материка.

Земледельческими орудиями служат землекопалки и, значительно реже, деревянные лопаты. Собирачествово

Рис. 35. Индеец-кечуа — рабочий на рудниках

продолжает играть большую роль наряду с охотой, рыбной ловлей и земледелием.

Этнографические материалы, собранные в течение последних лет (не говоря уже о данных, полученных в XVIII и XIX вв.), свидетельствуют о наличии материнско-родового строя (например, среди индейских племен Центральной Бразилии). Для общественного строя их характерно вместе с тем почти полное отсутствие племенной организации в широком смысле слова. Данные ранних авторов дают основания полагать, что формирование племенной организации у большей части индейцев было прервано колониальной экспансией.

Во многих республиках Латинской Америки, особенно там, где значительная часть или даже большинство населения — индейцы, они составляют основную массу крестьян и сельскохозяйственных рабочих, например в Мексике, Гватемале, Парагвае, и промышленного пролетариата, например в Чили, Боливии (рис. 34, 35).

Так, в горной промышленности Перу и Боливии большинство рабочих-индейцы. Их особенно жестоко эксплуатируют; заработная плата их ниже, чем плата за тот же труд других рабочих.

Расовой дискриминации подвергаются индейцы во всех областях жизни, хотя и не в такой степени, как в США. В Колумбии индейцы облагаются более высокими налогами, чем другие группы населения. Церковь берет с них церковный сбор, общинное управление — свои поборы, выплачиваемые натурой в виде доли урожая или отработками, достигающими четырех дней в неделю¹.

Индейцы потеряли большую часть своих земель. Они вынуждены заниматься на плантациях крупных землевладельцев или арендовать у тех же плантаторов на тяжелых условиях небольшие участки.

Опутанные долгами индейцы не в состоянии прокормить семью, хотя на хозяина работают даже маленькие дети. Передки случаи, когда отчаявшиеся родители, чтобы спасти своим детям жизнь, продают их в рабство. Сообщают, что в Перу индейского мальчика можно приобрести за 20 долларов.

Очень тяжелы бытовые условия индейцев. Постоянное недоедание, плохие жилища, отсутствие водопровода и других элементарных удобств являются причинами высокой смертности среди индейцев. Страшным бичом для индейцев является туберкулез. «Белая чума» проникает в деревни, — пишет де-Кастро о Бразилии, — и распространяется вдоль железной дороги, вызывая массовое заражение туземного населения, лишенного всякого иммунитета»².

Одно из характерных явлений в новейшей истории латиноамериканских стран, чрезвычайно интересно и с этнографической и с общесторической точек зрения, — это образование буржуазных «латиноамериканских» наций. Освобождение от власти метрополии и создание в Латинской Америке республик (с начала XIX в.) весьма ускорили этот процесс, что было связано с развитием экономики, с образованием в отдельных странах внутреннего рынка. На исторической сцене появляется ряд новых наций. Все они по своему составу в еще гораздо большей мере, чем это было с европейскими нациями, смешаны. В состав их вошли и потомки завоевателей и ранних колонистов из Испании, Португалии и из других стран, и более или менее смешанные потомки индейцев и африканских негров, и выходцы из разных других стран. Пропорции смешения этих расовых и этнических слагаемых в разных странах были различны, но почти во всех странах эти слагаемые в той или иной мере были налицо.

Неравномерность темпов развития и своеобразие конкретной исторической обстановки в каждой отдельной стране привели к тому, что степень сплоченности, монолитности отдельных наций оказалась весьма неодинаковой.

Так, для некоторых стран Латинской Америки можно говорить уже о вполне сложившихся буржуазных нациях. Такими нациями являются мексиканская, бразильская, колумбийская, кубинская, чилийская и некоторые другие.

В других латиноамериканских странах настолько велика еще обособленность этнических групп, что вообще трудно говорить о сложившейся единой нации в каждой такой стране. Так, в Перу, Боливии, Эквадоре очень велика прослойка индейцев, сохраняющих свои особые языки и внутри себя в достаточной мере сплоченных; это индейские народы кечуа и аймара, которые составляют в этих странах в общей сложности большинство населения.

В некоторых странах налицо значительная однородность этнического состава населения при очень сильном влиянии индейской культуры;

¹ М. В. Д а п л е в и ч. Ук. соч., стр. 130.

² Жозуэ д е К а с т р о. География голода. М., 1950, стр. 80.

индейцы сохраняют свой язык, несмотря на то, что официальным языком в этих странах является испанский. Так обстоит дело в Парагвае, в Гватемале. Можно говорить о наличии здесь настоящих индейских по своей основе наций со своеобразным двуязычием.

Наконец, есть малые страны, которые представляют собой искусственное образование (как Панама) и национальный состав которых пестр. Сюда же относятся и колонии вроде Британского Гондураса, Британской, Голландской и Французской Гвианы, ряда мелких островов Вест-Индии: едва ли можно в настоящее время говорить о наличии здесь самостоятельных наций.

Процесс национальной консолидации в латиноамериканских странах вообще сильно тормозится, во-первых, наличием феодально-крепостнических пережитков, задерживающих экономическое развитие народов, и, во-вторых, гнетом американского империализма, который искусственно препятствует созданию внутреннего национального рынка, толкает экономику подвластных стран в направлении развития экспортных культур.

Судьбы индейцев и метисов Центральной и Южной Америки тесно связаны с борьбой трудящихся латиноамериканских стран за аграрные реформы, за демократизацию жизни, за освобождение из-под гнета империализма США.

Коммунистические партии республик Латинской Америки дали передовой части трудящихся латиноамериканских стран правильное направление и возглавили их борьбу за классовые интересы и национальное равноправие. Коммунистические партии уделяют самое серьезное внимание индейскому вопросу, выдвигая насущные требования коренного улучшения положения индейцев. Компартия Чили выработала конкретную программу действий и защиту прав 100 тыс. арауканов, лишенных своих общинных земель, юридических прав, возможности развивать свою культуру. В манифесте Бразильской коммунистической партии, опубликованном в 1950 г., предлагается «оказывать особую помощь индейским племенам, защищать их землю и содействовать свободному развитию их автономных организаций»¹.

Борьба за национальную независимость, аграрные реформы, индустриализацию, национальное самоопределение угнетенных народов охватывает все более широкие массы.

В 1938 г. оформилась Конфедерация трудящихся Латинской Америки (КТЛА), которая является связующим звеном между Всемирной федерацией профсоюзов и профсоюзными центрами стран Латинской Америки. КТЛА ставит своей задачей создание единства рабочего класса, объединение всех трудящихся в борьбе за экономическую и политическую независимость своих стран.

Как организация, защищающая интересы рабочего класса и трудового крестьянства, КТЛА быстро выросла и окрепла, несмотря на подрывные действия раскольнических профсоюзов. За время войны и первые послевоенные годы почти во всех странах были созданы национальные профсоюзные центры, объединяющие промышленных рабочих и служащих, а во многих странах и крестьянские организации.

В послевоенные годы трудящиеся латиноамериканских стран, и в особенности пролетариат, не раз заявляли свой протест против классового гнета, расовой и национальной дискриминации и предательства правящих кругов, ведущих свои народы к потере национального суверенитета.

¹ У. Фостер. Ук. соч., стр. 821—822.

«По мере того, как империалистическая политика монополистического капитала США в латиноамериканских странах становится все наглее и откровеннее, растет самосознание трудящихся масс, в особенности индустриального пролетариата, который под руководством коммунистических партий ведет народы на борьбу за мир, за укрепление единства демократических сил всего американского континента, борющихся против североамериканского империализма, чтобы завоевать, наконец, национальную независимость и установить народно-демократическую власть»¹.

Эти слова генерального секретари компартии Бразилии Престеса, сказанные в 1949 г., блестяще подтвердились событиями последних лет, происшедшими в странах Латинской Америки.

Широко развернулось национально-освободительное движение в Боливии. Результаты его — национализация оловянных рудников, принадлежащих компаниям США или контролируемых ими, и установление государственной монополии на вывоз полезных ископаемых. Избирательное право, которым раньше пользовалось меньшинство населения, ныне предоставлено широко народным массам, в том числе и индейцам, которые составляют значительную часть населения республики.

Растет борьба за аграрную реформу в Чили. Трудящиеся этой страны требуют немедленного проведения аграрной реформы как единственного средства решения крестьянского вопроса и продовольственной проблемы. Требования о проведении аграрной реформы поддерживает «Единый профсоюзный центр чилийских трудящихся»².

Широко разрослась борьба крестьян, в том числе индейцев, за землю в Бразилии, охватив все штаты страны. Эта борьба, жестоко подавляемая правительственными войсками, отрядами полиции и карателей, особенно усилилась в 1953 г., когда в северо-восточных штатах разразился катастрофический голод.

Крестьянское движение, поддерживаемое рабочим классом и прогрессивными кругами, охватило почти все страны Латинской Америки. Это движение с каждым годом все теснее сплывается с борьбой всех демократических сил против американского империализма и блокирующей с ним внутренней реакции (помещиков, капиталистов, компрадорской буржуазии). Трудящиеся Латинской Америки сознают, что «экономический, социальный и культурный прогресс в латиноамериканских странах не может быть осуществлен без ликвидации системы крупного землевладения»³.

Поэтому рабочие и крестьяне стран Латинской Америки все более энергично борются за проведение «эффективной аграрной реформы с целью уничтожить систему латифундий, передать землю крестьянам, увеличить сельскохозяйственное производство и сделать его более разнообразным, поднять жизненный уровень рабочих и крестьян, способствовать развитию промышленности и укреплению национальной независимости»⁴.

Еще более широкий размах приняло в Центральной и Южной Америке рабочее движение. В своей борьбе пролетариат уже не ограничивается, как это было раньше, экономическими требованиями. Широко развернувшееся забастовочное движение идет под лозунгами борьбы трудящихся за свои права, за национальную независимость, за мир во всем мире.

¹ Л. К. Престес. Латиноамериканские народы борются против империализма США. Газ. «За прочный мир, за народную демократию!», 1/VIII 1949.

² См. «Правда», 24/III 1953.

³ Резолюция Региональной конференции сельскохозяйственных рабочих стран Латинской Америки. Цит. по статье У. Рохас «В защиту прав рабочих плантаций». Журн. «Всемирное профсоюзное движение», 1953, № 12, стр. 9.

⁴ Там же.

Большое развитие получило забастовочное движение в Бразилии. Из многочисленных забастовок, проведенных здесь в 1953 г., следует отметить как наиболее крупные забастовку металлургов и текстильщиков, а также забастовку моряков. К забастовке, начатой в марте рабочими металлургической промышленности и текстильных предприятий Сан-Паулу, вскоре присоединились рабочие и других отраслей промышленности, а также служащие учреждений (банков, больниц и др.). Число бастующих достигло 300 тыс. Несмотря на энергичные меры, предпринятые правительством для ликвидации забастовки, вплоть до применения оружия, победа оказалась на стороне бастующих.

В Гватемале подъем массового демократического движения привел к установлению в 1950—1954 гг. буржуазно-демократического режима. Правительство Арбенса привнесло ряд аграрных и других реформ, существенно улучшивших положение малоземельных и безземельных крестьян-арендаторов и плантационных рабочих. Но в результате интервенции американских империалистов в июне 1954 г. правительство Арбенса было свергнуто и в стране введен режим реакционного террора. Однако народные массы продолжают борьбу.

С каждым днем все усиливается в странах Латинской Америки движение в защиту мира. Оно принимает самые разнообразные формы и проявляется не только в сборе миллионов подписей под обращением о заключении Пакта мира между пятью великими державами или в деятельности центральных и местных комитетов сторонников мира, но находит свое выражение и в борьбе против двусторонних военных соглашений с США, против строительства военных баз в странах Латинской Америки. Ни одна из латиноамериканских стран, кроме Колумбии, не отправила ни одного человека на разбойничью войну против корейского народа, несмотря на энергичный нажим и угрозы США.

Высшей оценкой результатов этой мужественной борьбы за мир было присуждение ее выдающимся представителям — Ж. Амаду, Э. Брашко, П. Неруда и Э. Хара — международных Сталинских премий «За укрепление мира между народами».

ИНДЕЙЦЫ МАЙЯ

Индейцы группы майя принадлежат к числу древних земледельческих народов Нового света, создавших высокую культуру задолго до открытия Америки европейцами. В настоящее время майя — один из самых крупных индейских народов Латинской Америки. Традиции древней культуры, возникшей за полторы тысячи лет до испанского завоевания, и ныне сохранились в жизни индейцев майя. Выведенные ими культурные растения — кукуруза, томаты, какао, табак — распространились по всему земному шару. Майя составили себе мировую славу замечательными памятниками искусства и единственные на континенте Америки создали иероглифическую письменность.

Языки майя принадлежат к большой языковой семье Мексики и Центральной Америки — майя-киче.

Территория расселения майя разрезана государственными границами Мексики, Гватемалы, Гондураса и Британского Гондураса. Большинство майя живет в Гватемале и южной Мексике.

В Гватемале они составляют абсолютное большинство населения. По данным 1951 г., всего в республике насчитывалось 2890 тыс. жителей; из них около 70 % — индейцы (преимущественно майя) и около 30 % — метисы; европейцев различных национальностей, негров, китайцев и других — менее одного процента. В Мексике на языке майя говорит более 305 тыс. человек.

Древняя культура майя

Ко времени испанского завоевания (XVI в.) уровень общественного развития различных групп индейцев, говорящих на языках и диалектах языковой семьи майя, был неодинаков. Так, у юкатанских майя уже появились города-государства, тогда как у очень близких к ним по языку лакандонов был еще родовой строй, а киче находились на стадии перехода от родового строя к классовому. Древние государства майя оказали сильное культурное влияние не только на родственные им по языку племена, но и на соседние народы Мексики — сапотеков и тольтеков. Поэтому по всей Центральной Америке существовало известное единство культуры.

Уже во II тысячелетии до н. э. Центральная Америка была населена бродячими племенами, которые занимались собирательством, охотой и рыбной ловлей. Видимо, в начале I тысячелетия до н. э. здесь распространяется земледелие (возделывание кукурузы). Появляется грубая керамика — в результате археологических раскопок обнаружено несколько простых типов сосудов и статуэтки. На рубеже нашей эры возникают первые города-государства; появляется архитектура (каменные террасы, платформы, позже пирамиды), скульптура, иероглифическая письменность. Древнейшим крупным городом майя был Тикаль возле оз. Петен-

Ица (современный департамент Петен в Гватемале). Вторым после Тикаля крупнейшим городом был Копан, с замечательными памятниками архитектуры (среди них — лестница, покрытая иероглифами) и скульптуры.

Древние государства майя (так называемое «Древнее царство») известны главным образом по археологическим исследованиям. Более подробные сведения о хозяйстве, общественном строе и культуре майя относятся к позднему периоду перед испанским завоеванием, так называемому «Новому царству».

Майя занимались подсечно-огневым земледелием в тропических лесах. Год в Центральной Америке подразделяется на два сезона — сухой (приблизительно с ноября по май в области древнейших городов майя) и дождливый. Во время дождливого сезона (июль — август) земледельцы выбирали в лесу участок и расчищали заросли каменными топорами. С больших деревьев, которые трудно рубить, сдирали кольцеобразно кору, чтобы они засохли. В апреле высохшие поваленные деревья и кустарник сжигали, после чего поле было готово к посеву, который начинался в мае, с первыми дождями. Заостренной палкой с обожженным концом сеятели делали в почве небольшие ямки, бросал туда 5—6 зерен кукурузы, которую нес с собой в плетеной сумке, и затем засыпал ямки ногой.

Майя возделывали различные виды кукурузы: первый из них созревал через два с половиной месяца после посева, второй — через четыре, третий — через шесть месяцев. Во время роста кукурузы приходилось бороться с вредителями полей — птицами и грызунами. Стебли со зреющими початками гнибли, чтобы и початок не попадала дождевая вода и чтобы он был менее заметен для птиц. Урожай кукурузы снимали два раза в год. Вторая уборка урожая начиналась в ноябре и продолжалась до апреля. Сбранную кукурузу хранили в специальных амбарах. По расчетам одного мексиканского ученого, средним семья могла обходиться всего 150 рабочими днями в году, чтобы обеспечить себя достаточным количеством кукурузы. Цифра эта явно преуменьшена, но несомненно, что возделывание кукурузы давало значительный прибавочный продукт и открывало широкие возможности для эксплуатации труда как рабов, так и свободных общинников.

Через два-три года урожай сокращался из-за истощения почвы и участки приходилось менять. Вернуться на старый участок можно было только после того, как там снова вырастал лес.

В конце концов, истощив все расположенные поблизости поля, жители бывали вынуждены покидать селение и искать новое место жительства.

Кроме кукурузы, майя выращивали много других культурных растений: томаты, тыкву, бобы, сладкий картофель (бататы), перец, какао, ваниль, табак и др., а также различные фруктовые деревья; из технических культур наиболее важными были хлопок, хенекен (разновидность агавы), из которого делали веревки, растение, дающее синюю краску (индиго). Красная краска (кошениль) добывалась из насекомых, живущих на одном из видов кактуса.

Майя разводили домашних индюков и собак, мясо которых употребляли в пищу. Значительную роль играло пчеловодство. Ульями служили полые чурбаны с маленьким отверстием сбоку, которые прислоняли к стене. Кроме того, собирали мед диких пчел. Охота, как и рыбная ловля, велась обычно коллективно. В начале охотничьего сезона справляли праздник охотников. Охотились главным образом на оленей, тапиров, пекари, кроликов, армадиллов, игуан и различных птиц. Основным охотничьим

оружием был лук со стрелами, а также дротики с копьесталками. На птиц охотились с выдувной трубкой (по-испански сарбакан), из которой стреляли глиняными шариками. Для охоты очень широко применяли силки и ловушки.

Рыбу ловили сетями и удочками. На побережьях охотились с гарпунами за дюгонями.

Пищу готовили главным образом из кукурузы. Сухие початки размачивали в известковой воде и затем растирали зерна на ручном жернове.

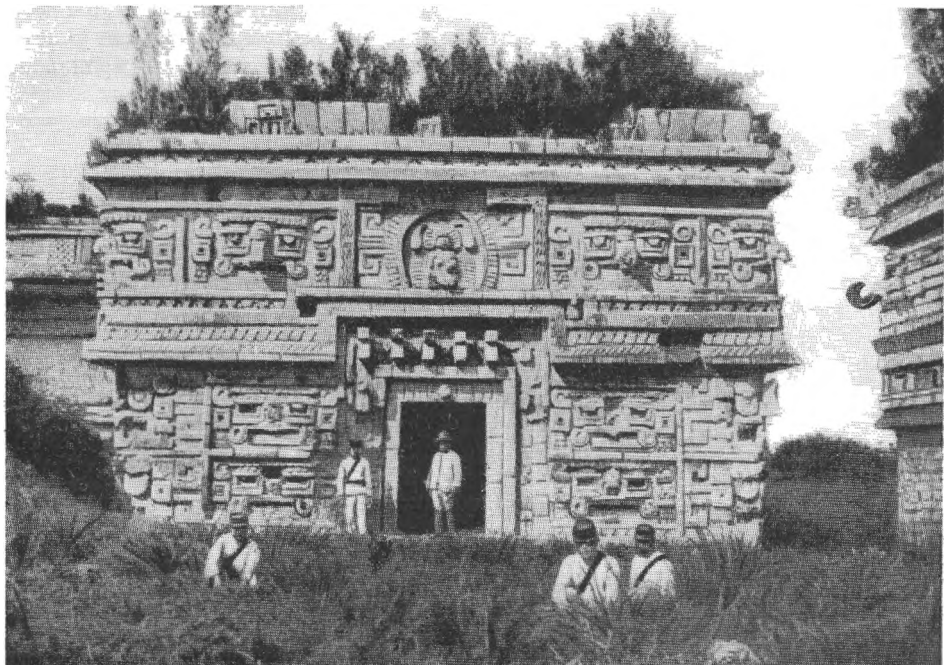

Рис. 36. «Дом мопахинь» — памятник древней архитектуры майя. Чичен-Ица (Юкатан)

Полученную массу разводили с водой, приготавливая особый напиток, или жарили из нее на раскаленных камнях лепешки. Из кукурузы изготовляли еще много блюд и напитков, иногда с примесью перца и какао. Опыляющий напиток делали из корней дерева бальче.

Посуда была гончарная, в большом ходу также были сосуды из тыквы.

Одежда мужчин состояла из набедренной повязки, сандалий и плаща. Женщины носили юбки, а в некоторых местностях еще нагрудные повязки. Украшениями были браслеты на руках и на ногах, ушные и носовые подвески, губные вставки, ожерелья. Существовал обычай сплющивать череп у грудных детей, сжимая голову между двумя дощечками. Лицо обжигали горькими тряпками, чтобы не росла борода. Были распространены татуировка и раскраска тела.

Селения располагались обычно около естественных водоемов. Жители строили легкие деревянные однокамерные хижинки с высокими крышами для защиты от тропических ливней. Стены белили известью. Перед хижинкой устраивали навес. В центре селения находились храм, площадь, дома знати и жрецов, отличавшиеся большими размерами и богатством отделки.

Обычно храм был единственным каменным зданием в селении (рис. 36). В каждом селении был также большой дом, в котором собирались холостые мужчины (пережиток мужских домов).

Семья у майя была моногамной. Жених должен был отработать несколько лет в доме будущего тестя, который мог его выгнать, если был им недоволен. Имущество родителей наследовали только сыновья, и счет родства был отцовский. Положение женщины в семье и обществе было подчиненным.

Жители селения составляли соседскую общину, в которой сохранилось много пережитков родового строя. При посеве кукурузы, для расчистки и обработки новых полей, земледельцы обычно объединялись в группы человек по двадцать, причем на каждого женатого мужчину выделяли участок определенных размеров. Охоту, рыбную ловлю и добычу соли производи-

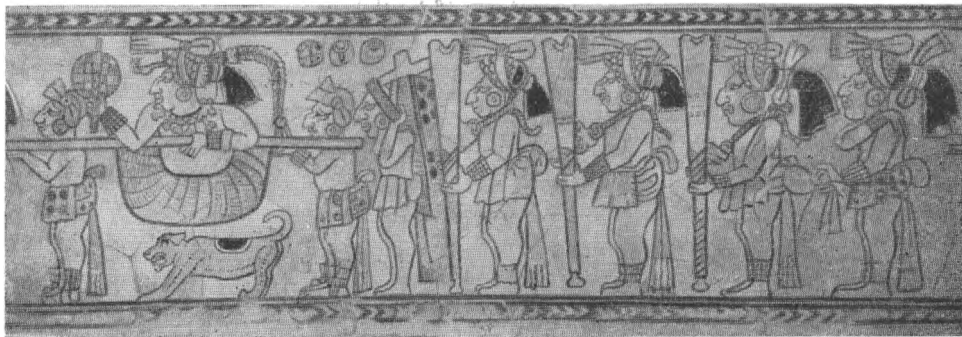

Рис. 37. Процессия знатного лица (живопись на сосуде из Ратинлишпуля)

ли обычно также коллективно, большими группами. Часть добычи отделили в пользу знати, остальное распределяли между членами группы.

Господствующий класс составляли военно-рабовладельческая знать и жрецы. Знать владела большим количеством рабов, плантациями какао, ласеками, соляными месторождениями и т. д. (рис. 37). Общинники обязаны были возделывать поля знати и уплачивать подати съестными припасами и изделиями (кукуруза, мед, дичь, рыба, птица, фрукты, соль, ткань, хлопок и пр.). Кроме того, их постоянно привлекали для строительства храмов, зданий и дорог.

У майя значительных размеров достигло рабовладение. В рабство обращали за воровство и другие преступления. Рабами становились должники и лица, оставшиеся без защиты, — сироты и разведенные жены. Свободные, вступавшие в брак с рабом или рабыней, превращались также в рабов; дети рабов оставались рабами. Рабы использовались на самых тяжелых работах, в частности для переноски грузов. Велась широкая торговля рабами.

Организация управления у майя, особенно в древний период, нам мало известна. Во главе городов-государств стоял «халач виник» (великий человек), власть которого переходила по наследству от отца к сыну. Он распоряжался всеми внутренними и внешними делами государства и был главнокомандующим во время войны. При нем был «калвак» (майордомо испанских авторов), который осуществлял связь с подвластными селениями, ведал доставкой податей и принимал посетителей.

Халач виник назначал «батабов» — управителей подвластных ему селений и городов. Батаб не был полновластным хозяином селений.

Подчинялся халач винику, он, кроме того, должен был согласовывать свои действия с местным жрецом и с несколькими знатными лицами (ах кучкаб — держатели земли), составлявшими совет при нем. Он наблюдал за сельскохозяйственными работами, особенно за обработкой полей знати, собирав с общинников подать продуктами и изделиями и разбирал судебные дела. При нем было несколько низших служителей (ах кулел). Во время войны батаб командовал отрядом воинов своего селения.

Наряду с батабом через каждые три года избирался также временный военачальник, главной обязанностью которого было выполнение военного ритуала и устройство военных праздников.

Воины составляли постоянную группу; они избирались из числа жителей селения. В военное время селение должно было обеспечивать продовольствием свой отряд. Кроме того, воины получали небольшую плату от батаба. В случае необходимости в войска призывались и остальные жители. Известны исторические примеры, когда халач виник опирался на наемные войска.

Рис. 38а. Чаша с рельефом на окрестностях Тикуля (Юкатан)

Рис. 38б. Образец росписи на керамике древних майя

Воины были вооружены луком и стрелами, копьями, дротиками, пращей и деревянными мечами, по лезвию которых были поставлены острые осколки обсидиана. Для защиты служили деревянные щиты и стеганные из хлопка панцири.

Среди знатных особую прослойку составляли торговцы. Их внешним отличительным признаком были пальмовые перья и плетеные сумки с какао за поясом. Для доставки товаров они пользовались караванами рабов-носильщиков (вьючные животные отсутствовали). В период «Полового царства» весь Юкатан был покрыт сетью дорог, пропесчаных по искусственным насыпям и мощеных мелким щебнем. Остатки этих дорог сохранились доныне. Торговцы имели специальные карты торговых путей. Кроме того, товары перевозили на лодках, вмещавших до 25 человек. Вследствие impossibility транспортировки продуктов на дальние расстояния, население городов, которые были политическими, религиозными

и торговыми центрами (крупнейшие из них насчитывали до 40 тыс. жителей), вынуждено было обходиться тем, что производилось в близлежащих районах радиусом в несколько десятков километров.

Ремесла и торговля у майя были очень развиты. Изготавливались орудия и оружие из кремня и обсидиана, посуда из глины, дерева и камня, простые и художественные ткани, ювелирные изделия, статуетки, изображения богов. Сохранились прекрасные образцы древних сосудов с многоцветной росписью и изображениями различных сцен (рис. 37, 38а и б). Ткани делались из хлопка на примитивных станках, которые подвешивались

Рис. 39. Барельеф с иероглифической надписью

к дереву. Ткачеством и плетением занимались женщины. Одежда, особенно богатая, часто украшалась перьями, вплетенными в ткань.

На рынках торговали кукурузой, какао, медом, солью, рыбой, хлопком, тканями, кремнем и обсидианом, посудой, ванилью, душистой смолой, статуэтками, золотыми и медными изделиями. Кремневое оружие шло главным образом из районов оз. Петен-Ица, обсидиан — из окрестностей древнего города Копана, соль — с юкатанского побережья, золотые изделия доставлялись из Панамы, медные — из Мексики. В качестве «денег» употреблялись повсеместно бобы, какао; наряду с ними, хотя в меньшей степени, ту же роль играли цветные раковины, куски хлопковой

ткани, кусочки нефрита, мексиканские медные топоры и колокольчики. Рабы также были предметом торговли.

Особую социальную прослойку составляли жрецы.

Во главе жреческой иерархии стоял верховный жрец, советник халач вивика. Он назначал жрецов в селения, руководил ими и снабжал ритуальными книгами. Жрецы платили ему подать. Жрецы играли большую роль во всех областях общественной жизни. Они устанавливали сроки сельскохозяйственных работ. Письменность, научные знания и искусство были полностью монополизированы жречеством. Кроме сыновей самих жрецов, жреческие должности занимали также младшие сыновья знати (старший сын наследовал отцу). Особую категорию жрецов составляли чиланы. Они давали ответы от имени богов на вопросы верующих. Знаменитые оракулы, например на о-ве Косумель, привлекали множество паломников.

Религия майя представляла собой культ великих богов стихий с сильной тотемистической окраской и была тесно связана с земледелием. Во главе пантеона стояли бог неба Ицамна, боги дождя и четырех стран света — чаки. В честь богов устраивалось множество праздников, церемоний и жертвоприношений, главным образом для обеспечения хорошего урожая.

В связи с потребностями земледелия (определение сроков посева и т. д.) у майя значительное развитие получила астрономия. В результате длительных наблюдений уже в первые века нашей эры был разработан календарь.

Майя подразделяли год на 18 двадцатидневных месяцев и 5 добавочных дней. Древние названия месяцев, записанные иероглифами, обозначают главным образом различные сельскохозяйственные работы, например, Цун (посев), Моль (сбор), Ток (огонь, т. е. время выжигания участка) и т. д. Год начинался со дня зимнего солнцестояния, в связи с чем первый месяц носил название Яш-кин (поное солнце). Хронология майя представляла собой комбинацию более древнего циклического летосчисления (с 4-летним и 52-летним циклами) и позднейшего летосчисления по эре. Свою эру майя начинали с мифической даты — с конца последнего потопа, которых, по представлениям майя, было несколько. По нашему летосчислению, начало этой древней эры майя соответствует 3313 г. до н. э. (по Томпсону) или 3373 г. до н. э. (по Спиндену). Майя указывали число дней, прошедших от отправной даты, а в конце еще прибавляли дату по циклическому летосчислению. Для записи больших чисел употреблялись цифры, значение которых, как и в современных европейских цифрах, определялось порядковым положением, но с той разницей, что у майя система счисления была двадцатичерной. Майя знали периоды обращения луны, а также Венеры и других планет. По движению звезд они определяли часы в ночное время.

Иероглифическая письменность, как и календарь, возникла у майя на рубеже нашей эры.

По основным принципам она не отличается от известных иероглифических систем (египетская, китайская, вавилонская и т. д.). В письме употреблялось несколько сот знаков. Они сравнительно слабо стилизованы, и первоначально изображавшийся объект (растения, животные, утварь, части человеческого тела) легко устанавливается. Фонетические знаки в большинстве случаев слоговые. Одни и те же знаки могут употребляться и как фонетические, и как ключевые (поясняющие смысл слова). Гласные выписывались редко, что объясняется нестойкостью гласных в языке майя, так как смысл слова определялся в основном согласными звуками. Часть знаков употреблялась в качестве идеограмм, обозначая целые слова. Обычное направление строк — слева направо и сверху вниз. Иероглифические тексты написаны на языке, отличающемся от современного по лексике и грамматике.

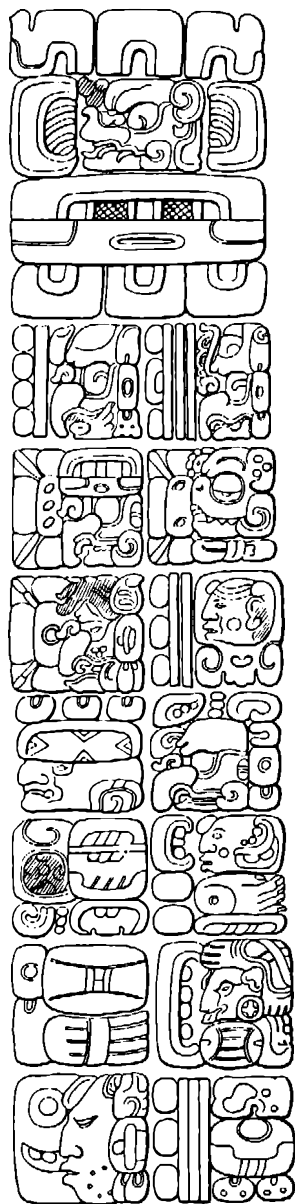

Рис. 40. Иероглифическая надпись на стеле из Кирригуа (Гватемала)

Майя писали книги на бумаге, сделанной из древесной коры, или на выделанной оленьей коже. Книги были исторического, научного и ритуального содержания; кроме того, в них содержались мифы, предания, эпические песни и драматические произведения. Письменность была распространена только среди жрецов.

В развалинах древних городов майя сохранились замечательные памятники архитектуры. Наиболее монументальными постройками были ступенчатые пирамиды с храмами наверху и большие каменные здания с несколькими десятками комнат, принадлежавшие, по видимому, знати. Лестницы, ведущие на вершины пирамид, стены зданий, колонны и стелы часто украшались рельефом и скульптурой. Применялась также настенная живопись, великолепные образцы которой обнаружены в развалинах Вашактуна (около оз. Петен-Ица), в селении Бонампак (штат Чиapas, Мексика) и в развалинах некоторых юкатанских городов. В произведениях искусства изображались обычно знатные, жрецы, войны, поднесение дани, прилюдное пленных, жертвоприношение, военные сцены и т. д.

Политическая история майя известна только по датам, сопровождающим надписи на стелах (самые надписи еще не прочтены), и по отрывочным полуполюгендарным сообщениям индейских хроник колониального периода. У майя был обычай воздвигать каждое двадцатилетие стелу, представлявшую собой большую плиту из известняка, поставленную вертикально. По датам и надписям на этих стелах можно довольно точно судить о времени возникновения и гибели городов.

Древнейшие датированные надписи майя найдены в департаменте Петен (Гватемала). Стела № 9 из Вашактуна датируется 328 г. н. э.; стелы № 18 и 19 — 357 г. К V и началу VI в. относятся датированные надписи в городах Копап и Киригуа на юге, Паленке, Яшчилан и Пьедрас-Неграс в долине р. Усумасинты и Ошкиток на севере Юкатана. Несколько позже возникают юкатанские города Тулум, Коба и Чичен-Ица.

К концу IX в. древние города майя были покинуты жителями. Названия, данные впоследствии испанцами и индейцами развалинам этих городов, не имеют ничего общего с их прежними названиями. В дальнейшем центр культуры перемещается на Юкатан. В X в. группы майя начали медленно двигаться из юго-западной части Юкатана на северо-восток. Группы эти, судя по именам собственным и названиям местностей, были смешанными, майя-мексиканскими. Одна из этих групп, ицы, снова заняла Чичен-Ицу, покинутую жителями около 692 г., и сделала ее своим главным городом. Впоследствии выходцы из Чичен-Ицы основали город Майяпан. К концу X в. другая группа, шиу, также смешанная, майя-мексиканская, во главе с вождем Ах Суйток Тутул Шиу основала г. Ушмал.

Около двух веков главную роль играла Чичен-Ица. В конце XII в. правитель Майяпана Хунак Кеель, опираясь на мексиканских наемников, победил правителя Чичен-Ицы Чак-Шиб-Чака и захватил власть в свои руки. Следующий период истории майя носит название «тирании Кокомов», по имени династии, правившей в Майяпане. Кокомы пытались создать централизованное государство, встречая сильное сопротивление правителей других городов. Борьба была длительной и упорной. В конце концов в 1441 г. соединенные силы знати во главе с правителем Ушмала Ах Шупан Шиу разрушили Майяпан. Случайно оставшийся в живых сын убитого правителя Майяпана переселился со своими сторонниками в провинцию Сотута. Последние десятилетия перед появлением испанцев ознаменовались страшной эпидемией (1480 г.) и войнами между мелкими юкатанскими государствами. Ицы покинули Чичен-Ицу и переселились на оз. Петен-Ица, основали там город Тах-Ица (Тайясаль). Шиу оставили Уш-

мал и перенесли свою резиденцию во вновь основанный город Мани. Из других городов значительную роль стал играть Исамаль, в котором правила династия Челей, потомков одного из майяпанских жрецов.

Испанское завоевание и борьба майя за независимость

В 1517 г. у юкатанского побережья появились первые испанские корабли. При попытке высадиться у Чампотона испанцы потерпели поражение от индейцев, несмотря на огонь корабельной артиллерии. Сильное сопротивление встретила и другая экспедиция испанцев, пытавшихся высадиться здесь на следующий год. Экспедиция Кортеса, отправившаяся в 1519 г. на завоевание новых земель, ограничилась захватом о-ва Косумель у берегов Юкатана, а затем направилась в Мексику, которая через несколько лет и была завоевана испанцами. После этого испанские войска вторглись со стороны Мексики в область расселения киче и других племен языковой семьи майя. В 1524 г. было основано первое испанское поселение на месте современного города Гватемалы. В течение десяти лет почти все южные племена майя были покорены испанцами. Политическим центром завоеванной территории стал основанный в 1541 г. город Антигуа (разрушенный землетрясением в 1773 г.).

Покорение Юкатана продолжалось значительно дольше.

В 1527 г. войска Франсиско Монтехо высадились на острове Косумель и начали завоевание восточного побережья, но после упорных боев с индейцами принуждены были в 1528 г. покинуть Юкатан. Следующая попытка была сделана в 1531 — 1535 гг. Вначале некоторые города поддерживали испанцев, в частности Мани, правители которого рассчитывали опереться на чужеземцев в междоусобной борьбе. Испанцы основали укрепление Сиудад-Реаль около Чичен-Ицы и начали дележ захваченных земель. В ответ на это индейцы подняли восстание, и испанские войска принуждены были бежать из Юкатана.

В 1541 г. испанские войска в третий раз вторглись в Юкатан со стороны Мексики. Используя к своей выгоде междоусобицу и натравливая одни города на другие, испанцы постепенно расширяли свои владения. В 1542 г. на месте древнего города Тихо была основана Мерида, сделавшаяся центром завоевателей. Покорение сопровождалось истреблением жителей целых провинций и было в основном завершено в 1546 г., хотя волнения и восстания продолжались. Область оз. Петен-Ица оставалась независимой еще более столетия.

В результате испанского завоевания численность индейского населения резко сократилась. Множество индейцев было перебито во время военных действий, особенно при подавлении восстаний, когда жители подвергались массовому избиению.

Не менее опустошительными были эпидемии завезенных европейцами болезней, особенно оспы и кори.

Королевский указ 1526 г. подразделил индейцев на «диких» и «дружественных». Под «дикими» понимались все индейцы, сопротивлявшиеся захватчикам. Их разрешалось обращать в рабство. В полученных поселениях испанцы имели право не только брать любую дань и требовать исполнения любых работ, но и распоряжаться имуществом, свободой и жизнью индейцев. Испанские завоеватели отдавали «своих» индейцев в паст для переноски тяжестей, а красивых индейских женщин забирали в свои дома в качестве наложниц.

Проводившаяся в этот период насильственная христианизация еще более усугубляла тяжелое положение индейцев. Помимо экономических выгод, которые христианизация индейцев давала церкви (сбор десятины, плата за требы, «добровольные» пожертвования и, главное, накопление огромных земельных фондов в руках церкви), она должна была, по мысли католических пап, превратить индейцев в преданных слуг церкви, покорных рабов колонизаторов.

На Юкатане обращением индейцев в христианство занимались францисканские монахи, не гнушавшиеся никакими средствами. Однако массовое крещение не превратило индейцев в христиан; многие возвращались к прежним верованиям. В 1561 г., когда выяснилось, что многие недавно крещеные индейцы втайне остались «язычниками», глава францисканских монахов де Ланда учредил инквизицию в Юкатане. Инквизиция произвела свирепые розыски, пытаясь «еретиков», как это она привыкла делать в самой Испании. Сотни индейцев умерли от пыток. Именно в этот период и было уничтожено огромное число памятников древней, «языческой» культуры майя.

В 1543 г. королевское правительство ввело систему энкомьенды (см. стр. 154).

Не все индейцы были распределены по энкомьендам. В каждой провинции правительство удержало за собой часть земель с населением, которое должно было работать на королевскую казну. Королевское правительство рассматривало знатных индейцев, перешедших на сторону испанцев, как дворян и выдавало им особые удостоверения в знатности (пробансас) и гербы. Испанцы называли их касиками. Эта индейская знать сохранила свои привилегии и собственность.

Система энкомьенды, представлявшая собой особую разновидность феодально-крепостнической зависимости, сохранялась в Центральной Америке около двух столетий. В 1720 г. она была формально отменена. Фактическая ее ликвидация затянулась на многие десятилетия. Отмена энкомьенды была вызвана развитием товарности сельского хозяйства, которое требовало свободных рабочих рук. С другой стороны, непрекращавшиеся похищения закрепощенных индейцев создавали постоянную угрозу испанскому плутократству.

Помещики, расширяя свои владения, стали скупать за бесценок общинные индейские земли или получали от подкупленных чиновников фиктивные документы на право владения этими землями. Согнанные со своей земли индейцы были вынуждены прибегать к помещикам за ничтожную плату, прожить на которую было невозможно. Индейцам приходилось просить плату за много времени вперед. Таким образом, после отмены энкомьенды зависимость индейцев от помещиков принимает форму долгового рабства (так называемый «пеонаж»). Эта форма зависимости в различных вариантах широко распространена и ныне по всем странам Латинской Америки.

Местное индейское земледелие, сильно сократившись в размерах, сохранило прежний примитивный характер. Кроме земледелия, индейцы стали заниматься разведением домашнего скота. В качестве орудия самого различного назначения вошел в употребление тяжелый железный нож (мачете).

Уже в начале колониального периода испанские завоеватели и католические монахи приложили все усилия, чтобы уничтожить древнюю культуру майя.

Па кострах испанской инквизиции погибли древние книги, написанные иероглифами (до нашего времени их сохранилось только три). Наряду

с книгами повсеместно были уничтожены «языческие» произведения искусства, вплоть до расписной керамики. Памятники архитектуры разрушали, а камни использовали в качестве строительного материала.

В результате насильственной христианизации индейцы усвоили внешние формы христианской обрядности и ввели в свой пантеон христианского бога и святых, которыми заменили прежних богов. Иероглифическая письменность была полностью забыта. Известно несколько книг, написанных в колониальный период на языке майя испанскими буквами. Книги эти, исторического и мифологического содержания, в значительной степени повторяют древние иероглифические тексты, свидетельствуя о сохранении определенной литературной традиции. Но грамотных среди майя почти не было.

* * *

Провозглашение независимости Мексики и Гватемалы в 20-х годах XIX в. ничего не изменило в положении индейцев, кроме того что область их расселения оказалась разрезанной новыми государственными границами. Все увеличивающееся обезземливание и нищета индейского населения вызвали многочисленные восстания. Крупнейшим из них было восстание на Юкатане —, известное под названием «войны каст» (La Guerra de Castas), которое вспыхнуло в 40-х годах XIX в. В это время креолы — помещики Юкатана — вели с переменным успехом борьбу за отделение от Мексики, стремясь образовать независимое государство. В военных действиях против мексиканцев принимали участие и индейцы, призванные сепаратистами в свои войска. Благодаря этому многие индейцы оказались вооруженными.

В середине 1847 г. началась подготовка к восстанию, возглавленная индейскими касиками Чи и Пат. Власти узнали о готовящемся выступлении индейцев, перехватив письмо Чи к влиятельному касику Ай. Последний был схвачен и расстрелян; было приказано арестовать индейских вождей. Это послужило сигналом к восстанию. Юкатанское правительство пыталось приостановить его жесточайшим террором. За несколько дней более 200 индейских касиков и должностных лиц, подозреваемых в сочувствии восставшим, были казнены и более 100 сосланы на каторгу. Правительственные отряды жгли индейские селения и расстреливали жителей. Но террор придавал восстанию лишь больший размах. Однако силы восставших ослабляло то, что индейские вожди действовали независимо друг от друга. Чи выдвинул программу полного изгнания белых из Юкатана и восстановления доиспанских порядков. Пат выступал с более умеренными требованиями, имея главной целью добиться уступки индейцам определенной территории.

В результате успешного наступления индейские войска к середине 1848 г. заняли почти весь Юкатан. Юкатанские власти, лишившиеся территории и населения, то пытались вести переговоры с восставшими, то обращались к великим державам с мольбой защитить от «варваров». Наконец, мексиканское правительство, встревоженное волнениями индейцев в самой Мексике, согласилось помочь юкатанским властям, потребовав от них отказа от сепаратистских попыток. В 1848 г. мексиканские войска начали контрнаступление. Мексиканцам удалось оттеснить восставших индейцев, оба вожди которых к этому времени погибли, в юго-восточную часть Юкатана, оставшуюся еще полвека после этого независимой. Центром независимой индейской области стало основанное в 1851 г. селение Чан-Сапта-Крус. Мексиканские войска неоднократно вторгались в индейскую область, а в 1860 г. даже взяли Чан-Сапта-Крус, но каждый раз

принуждены были отходить, не выдерживая партизанской «лесной войны», которую вели против них индейцы. Тем не менее эти вторжения, сопровождавшиеся сожжением сел и массовым избиением жителей, сильно ослабили независимых индейцев. Наконец, в 1899 г. юкатанский генерал Браво начал решительное наступление на независимую область индейцев и в 1901 г. взял и разрушил Чан-Санта-Крус. Сопротивление индейцев было окончательно сломлено только в 1904 г. Центральное мексиканское правительство отказалось признать эту область частью штата Юкатан, и она вошла в состав Мексики под названием «территории Кинтана Роо».

Ухудшение условий жизни исконного населения Мексики в конце XIX — начале XX в. было тесно связано с превращением страны в полуколонию империалистических государств, и в первую очередь — США. Угнетение и ограбление индейских масс особенно усилились в годы диктатуры президента Диаса. Этот ставленник крупных помещиков-латифундистов и компрадорской буржуазии широко раскрыл двери для проникновения в страну иностранного капитала.

Одной из самых постыдных и кровавых страниц в истории «цивилизаторской» деятельности империалистов в Мексике явилось массовое обезземливание крестьян-индейцев.

Под предлогом разграничения «взятых, незаселенных земель» правительство Диаса проводило массовое разрушение сохранившихся индейских общин. В результате действий так называемых «разграничительных комиссий», состоявших из правительственных чиновников и представителей иностранных компаний, происходила концентрация земли в руках небольшой кучки мексиканских латифундистов и американских и английских капиталистов. Сопrotивлявшихся незаконным действиям правительства индейцев «выселяли» с помощью войск. Там, где раньше находились крестьянские общины, создавались плантации иностранных компаний, а индейцы должны были работать в качестве батраков на новых хозяев. Крупнейшие плантации иностранных капиталистов появились и на Юкатане. Природные условия Юкатана оказались весьма благоприятными для разведения ценной волокнистой культуры — хенекена. Новые хозяева земли насильственно внедряли эту культуру, не считаясь с интересами местного населения. Положение сельскохозяйственных рабочих — в основном это были индейцы — на плантациях хенекена мало чем отличалось от рабского, что вынуждены были признать даже буржуазные мексиканские ученые.

Разбойничья кровавая политика правительства Диаса, распродававшего оптом и в розницу богатства страны иностранным монополиям, вызывала огромное негодование среди самых широких слоев мексиканского народа. В 1910 г. тираническая диктатура Диаса была свергнута. Вскоре по всей стране развернулось мощное движение крестьян за землю. В Мексике началась буржуазно-демократическая революция, носившая антифеодальный и антиимпериалистический характер. Одним из главных ее требований было проведение аграрной реформы. Ее основной слабостью была малочисленность и недостаточная организованность мексиканского пролетариата, который не имел своей классовой партии и поэтому не был в состоянии руководить революционным движением крестьянских масс. Таким образом, крестьянские массы не имели четкой, определенной программы действий, не опирались на союз с пролетариатом, были плохо организованы.

Все это привело к тому, что руководство революцией было захвачено буржуазно-помещичьими группировками.

Блок либеральной буржуазии и обуржуазившихся помещиков, после сержения Диаса образовавший правительство, не был заинтересован в разрешении аграрного вопроса. Руководители так называемых «революционных правительств» были крупными землевладельцами и всячески препятствовали разрыванию аграрного движения.

Однако непрекращавшиеся волнения крестьян и в особенности мощное движение «за землю и свободу» крестьян южной и центральной Мексики, которое возглавлял Сапата, а также движение пеонов северных районов страны вынудили мексиканское правительство издать ряд аграрных законов. Активное участие в движении Сапаты приняли индейцы-майя: они составили один из отрядов армии Сапаты, насчитывавший тысячу человек.

Новое аграрное законодательство не оправдало надежд крестьян; в законах были различного рода оговорки, применение которых на практике приводило к тому, что даже формальным правом на получение земли пользовалось лишь незначительное меньшинство крестьян. Многие районы страны были вообще исключены из сферы проведения даже такой кучей аграрной реформы. Это относилось, в частности, к Юкатану, который оставался фактически во владении крупных латифундистов и иностранных капиталистов.

Кроме того, мексиканское правительство всячески тормозило проведение в жизнь новых постановлений, а в начале 1930-х годов, в период усиления реакции в стране, почти полностью прекратило проведение аграрной реформы. Мировой экономический кризис 1929—1933 гг. привел к еще большему обеднению мексиканского крестьянства. В Мексике вновь усилилось аграрное движение, явившись одним из моментов общего подъема национально-освободительного движения.

В этих условиях президент страны Карденас (1934—1940 гг.), выражавший интересы антиимпериалистически настроенных слоев национальной средней и мелкой буржуазии, под прямым давлением рабочего класса и крестьянства начал пролодить ряд социальных реформ. В результате мощного забастовочного движения пеонов в северных штатах, выступления крестьян-индейцев на Юкатане и во многих других местах страны, правительство Карденаса начало раздел земель помещиков-латифундистов и иностранных плантаторов. В этот период часть индейских общин Юкатана получила землю. Однако, несмотря на наличие прогрессивных черт в аграрной реформе Карденаса, она была непоследовательной и противоречивой.

С приходом к власти правительства Камачо (1940—1946 гг.), ставленника крупной промышленной и аграрной мексиканской буржуазии, распределение земли среди крестьян фактически прекратилось под тем пымыпленным предлогом, что аграрная реформа якобы «завершена». Более того, Камачо стал возвращать помещикам и иностранным компаниям ранее отобранные у них земли. Так, значительная часть земель, переданная в годы президентства Карденаса индейцам майя на Юкатане, была вновь отдана помещикам и иностранным компаниям. Не довольствуясь этим, крупные мексиканские землевладельцы и компании США прибегали к террористическим актам против руководителей движения, к разрушениям крестьянских селений, поджогам, убийствам. Организованные ими бандацкие шайки действовали на большей части территории республики.

Наступление реакции на завоевания мексиканских крестьян еще более усилилось после окончания второй мировой войны. В эти годы были сделаны особенно существенные уступки американскому империализму, вследствие чего все ключевые позиции в экономике страны оказались в руках монополистического капитала США.

Аграрная политика господствующих классов Мексики встречает активное сопротивление не только крестьянства, но и мексиканского пролетариата и всех прогрессивных сил страны. Большую роль в деле укрепления союза мексиканских трудящихся играет Всеобщий союз рабочих и крестьян Мексики.

Последовательную и решительную позицию в борьбе за освобождение страны от гнета империализма США, за развитие экономики и, в частности, сельского хозяйства, по демократическому пути занимает Коммунистическая партия Мексики, основанная в 1919 г.

Современные майя Мексики и Гватемалы

Основная масса индейцев майя Юкатана занята в сельском хозяйстве. Это большей частью батраки на хенекеновых плантациях или малоземельные крестьяне-общинники. На Юкатане уже с XIX в. культура хенекена стала приобретать большое экономическое значение, и в настоящий момент, по словам мексиканских ученых, «поглощает активность и энергию всего населения Юкатана». Условия, в которых работают майя на плантациях хенекена, крайне тяжелы и представляют — даже по признанию буржуазных авторов — сущий ад¹.

В мастерских по обработке хенекена и в канатных мастерских также работают индейцы майя. На обработке хенекена широко используется труд индейских детей. Заработная плата индейцев крайне низка. Ухудшению положения майя, занятых в производстве хенекена, способствует хищническая политика американских компаний, которые в погоне за максимальной прибылью постоянно снижают цены на хенекен.

Часть индейцев майя, еще сохранившая свои небольшие наделы земли, выращивает кукурузу, бобы, картофель и другие издавна известные здесь культуры. Урожаи не высоки, и причину этого следует искать не в скудости почвы, как это пытаются представить буржуазные мексиканские ученые, а в невыносимо тяжелом экономическом положении крестьянских масс майя. Сельскохозяйственная техника, применяемая индейцами, крайне примитивна. Это деревянная соха с железным наконечником, мотыга, палка с заостренным и обожженным концом, мачете. Обработкой земли и уходом за посевами занимаются преимущественно мужчины, но женщины помогают им, особенно при посевах и уборке урожая.

Живут майя в небольших хижинах с земляным полом, часто разгороженных на две крошечные комнаты. В одной из них спит вся семья, а другая служит кухней и столовой. Дом огораживается каменным забором, часто побеленным. Позади дома — небольшой дворик, где содержатся домашние животные и птица. Домашняя утварь майя состоит из глиняной и деревянной посуды, сосудов из тыквы. Но эти самодельные предметы домашнего обихода порой представляют собой настоящие произведения искусства: сосуды из глины поражают разнообразием форм, деревянные блюда украшаются росписью, на стенках тыквенных сосудов выцарапывается орнамент. В каждом доме майя можно найти каменную квадратную зернотерку для размола кукурузы, составляющей основу питания населения Юкатана. Из кукурузной муки пекут, как и повсюду в Мексике, лепешки (*tortillas*), заменяющие хлеб. Из нее же варят похлебку. В большом употреблении бобы, чилийский перец, картофель, помидоры и другие овощи. Мясо доступно индейцам только по праздникам.

¹ C. B a s a u r i. La poblacion indigena de México, t. II. México, 1940, стр. 52.

Систематическое недоедание и однообразная пища вызывают различные заболевания (цынгу, бери-бери, пеллагру), которые особенно распространены среди детей¹. Смертность очень высока. Достаточно сказать, что 77% населения Юкатана умирает в возрасте до 15 лет. Индейцы почти не получают квалифицированной медицинской помощи.

Современная одежда майя утратила прежние формы и богатство красок, но все же сохранила яркие черты национального своеобразия. Мужчины поверх коротких брюк из белой хлопчатобумажной ткани, подвязанных веревкой, надевают полосатый сине-белый лонс. Пояс прикрыт белой рубашкой, застегивающейся у ворота. Платья женщин по вырезу у шеи и по подолу украшаются вышивкой. Большую часть года индейцы ходят босиком, лишь иногда надевая сапдалии.

Майя, живущие в Гватемале, во многом сохранили общность культуры с майя Мексики. Эта общность наиболее ярко выражается в наличии у тех и у других так называемых «туземных общин» (*comunidades indigenas*), в технике земледелия, в ремеслах, в сходстве земледельческих и других орудий, в народном искусстве, в пережитках древних религиозных воззрений и т. д.

Майя Гватемалы находятся в еще более тяжелых, чем майя Мексики, условиях. В стране, где 80% населения заняты в сельском хозяйстве, майя составляют основную часть малоземельных и безземельных крестьян, а также сельскохозяйственных рабочих. Почти все обрабатываемые земли и огромные площади пригодной для сельского хозяйства, но не обработываемой земли до начала проведения в 1952 г. аграрной реформы принадлежали местным крупным землевладельцам, плантаторам-иностранцам и компаниям США. В собственности индейских общин оставалось лишь незначительное количество обрабатываемой земли, совершенно не обеспечивавшее даже небольшой части крестьян. Поэтому в массе своей крестьяне вынуждены были арендовать небольшие участки земли, расплачиваясь деньгами, работой на помещичьих землях, отдачей части урожая и другими видами натуральной оплаты. Не имея возможности полностью рассчитаться с помещиком, арендаторы становились пожизненными должниками, долг которых обычно переходил на их детей, превращавшихся, как и их отцы, фактически в рабов своих хозяев.

В еще большей зависимости от помещиков находились батраки, на которых также лежало ярмо долгого рабства. Ничтожные размеры земельных наделов, архаические способы обработки земли и примитивность сельскохозяйственных орудий, непрекращающееся обезземеливание — таковы основные причины нищеты крестьянского населения, несмотря на благоприятные климатические условия.

У большей части индейцев майя еще сохранились сельские общины. Система крупного феодально-помещичьего землевладения и развитие в стране капиталистических отношений привели к существенным изменениям характера общин и, в частности, к усилению в них классового расслоения. Наименее обеспеченные из общинников превратились в мелких арендаторов или в сельскохозяйственных рабочих. Многие из общинников, не теряя окончательной связи с деревней, оказались вынужденными заниматься на сезонные работы в поместьях и на плантациях. Тысячи крестьян покинули свои селения и переселились в районы плантационного земледелия.

¹ Более подробно об этом см. у Жоуэ де Кастро. География голода, стр. 57, 58, 62, 75 и др.

В Гватемале, так же как и в Мексике, особенно тяжелы условия жизни и труда индейцев, работающих на плантациях крупных землевладельцев и иностранных компаний. Самые жестокие формы приняла эксплуатация рабочих на плантациях «Объединенной фруктовой компании» (United Fruit Company), одной из монополий США, захватившей в свои руки важнейшие отрасли экономики Гватемалы. Наибольшие возможности для безудержной эксплуатации тысяч индейцев компания получила в годы правления президента Убико (1931—1944 гг.), одного из крупнейших землевладельцев страны. На ее плантациях трудятся свыше 30 тыс. сельскохозяйственных рабочих. Вот что сообщает член Всемирного совета мира Пальма об условиях труда на банановых плантациях Объединенной фруктовой компании: «Под палящим солнцем или проливным дождем, стоя по колено в зловонном болоте, окруженные мириадами комаров, трудятся крестьяне моей родины, обогащая американских монополистов. Малярия и желтая лихорадка свирепствуют на плантациях. Но это еще не все. Бананы нуждаются в химической обработке, иначе они погибнут от насекомых-паразитов. Обработка же растений химическими растворами вызывает различные тяжелые заболевания у рабочих (например, частичную слепоту), так как компания не принимает никаких мер для охраны труда. Мне доводилось бывать на плантациях «Юнайтед фрут компани», и я видел, в каких условиях живут там люди. Убогие жилища не защищают их ни от солнца, ни от дождя, ни от ветров, ни от насекомых. Спать приходится прямо на полу, постелью часто служат кучи тряпья. Чтобы рабочие не терили попусту ни одной минуты (работа длится с 6 часов утра до 6 часов вечера), еду им привозят прямо на плантации. Еды мало, она невкусна, и к тому же постоянно пропитана отвратительными запахами болота»¹. Рабочие вынуждены приобретать по высоким ценам низкосортное продовольствие в лавках компании, так как плантации находятся вдалеке от населенных мест.

На плантациях компании есть несколько больниц, но рабочие фактически лишены возможности пользоваться ими. Лечебную помощь могут получить лишь немногие «счастливые» по указанию администрации. Но и они не всегда имеют силы добраться до больницы из-за дальности расстояния. Заболевших или получивших увечье рабочих компания увольняет как «нетрудоспособных» и затем выселяет их с территории плантации.

Эти же методы эксплуатации применяются на всех предприятиях железнодорожной, электрической и других иностранных компаний.

Изменения, которым подверглись условия жизни индейцев майя в протяжении трех столетий колониального режима, а затем в течение более чем ста лет существования республики и особенно в годы проникновения в страну иностранного капитала, в большой мере разрушили культуру этого народа. Но уничтожить ее не могли ни политика «меча и огня» испанских завоевателей, ни принудительная христианизация, проводившаяся католической церковью, ни ассимиляторская политика господствующих классов страны и иностранного монополистического капитала.

Майя говорят на различных диалектах своего языка. Многие из них знают также и испанский (государственный язык страны), которым они пользуются для сношений с городским населением, в правительственных учреждениях, на рынках и т. п. Лишь сравнительно небольшое число майя говорит только по-испански.

¹ «Гватемала и ее проблемы. Беседа с членом Всемирного совета мира Оскаром Эдмундо Пальма». «Новое время», 1953, № 3, стр. 12—13.

Рис. 41. Образцы орнамента на одежде индейцев майя (Гватемала)

Майя бережно хранят традиции народного искусства, ремесла, духовной культуры, насчитывающие тысячелетия. Высокое мастерство проявляется в гончарных изделиях, особенно сосудах, украшенных изображениями людей, животных, растительным орнаментом, а также в мелкой скульптуре. Большую художественную ценность представляют сосуды из тыквы, покрытые черным лаком, по которому пожом вырезывается рисунок, имеющий вид белого узора на черном фоне, — птицы, звери, деревья, цветы и др. Традиции древнего искусства сохранились также и в ткачестве, особенно в разнообразном многоцветном орнаменте (рис. 41).

Прогрессивный гватемальский поэт и романист Астуриас следующими словами характеризует ту роль, которую играет искусство в жизни майя:

«Люди, ведущие эту примитивную и убогую жизнь, испытывают почти инстинктивную потребность в творчестве, они хранят традиции народного искусства и создают его; искусство служит как бы противовесом простоте их привычек и обычаев, рутине в религии и быту; оно питает творческие способности, благодаря которым они создают прекраснейшее сочетание красок и строгие стилизованные рисунки на своих тканях, глиняных изделиях, мебели... Запас тем для декоративных рисунков у индейцев попросту неистощим. И женщины и мужчины, передко даже дети занимаются этой трудной художественной работой». «Люди увлекаются этим делом, — пишет он далее, — видят в нем нечто большее, чем обыкновенный ручной труд, оно дает им глубокое удовлетворение»¹ (рис. 42).

Нельзя все же не отметить и наличия испанского влияния на искусство майя, особенно в тематике и характере орнамента. Отрицательно сказалось на художественной ценности предметов искусства то, что в ряде

Рис. 42. Женщина майя за ткацким станком

¹ М. А. Астуриас. Народное творчество индейцев майя. «В защиту мира», 1952, № 17, стр. 72.

районов они изготавливаются на продажу. Вынужденные угождать нетребовательным вкусам покупателей, особенно многочисленных туристов, приехавших из США, мастера, заинтересованные в широком сбыте своей продукции, стали изготавливать более грубые изделия. Значительно пострадало качество изделий майя в тех районах, где естественные красители начали вытесняться нестойкими анилиновыми красками.

Прогрессивные деятели культуры и искусства страны широко пропагандируют искусство индейцев майя.

Изучением и пропагандой народного творчества занимается, в частности, основанная в 1945 г. группа «Сакерти». Одна из задач этой ассоциации молодых писателей и деятелей искусств — активное участие в развитии национальной культуры своей родины и в борьбе против тлетворного влияния идеологии американского империализма¹.

Многие произведения индейских художников, писателей, музыкантов посвящаются изображению бедственного положения индейцев и их борьбы против гнета «своих» и иностранных поработителей. Тяжелое положение своего народа и его борьбу за землю отобразил в своих картинах художник-индеец Куручиче.

Освободительной борьбе индейцев посвящены концерты для фортепиано с оркестром композитора Кастильо. Эта же тема нашла отражение в романе Астуриаса «Кукурузный голод». В другом его романе — «Сильный ветер» — описаны условия жизни рабочих на плантациях «Юнайтед фрут компани».

Много внимания уделяют прогрессивные ученые Гватемалы изучению культуры индейцев в прошлом и настоящем. Большое место в их работах занимают лингвистические исследования, имеющие не только теоретическое, но и практическое значение — для создания алфавитов индейских языков.

Черты древней культуры майя сохранились не только в их хозяйстве и общественных отношениях, но и особенно в религии. Современные майя официально считаются католиками. Фактически же религиозные воззрения этих индейцев представляют смешение древних верований и католической религии. От католицизма они восприняли главным образом обрядность. Почитая христианских святых, соблюдая посты, праздники и выполняя различные религиозные церемонии, индейцы вкладывают в них иное, свое содержание. В плясках, исполняемых в дни христианских святых, воскрепляются древние мифологические сюжеты, исторические предания, праздники связываются с древними аграрными культами, с почитанием сил природы и т. д. Дни определенных святых, приуроченные к началу посева и сбора урожая, отмечаются обрядами и жертвоприношениями. Так, например, в день св. Марка совершается обряд вызывания дождя. В жертву приносятся кукуруза, домашняя птица, мелкие серебряные монеты и т. д. Одни обряды совершаются по ритуалу католической церкви, другие почти не изменились с древних времен. Одним из многочисленных обрядов, основанных на древних верованиях, является обряд прекращения дождя (при помощи каменного топора, который, по представлениям индейцев, обладает силой разгонять тучи). Во многих селениях майя функции служителей культа наряду с католическими священниками выполняют главы общин или другие люди — знатоки и хранители старых традиций.

¹ Подробнее о современном искусстве и литературе Гватемалы, а также о деятельности группы «Сакерти» см. в использованной нами статье О. Э. Пальма «Прогрессивное искусство Гватемалы». «Советская культура», 15/VIII 1953.

* * *

Господство диктатуры латифундистов и компрадорской буржуазии, продававших свою страну американским монополиям, вызывало активное сопротивление трудящихся Гватемалы. В результате подъема массового движения гватемальского народа в 1944 г. была свергнута реакционная диктатура президента Убико.

Те весьма умеренные мероприятия, которые проводило новое правительство президента Аревало, вызвали недовольство монополистов США и еще большее вмешательство их во внутренние дела Гватемалы. Но все попытки задуть растущее движение масс, свергнуть правительство Аревало и провести на президентских выборах 1950 г. ставленника монополистического капитала США потерпели провал.

Под давлением народа правительство избранного в 1950 г. президента Арбенса стало на путь более энергичного проведения в жизнь мероприятий, направленных на развитие экономики Гватемалы без «помощи» капитала США, на улучшение условий жизни трудящихся.

Демократические партии, профессиональные союзы, объединенные по Всобщую конфедерацию трудящихся Гватемалы, крестьянские объединения, женские, молодежные и другие организации, поддерживавшие мероприятия, проводившиеся правительством Арбенса, совместно боролись против реакционных сил внутри страны и против попыток иностранных государств, во главе с США, восстановить прежний режим в Гватемале.

Огромное значение для улучшения жизненных условий беднейшего крестьянства и сельскохозяйственных рабочих имел утвержденный 11 июня 1952 г. Национальным собранием Гватемалы закон об аграрной реформе. Одним из важнейших в этом законе было положение об изъятии у крупных собственников земель и передаче части их безземельным и мало-земельным крестьянам и сельскохозяйственным рабочим. Изъятие и распределение земель было поручено 386 местным аграрным комитетам, в которых принимало участие около 4 тыс. крестьян. За изъятые земли владельцы получали компенсацию «бонами аграрной реформы». Земельные участки передавались крестьянам на определенный срок, а также в собственность — при условии выплаты за землю 5 % урожая в течение 25 лет. Часть крестьян получила кредит от Национального аграрного банка. К 1 марта 1954 г. было изъято 444 454 га помещичьих земель и необработываемых земель «Юнайтед фрут компани». Земельные наделы получили 55 734 крестьянина.

Правительством были изданы и другие законы, имеющие целью облегчить тяжелое положение беднейших крестьян и рабочих.

Несмотря на то, что эти прогрессивные мероприятия проводились в жизнь относительно медленно, их значение трудно переоценить. Десятки тысяч крестьян и сельскохозяйственных рабочих были освобождены от гнета крупных землевладельцев и иностранных компаний, улучшилось положение промышленных рабочих, возросло участие трудящихся в общественной жизни страны, укрепилось единство действий рабочих и крестьян.

Помещики Гватемалы всеми способами боролись против проведения аграрной реформы. Чтобы скрыть истинные данные о площади подлежащих экспроприации земель, они прибегали к подлогам, подкунам и другим злоупотреблениям. Они пытались запугать участников демократического движения, не останавливаясь перед жестокими расправами с членами аграрных комитетов и с крестьянами, получившими по реформе землю. Под лозунгом «борьбы с коммунизмом» они организовывали заговоры для свержения правительства Арбенса.

В своей борьбе против проведения в жизнь аграрной реформы и других мероприятий, осуществлявшихся правительством, реакционные круги Гватемалы находили широкую поддержку у «Юнайтед фрут компани» и других проводников американского влияния в стране. Вмешательство США во внутренние дела Гватемалы не ограничилось организацией заговоров. Под флагом борьбы против «проникновения коммунизма в Центральную Америку» монополисты США стремились использовать X панамериканскую конференцию, созванную в марте 1954 г. В повестку дня конференции они внесли вопрос о вмешательстве «международного коммунизма» в дела Латинской Америки, т. е. фактически вопрос о выработке новых методов борьбы реакционных сил против национально-освободительного движения в латиноамериканских странах, и в первую очередь в Гватемале.

Отвстом на эти подрывные действия США был дальнейший рост демократического движения в Гватемале и глубокое возмущение трудящихся Мексики, Кубы, Сальвадора, Чили, Аргентины, Бразилии и других латиноамериканских стран.

Все более усиливая таким, империалисты организовали в июне 1954 г. вооруженное вторжение в Гватемалу. Свергнув демократическое правительство, интервенты поставили у власти военную хунту полковника Армаса. Новое правительство отменило декрет о земельной реформе, кодекс законов о труде и другие прогрессивные законы, принятые по воле народа правительством Арбенса. Демократические партии и профсоюзы объявлены вне закона. Тысячи людей заключены в тюрьмы.

Несмотря на режим террора, проводимый военной хунтой, трудящиеся Гватемалы продолжают борьбу за национальную независимость своей родины. В этой борьбе они встречают поддержку народов всех стран и в первую очередь народов Латинской Америки¹.

¹ См. Хуан Лосаба. Народы Латинской Америки оказывают поддержку населению Гватемалы. «Всемирное профсоюзное движение», 1954, № 14, стр. 25—27.

КЕЧУА

Кечуа — многомиллионный индейский народ, составляющий большую часть современного населения нескольких стран Южной Америки, расположенных в области Анд. По численности, по занимаемой территории, по удельному весу в экономической и политической жизни тех стран, где они расселены, индейцы кечуа представляют собой один из самых значительных народов из коренного населения Америки. Уже один этот факт привлекает к ним особое внимание этнографа.

В то же время кечуа являются наследниками богатого исторического прошлого народов области Анд, потому что именно племена языковой группы кечуа играли недущую роль среди создателей древней культуры государства инков. В области Анд самобытная культура коренного населения американского материка достигла очень высокого развития.

Область Анд представляет собою один из древнейших и наиболее значительных мировых центров земледелия. Земледелие развивалось здесь своеобразно. Прибрежная полоса, тянущаяся у подножия Анд от территории нынешнего Эквадора до Чили, лишена влаги; здесь нет больших рек и не выпадает дождей. Поэтому в естественном состоянии побережье представляло пустынное пространство, неблагоприятствующее растительности. Наиболее доступной для освоения первобытными земледельцами оказалась область высокогорной степи, так называемая пуна, расположенная на перуанско-болливийском плоскогорье. Здесь, на сравнительно богатых почвах, основываясь на разнообразии диких видов корнеплодов и клубневых растений, развилась особая земледельческая культура. Исследования советских ботаников¹ показали, что на этом нагорье произрастает около 13 культурных видов рода *Solanum*, которые имеют еще более обширный круг прародителей — около 60 видов дикого картофеля. Составленная Букасовым карта показывает, что распространение различных видов картофеля идет концентрическими кругами, центр которых — с наибольшим количеством разновидностей находится в районе бассейна оз. Титикака. Это позволяет сделать вывод, что именно здесь первобытные земледельцы сумели отобрать наилучшие виды дикого картофеля и культивировали их. Помимо картофеля разводились клубнеплоды улююко — *Ullucus tuberosus*, ока — *Oxalis tuberosa* и анью — *Tropaeolum tuberosum*. Из зерновых в области Анд были культивированы два вида: киноа — *Chenopodium quinoa* и каньяуа — *Chenopodium palladicum*. Букасов считает возможным датировать начало земледелия в области Анд временем около шести тысяч лет до нашей эры.

¹ С. М. Букасов. Возделываемые растения Мексики, Гватемалы и Колумбии. Л., 1930; сго же с. Картофели Южной Америки и их селекционное использование. Л., 1933.

Во всяком случае, судя по археологическим памятникам древнейших слоев области Анд, земледелие и, в частности, культура картофеля, было высоко развито уже в первых веках нашего летосчисления. От древнейшего высокогорного, как правило неполовнного, земледелия пуны надо отличать позднейшую поливную земледельческую культуру пустынных и полупустынных районов западных склонов Анд и полосы побережья. На побережье возделывались кукуруза, бобы, маниока, арахис, тыква и хлопчатник; эти растения, очевидно, попали в долинные и низменные районы области Анд уже в культурном виде с севера, из Центральной Америки.

Наряду с земледелием область Анд стала единственным в Америке центром развития животноводства. Здесь были приручены лама и альпака. Приручение ламы сыграло огромную роль в истории андских народов: лама дает шерсть для одежды и веревок; туша ее используется целиком: мясо идет в пищу, жир — для целебных целей, сухожилия — для скреплений, кожа — для подстилок и плащей, кости — для изготовления хозяйственной утвари, ткацких станков и музыкальных инструментов. При отсутствии в пуне деревьев навоз этих животных служит единственным видом топлива, а кость — почти единственным материалом, заменяющим дерево. Вместе с тем следует отметить, что индейцы Андского нагорья не употребляли молока ни лам, ни альпака. Альпака разводили почти исключительно ради шерсти. Индейцы высокогорных областей Анд использовали также шерсть дикой вигони (или викуны). В определенное время года устраивались облавы — стада этих животных загоняли в огороженные участки, где состригали с них шерсть, после чего их снова отпускали на волю. Шерсть вигони отличается особой мягкостью и блеском.

Благодаря земледелию и животноводству племена области Анд достигли к первым векам нашего летосчисления сравнительно высокого уровня производительных сил, о чем свидетельствуют археологические находки.

Древняя история народов области Анд до образования государства инков до сих пор мало исследована. Можно только сделать некоторые общие выводы на основании данных раскопок, которые систематизируются по археологическим культурам, большей частью посящим названия наиболее значительных стоянок.

Культура чавин, известная по архитектурному комплексу Чавин-де-Уантар на северном нагорье Перу и по другим стоянкам, свидетельствует о том, что в период с V по VII в., которым она датируется, у племен Перу развилась строительная техника и началась обработка камня. Надо полагать, что для возведения больших по размерам, хорошо спланированных и украшенных скульптурой строений, служивших жилищем племенного вождя или имевших культовое назначение, племенная знать использовала труд ридовых соплеменников. Очевидно, в этот период началось уже расслоение первобытной родовой общины. Об этом же говорит и наличие золотых подделок тонкой работы, найденных в ряде стоянок культуры чавин.

Датируемая преемством с VIII по IX в. культура мочика интересна остатками ирригации — каналов и водопроводов. От р. Чикамы был проведен канал длиной в 113 км. От него отводились многочисленные каналы, которые подводили воду к небольшим участкам прямолинейной формы, огороженным бровкой; длина наибольшей из них достигает 1400 м.

В стоянках культуры мочика найдены золото, серебро, медь и свинец. Люди этой культуры не только употребляли металлы в самородном виде, но и умели выплавлять их из руды. Найден сплав золота с серебром и медью, а также медный лист, позолоченный путем наложения тонкого слоя золота и чеканки.

Чрезвычайно интересна керамика культуры мочика, которая представляет собою скорее скульптуру, чем просто гончарные изделия. Сосуды изготавливались в виде изображений людей (часто только голов), животных, плодов, утвари, лодок, зданий. Иногда сосуд представлял собою даже жанровую сценку, например охотника, стреляющего в птицу из духового ружья. Головы людей, несомненно, представляют собою портретную скульптуру, настолько они характерны и индивидуальны.

Керамика мочика позволяет судить не только о том, какова была материальная культура рассматриваемого периода, но и о том, каким был общественный строй ее создателей. Несомненно, что к этому времени

Рис. 43. Роспись сосудов керамики мочика — боевая сцена

уже возникло деление общества на классы. В росписи на сосудах даны изображения рабов, несущих своих хозяев на носилках, сцены расправы с пленниками, которых сбрасывают со скал, боевые сцены и т. д. (рис. 43). Пайдено скульптурное изображение обнаженного пленника с веревкой на шее. Одна из сцен зафиксировала такой момент: рядовые члены племени, в подобострастных позах, со сложенными руками и наклоненными головами, приобщаются к восседающему на возвышении правителю.

Подобные памятники, наряду с остатками централизованной системы ирригации, говорят нам о распаде родовых отношений, возникновении классов и отношений господства и подчинения.

По гипотезе американского ученого Ларко Хойле, к этому времени относится зарождение письменности. Пайдены бобы, исполненные черточками — прямыми, ломаными и кривыми линиями, крестами, кружками, точками. В росписи на керамике сохранились сцены чтения этих бобов. Фантастические существа, полулюди-полузвери, олени, соколы, насекомые изображены в виде гонцов, несущих в мешках подобные бобы; лисы, ягуары и другие звери кошачьих пород изображены читающими и чертящими знаки на бобах. Иногда самые бобы изображены антропоморфными существами. Очевидно, здесь перед нами свидетельство зачаточной пиктографии, которая, однако, слабо развилась у народов области Анд.

Наибольшую известность из древних культур области Анд получила датируемая с X по XIII в. культура тиауанако, именуемая так по комплексу памятников под тем же названием, находящихся в Боливии, в 21 км к югу от оз. Титикака. Здесь сохранилось несколько наземных строений. Главное из них, называемое «Каласасайя», включает один из самых замечательных памятников доколумбовой Америки — так называемые «Солнечные порота». Это монолитное сооружение из камня с барельефом, изображающим солнечный диск, окруженный стилизованными антропоморф-

ными и зооморфными фигурами, — олицетворение божества солнца (рис. 44). Месторождения базальта и песчаника встречаются не ближе, чем в 5 км от строений тиауанако. Следовательно, колоссальные плиты, из которых сооружены «Солнечные порота», могли быть доставлены сюда лишь организованным трудом многих сотен работников.

Этот классический памятник культуры тиауанако находится в местности, откуда, по преданиям, происходит племена аймара, или колья. Очевидно,

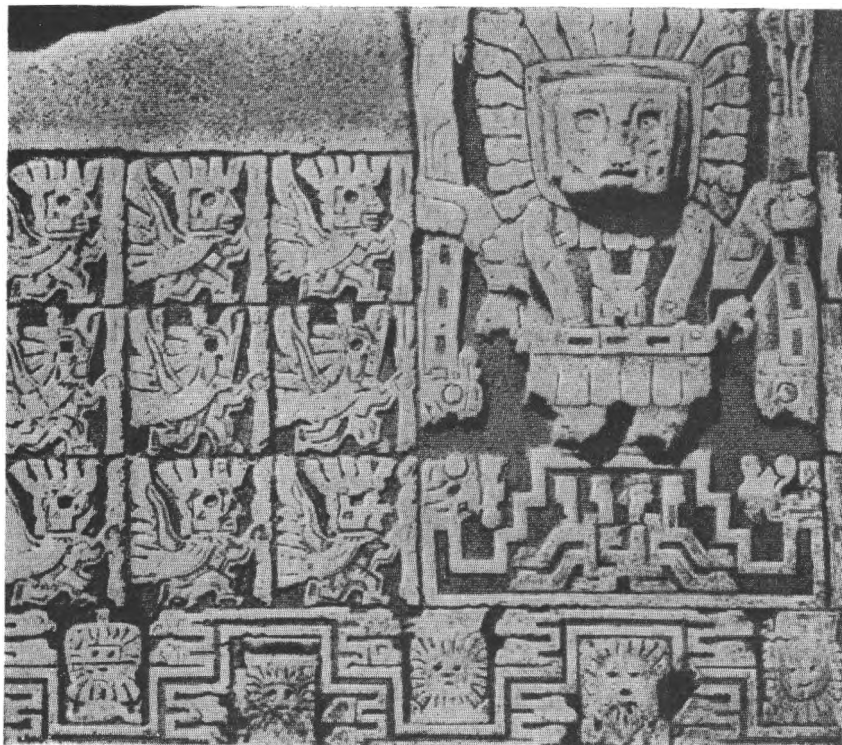

Рис. 44. «Солнечные ворота» (часть стелы) — памятник архитектуры древних инков (Тиауанако)

создателями его были предки народа аймара. Но так как культура тиауанако была распространена почти по всей территории нынешних Боливии и Перу, то несомненно, что в ее создании участвовали племена других групп, прежде всего кечуа.

В других стоянках культуры тиауанако найдены поделки из золота, серебра, меди и бронзы. Из меди и бронзы изготовлялись ножи, топоры, булавы, из золота — чаши, маски, бляхи и другие мелкие украшения. Сохранились и остатки разнообразных тканей из шерсти.

К XIV в. относится появление культуры чиму, которая замечательна городищами значительных размеров. Например, остатки городища Чанчан вблизи Трухильо в настоящее время занимают 18 км². Оно состояло по крайней мере из 10 разгороженных стенами жилых комплексов, имеющих приблизительно прямоугольную форму и выходящих узким кондом к морю. Между ними располагались поля, орошавшиеся каналами. Каждый квартал, размером приблизительно 480 × 355 м при высоте ограды в 9 м, включал дома с соединявшими их дорожками, сад с водным резервуаром

и канавами, а также кладбище. Можно предположить, что здесь перед нами кварталы отдельных родов, сохранивших совместное жительство несмотря на расслоение общины.

Стоянки культуры чиму изобилуют поделками из бронзы, меди, золота и серебра. Из бронзы и меди изготовляли мотыги, ножи, боевые наконечники для палиц, иглы и булавки.

Керамика чиму воскрешает традиции культуры мочика по диапазону сюжетов, но по стилю она менее реалистична. О развитии ткачества можно судить по найденным при раскопках стакам.

Данные изучения археологических памятников позволяют сделать вывод, что у племен области Анд уже к VIII в. развитие производительных сил зашло так далеко, что они перестали соответствовать производственным отношениям первобытно-общинного родового строя. Развитие земледелия и животноводства, развитие обработки металлов и других ремесел, а также обмена привели к расслоению родовой общины, познанию рабства и делению общества на классы. Повидимому, процесс классовобразования проходил довольно медленно и продолжался несколько веков, пока не закончился образованием государства инков.

Этот последний период можно исследовать уже и по письменным памятникам эпохи испанского завоевания.

В испанских хрониках XVI в. приведены исторические предания, которые в устной форме были распространены у инков. В этих хрониках, в разных вариантах, сообщается, что инки произошли от нескольких (трех или четырех) пар героев-полубогов, вышедших из пещеры. Одна из этих пар, одолевшая своих врагов, полубожественные прародители инков — Манко Капак и Мама Ойлью — пришли в долину Куско. Капак завосвал эту долину, подчинил себе жившее здесь племя и основал царство инков. Он научил диких обитателей Куско земледелию и разным ремеслам. Так, инки стали самыми могущественными и культурными среди остальных племен и со временем завоевали большую часть области Анд.

Исследователи культуры инков пытались найти историческое зерно в этих преданиях и изображали появление государства инков как результат вторжения в долину Куско высокоразвитых племен, которые покорили ее обитателей, стоявших на более низкой ступени развития. Эта концепция была принята Г. Кулювом¹; ею продолжают пользоваться буржуазные ученые и в новейших монографиях, посвященных культуре инков². Однако поиски родины инков, откуда они могли прийти в долину Куско, не увенчались успехом, и вряд ли можно ожидать, что она может быть найдена за пределами этой долины. Скорее всего культура инков автохтонна. Во всяком случае, археологические исследования показывают, что культура инков имела сходные черты с более ранними культурами мочика и чиму. В самой долине Куско одновременно с культурой чиму складывалась культура, представлявшая ранний этап той, которая стала хорошо известна под названием инкской.

На основании отдельных сообщений и данных топонимики в испанских хрониках XVI в., можно восстановить древнейшую историю племен, вошедших в государство инков.

На плоскогорье, в долинах и на побережье области Анд обитало множество мелких племен. Судя по сохранившимся названиям племен и позднейших провинций государства инков, этих племен было не меньше ста.

¹ H. C u n o w. Die soziale Verfassung des Inkareichs. Stuttgart, 1896, стр. 21; его же Geschichte und Kultur des Inkareichs. Amsterdam, 1937, стр. 21 -23.

² Например, R. K a r s t e n. Das Altperuanische Inkareich. Leipzig, 1949.

По данным эпохи завоевания, они принадлежали к нескольким языковым группам, главные из которых были кечуа, аймара (колья), мочика и пукина. Группа аймара занимала почти треть территории будущего государства инков, в южной его части, в бассейне оз. Титикака, на плоскогорье. Группа кечуа занимала сравнительно меньшую область в центральной части вокруг долины Куско. Северную часть побережья занимали племена мочика (называвшиеся позже чиму). Расселение группы пукина теперь трудно установить.

Название «кечуа» впервые встречается в письменных источниках 60--80-х годов XVI в. Автор одной из хроник эпохи завоевания — Доминго де-Санто-Томас — составил датированное 1560 г. руководство по изучению языка кечуа¹. Разъяснение происхождения и значения этого наименования можно почерпнуть из географического описания Перу, датированного 1586 г.² Из этих источников явствует, что инки, а за ними и испанцы применяли термин «кечуа» в двойном смысле. «Кечуа» назывались глубокие ущелья или долины Анд такого типа, как, например, долина Куско. Буквально «кечуа» означает «теплая долина». Кроме того, это название применялось инками, а потом и завоевателями в отношении племен, населявших подобные долины (люди теплых долин), в отличие от обитателей холодного плоскогорья — племен аймара.

Насколько можно вывести факты из преданий, записанных авторами первых хроник, древнейшая история кечуа представляется в следующем виде. Кечуа были одним из многочисленных племен области центральных Анд; они жили в долинах с субтропическим климатом, расположенных вокруг современного г. Абанкая, в 60 км к юго-западу от нынешнего г. Куско. Их соседом было племя инков, обитавшее в долине Куско. В начале XV в. кечуа, очевидно, были одним из самых больших и могущественных племен в области Анд. Они занимали территорию, позже известную в государстве инков как провинции Андауайлья и Кочабамба. Вероятно, в это время они представляли уже союз нескольких племен, говоривших на родственных диалектах. В первые десятилетия XV в. на кечуа с запада напало племя чанка и вытеснило их с территории, названной затем провинцией Андауайлья (которую впоследствии стали называть провинцией Чапкай). Во время нападения чанков кечуа, возможно, состояли в союзе с инками; но в любом случае инки одержали победу над чанками в 1438 г. В последующие десятилетия под руководством военного вождя и правителя Пачакути (1438—1463 гг.) инки завоевали ряд племен и положили начало образованию государства, которое достигло наивысшего расцвета примерно к 1525 г.³

Очевидно, племя инков говорило на диалекте лингвистической группы кечуа. Сами инки и кечуа называли свой язык «руна-симй», буквально — «человеческий язык». В период возвышения инков и образования их государства язык кечуа стал преобладающим. Введение его в завоеванных областях и применение в системе административного управления, а в связи с этим обязательное обучение языку кечуа всех должностных лиц и высших слоев общества в завоеванных областях было одним из значительных явлений в формировании централизованной деспотии инков. Распространение языка кечуа шло также и другим путем: инки переселяли часть завоеван-

¹ Santo Tomás. Domingo de. Arte de la lengua quechua, compuesta por Domingo de Sancto Thomas, publicado de nuevo por Julio Platzmann. Leipzig, 1891.

² «Relaciones geograficas de Indias, Peru». Ed. Marcos Jiménez de la Espada. 4 v., Madrid, 1881—1897.

³ «Handbook of South American Indians», v. 2. Washington, 1946, стр. 189.

ных племен из их родных областей в другие, и многие кечуа оказались расселенными за пределами их первоначальной этнической территории. Поэтому значительная часть населения государства инков или гопорила на кечуа как на родном языке, или употребляла его в качестве второго языка в отношениях с властями.

Во времени испанского вторжения племена кечуа были расселены на территории восьми провинций вице-королевства Перу: Куско, Кечуа, Янауара, Вилькабамба, Ларе, Паукартамбо, Кавина, Чилька. Названия Кечуа, Янауара, Ларе и Кавина совпадают с названиями племен, обитавших в них. В Куско, состоявшем из столицы и прилегающей к ней территории, жило семь мелких племен, в том числе и племя инков (*insa, inga*). В Паукартамбо жило племя поке. В Чильке, кроме племени чильке, жили еще маска, ако, папре, куйо. Все посемь провинций составляли компактную территорию с центром Куско. По протяженности территория эта была невелика, во всяком случае гораздо меньше, чем территория, занятая аймара и другими более мелкими племенами.

От многих обитавших здесь племен не сохранилось названий, но и сохранившихся насчитывается несколько десятков. Каждое племя имело свой диалект и характерные черты материальной культуры, ставшие нам известными благодаря археологическим памятникам. Племена отличались также по уровню общественного развития (почти все они стояли ниже кечуа и инков) и по своему положению в государстве. Племена языковой группы кечуа — собственно кечуа, янауара, ларе, кавина и чильке получили еще в правление Пачакути, в половине XV в., право считаться «инками по привилегии». Они были освобождены от наиболее тяжелых повинностей. Таким образом, к моменту вторжения испанцев кечуа почти сливались с инками; в представлении подчиненных племен они и их язык были неотделимы от системы централизованного управления инков, которая ими противопоставлялась организации подвластных инкам племен.

Материальная культура и общественный строй государства инков хорошо известны не только по археологическим данным, но и по испанским хроникам XVI—XVII вв.

Наибольший интерес из достижений инков в технике представляют горное дело и металлургия.

Руду добывали в шахтах. Работали только в теплое время года. Наибольшее практическое значение имела добыча меди, а также олова; сплав их давал бронзу. В огромных количествах добывали серебряную руду; серебро было распространено наравне с бронзой. Употребляли спинец. В языке кечуа есть слово для обозначения железа, но, очевидно, имелось в виду лишь метеоритное железо или гематит. Никаких свидетельств о плавке железной руды и добыче железа в государстве инков не имеется.

При обработке металлов инки применяли ряд приемов: плавку руды, легирование, отливку, ковку, чеканку, металлопластику, штампование, инкрустацию, накладку, спайку, клепку, перегородчатую эмаль. Употребляли несколько видов бронзовых сплавов — с различным процентом олова. Лезвия бронзовых ножей, топоров и серпов прокаливали и ковали для придания им большей твердости. Золото и серебро ковались в тонкие листы. Орнамент наносили способом ренуссе, с подкладкой рельефа на каменной плите.

Земледелие в государстве инков достигло высокого развития. Культивировалось около 40 видов полезных растений; одним из важнейших среди них был картофель (рис. 45).

Долины Анда, в которых развивалось земледелие инков, представляют собой узкие, глубокие ущелья с крутыми склонами, по

которым в дождливый сезон стекают потоки воды, смывая верхний слой почвы; в сухое время здесь не остается влаги. Чтобы сделать возможным выращивание полезных растений на полях, расположенных по склонам, потребовалось создать систему сооружений, которая инками планомерно и регулярно поддерживалась. Поля по склонам располагались ступенчатыми террасами. Нижний край террасы укреплялся каменной кладкой, задерживавшей почву. От горных рек к террасовым полям подходили

Рис. 45. Олицетворение духа картофеля в керамике древних инков

отводные каналы; у края террасы устраивалась дамба, которая служила в то же время уступом лестницы, образуемой системой террас. Каналы выкладывались каменными плитами. Инки создали сложную систему ирригации, позволявшую отводить воду на далекие расстояния. Эта система обеспечивала орошение и в то же время предохраняла почву склонов от размывания; для надзора за сохранностью системы назначались государством специальные должностные лица.

Другим значительным достижением культуры инков были дороги. Две главные дороги проходили через всю страну: одна шла вдоль побережья, другая — от побережья к нагорью; от них ответвлялись боковые дороги и дорожки.

Главная дорога достигала 4—5 м в ширину. Там, где дорога проходила через долины с системой ирригации, она была ограждена стенами, иногда украшенными изображениями животных и другим орнаментом. Сбоку дороги проходил канал с водой; во многих местах вдоль стен росли плодовые деревья. Там, где дорога шла по песчаной пустыне, она была вымощена; на коротких расстояниях одна от другой были расположены почтовые станции.

Дорога, пересекавшая нагорье, была более узкой, она не была ограждена стенами, но прокладка ее требовала большого инженерного мастерства. Чтобы облегчить подъем, она шла вверх зигзагами; в местах крутого подъема выбивались уступы лестницы. Там, где дорога шла по болоту или пересекала территории, подверженные наводнению, она поднималась на каменные насыпи. Насыпи, вымощенные каменными плитами, достигали 5—7 м в ширину и 1—2 м в высоту.

В местах пересечения дорог реками и ущельями сооружались мосты. Через узкие реки и щели перебрасывались древесные стволы, которые перекрещивались деревянными перекладинами; иногда мостом служили большие каменные плиты (3—4 м длиной). Через широкие реки и пропасти проходили подвесные мосты, сооружение которых представляет одно из крупнейших достижений техники инков. Опорой для моста служили каменные столбы: два воздвигались на одной стороне реки или пропасти, два — на противоположной. К этим столбам прикреплялся подвесной

мост. Мост сооружали следующим образом. Пять толстых канатов, сплетенных из гибких ветвей, каждый около 40 см в диаметре, укрепляли по кругу каменных столбов. Три каната образовывали самый мост, а еще два подвешивались выше, образуя перила. Нижние канаты переплелись петлями и выстланы деревянными перекладинами. Перильные канаты переплелись с нижними, ограждая мост с боков. Средняя часть моста провисала от собственной тяжести и все сооружение качалось от сотрясения. Мосты поддерживались в исправном состоянии и охранялись сторожами. В некоторых местах, где река была слишком широка, переправлялись по понтоному мосту или при помощи парома, для которого употреблялись бальсы — челны, сплетенные из тростника.

Как известно, народы доколумбовой Америки не знали колесного транспорта. В области Анд грузы переносились вьюком на ламах. В государстве инков была организована почта: пешие гонцы-бегуны передавали сообщения и небольшие грузы эстафетой. Существовали почтовые станции, где дежурили гонцы для правительственных передач.

Государство инков называлось Тауантинсуйу, что буквально значит «четыре соединенные вместе области». Это были: Кольясуйу («холодная область» — район бассейна оз. Титикака), Антисуйу (область хребта Анд), Кондесуйу («западная область», к западу от Куско) и Чинчасуйу (страна к северу от Куско до Эквадора). Каждой областью управлял правитель, называвшийся «капак апу»; фактически управление находилось в руках местных должностных лиц (тукрикуков). Во главе государства стоял правитель, называвшийся «Инка-Капак», в значении «единственный», «великий». Тукрикуки собирали натуральные подати сельскохозяйственными продуктами и назначали подданных на принудительные работы — миту. Между инками и «подданными» были значительные различия. После покорения нового племени инки облагали его данью: урожаем с полей, продукты животноводства, изделия ремесла. Они использовали покоренных индейцев на строительстве дорог и крепостей, заставляли работать в качестве слуг или рабов для обслуживания знати; девушек из покоренных племен забирали в гаремы.

Но и в самом инкском обществе существовало имущественное неравенство между богатыми и бедными, между знатными и простыми общинниками. Аристократию из инков испанцы называли «орехонами» (от исп. oreja — ухо) за золотые кольца-серьги, оттягивавшие уши, ношение которых было отличительным признаком высшего положения в государстве. К орехонам приближался по своему социальному положению местная знать, «курака», — старейшины покоренных племен. Эта знать, как и аристократия инков, получала от верховного Инки большую часть из собиравшейся дани как дары в знак милости. Аристократы имели в своем распоряжении также слуг, попадавших в их полную зависимость, — «янакона», фактически представлявших собою рабов.

Привилегированное положение занимали и жрецы, в пользу которых взималась часть урожая. Они не подчинялись местным правителям, а составляли обособленную корпорацию, управлявшуюся высшим жречеством в Куско.

Древнее Перу было классовым рабовладельческим обществом, непримиримые противоречия которого вынудили к жизни рабовладельческое государство. Строй его был деспотическим.

К старым племенным обычаям прибавились новые постановления, исходившие от Великого Инки. Его заместники и их подчиненные следили за тем, чтобы местные старейшины руководствовались распоряжениями центральной власти.

Мероприятия Великого Инки были направлены главным образом против попыток поднять восстание, убить, ранить, ограбить кого-либо из инков. Смерти предавался даже тот, кто толкнул, обругал, оклеветал инку. Неминуемая смерть грозила за разрушение или повреждение построенных инками зданий, кладовых, где хранилась дань, дорожных и оросительных сооружений, храмов и домов, где жили жрецы.

Большую часть инкского общества составляли, однако, не орехоны и жрецы, а простые труженики — общинники.

Основной общественной единицей в древнем Перу была община — «айлью». Иногда она совпадала с деревней, чаще члены айлью селились во многих маленьких деревушках, удаленных одна от другой. На побережье, где были большие селения типа городов, айлью располагались в особых кварталах. Члены айлью считали себя кровными родственниками и верили, что стоят под защитой родового духа — «уака» (буквально означает «тот, от которого я происхожу»). Айлью были экзогамны. Племя обычно состояло из 10 «больших айлью» — хатун-айлью, каждое из которых делилось на 10 подчиненных айлью — пачака (сотня); ниже стояли кунка (десяток). Фактически «десяток» состоял из нескольких десятков членов (60—70 человек), живших в «большом доме».

Земля в государстве инков номинально считалась принадлежавшей перхонному Инке. Фактически она находилась в распоряжении айлью. Самая территория, принадлежавшая общине, называлась маркой (буквально «марка» — ущелье, земля в ущелье, в долине). Земля, принадлежавшая всей общине, называлась марка пача, т. е. земля общины. Каждая деревня выделяла из этой земли общины свою «деревенскую землю», или «землю деревни», — льякта пача. Вся остальная земля общины, за вычетом земель, занятых деревнями, оставалась в общей собственности всех принадлежавших к одной марке деревень. Возделанная земля носила название чакра — «полю» и обрабатывалась сообща всей деревней, хотя у каждой семьи была в этой земле своя доля. Работали «десятками» (или «большими домами»), под руководством одного из старшин. Обработав участок поля, называвшийся «полю инки», переходили на «поля солнца» (фактически жрецов), затем на поля жителей села и, наконец, на поля, урожай с которых шел в общий фонд деревни. Расходовался этот запас на поддержку нуждающихся односельчан и разные общедеревенские нужды. Кроме полей чакра, каждая деревня имела еще земли, отдыхавшие под паром, и «дикие земли», служившие пастбищами.

Полевые участки переделялись между односельчанами ежегодно, но не каждый год отдельная семья меняла свой надел, так как отдельный участок поля оставался под паром, после снятия с него трех-четырёх урожаев. Полевой надел, «тупу», давался бездетному мужчине; на каждого сына отец получал еще один такой надел, на дочь — еще половину тупу. Тупу считалось временным владением, так как подлежало переделу. Но кроме тупу на территории каждой общины были еще земельные участки, называвшиеся индейцами «муйя», или «мойя». Испанские чиновники называли в своих отчетах эти участки «наследственной землей», «собственной землей», «огородом». Каждое муйю состояло из двора, дома, амбара или сарая и огорода и передавалось от отца к сыну. Несомненно, что муйю фактически находились уже в частной собственности.

Исследование данных о собственности на землю и устройстве айлью показывает, что айлью уже перестала быть родовой общиной, а превратилась в сельскую, соседскую общину, для которой характерен дуализм — сочетание общинной собственности на поля с частной собственностью на приусадебный участок.

Искусственное десятичное деление, замесившее родовое, вытекало из условий производства. Устройство террас-полей на склонах гор и строительство каналов требовали учета рабочей силы. Еще до образования государства инков перуанские племена стали территориальными объединениями, состоявшими из «тысяч» (или сельских общин), «сотен» (или деревень) и «десятков» (или домашних общин). Возникновение частной собственности на приусадебные участки привело к разрушению старых родовых отношений; родовая община превратилась в соседскую или сельскую. Вместе с тем оформилась и моногамная семья, основывающаяся на частной собственности.

Те земли, которые получала знать от Великого Инки, также становились уже в полной мере частной собственностью; урожаем с них служил основным источником дохода для знати.

Обмен в государстве инков был натуральным. Всеобщего эквивалента не существовало; не было единой системы мер и весов, за исключением самой примитивной — количества тех или иных продуктов, которое умещалось между двумя кистями рук, т. е. приблизительно дис горсти. Весы представляли собою коромысло с просверленной посередине дырочкой для шнура, за который оно подвешивалось. К концам коромысла подвешивали мешочки или сетки с продуктами. Но соотношение устанавливалось произвольно, твердых норм не было.

Наиболее развит был обмен между жителями побережья и нагорья. В установленные сроки, главным образом после снятия урожая, в определенных местах на границе между теплым побережьем и холодным нагорьем встречались жители этих двух зон. С нагорья привозили сюда шерсть, мясо, меха, кожи, серебро и золото и поделки из них; с побережья приносили зерно, овощи и плоды, хлопок, а также птичий помет — гуано. Выменивались также такие высоко ценившиеся продукты, как соль и перец. Внутри городов и селений больших базаров не существовало, обмен совершался редко и был случайным. Слабое развитие обмена и отсутствие торговли, торговцев — особенность государства инков в отличие от майя, ацтеков и чибча, у которых обмен был более развит.

Религия народов древнего Перу представляла собой сложное переплетение примитивных верований, сохранившихся от первобытно-общинной эпохи, и сравнительно развитых форм, возникших в связи с делением общества на классы.

От древнейшей эпохи сохранялись у инков тотемические верования, представления о полуживотных-полулюдях (подобные изображения есть, например, на сосудах), культ духов — покровителей земледелия, культ стихий природы и пр. Существовало почитание родовых духов-покровителей («уака»); с ним был связан обычай мумифицирования тел умерших, — немало древнеперуанских мумий хранится теперь в музеях. Но особенно важное значение имел введенный завоевателями-инками культ Великого Инки — главы государства, который считался живым воплощением солнца. Солнце само считалось божеством; его священное изображение в виде золотого диска с человеческим лицом в ореоле из лучей служило предметом официального культа.

В числе других божеств особое значение имел Виракоча — повидимому, образ древнего тотемического происхождения, впоследствии культурный герой и местный бог-покровитель Куско. Почитались также культурные герои и мифические основатели династии инков — Манко Капак и его супруга Мама Ойлью.

Культ поддерживался жрецами, состоявшими на службе государства и жившими за счет особой подати (урожаем с «полей солнца») взимался

в пользу священнослужителей). Верховный жрец обычно был из царского рода и разделял власть с Инкой. Помимо высшего жречества существовала целая иерархия жрецов низших ступеней; были в том числе и жрицы-затворницы, большая часть которых составляла гарем Великого Инки.

Характер религии древнего Перу ярче всего выражался в пышных празднествах по случаю вступления на престол нового Великого Инки. Оно сопровождалось принесением в жертву девушек и детей, которых должны были доставлять подчиненные инкам области. Принесение человеческих жертв, представлявшее особую форму устрашения подданных, так же как и обожествление монарха, служило целым угнетения и закабаления народных масс рано возникшей в Перу рабовладельческой деспотией.

Инки не развили имевшейся у них пиктографической письменности. Сохранились пиктограммы на надгробиях, имеются глухие упоминания о том, что жрецы пользовались пиктографией. Была развита система мнемонических знаков — так называемое «узелковое письмо» — «кипу». Кипу состояло из веревки, к которой прикреплялись ряды более коротких шнуров, свисавших в виде бахромы. На этих шнурах завязывались узлы. Форма узлов и их количество обозначали число. Узлы, далее всего расположенные от основной веревки, представляли единицы, следующий ряд — десятки, затем сотни и тысячи. Ноль обозначался отсутствием узла в следующем ряду. Цвет шнуров соответствовал определенным предметам или продуктам: картофель, например, символизировался бурым цветом. Кипу употреблялось главным образом для подсчета собиравшихся должностными лицами податей, по, кроме того, служило и для фиксации статистических данных более общего значения, а также исторических сведений.

Существовали специалисты в пользовании кипу — «кипу-камайок», которые должны были всегда быть готовы к тому, чтобы, пользуясь кипу, сообщить те или иные данные по требованию Великого Инки и его приближенных.

Кроме кипу, для счисления употреблялись счетные доски в виде подноса с отделениями, в которых можно было передвигать счетные единицы.

Для измерения пространства существовали меры, основанные на размерах частей человеческого тела. Самой малой мерой длины была длина пальца, затем мера, равная расстоянию от отогнутого большого пальца до конца указательного. Наиболее употребительной для измерения земли была мера в 162 см, подразделявшаяся на две части. Мерой площади земли считалось тупу, однако эта мера варьировала в разных областях (как, впрочем, и теперь).

Время дня определялось положением солнца. В общепитии применялось измерение времени сроком, необходимым для того, чтобы спарился картофель. Срок парки приблизительно приравнивался к часу.

Инки обожествляли небесные светила, поэтому астрономия была у них связана с религией. В государстве инков существовал календарь, основанный на данных наблюдений над светилами. Инки имели представление о солнечном и лунном годе, хотя неясно, как они преодолевали различие между солнечными (в 365 с четвертью дней) и лунным (в 354 дня) годами. За положением солнца наблюдали для определения сроков сельскохозяйственных работ. С этой целью были выстроены четыре башни на посток и на запад от Куско. Кроме того, наблюдения производились в самом центре Куско, на большой площади, где была выстроена высокая платформа.

Устанавливался срок зимнего солнцестояния и весеннего равноденствия. Тщательно наблюдались и фазы луны, отмечавшиеся особыми обрядами.

У инков были школы для мальчиков из среды знати. Обучение длилось четыре года. Первый год посвящался изучению языка кечуа (так как детей собирали из разных областей), второй — преподаванию религии; третий и четвертый годы уходили на овладение искусством передавать и читать сведения по кицу. Кроме писцов, существовал разряд мудрецов — «амаута», владевших наивысшими знаниями во всех областях духовной культуры, в особенности в исторических и генеалогических преданиях.

В связи с обычаем мумификации инки хорошо знали анатомию. Известны были хирургические операции, например трепанация черепа.

Индейцы в колониальный период

Концом государства инков считается захват Куско войсками Франсиско Писарро в 1532 г. и гибель последнего инки Атауальпы. При этом обычно говорилось о «мгновенном» падении этого царства как о признаке его слабости. Между тем, государство инков вовсе не развалилось мгновенно, как картонный домик от дуновения ветра. В 1535 г. в стране вспыхнуло восстание против завоевателей, и хотя оно и было подавлено в 1537 г., его участники, нашедшие убежище в горном районе Вилькабамбы, продолжали отстаивать свою независимость еще более тридцати пяти лет. Истории этого восстания и почти сорокалетняя история новоинкского государства в Вилькабамбе чрезвычайно интересны для характеристики состояния общества инков и его культуры.

Восстание было поднято инкским принцем Манко, который вначале был коронован испанцами и приближен к Писарро. Последующие события показали, что ренегатство было лишь хитрым маневром, что Манко использовал свою близость к испанцам с определенной целью — изучить врага. Начав собирать силы с конца 1535 г., Манко выступил в апреле 1536 г. с большой армией, подошел к Куско и осадил его по всем правилам индейской военной техники. Он пустил в ход испанское огнестрельное оружие, заставив восемь плененных испанцев служить ему в качестве оружейников, артиллеристов и пороховщиков. Были пущены в ход также захваченные у противника лошади. Манко установил командование из одного пункта, налажил коммуникации, сторожевую службу. Сам Манко был одет и вооружен по-испански, сдирал верхом и сражался испанским оружием. Повстанцы сочетали приемы самобытного индейского и европейского военного искусства и временами достигали больших успехов. Но необходимость кормить большую армию, а главное — подкуп и предательство сыграли роковую роль, и после 10 месяцев осады Манко был побежден.

Отойдя от Куско и перестроив свои силы, повстанцы укрепились в горах Вилькабамбы и здесь боролись против испанцев до 1572 г., — этот год может считаться датой окончательного падения государства инков. Вождем повстанцев был сын Манко, молодой Тупак-Амару из династии «Великих Инков». В новоинкском государстве, защитники которого мечтали изгнать испанцев и восстановить независимость индейцев, жизнь развивалась несколько иными путями, чем до вторжения европейцев. Несмотря на военное положение, установился обмен с областями, занятыми испанцами, ввозилось испанское оружие, которое индейцы успешно применяли. Сопротивление все увеличивавшимся силам завоевателей оказалось тщетным, повстанцы были разбиты, но память об этой попытке отстоять независимость осталась в веках.

История столь длительного сопротивления последних защитников государства инков показывает, как высоко были развиты техника и система управления индейцев, как хорошо они были подготовлены к освоению железа и огнестрельного оружия, как быстро они заимствовали европейские приемы военного дела.

Испанское завоевание уничтожило государство инков. Захватчики, прибывшие из феодальной Испании, ввели у индейцев особую форму феодальной эксплуатации — энкомьенду. Но ею не исчерпывалось колониальное угнетение индейцев. Индейские племена утратили всякую независимость, они подвергались тяжелому угнетению со стороны должностных лиц — корресхидоров. Кроме выплаты дани, индейцы обязаны были выполнять трудовую повинность — «миту». Отбывавших миту отсылали на далекое расстояние от родины — в рудники, на строительство дорог и общественных зданий, на плантации. Срок устанавливался произвольно, и на деле митайосы редко возвращались на родину; они умирали на чужбине от голода и непосильного труда. Взимание дани и другие виды принудительных поборов уравнивали все племена в их бедственном положении, а мита перемешивала людей разных племен, объединяемых в условиях жестокой эксплуатации и отрыва от родины. Колониальные власти использовали классовые различия в индейском обществе, давая привилегии представителям знати — курака, назначая их на административные должности. Племенные различия перестали играть роль в реальном положении отдельных групп населения.

Особую роль в колониальном угнетении индейцев играло католическое духовенство. Миссии, конгрегации, ордена и другие духовные организации получали от короны огромные поместья, так называемые «редукции», к которым прикреплялись в принудительном порядке индейцы для использования их на различных работах. При этом часто намеренно переселяли и расселяли индейские племена. Вся система колониального управления была направлена к тому, чтобы подавить волю к сопротивлению, до предела разредить и ослабить индейцев. Но эта политика колонизаторов не оправдала их расчетов.

Тяжелый гнет, жестокая эксплуатация и свирепые поборы будили ненависть к угнетателям и поднимали массы на борьбу. Весьма знаменательно, что неоднократные восстания поднимались под лозунгом восстановления «империи инков», а вожди восстаний принимали титул «Великого Инки». Такими были восстание 70-х годов XVII в. в Тукумане (современная Аргентина) под руководством Бооркеса, затем восстание в Перу в 1742 г. во главе с индейцем племени кампа Сантосом. В 1765 г. в Кито (современный Эквадор) городская беднота, состоявшая из индейцев, подняла бунт против испанцев.

Наиболее значительным было революционное движение, развернувшееся в Перу и Боливии в 1780—1781 гг., в которое включились десятки тысяч индейцев — кечуа, аймара и мелких племен. Руководил им молодой касик (старейшина) деревни Тупгасука провинции Тинта — Кондорканки. Он провозгласил борьбу за восстановление государства инков и принял титул и имя последнего «Великого Инки», борясь против испанцев, Тупак-Амару. Собрал до 60 тыс. повстанцев, он освободил индейцев нескольких провинций, отменил миту и предпринял осаду Лимы. Огромные массы индейского населения с энтузиазмом пришли под его знамена. Но большая испанская регулярная армия разбила повстанцев, и в мае 1781 г. Кондорканки со своей женой и двумя сыновьями был казнен. Некоторое время борьба еще продолжалась под руководством Кристобалы. Революционное движение 1780—1782 гг. было бу-

квально потоплено в крови; воспоминания о нем сохраняются в памяти индейцев-кечуа до сих пор.

Восстания индейцев колониального периода были чисто крестьянскими движениями. Лишь в одном из них принимала участие городская беднота. Индейцы — рабочие рудников находились под неослабным наблюдением охраны и не присоединялись к восставшим. Ремесленники городов играли лишь пассивную роль и не возглавили ни одного восстания. Как чисто крестьянские движения индейские восстания носили стихийный, неорганизованный характер и не могли привести к освобождению трудящихся масс. Участники всех индейских движений области Анд вплоть до 20-х годов нашего века обычно наделяли своих вождей титулом «Беликого Инки» и именем Тунак-Амару — последнего правителя независимого индейского государства. Эти черты, характеризовавшие восстания андских стран за время колониального периода, особенно ярко проявившиеся в движении 80-х годов XVIII в., хотя и были обусловлены локально-историческими особенностями, типичны для крестьянских восстаний.

Формирование народа кечуа

Восстания индейцев были проявлением протеста народных масс против насилий и грабежа ставленников феодальной испанской монархии. В то же время они свидетельствовали о том, что за несколько столетий, прошедших со времени испанского вторжения, произошли значительные изменения в жизни индейских племен. Если во времена инков подчиненные племена смотрели на них как на угнетателей, то теперь, когда железный сапог испанских завоевателей сравнял всех в бесправии, государство инков стало символом независимости. Если раньше язык кечуа был языком угнетателей, то теперь он стал символом свободного развития самобытной индейской культуры.

Миссионеры пользовались языком кечуа при проведении насильственной христианизации, а также применяли его для записи преданий и легенд. От первого периода колонизации остались сборники текстов на языке кечуа, записанные латинизированным алфавитом. Наиболее ранние тексты не представляют цельных памятников, — это разрозненные предания, сказания, гимны, песни. Из источников известно, что наиболее развитой формой устного творчества на языке кечуа в колониальный период были драмы народного театра. Известно, что после подавления восстания Тунак-Амару и казни последнего колониальные власти запретили представления народных драм на языке кечуа. Очевидно, этот запрет был вызван тем, что представления наиболее распространенной драмы «Ольянтай» и ей подобных имели агитационное значение, поднимали дух повстанцев.

Текст этой драмы неоднократно записывался в XVII и XVIII вв. Последний вариант был записан в середине XIX в. Пачско Ссарра, который также перевел на язык кечуа трагедию Расина «Федра».

Другой тип литературы представлен драмами религиозного содержания, которые писали миссионеры. Такова драма «Глудный сын» в трех актах и 23 картинах, написанная в середине XVII в. де-Элиноза Медрано — креслом, архидиаконом кафедрального собора в Куско.

Значительный интерес представляет творчество боливийского поэта Уальпа-Римачи, писавшего на языке кечуа. Тематика его стихотворений — народные обычаи, величие и простота андской природы, думы и чувства соплеменников.

За период феодальной колонизации индейское население Андского нагорья претерпело значительные изменения в своем развитии. Большинство мелких племен перешло на язык кечуа, возникла объединяющая их идея борьбы за свободу и независимость, изгнания испанских угнетателей. Складывалась общекечуанская литература.

Война за независимость и образование самостоятельных государств Эквадора, Перу и Боливии не приостановили процесса объединения языка и культуры индейцев. К середине XIX в. подавляющая масса индейских племен уже начала сливаться в единую народность. Это выразилось прежде всего в том, что язык кечуа стал общим для преобладающего большинства индейцев области центральных Анд. Из четырех главных языковых групп, распространенных в государстве инков, от языка мочика в настоящее время не осталось и следов. На языке пукина в 1930-х годах говорило лишь несколько сот человек племен уру и чипайя на побережье оз. Титикака (Перу — Боливия). В районе того же озера продолжает господствовать язык аймара. В Эквадоре с XVIII в. старые диалекты стали отмирать, уступая языку кечуа. В настоящее время большая часть индейцев Эквадора — около полутора миллионов, принадлежавших в прошлом к десяткам мелких племен, говорит на языке кечуа и по культуре мало отличается от кечуа Перу и Боливии. Уже в начале XX в. кечуа представляли собою преобладающую индейскую народность области Анд.

Современное положение кечуа

Имеющиеся в нашем распоряжении сведения о современном положении народа кечуа скудны и отрывочны. Точных данных о численности индейцев кечуа и не может быть, так как официальная статистика латиноамериканских стран намеренно преуменьшает число индейцев, сохранивших свой язык и культуру. Классификация этнических групп, принятая официальной статистикой, также не отвечает действительному положению вещей; во всяком случае она крайне условна и большей частью произвольна. С одной стороны, к так называемым «метисам» причисляют и индейцев, знающих несколько слов по-испански или имеющих в роду хотя бы «брызги белой крови», а с другой стороны — группы индейцев, говорящих на испанском языке, так называемых *ladinos* или *cholo*, причисляют к «туземцам» по «расовому» или «культурному» признаку, а фактически — по общественному и имущественному положению, т. е. сюда попадают крестьяне.

Сведения о численности индейцев-кечуа не совпадают между собой. Называют различные цифры — от 3,5 до 11 млн. Из сопоставления разных данных можно сделать вывод, что истина лежит где-то посередине, ближе к последней цифре. Сравнение этих цифр с данными относительно этнических групп в других частях американского континента позволяет сделать вывод, что современные кечуа — самый большой и значительный индейский народ.

Кечуа расселены в пяти государствах — Перу, Боливии, Эквадоре, Аргентине и Чили. Политическая граница между этими государствами была установлена безотносительно к расселению кечуа, — так же как и других этнических групп, — рассекая на части народ единого языка и единой культуры.

Данные по демографии кечуа очень неточны. Лучше изучена часть народа, живущая в пределах Перу; относительно Боливии приходится

довольствоваться только общими сведениями; о кечуа Чили и Аргентины данных еще меньше.

По переписи 1940 г., которой никак нельзя доверять полностью, в Перу из населения в возрасте свыше пяти лет на испанском языке говорило 2 443 390 человек, т. е. 46,7%, на кечуа — 1 625 156, или 31,0%, на испанском и кечуа — 816 966, или 15,8%.

Следовательно, даже судя по этим данным, число кечуа, говорящих на родном языке, несколько превышает число перуанцев — креолов (первых 46,8%, вторых 46,7%). Если же учесть, что значительная часть кечуа, особенно в северном Перу, а также в городах побережья, говорит на испанском языке, то преобладание численности кечуа над креолами становится вполне очевидным.

В Перу кечуа составляют большинство населения в центральных и южных департаментах. В Куско на языке кечуа говорит 98% населения, а в Аякучо — 99%. В Боливии кечуа населяют преимущественно департаменты Оруро, Потоси, Кочабамба, а также частично Чукисаку. В Эквадоре основная масса кечуа занимает горный район и частично точный; в Чили и Аргентине — некоторые северные высокогорные пустынные районы.

В целом кечуа составляют основное население нагорья, так называемой Сиерры, и прилежащих долин. В последние десятилетия, в связи с усиливающимся процессом экспроприации общинных земель индейцев, часто при помощи вооруженной силы, кечуа стали переселить в районы тихоокеанского побережья и в джунгли восточных областей.

Основными занятиями кечуа являются земледелие и скотоводство, в меньшей степени — кустарные промыслы и труд в промышленности, главным образом в горнорудной.

В высокогорных районах основными культурными растениями до настоящего времени остаются те, которые были освоены здесь в глубокой древности: картофель, который распространился по всему миру, другие родственные картофелю клубнеплоды — ока, ульюка, а также зерновые типа проса — киноа и каньяуа. В долинах с умеренным климатом выращивают кукурузу, ячмень и пшеницу; на побережье — хлопок и недавно введенные тропические культуры, как какао, кофе, ананасы, цитрусовые.

В прибрежной полосе господствуют монопольные компании, эксплуатирующие кечуа в плантационных хозяйствах. Что касается крестьянского хозяйства в горных районах и в прилегающих к ним долинах, то, несмотря на огромное количество затрачиваемого труда, крестьяне получают хороших урожаев. Лучшие земли захвачены помещиками, которые владеют подавляющей частью годной к обработке земли. На долю крестьян остаются небольшие участки неплодородной и к тому же истощенной вследствие отсутствия удобрения земли. Отсталая техника и примитивный севооборот, лоскутность участков и чересполосица при малоземелье сокращают урожаи до самых низких пределов. Техника ведения сельского хозяйства у крестьян кечуа осталась во многом такой же примитивной, какой она была в XVI в. Правда, в долинах практикуется пахота на быках, но перуанский плуг — деревянный и самой первобытной формы. В высокогорных районах тягловая сила не применяется. Современный крестьянин кечуа употребляет для обработки земли орудия того же архаического типа, что и применявшиеся во времена инков. Основным орудием является так называемая «чакитакля». Это узкая лопата с поперечным выступом. Единственной данью современности является замена прежнего деревянного или бронзового лезвия железным. Для своего

времени изобретение чакитакльи, с ее выступом для упора ноги, облегчающим вскапывание, было значительным достижением. Сохранился же ее в качестве основного орудия до настоящего времени свидетельствует о крайней отсталости крестьянского хозяйства Эквадора, Перу и Боливии (рис. 46).

Индейцы употребляют еще несколько орудий: «таклью» — мотыгу с железным лезвием, насаженным на палку с развилкой; дубишку для разбивания комьев земли с каменным или железным наконечником; палку для молотбы и серу.

Кечуа работают на пашне обычно группами по три человека, из которых двое (мужчины) поднимают грунт чакитакльей, а третий (женщина или мальчик) идет следом и разбивает выворачиваемые комья земли. Пропедея несколько продольных рядов, вскапывают землю поперек. Перекрепление борозд играет значительную роль на горных склонах, где этот прием помогает задерживать дождевые потоки.

В долинах и по берегам рек влаги достаточно, но на склонах гор и на плоскогорье требуется искусственное орошение. Кечуа применяют ирригацию в простейшей, известной со времен инков форме, в сочетании с террасовым расположением полей уступами по склонам гор. Каждая община прорывает узкую канаву от реки. За время сухого сезона канавы высыхают и почти сравняются с окружающим грунтом, так что работу приходится возобновлять. Помещики-креолы располагают большими возможностями, так как они в основном захватили территории, более близко расположенные к реке. Они пользуются также и более совершенной техникой и большим количеством рабочей силы. В некоторых случаях владельцы асьенд (поместий) даже поворачивают русла рек в нужном им направлении. Воды нехватает. Во всех странах Андского нагорья идет непрерывная борьба за воду, чаще всего между общиной и помещиком, и последний всегда оказывается победителем, так как ему помогают власти.

Животноводство, также имеющее в андских странах давнюю историю, играет большую роль в горных районах. Лама служит как вьючное животное, дает шерсть и мясо; навоз используется в качестве удобрения; он служит и топливом, так как в высокогорных районах другого топлива вообще нет. Альпака и вигонь, дававшие превосходную шерсть для ткачества, теперь вымирают. Шкуры для получения шерсти разносят овец, привезенных сюда испанцами. Но овцы в крестьянских хозяйствах малы и истощены, шерсть обычно низкосортная.

У кечуа до настоящего времени значительно развиты ремесла: прядение, ткачество шерсти и хлопка, окраска пряжи и тканей, керамика, резьба по дереву, изготовление серебряных и медных украшений, плетение циновки и веревок, изготовление лодок и мебели из камыша, выделывание фетровых шляп и плетение шляп типа «панамы» (рис. 47); эти шляпы производятся не в Панаме, а преимущественно в Эквадоре). Уровень техники этих производств мало отличается от того, каким он был во времена инков. Вследствие отсутствия средств на покупку машин большей частью применяются самые примитивные приспособления и инструменты собственного изготовления. По разнообразию видов, богатству орнамента и тонкости отделки тканей, керамика и ювелирные работы современных кечуа стоят ниже, чем памятники эпохи инков. Но им также присущи художественные, хотя и простые формы, гармонические сочетания темных и ярких тонов, самобытный орнамент.

Наиболее значительной отраслью народного производства кечуа является ткачество. В высокогорных районах ткуют из шерсти, на побе-

режье — из хлопка. И шерсть и хлопок прядут на веретене с деревянным или керамическим пряслицем. Придут все: мужчины, женщины, дети. Женщины прядут все время, когда они не заняты другой работой, и даже на ходу, держа за поясом деревянную рогульку с клокком шерсти на ее рогах, пользуясь длинным, пестро раскрашенным веретенном. Пряжа окрашивается до тканья. Применение растительных и минеральных красок сохранилось лишь в немногих отдаленных горных районах. Теперь повсеместно распространены анилиновые красители.

Ткут главным образом мужчины. Существует несколько типов местных примитивных станков. Наиболее распространены горизонтальный станок с кольщиками и станок с приводным ремнем. На особых маленьких станочках ткут тесьму шириной в 2 см, которую употребляют в качестве каймы для рубашек, юбок и пончо. Для пончо изготовляют очень плотную ткань темных тонов; излюбленный орнамент ткани — полосы, треугольнички, шашки. Пончо из шерсти вигони не окрашивают. Шали для женщин изготовляют обычно натуральных оттенков или с тканым орнаментом в полоску, в шашку.

Почти все крестьяне кечуа ткут и для собственных нужд и на продажу. Однако в большинстве общин имеются известные своим ткачеством и крашением мастера, которые отдают производству большую часть своего времени. Есть особенно искусные пряжи. Многие ткачи славятся красивым орнаментом изготовляемых ими пончо.

Прекрасное керамическое искусство древних инков пришло в упадок в колониальный период. В настоящее время керамика кечуа имеет сравнительно простые, но вместе с тем художественные формы. Ассортимент изделий довольно обширен: блюда, тарелки, миски, чашки, большие и малые кувшины и другие сосуды. В Перу до 98% употребляемой посуды вырабатывают кечуа. Они изготовляют также статуэтки — изображения людей и животных. Большинство гончаров — мужчины. Посуду лепят без гончарного круга, начав с плоского или сферического дна и возводя стенки налепом, концентрическими лентами. При помощи скребков, лопатки и мокрой ткани сглаживают поверхность стенок. После сушки на стенках выгравировывают контуры, по которым наносят красочный орнамент. В южном и центральном Перу излюбленные тона — красный и оранжевый с белым. Часть посуды вообще не раскрашивают. Обжиг производят

Рис. 46. Индеец-кечуа обрабатывает поле чакитакльей

и специальных печах, а в горных районах — на очагах, растапливаемых навозом.

Гончарное производство локализовано; в каждом департаменте — свои центры керамики, обычно связанные с месторождениями глин.

У кечуа в значительной мере сохранилась национальная одежда, в особенности женская. Женщины надевают поверх рубашки несколько широких и длинных юбок, одна короче другой, так что яркая кайма нижней

Рис. 47. Изготовление плетских шляп — один из промыслов индейцев-кечуа

юбки видна из-под надетой сверху. Большую роль в женском costume играет шаль. Кроме своего прямого назначения, она, будучи подвернута у поясицы, превращается в заплечный мешок, в котором женщина носит ребенка, а также и тяжести. Основной верхней одеждой мужчин кечуа служит пончо, которое в сельских местностях носят также и земледельцы-креолы. Пончо представляет собой плащ, сделанный из двух прямоугольных полотнищ тяжелой шерсти. Полотнища сшивают вдоль; посередине остается отверстие, через которое пончо надевают. Полотнища свободно падают с плеч. В теплую погоду пончо складывают вдоль и носят на плече в виде пледа (рис. 48).

Селения кечуа бывают и кучевого типа и широко раскинутые, состоящие из хуторов. Во всех случаях центром селения служит базарная площадь, окруженная несколькими общественными строениями, среди которых — церковь или часовня, лавки, таверны.

В селениях и небольших городах кечуа живут в домах того же типа, который был распространен до испанского завоевания: это прямоугольное в плане здание из сырцового кирпича, крытое соломой или черепицей.

как правило, однокамерное, даже у зажиточных. Жилище большей частью не отапливается. Кухней служит маленькая пристройка, где помещается глиняный очаг.

Подавляющая масса кечуа — крестьяне и сельский пролетариат. Лишь сравнительно небольшая часть кечуа занята в промышленности, однако и рабочие часто сохраняют связь с деревней.

Война за независимость и установление буржуазно-республиканского правления почти не отразились на положении индейско-крестьян. Большинство их осталось попрежнему приписанным к крупным землевладениям или предприятиям, по соседству с которыми они были насильственно подворены на жительство. Однако примерно третья часть кечуа, главным образом жителей горных и прилежащих к ним районов, сохранила свои земли и свое исконное общественное устройство — общину.

По неточным данным 1920-х годов, в Перу около 30 % индейцев жили еще общинами. Несмотря на все увеличивающийся нажим со стороны помещиков и владельцев плантаций, к 1929 г. до 25 % земли горных районов оставалось в руках общин.

Община в андских странах — пережиток основной общественной единицы государства инков. Древний термин «айлью» (ayllu) теперь употребляется редко, он заменен названием испанского происхождения — «комунитад» (comunidad).

Исследователь Кастро Посо указал на существование в Перу в 1920-х годах общин, члены которых носили одинаковые фамилии¹. Однако уже со времен инков у кечуа оформилась соседская, или сельская, община. Община современных кечуа всегда состоит по крайней мере из нескольких разросшихся семей, каждая из которых ведет свое особое происхождение, несмотря на то, что они долго жили в близком соседстве.

Места расположения, а также и названия многих общин восходят к доколумбовым временам. Другие образовались уже во времена колониального захвата, перейдя на новые земли. Наконец, существуют общины, возникшие уже в республиканский период, почти на памяти

Рис. 48. Индеец-кечуа в национальном costume

¹ Данные книги Hildebrando Castro Pozo «Nuestra comunidad indigena» (Lima, 1924) цитируются по статье А. М. Зорипой «Индийская община в Перу» в журн. «Революционный Восток», 1935, № 4.

старейших их членов. Эти последние обычно состоят из остатков нескольких общин, слившихся вместе в стремлении спастись от захватнических действий помещиков. Во многих деревнях кечуа существует основное ядро общинников, считающих себя исконными жителями и владетелями окружающих земель (*originarios*, как они себя называют испанским термином), и семьи, которые рассматриваются как пришельцы, вступившие в общину позже (*agregados*).

Общинные владения состоят из нескольких категорий земель. Основная масса земли находится в пользовании членов общины и подразделяется так: 1) семейные усадьбы, дома и огороды, которые представляют неотчуждаемую собственность общинников; 2) семейные паделы пахотной земли и пастбищ, которые формально подлежат разделу; 3) «Земли святого патрона». Вторая часть земли общины предназначена для того, чтобы снятым с нее урожаем выплачивать налоги. Урожай с третьей части идет на содержание церкви или часовни и причта.

Вся пахотная земля общины разделяется, по пригодности к обработке, плодородию и местоположению, на секторы, так называемые «суэрте» (*suerte*). Один из таких секторов включает земли в пампе (на равнине), другой — по горным склонам, третий — по берегу реки и т. п. Каждое суэрте подразделяется на мелкие участки, наделы общинников¹. В центральном Перу средний надел общинника состоит из шести участков: четыре в пампе и два по горному склону.

Точных и полных сведений о размерах владений членов общины не имеется. По некоторым данным, в 1940 г. в долине Куско землевладение общинника кечуа в среднем состояло из одной туцу (размером 40 × 80 м) земли под кукурузой, одной — под картофелем и одной трети — под пшеницей.

Основной принцип общинного землевладения — раздел земли — в настоящее время фактически уже не применяется. Все земли общин закреплены за отдельными владельцами — семьями. Отличие от частной собственности состоит лишь в том, что эти земли неотчуждаемы; по установившимся обычаям владельцы не имеют права их продавать. Пережитком существовавшего в прошлом ежегодного распределения наделов остается церемония, называемая по-испански «распределение» (*repartición*). Эта церемония совершается ежегодно весной губернатором округа и обставлена очень торжественно, согласно установившейся традиции. По существу она теперь представляет собой лишь подтверждение губернатором округа границ закрепленных за крестьянами участков. Момент, когда называют ими владельца и проводят черту вдоль его участка, считается подходящим для оспаривания границ, если существует недоразумение между соседями. Ввиду крайнего малоземелья возникают споры даже из-за каждого метра.

Что касается участков, предназначенных для податных нужд, то ими распоряжаются старшины, которые или сдают их в аренду с аукциона, или нанимают батраков для их обработки и сбора урожая. Доход с продажи урожая идет на уплату налогов. Церковные участки обрабатываются несколькими назначенными общиной крестьянами. Они должны собрать урожай и приготовить угощение причту и мирянам в престольный праздник святого-патрона.

В общинах кечуа существуют две формы организации коллективного труда: 1) мингай (или мингас) — общественные работы на нужды общины,

¹ Здесь — прямая аналогия с русским общинным землевладением, при котором в каждом «клину» нарезались полосы-наделы крестьянских дворов.

а также совместная отработка повинностей по требованию властей округа; 2) трудовая взаимопомощь общинников.

Мингас представляет собой одну из форм колониальной эксплуатации, так как работы по осушению болот, поддержанию дорог, возведению мостов и т. п. возлагаются только на индейцев. Участие в них обязательно для всех общинников; на практике зажиточные крестьяне в большинстве случаев откупаются от мингас денежными взносами или панимают вместо себя бедняков.

Взаимопомощь общинников практикуется главным образом при сборе урожая. Каждый член общины принадлежит к определенной рабочей группе — так называемой «маса», состоящей из трех человек. По окончании работ в данном хозяйстве владелец последнего работает на участках помогавших ему соседей. Взаимопомощь не ограничивается полевыми работами. В пастьбе скота проводится та же организация. Если владелец стада, его жена и дети заняты работой на своем участке, то скот поручается кому-либо из соседских детей или старух. Помощь возмещается также пастьбой или некоторым количеством шерсти, в последнее время — деньгами. Женщины помогают друг другу в домашней работе на тех же основаниях. Даже дети, пасущие скот, практикуют взаимопомощь.

Организация взаимопомощи проста, когда у всех участников рабочей группы маса приблизительно одинаковые земельные наделы.

На практике, вследствие все растущего расслоения и вытекающего отсюда различия в количестве и качестве земли и скота, патриархальная организация взаимопомощи дополняется оплатой труда продуктами или деньгами, а то и уступает ей место. По организации рабочих групп маса попрежнему основывается на традиционных принципах родственных связей и соседства. Этим пользуются более зажиточные общинники, эксплуатируя своих сородичей и соседей¹.

Сохранившиеся до настоящего времени общины не однородны. В высокогорных районах встречаются такие общины, в которых вся масса общинников живет в крайней нищете, эксплуатируемая крупными землевладельцами и скушниками. Фактически такая община превращается в коллектив батраков, главным образом пастухов. Однако в большей части общин имеется зажиточная и влиятельная группа семей, которые используют свое положение членов общины для эксплуатации бедноты. В сельскохозяйственных и скотоводческих общинах южной части Сьерры (горной области Перу) в 1920-е годы встречались отдельные общины, которые владели стадами лам, альпака и овец в 5—6 тыс. голов. Они использовали наемный труд в прикрытой форме соседской помощи. В средней общине центрального Перу в 1940-х годах только 20% семейств могли продавать излишки, вывозя их на рынок. Половина членов общины с трудом поддерживает существование. Наконец, 30% не могут собрать урожай, достаточный хотя бы для того, чтобы удовлетворить собственные потребности, и принуждены покидать свои хозяйства в поисках дополнительного заработка. В настоящее время расслоение общины пошло еще дальше. Богатые крестьяне не работают на землях других общинников; за труд работающих на них бедняков они расщлачиваются угощением, что обходится дешевле оплаты деньгами. Фактически часть беднякой-общинников переходит на положение батраков, работая под видом родственников и соседей.

¹ Bernard Mishkin. The contemporary Quechua. «Handbook of South American Indians», v. 2. Washington, 1946, стр. 411—470.

Родовитые и зажиточные общинники обычно живут в лучшей части деревни, бедняки — на худших землях. Представители привилегированных семей занимают общественные должности; из поколения в поколение из них выбирают старшин. Кулаки наживаются на сбыте зерна, овощей, мяса и шерсти в города. Из этой же зажиточной верхушки общинников выходит скупщики, наживающиеся на разнице цен на сельскохозяйственные продукты между горными районами и городами побережья.

Для управления общиной выбираются старшина и несколько (4—6) помощников. В Перу они называются варайоки (*varayoc*), т. е. носители жезла — «вара»¹, регалии индейских должностных лиц. Старшина носит испанское звание алькальда, его помощники называются альгвасилами и рехидорами. Институт варайоков приобрел современный вид в XIX в. В период феодально-крепостнической эксплуатации часть индейцев находилась под управлением королевских чиновников-коррехидоров; другой части, крестьянам, приписанным к определенным округам, — энкомьендам, разрешалось выбирать своих старшин — касиков, но последние подчинились «пошечителям» — энкомьендерос. В республиканский период буржуазные правительства Перу, Боливии и Эквадора поставили себе на службу традиционный институт старшин, присвоив им испанские чины. Должности алькальда и его помощников — выборные, сроком на год, но чаще старшины остаются на своих постах по многу лет, или даже пожизненно. Нового старшину выбирают взрослые члены общины на своем собрании, в котором активно участвуют и женщины. В большинстве случаев выбор заранее определен. Претендент намечается наиболее влиятельными общинниками из числа немногих, самых значительных членов, большей частью из старых родовитых семейств. Выборы алькальда утверждаются губернатором округа, после чего новый старшина называет имена помощников, выбранных на собрании. Символический атрибут власти старшины — вара — представляет собою трость с утолщенной рукояткой и суживающимся острым концом. Верхняя часть украшается серебряной насечкой, изображениями святых на серебре. К рукояти на цепочках подвешиваются медальоны и ладанки с реликвиями. Последние, несомненно, представляют видоизменение древних культовых предметов.

Старшины распоряжаются хозяйственной жизнью общины, распределяют людей на общественные работы, организуют аренду и наем рабочей силы, продажу урожая и взнос налогов. Они имеют право разрешать внутриобщинные споры и семейные тяжбы. В своей деятельности они выполняют фактически предписания губернатора округа. Местные власти стремятся к тому, чтобы старшины были верными исполнителями их приказаний и служили интересам помещичье-буржуазного правительства.

Община кечуа — архаический пережиток, оставшийся со времен государства инков, но ее роль в новых исторических условиях оказалась совсем иной и очень важной. Более столетия общины кечуа боролись с наступлением крупных помещиков, захватывавших их земли. Несмотря на все усиливающееся расслоение внутри общины, членов ее до последнего времени связывает чувство солидарности в борьбе против врагов — помещиков, использующих в своих интересах чиновников буржуазно-помещичьего правительства. В защите земли и независимости общины кечуа проявили отчаянное упорство и беззаветную отвагу. История Перу за последний век полна примеров борьбы

¹ *vara* — по-испански трость, палка, жезл.

крестьян кечуа за свои общинные и национальные права. В последние десятилетия борьба стала еще более жестокой, так как все труднее становится общинам обороняться против натиска плантационных хозяйств североамериканских монополий, углубляющего распад общины во всех андских странах. В своей борьбе за национальную независимость и сохранение земель индейцы и сейчас используют традиционные формы общинных связей.

В условиях капитализма кечуанская община является той жизненной формой сельскохозяйственной кооперации, которая помогает сплочению индейских крестьянских масс в их борьбе за свои права¹. В защите своей земли и своих общин крестьяне-кечуа многократно проявляли отвагу и отчаянное упорство. История Перу за последние столетия полна примеров борьбы кечуанских общин за право жить и трудиться на своей земле.

Эксплуатация крестьян на помещичьих землях в андских странах носит полуфеодалный или даже феодальный характер. Большая часть крестьян-кечуа с распадом общин переходит в крупные поместья — асьенды, где они батрачат или становятся издольщиками.

Кечуа, идущие на работу в асьенды, попадают в сложную систему зависимости. Те, которые имеют деньги, чтобы арендовать участок земли, еще сохраняют видимость самостоятельности. В Перу такие мелкие арендаторы называются «янакона», в Эквадоре — «уаси пунгеро». Но точно фиксированная арендная плата очень редко устанавливается в андских странах, разве только для белых или метисов. Для индейцев арендный договор большей частью заключается таким образом, что условия контракта устанавливаются устно и возобновляются каждый год. Вместо денежной платы за землю арендаторы обязаны отрабатывать на помещичьей земле, — на деле это та же барщина.

В большинстве случаев арендатор полностью подчинен производству помещика. Он обязан работать в асьенде столько, сколько понадобится помещику, т. е. в течение всего периода сельскохозяйственных работ. Во многих округах устанавливается еще дополнительная повинность: кроме работ в асьенде, арендаторы обязаны доставить собранный урожай в городской дом землевладельца, иногда километров за 100 от имения. В других случаях арендаторы обязуются доставлять этот урожай на рынок; груз большей частью приходится переносить на себе, так как у многих арендаторов нет лам. Кроме того, янаконаж включает обслуживание помещика домашней прислугой как в асьенде, так и в городском доме. Эти обязанности выполняют главным образом жены и дочери янаконов.

В некоторых случаях устанавливается время для выполнения арендатором повинностей — определенное число дней. Но и здесь царит произвол землевладельца, потому что он, конечно, выбирает наиболее нужные для сельского хозяйства дни. Крестьянину для работы на своем участке остаются последние дни в сезоне, когда уже поздно произвести посадку или посев, погода портится и может повредить урожаю.

Существует еще вид аренды, называемый «компания». Арендатор обязан удобрить землю помещика и обработать ее своими орудиями, оросить участок, засеять, собрать урожай и свыше 50% его отдать помещику. Это фактически издольщина. Издольщик, называемый в Эквадоре «партидарито», принужден отдавать землевладельцу половину своего урожая, что сводит к минимуму доход с арендуемого участка.

¹ Ср. У. Фостер. Ук. соч., стр. 440.

Беднейшие крестьяне не в состоянии арендовать клочок земли даже на таких тяжелых условиях. Они поступают в батраки. Но заработная плата выплачивается лишь раз в год, с большим опозданием. Из нее вычитается плата за выпас скота на земле хозяина и делаются другие подобные вычеты: за пронажу скота (у пастухов), за поправу хозяйских посевов. Фактически крупные землевладельцы вообще ничего не платят своим батракам. При системе первовочной контракции и выдачи большей части заработной платы богами в помещичью лавку, батрак входит в неплатные долги и превращается в долгового раба — пеона. Он не только безвозмездно работает сам, но еще оказывается принужденным в счет возрастающего долга отдать свою жену или дочь в работницы (уашгас) помещику. Часто женщины служат до старости, так и не выплатив долга мужа или отца, который давно умер. Система уамрас применяется не только в глухих горных районах, но и на побережье. Власть узаконили это фактическое рабство. В случае если женщина пытается уйти из поместья, полиция водворяет ее обратно как беглую рабыню. Пеоны и янаконы фактически настолько закабалены, что становятся почти собственностью помещика. Они не могут уже переходить из поместья в поместье, они опутаны долгами и прикреплены к земле. Когда в современных газетах андских стран помещаются обвинения о продаже поместий, то, кроме размеров владений, указывается численность янаконов и пеонов; последняя определяет ценность имения даже в большей степени, чем остальные данные.

В городах и промышленных центрах в рядах квалифицированного индустриального пролетариата до настоящего времени мало индейцев. Это объясняется расовой дискриминацией, хотя официально не узаконенной, но существующей во всех странах американского континента.

Еще со времени испанского завоевания кечуа эксплуатировались в промышленности. В первый период колониальной экспансии рудники и текстильные мастерские были основаны на принудительном труде. На добыче серебра, золота, олова и других ценных руд, а также в городских промышленных предприятиях, в нечеловечески тяжелых условиях работали исключительно индейцы, в подавляющем большинстве кечуа. В республиканский период трудовая повинность, мита, была отменена, но это не улучшало положение народа. Захват общинных земель и усиление эксплуатации крестьян-индейцев гнали последних в город и на прииски, в рудники и шахты с неменьшей неотвратимостью, чем закон о принудительном труде. В последние десятилетия вторжение североамериканских монополий и организация крупных плантационных и скотоводческих хозяйств, разорил крестьян и мелких фермеров, все больше заставляя их искать заработка за пределами родных земель и соседних асьенд. Переселение кечуа из высокогорных и прилежащих к ним сельскохозяйственных районов идет с возрастающей быстротой. Часть здоровой мужской молодежи устремляется на оловянные рудники в Потоси, Оруро и Ла-Пас (Боливия). По приблизительным данным, в начале 1930-х годов численность индейского горнопромышленного пролетариата в Боливии достигала 20 тыс. человек. К концу 30-х годов она уже возросла до 30 тыс. Что же касается Перу, то там в начале 30-х годов общая численность горнопромышленного пролетариата равнялась 40 % всего рабочего класса страны, причем преобладающую его часть — около 80 % — составляли индейцы.

Как на рудниках и шахтах, так и в городских индустриальных предприятиях индейцы получают более низкую заработную плату, чем креолы. Индейцев принимают почти исключительно на тяжелую физическую

работу, им не дают возможности квалифицироваться. В основной своей массе индейцы — жители городов — являются чернорабочими, грузчиками или рабочими мелких кустарных мастерских. Небольшие заработки едва дают им возможность с трудом поддерживать существование. Лишь очень немногие, как исключение, возвращаются на родину для того, чтобы обзавестись хозяйством на скопленные сбережения. Часть молодежи, соблазненная посулами вербовщиков, заключает контракты на работу в восточных джунглях, главным образом по сбору каучука или коки на плантациях побережья. Работающие здесь становятся пожизненными должниками компаний и теряют надежду возвратиться домой. Непривычные климатические условия, малярия, а главное — жестокий гнет монополистических компаний ведут к массовым заболеваниям, потере трудоспособности и высокой смертности законтрактованных.

Кроме этой миграции постоянного характера, имеет место уход части крестьян-кечуа на временные заработки. Значительный процент перуанского пролетариата состоит из общинников-отходников, продолжающих сохранять связь с сельским хозяйством. На время сбора урожая они возвращаются домой. В тезисах к учредительной конференции Латиноамериканского объединения профсоюзов в 1929 г. констатировалось: «Развитие горной промышленности привело в последнее время к росту применения туземной рабочей силы и в горном деле, но часть этих рабочих — индейцы-общинники, — продолжает оставаться в земледелии; большую часть года они проводят на рудниках, а на сезон сельскохозяйственных работ возвращаются к себе и работают на своих маленьких участках, которые недостаточны для того, чтобы их прокормить».

В некоторых районах отходничество приобретает массовый характер. Многие крестьяне-кечуа северного Перу в октябре и ноябре, центрального — в августе, южного — в ноябре оставляют свои хозяйства для работы в городах побережья. Целые общины снимаются с места в поисках заработка, оставляя хозяйство на попечение стариков и детей. Небольшие деньги, заработанные на временных работах, лишь в очень незначительной степени помогают крестьянам-кечуа сводить концы с концами в сельском хозяйстве, которое все меньше себя оправдывает.

Духовная культура кечуа

Язык кечуа хотя и подразделяется на диалекты, но является единым, общим для всего народа. Диалектологические различия не велики и не мешают взаимному пониманию. Язык кечуа имеет много терминов для обозначения отвлеченных понятий, богат синонимами; он позволяет выразить и философские идеи и тонкие оттенки чувств. В настоящее время в нем много испанских слов. В испанском языке андских стран, в свою очередь, много слов, заимствованных из языка кечуа.

Современные кечуа пользуются латинизированным алфавитом, выработанным в колониальный период. Основная масса кечуа в условиях капиталистической действительности лишена возможности учиться грамоте ни на своем, ни на испанском языке. По данным 1940 г., в горной области Сиерре среди детей школьного возраста неграмотных насчитывалось 76,39%. В среднем по Перу число грамотных кечуа едва достигает 25%.

Литература кечуа развивалась своеобразно, в соответствии с особыми условиями исторического развития народа. Широкое распространение имеет устное народное творчество. Особого внимания заслуживают исполняемые песнями и сказителями народные предания о доиспанских време-

нах, о войне с завоевателями, о героях народных восстаний. Английский путешественник Стивенсон в 1806 г. был зрителем исполнявшейся индейцами-кечуа на их родном языке народной драмы, в которой изображалось итормжение испанских захватчиков, их насилии, пленение ими и умерщвление последнего «Великого Инки» Атауальпы¹.

Часть фольклора кечуа была записана латинизированным алфавитом образованными индейцами и миссионерами. Так была записана впервые в XVII в. упоминавшаяся выше народная драма «Ольинтай». Это произведение народного творчества походит к временам инков. В нем воспеваются героические подвиги вождя кечуа, восставшего против верховного правителя инков. В драме, очевидно, нашли художественное отражение события и представления периода формирования государства инков — борьба отдельных племен против подчинения их централизованной власти инкской деспотии. Однако в период колониального гнета кечуа переосмыслили старое содержание древнего сказания. Ужасы испанской колонизации вытеснили из сознания народа представления об инках как о притеснителях. Герои драмы «Ольинтай» и герои других подобных произведений воспринимались как борцы за свободу и независимость народа, их подвиги вдохновляли слушателей и зрителей на борьбу с испанскими захватчиками. Именно поэтому народные драмы были запрещены во время восстания 1780-х годов. Но, вопреки запрету, эти произведения народного творчества продолжали играть большую роль в духовной жизни кечуа, в формировании единого народного самосознания и общей культуры.

Драматургия на языке кечуа особенно развилась в последние десятилетия. Появились драмы и комедии, исполнение которых пользуется большим успехом среди широких масс, особенно вследствие неграмотности большей части кечуа. Из этих произведений особый интерес представляют драмы исторического содержания, повествующие о борьбе с испанскими захватчиками. Таковы драмы «Манко II» (о восстании против Писарро), «Атауальпа» и др. Драмы и комедии представляются как любителями, так и профессиональными актерами. Одна из профессиональных театральных трупп образовалась в г. Пуно (Перу) в конце 1920-х годов. Этот театр с успехом ставил пьесы молодых кечуанских авторов и организовывал гастроли за пределами страны².

Фольклор современных кечуа имеет форму песен, сказок и прибауток, загадок и пословиц, а также сказок нравоучительно-юмористического и фантастического содержания. Героями последних выступают горные духи, которым служат пумы и кондоры, а также духи болезней и злокозненные колдуны-оборотни.

Наряду с литературой большую роль в жизни кечуа играет музыка, а также пляска.

Народные празднества в деревнях и городах, на которые сходятся кечуа из окрестных районов, в современных условиях являются наиболее ярким проявлением самобытной культуры кечуа, которая не находит сейчас других возможностей претворения в жизнь. Красочные, гармонически сочетающиеся топа одежды крестьян и нарядов танцоров, полные жизни и огня сольные и коллективные пляски, яркая народная музыка, веселые, часто юмористические песни и прибаутки, полные удали и отваги

¹ В. Мирожевский. Освободительное движение в американских колониях Испании. М.—Л., 1946, стр. 51.

² «Un drama indigena», журн. «Amauta», Lima, 1927, № 12; «Tucupae mupascan», comedia quechua, там же, 1928, № 14.

игры и состязания юношей, — все это дышит самобытностью и убедительно заявляет о своих правах на жизнь.

Соприкасаясь на плантациях побережья и особенно в городах со смешанным населением — с креолами, неграми и азиатскими иммигрантами, многие из кечуа перестают носить национальный костюм, забывают свой язык и говорят по-испански, отвыкают от старинных обычаев, национальной пищи. Но в массе своей народ кечуа сохраняет яркую национальную культуру, свидетельствующую о силе и жизнеспособности породившего ее народа, о возможностях дальнейшего его развития.

Национально-освободительное движение кечуа

Национальный вопрос, проблема формирования наций и взаимоотношений отдельных народностей стоит очень остро в андских странах. Буржуазные ученые и политики стран Латинской Америки большей частью рассматривают индейцев как остатки древнего населения, не играющие в современности никакой роли. Однако развитие национально-освободительного движения в андских странах заставило их господствующие круги считаться с индейцами как с живой реальностью.

В 1920—1930 гг. среди перуанской и боливийской либеральной буржуазной интеллигенции возникло движение в защиту интересов индейцев. Считалось, что помощь индейцам следует оказывать в форме распространения среди них «благ культуры». Среди молодежи были энтузиасты-учителя, посвящавшие свое отпускное время обучению детей кечуа и аймара на родном языке, врачи, организовавшие медицинскую помощь в отдаленных горных районах, агрономы, стремившиеся внедрить новые способы ведения сельского хозяйства¹. Доктора говорили, что главное — это гигиена, учителя — что спасение и грамоте, агрономы предлагали новые культурные культуры, а крестьяне-кечуа, слушая их, думали о том, как просуществовать ближайшее время, как распределять скудный урожай, снятый с клочка земли, чтобы прокормить семью и выплатить срочные взносы помещику и налоги в казну. Разумеется, эта просветительская деятельность интеллигентно-одиночек не могла помочь индейцам.

Начиная со времени вторжения испанских захватчиков в Америку, индейцы всегда представляли основную массу трудящегося, эксплуатируемого населения андских стран. Крестьянство, сельскохозяйственный и горнопромышленный пролетариат Перу, Боливии и Эквадора в преобладающем большинстве состоят из индейцев-кечуа. Господствующие классы, помещики и торговая буржуазия, — это главным образом креолы, часть торговой буржуазии — метисы. До настоящего времени индейцы платят особый налог, который был введен испанскими завоевателями в те времена, когда андские страны были колониями.

Индейцев не берут ни на какую квалифицированную работу, не дают им возможности приобрести техническую специальность; им остаются самые тяжелые формы физического труда, самое униженное положение. Например, вся прислуга в андских странах — индейцы, в основном кечуа, главным образом женщины. Дети служаков с 4—5 лет также начинают прислуживать и фактически превращаются в домашних рабов. Если служанка по каким-нибудь причинам уходит от хозяев, то ее ребенок, родившийся в доме, обычно остается служить хозяевам: он

¹ Lilo Linke. Andean Adventure. A social and political study of Colombia, Ecuador, Bolivia, Peru. London, 1945.

считается как бы принадлежностью дома, да и мать не в состоянии прокормить детей сама и поневоле расстается с ними¹. Не только в доме, но и на улице индеец должен всегда помнить о своем подчиненном положении: при встрече с креолом индеец обязан отойти в сторону, уступить дорогу. Не редкость и применение белыми хозяевами и надсмотрщиками к индейцам — рабочим и батракам — физических наказаний.

Переплетение классовых и расово-национальных моментов угнетения констатируется деятелями демократического движения индейских трудящихся масс андских стран.

Так, секретарь федерации профессиональных союзов сельскохозяйственных рабочих-индейцев Эквадора признает, что в борьбе за права индейцев до настоящего времени «не было уделено достаточного внимания тому факту, что социальные требования очень тесно связаны с национальными»².

Несмотря на наличие общего языка, этнической территории и единой своеобразной культуры, консолидации кечуа в нацию препятствует ряд исторически сложившихся условий. Андские страны, в которых расселены кечуа, представляют собой капиталистические государства с сильными пережитками феодализма, которые «политически, формально самостоятельны, на деле же опутаны сетями финансовой и дипломатической зависимости»³. С начала своего самостоятельного существования они были ареной борьбы между иностранными капиталистическими державами. За проникновение в эти страны боролись главным образом Англия, Германия и США. После второй мировой войны ключевые позиции в экономике андских стран захватил североамериканский империализм. Иностранное засилье в экономике и политике препятствует созданию обрабатывающей промышленности, удерживает андские страны на положении сырьевых баз. Местная буржуазия остается немногочисленной и сравнительно слабой, она вкладывает свои капиталы главным образом в экспортную торговлю. В основном это буржуазия комрадорского типа, только немногие крупные землевладельцы сохранили в своих поместьях месторождения ценных ископаемых.

Развитие сельского хозяйства андских стран направлено на выращивание экспортных культур. Плантационные хозяйства побережья, которые производят на вывоз хлопок, сахарный тростник, цитрусовые, кофе (Перу), какао и другие субтропические культуры (Эквадор), находятся в руках главным образом американских монополистических компаний. Они устанавливают экспортные цены, а также цены на рис, потребляемый внутри Перу. Мелкие крестьянские хозяйства кечуа с трудом сподяют концы с концами, продавая часть своего урожая картофеля и зерна, чтобы удовлетворить минимальные потребности и выслать налоги. Американские компании организуют и большие овцеводческие хозяйства в горных районах, завозят породистых производителей, устанавливают свои цены на экспортную шерсть. Крестьянские кечуанские хозяйства не могут конкурировать в сбыте шерсти ни с иностранными компаниями, ни с помещичьими асьендами. Вследствие этих причин торговля сельскохозяйственными продуктами в андских странах мало развита и ограничена пределами района. Фактически ни в одной из этих стран не существу-

¹ Lilo Linke. *Andean Adventure. A social and political study of Colombia, Ecuador, Bolivia, Peru.* London, 1945.

² Модесто Р и в е р а. Трудящиеся индейцы Эквадора отстаивают свое право на хлеб и свободу. Журн. «Всемирное профсоюзное движение», 1951, № 20, стр. 21.

³ В. И. Л е н и н. Империализм, как высшая стадия капитализма. Соч., т. 22, стр. 250.

ет общегосударственного внутреннего рынка сельскохозяйственных продуктов.

Слабое развитие товарооборота в значительной степени определяется и тем, что железнодорожная сеть почти всех андских стран долгое время была ориентирована на подвоз к портам экспортной продукции горной промышленности нагорья и плантаций побережья. Для сообщения между отдельными районами внутри каждой из андских стран и между этими странами служат главным образом пешеходные дороги.

Слабое развитие местной индустрии обуславливает медленный рост промышленного пролетариата. Так как расслоение общин и обезземливание крестьян кечуа заставляет большие группы последних искать работы в городах и на рудниках, то капиталисты, в особенности иностранные монополистические компании, устанавливают крайне низкую заработную плату. Вследствие этого основные массы рабочих на рудниках принуждены поддерживать связь с деревней, чтобы, собрав урожай, прокормить себя и семью. Поэтому рабочие стремятся найти занятия вблизи родных селений или возможно ближе к ним. Медленно идет и процесс образования кечуанской буржуазии. В деревне кулаки, скупщики, торговцы имеют сравнительно небольшие возможности накопления за счет эксплуатации беднейшего крестьянства и батраков. В городах владельцы лавок, таверн и хозяева кустарных мастерских также остаются мелкими буржуа.

Национально-освободительное движение кечуа, основным центром которого является Перу, возникло в конце XIX в. Это движение унаследовало от предыдущих столетий лозунг восстановления инкской «империи», но содержание этого лозунга сильно изменилось. Крестьянские массы, являвшиеся основой народных движений в этот период, связывали с идеей восстановления инкской «империи» возвращение отнятых у них помещиками общинных земель. Жестоким социальным и национальным гнетом давил прежде всего на трудовые массы индейцев — рабочих, крестьян и мелких ремесленников. Они явились основной движущей силой национально-освободительного кечуанского движения; их активное участие в национальной борьбе придает ей силу, размах и решительность, проявившиеся в ходе неоднократных восстаний.

В 1885 г. в округе Уарас департамента Анкачс (Перу) вспыхнуло восстание под предводительством Атуспарии. Кроме крестьян-горцев, пришедших в долину для выполнения принудительных работ и принесших в связках соломы ножи, в восстании участвовали и рудокопы. Кечуа засели в старинной крепости инков Пумакайан, заняли горные проходы, захватили в арсенале крепости ружья, порох и динамит. Против индейцев были направлены правительственные войска. Повстанцы были разбиты и почти все истреблены. Участники восстания проявили беззаветную храбрость и презрение к насильникам. Память об этом восстании до сих пор живет в народе. О вожде восстания Атуспарии и его боевых подвигах сложены легенды и сказки.

Следующее крупное восстание индейцев-кечуа произошло в 1914 г., как и в предыдущий раз, в Перу. Правительство президента Билингерста послало майора перуанской армии Гутьерреса, который, по всей видимости, был выходцем из кечуанской буржуазной семьи (помимо испанского, он носил также кечуанское имя — Румимаки) в качестве своего официального представителя в департамент Пуно. Целью поездки было расследование сложившегося в Пуно положения: недовольство местных индейцев готово было каждую минуту вылиться в народное восстание. Прибыв на место, Румимаки вошел в тесный контакт с индейцами и,

стан во главе поднявшегося восстания, двинулся по направлению к столице, провозгласив себя «спасителем» своего народа.

Тысячи индейцев, присоединившиеся к нему в пути, были плохо вооружены и экипированы, и восстание было потоплено в крови правительственными войсками.

Дальнейшее развитие национального движения происходит в условиях общего кризиса капитализма. Глубокое влияние на подъем этого движения было оказано Великой Октябрьской социалистической революцией в России и расколом мира на две системы. Победа Октябрьской революции распатала в андских, как и во всех колониальных и зависимых странах, устой империализма.

В первые ряды демократического и национально-освободительного движения стран Латинской Америки постепенно выходит рабочий класс. В 1919 г. в Перу возникло мощное стачечное движение рабочих. В качестве основного было выставлено требование введения восьмичасового рабочего дня. Стали создаваться профсоюзы. В 1921 г. в Эквадоре была основана социалистическая партия, которая, после преодоления ею ряда ошибок, в 1928 г. была принята в Коминтерн. Непрерывавшаяся в течение многих десятилетий борьба индейского крестьянства за самоуправление и землю, против захвата общинных земель помещиками приняла такие широкие масштабы, что перуанское правительство вынуждено было в 1919 г. издать закон о закреплении за индейскими общинами права на их земли. Однако закон фактически остался на бумаге, и борьба индейского крестьянства против произвола помещиков и местных властей продолжалась.

Чтобы привлечь на свою сторону кечуанскую буржуазию и интеллигенцию, отколоть их от народного движения и опереться на них, перуанское правительство организовало созыв индейского конгресса.

Решением конгресса был создан Комитет в защиту прав индейцев Тауантинсуйю («четыре связанные друг с другом области» — название государства инков). Комитет не имел никаких политических прав. Революционные элементы были представлены в комитете очень слабо; руководство оказалось в руках реформистски настроенной кечуанской буржуазии и интеллигенции. Все это лишало комитет всякой силы, всякого значения и не могло разрядить атмосферу возмущения политикой правительства.

В 1922 г. крестьяне вновь поднялись на восстание. Один из индейцев принял титул «Великого Инки» — это было последнее крупное восстание под этим лозунгом¹. Особенно большой силы движение достигло в 1923 г. Комитет в защиту прав Тауантинсуйю не поддерживал движения, он выступил с программой мелких реформ; самыми значительными были требования отмены закона о дорожной повинности крестьян-индейцев и отделения церкви от государства. Но, отрываясь от крестьянского движения, Комитет терил основу собственного существования. Подавление восстания дало правительству возможность перейти к политике открытых преследований и репрессий. В 1924 г. были арестованы все революционно настроенные члены Комитета, и в 1927 г. он был разогнан.

Движение 1920-х годов в Перу было крестьянским; кечуанский пролетариат его не возглавил, даже не участвовал в нем. Это определило его неудачу. Последним отзвуком вышеописанных событий было образование в 1927 г. в г. Куско Группы возрождения, носившей черты культурно-просветительской организации. В деятельности группы,

¹ Pedro Y r i g o y e n. El conflicto y el problema indigenas. Lima, 1922.

помимо интеллигенции, принимали участие также индейцы-рабочие. Группа вскоре была разогнана, а ее руководитель арестован.

В годы 1921—1927 завершился первый период национального движения. После этого в национально-освободительную борьбу все более и более интегрируется рабочий класс, в дальнейшем занявший в ней авангардную позицию.

Еще в 1923 г. была создана Региональная индейская рабочая федерация, в основе деятельности которой лежали принципы и методы мелкобуржуазной организации анархо-синдикалистского типа. Руководство федерацией оказалось в руках мелкобуржуазных лидеров. Наиболее революционно настроенные деятели, настаивавшие на защите интересов трудовых масс, — двое индейцев-кечуа — были отправлены в ссылку. В том же году в Перу были организованы крупные антиправительственные выступления, способствовавшие росту организованности рабочего класса.

Нельзя не остановиться на позиции партии АПРА (Народно-революционный американский союз) и ее руководителя де ла Торре. Выступив в 20-х годах нашего века в Перу с широковегательной «антиимпериалистической» программой самой безудержной и беззащитнейшей демагогии и прямого обмана трудовых масс, партия апристов выдвинула, между прочим, ряд лозунгов и по индейскому вопросу. В публичных выступлениях и статьях Торре распиался в своем «сочувствии» и «любви» к индейцам, «проклиная» их угнетателей. Основной лозунг партии АПРА по индейскому вопросу гласил: «Америка для индейцев». Помимо своей абсурдности и несущественности этот лозунг характеризовался тем, что разжигал национальную рознь между индейцами и не-индейцами. На деле индейские массы никогда не получали от апристов существенной поддержки и помощи. Пыле лицо АПРА — агентуры империализма США и злейшего врага всякого революционного и демократического движения — полностью разоблачено прогрессивной общественностью Латинской Америки.

В 1927 г. в Перу было положено начало существования Конфедерации труда.

В 1929 г. была создана Всесоюзная конфедерация труда, объединившая до 50 тыс. рабочих основных отраслей промышленности.

К началу 30-х годов мировой экономической кризис ударил также и по андским странам, где кризис перепроизводства сочетался, как и во всех колониальных и зависимых странах, «с разрушением крестьянского хозяйства, доведенного эксплуатацией феодалов и непосильными налогами до полного истощения»¹. Факторы эти имели революционизирующее значение.

В 1931 г. в Перу вспыхнуло грандиозное восстание кечуа и аймара, поддержанное созданной к тому времени Коммунистической партией Перу.

Первый опыт борьбы в союзе с пролетариатом показал индейцам единственно правильный путь социального и национального освобождения. Позиция перуанской компартии в период восстания завоевала ей небывалый авторитет и популярность среди индейских трудящихся. Это нанесло первый удар по национальной розни между трудящимися Перу, положив начало их сплочению вокруг компартии. На президентских выборах в Перу, происходивших в 1932 г., индеец-коммунист Киспе-и-

¹ И. Сталин. Политический отчет Центрального Комитета XVI съезду ВКП(б). Вопросы ленинизма, изд. 10, стр. 347.

Киспе получил 20% общего числа голосов, несмотря на то, что правительство была аннулирована его кандидатура, несмотря на жестокий террор в отношении избирателей-трудящихся и на устранение от голосования многочисленных масс индейцев, не умевших читать и писать по-испански.

Новый этап национально-освободительного движения кечуа начинается после второй мировой войны, когда основным его содержанием становится борьба, в союзе со всеми прогрессивными силами, за независимость стран Южной Америки от североамериканского империализма и его агентуры в Южной Америке. США выступают в странах андского нагорья, как и в других странах, в качестве жандарма, душителя всякого демократического движения. Происходившие в 1947—1948 гг. восстания рабочих-индейцев, большую часть которых составляли кечуа, были подавлены лишь при помощи военной авиации, полученной боливийским правительством из США. В Вилья-Виктории (Боливия), в мае 1950 г., проходила большая забастовка горняков. Реакционное боливийское правительство и на этот раз не остановилось перед подавлением забастовки силой оружия: против бастующих, их жен и детей были брошены пять пехотных полков, артиллерия и авиация¹.

Большую роль в общем движении трудящихся масс за мир и демократию играет Федерация профсоюзов сельскохозяйственных рабочих-индейцев Эквадора, входящая в Конфедерацию трудящихся Латинской Америки. Федерация издает газету на языке кечуа. В требованиях федерации находит свое выражение неотложные нужды и чаяния крестьян кечуа: установление определенной заработной платы в крупных поместьях, где вообще не выплачивают денег батраку; возвращение земель, отобраанных у общин; освобождение индейцев от налогов, барщины и других несправедливых повинностей. Пытаясь улучшить положение крестьянского хозяйства, в 1945 г. федерация организовала в провинции Котопачи первый кооператив, названный «Тига», владеющий землей и объединяющий около 300 семейств².

«В Эквадоре, как и в большей части стран Латинской Америки, борьба туземцев за осуществление экономических и социальных требований тесно переплетается с борьбой за землю, национальное освобождение, уничтожение всех феодальных и полуфеодальных пережитков, ликвидацию крупных землевладений, передачу земли туземным общинам и крестьянам... Конфедерация трудящихся Эквадора возглавляет борьбу за права и интересы туземных трудящихся. Эта борьба сливается с общей борьбой народа Эквадора за свое социальное и национальное освобождение»³. На конгрессе женщин, созванном в защиту мира в 1949 г. в Москве, представительница Эквадора призвала включиться в борьбу за мир 15 млн. индейских женщин американского континента.

Трудовые массы латиноамериканских стран дают все более сильный отпор наступлению империалистов на их кровные интересы. В андских странах в последние годы наибольшее противодействие натиску капитала оказывают трудящиеся Боливии, где индейцы, главным образом кечуа и аймара, составляют 92% населения. В этом отношении знаменательны события, происходящие с весны 1952 г. Когда реакционные силы Боливии, оплачиваемые капиталистами США, поставили у власти военную хунту во главе с генералом Бальивианом, против его правительства поднялись

¹ В. Боровский. Что происходит в Боливии. «Правда», 29/V 1953.

² Модесто Ривера. Ук. соч., стр. 19.

³ Там же, стр. 22.

широкие народные массы. Движение вылилось в народное восстание. Главной его силой являлись рабочие, особенно горняки, большую часть которых составляли индейцы-кечуа. Боливийская буржуазия, так же как и представители капитала США, испугалась поднявшихся народных масс и вынуждена была отказаться от попыток задержать осуществление обещанных реформ. Состоявшаяся 2 сентября 1952 г. в столице Боливии, Ла-Пасе, многотысячная демонстрация трудящихся и рабочей милиции заставила правительство Пас Эстенсоро принять закон о национализации оловянных рудников трех крупнейших компаний, связанных с капиталом США, — Патиньо, Хохшильда и Арамайо.

Национализация природных богатств в странах Латинской Америки стала одной из форм борьбы зависимых народов против империалистического грабежа.

Профессиональные союзы, которые поддерживает организовавшаяся в 1950 г. Коммунистическая партия Боливии, добились предоставления избирательного права широким народным массам, в том числе индейцам, женщинам, солдатам, независимо от грамотности (неграмотные составляют 80 % населения)¹.

Несмотря на угрозы прямого вмешательства США во внутреннюю жизнь Боливии и отправку войск, чтобы «заставить уважать требования» североамериканских экспортеров капитала, рабочий класс и крестьяне Боливии усиливают свою борьбу за национальную независимость страны, за уничтожение гнета монополий, за отмену системы полуфеодальной эксплуатации в деревне. При поддержке рабочего класса крестьяне вели упорную борьбу за аграрную реформу, требуя конфискации земли у крупных землевладельцев, бесплатной раздачи ее батракам, мелким арендаторам и малоземельным крестьянам. По всей стране возникли десятки крестьянских профессиональных союзов. В конце концов правительство Пас Эстенсоро вынуждено было принять закон об аграрной реформе.

Коммунистическая партия призвала к образованию широкого патристического фронта национального освобождения, который объединил бы все демократические и прогрессивные партии, организации и слои населения страны, всех желающих видеть Боливию свободной, независимой и процветающей².

Индейцы-кечуа вместе со всеми трудящимися андских стран участвуют в движении за мир, охватившем все народы земного шара. Во время войны в Корее тысячи рук в городах Эквадора писали на стенах домов: «Мы не пушечное мясо», «Корея не угрожает Эквадору». Под текстом обращения о заключении Пакта мира между пятью великими державами стояли тысячи отпечатков пальцев — их приложили индейцы, неграмотные, лишённые возможности учиться, но осознающие правоту дела мира.

Интересы национально-освободительного движения народа кечуа совпадают с интересами всего латиноамериканского пролетариата и трудового крестьянства, борющихся против захватнических планов североамериканского империализма, за мир и демократию, вместе со всем антиимпериалистическим, демократическим лагерем, возглавляемым великим Советским Союзом.

¹ В. Боровский. Что происходит в Боливии. «Правда», 29/V 1953.

² «Народ Боливии продолжает борьбу за национальную независимость». Письмо из Ла-Паса. Газ. «За прочный мир, за народную демократию!», 24/VII 1953.

ИНДЕЙЦЫ БРАЗИЛИИ

Современное индейское население Бразилии состоит из трех основных групп.

Первую группу составляют отсталые индейские племена труднодоступных или вовсе не освоенных районов страны, сохранившие свое первобытно-общинное устройство, быт и обычай.

Вторая группа состоит из беднейшей части бразильского крестьянства — малоземельных и безземельных крестьян, а также мелких арендаторов.

К третьей группе относятся индейцы, работающие в городах, на скотоподческих фермах, земледельческих плантациях, лесных промыслах и т. д. Это наименее обеспеченная и наиболее отсталая часть бразильского сельскохозяйственного и индустриального пролетариата.

Промежуточное место занимают сезонные рабочие, покидающие свои селения на время сбора урожая в крупных поместьях и на плантациях, на сезон рубки леса и на другие временные работы, по окончании которых они снова возвращаются в непроходимые дебри бразильского леса.

В противоположность индейцам некоторых других стран Латинской Америки, как, например, Мексики, Перу, Боливии, индейцы Бразилии составляют крайне незначительную часть промышленного пролетариата страны. Условия труда и быта индейцев, подвергающихся расовой дискриминации, особенно тяжелы. В частности, они получают более низкую заработную плату, чем другие рабочие, хотя и у тех оплата труда почти не обеспечивает прожиточного минимума. Удельный вес индейского населения значительно выше в сельском и, в частности, в плантационном хозяйстве, где аборигены Бразилии превратились в пеонов — в неоплатных должников, полурабов.

Точную численность сохранившихся до наших дней индейцев указать невозможно. По официальным, преуменьшенным данным число их колеблется от одного до трех миллионов. Присобладающая часть индейцев — отсталые лесные племена.

Большая часть индейцев живет в бассейне Амазонки, на плоскогорье Мато-Гроссо и в пограничных с Гвианой, Венесуэлой и Колумбией областях. Остальная, небольшая часть индейского населения расселена в индустриальных и сельскохозяйственных районах республики, в штатах Рио-Гранде-до-Сул, Минас-Жерайс, Сан-Пауло и др., а также в городах¹.

¹ По данным «Службы защиты индейцев», в 1930-х гг. индейское население распределялось по штатам и территориям Бразилии следующим образом: в Мато-Гроссо — 500 тыс., Гояс — 100 тыс., Сан-Пауло — 2 тыс., Рио-Гранде-до-Сул — 2,5 тыс. Меньше всего индейцев в штатах Акрэ — 300, Амазонас — 200, Пара — 100 чел. В остальных штатах живет по несколько десятков тысяч индейцев.

Основная масса индейского населения Бразилии говорит на языках, которые относятся к большим семьям тупи-гуаранй, же, аравакской и караибской. Кроме того, многие племена, как, например, борорб, намбикуара, каражи, гуато и др., говорят на языках, которые языковеды определяют как «особо стоящие», или изолированные.

В пограничных районах Бразилии живут также индейцы, говорящие на языках других языковых семей (гуайкуру, самуку, чикито и др.), основная часть которых находится за пределами страны, главным образом в Парагвае, Боливии, Аргентине и Эквадоре. В Бразилии, как и почти во всех южноамериканских странах, политические границы не совпадают с границами расселения индейских племен.

Некоторые индейские племена двуязычны. В процессе длительного общения с пришлым населением они научились португальскому языку, а некоторые из них вовсе утратили свой язык и говорят только по-португальски, как, например, гуана (араваки), живущие в окрестностях г. Куяба. Кадиувео, последние остатки которых живут недалеко от бразильско-парагвайской границы, тоже говорит по-португальски. Только женщины говорят также и на своем языке (один из диалектов гуайкуру).

В значительной части страны средством общения между индейцами и остальным населением Бразилии, а также между индейцами, говорящими на различных языках, служит «*lingua geral brasileira*» (общий бразильский язык) — смесь диалектов тупи-гуарани, особенно северного диалекта, с португальским и испанским языками.

Наиболее многочисленны и широко расселены по стране индейцы языковой семьи тупи-гуарани. По месту расселения их обычно подразделяют на четыре группы: 1) амазонские, 2) южные, 3) окраинные, живущие в районах, граничащих с Аргентиной, Парагваем, Уругваем, Боливией, Эквадором и Французской Гвианой; четвертую группу составляли ныне почти полностью истребленные прибрежные индейцы.

Тупи-гуарани атлантического побережья были первыми из индейских племен, с которыми встретились португальцы в XVI в. Индейцы в течение десятков лет сопротивлялись колонизаторам, отнимавшим у них земли и заставлявшим их работать на себя. В кровавых стычках погибло множество индейцев, некоторые племена были полностью уничтожены. Часть прибрежных индейцев укрылась в материковых районах страны, в которые тогда еще не проникали европейцы. Очень немногие из индейцев смешались с португальцами. На огромном пространстве побережья Бразилии в настоящее время почти не осталось индейцев. Невозможно с достоверностью установить даже названия всех некогда многочисленных прибрежных племен.

С дальнейшим продвижением португальцев вглубь Бразилии усилился процесс смешения пришлого населения с индейцами, в особенности с тупи-гуарани.

Португальцев было сравнительно мало, и среди них в первые годы завоевания почти не было женщин. Естественно, что многие из них брали себе в качестве жён и наложниц индейских женщин. С возраставшим из года в год привозом негро-рабов из африканских колоний началось смешение индейцев и белых с неграми. Эти различные по происхождению группы метисного населения впоследствии, с развитием капитализма в Бразилии, составили ядро, вокруг которого начался процесс формирования бразильской нации.

Наибольшее число племен тупи-гуарани ныне обитает в бассейне Амазонки и на плоскогорье Мато-Гроссо (рис. 49). Многие из них под

влиянием различных обстоятельств неоднократно меняли свое местопребывание. Одной из главных причин этого был и продолжает оставаться в настоящее время захват их земель, который начался с колониального периода.

Южные тупи-гуарани в Бразилии представлены сравнительно небольшим числом племен. Основная масса их живет в Парагвае.

Из числа многих индейских племен тех районов Бразилии, которые подверглись особому натиску колонизаторов, тупи-гуарани более других пострадали от захватчиков, а затем от бразильских крупных землевладельцев и, наконец, от бразильских и иностранных компаний.

Рис. 49. Мужчины племени памбикура

Племена языковой семьи караيبов сконцентрированы главным образом в центральной и северо-восточной Бразилии, а также в прилегающих областях Гвианы и Венесуэлы. Ко времени начала колонизации караибы расселялись на больших пространствах северо-востока материка. Значительная часть их была истреблена в течение колониального периода. Вымирание их продолжается до наших дней. Ранее других исчезли с лица земли прибрежные племена Венесуэлы. Из числа ныне существующих караيبов Гвианы и северо-восточной Бразилии наиболее известны племена, живущие между горой Ророима и р. Ориноко: екуана, ар-куна, таулианг, макуши, оина.

В центральной Бразилии караибские племена живут главным образом между рр. Токагипс и Шингу, в долине р. Гуанорэ, в верховьях рек Тапажос и Аринос. Бразильские караибы, жившие в области истоков Шингу, были детально изучены Штейненом и Эренрейхом в конце XIX в. Их исследования привлекли большое внимание к этим очень отсталым и обособленным обитателям тропических лесов. В XX в. их неоднократно изучали этнографические экспедиции. Начавшееся вскоре после первых посещений экспедициями области Шингу «освоение» ее оказалось губительным для индейцев. Принудительное переселение, исклю-

кратные эпидемии различных болезней, подневольный труд и возникавшие между племенами враждебные отношения из-за территории привели этих индейцев к вымиранию.

Значительное распространение на территории Южной Америки имеют араваки. Как можно предполагать, они населили большую часть Венесуэлы и атлантическое побережье между устьем р. Ориноко и р. Амазонкой. Незадолго до открытия Америки часть их была вытеснена из этих мест караибскими племенами. На протяжении колониального периода араваки жестоко преследовались колонизаторами — испанцами, португальцами и голландцами. В ряде районов, особенно в Венесуэле и Гвиане, в меньшей степени в Бразилии, многие племена были полностью уничтожены. Большинство современных араваков живет главным образом в северной Бразилии и в прилегающих районах Гвианы и Венесуэлы¹, а также в центральной Бразилии. В северной части Мато-Гроссо на протяжении длительного периода происходил процесс смешения различных индейских племен. Этот процесс, вызванный, повидимому, дренными переселениями части араваков, впоследствии усилился, когда в эту часть Мато-Гроссо устремились охотники за рабами и золотоискатели. Индейцы, спасаясь от них, вынуждены были покидать свои селения.

В верховьях Парагвая сохранились немногочисленные остатки южной группы араваков: киникинао, терено, лаино и гуана. Их обычно объединяют под общим названием гуана, или чано. Название «чано» (буквально «человек»), повидимому, более правильно.

История этой части араваков известна в самых общих чертах. В XVI—XVII вв. они жили в области Чако между рр. Саладо и Парагваем. Впоследствии, под натиском более сильных племен, они переселились к северо-востоку. Начиная с XVIII в. на протяжении многих десятилетий их эксплуатировали католические миссии. Число этих индейцев неуклонно уменьшалось. В первой половине XIX в. остатки их жили в окрестностях городов Альбукерке, Миранда и Куяба.

В 1827 г. индейцев гуана Миранды и Куябы наблюдали участники первой русской экспедиции в Бразилию. Уже тогда гуана принадлежали к так называемым «мирным индейцам». Среди материалов экспедиции, хранящихся в Архиве Академии наук СССР в Ленинграде, есть сведения об этих индейцах («Исторические заметки»), составленные для экспедиции по распоряжению президента провинции Мато-Гроссо. Некоторые из этих записей мы приводим в выдержках, в переводе с португальского языка.

«На западном берегу Парагвая и к северу от [крепости] Коимбры... имеются расположенные вперемежку селения гуана, киникинао и шагараана... Употребляют огнестрельное оружие и копья, куленные в Куяба в обмен на их изделия...

Почти все понимают и говорят по-португальски... Население в 1825 году насчитывало 1300 душ».

«В степях, смежных с Мирандой, живут гуана, терено и лаино, разделяющиеся на два маленьких племена, которые бежали из соседней провинции Асунсьон в 1814 году во время революции... По своим обычаям и правам живут в общем как предыдущие. В том и другом племена может быть 200 душ; быть может, немного больше или меньше»².

Помимо прямого истребления индейского населения Бразилии и гибели его от болезней и других причин, численность индейцев

¹ В других районах Венесуэлы аравакские племена ныне почти не сохранились.

² Архив АН СССР, фол. 63, оп. 1.

сокращалась также вследствие политики ассимиляции, которая стала применяться к ним особенно в период капитализма.

Одним из объектов этой политики являются чанэ. Ко времени первой мировой войны осталось лишь несколько немногочисленных групп этих индейцев. Часть их работала на фермах и в городах. Другие были принудительно поселены в резервациях. Многие из индейцев группы чанэ почти забыли свой язык и находятся на грани полного исчезновения. В большей степени, чем другие, сохранилось племя терено. Участники второй русской экспедиции в 1915 г. встретились с одной группой терено, взятой под «покровительство» «Службы защиты индейцев», и с несколькими индейцами киникинао и гуана, жившими в городе Корумба, в окрестных селениях и на скотоводческой ферме.

«В настоящее время, — пишет один из участников второй русской экспедиции в Южную Америку, Г. Г. Манизер, — терено вперемежку с немногими киникинао, лайано и гуана являются главным рабочим элементом в скотоводческих и земледельческих имениях южной части Мато-Гроссо, между реками Миранда и Такуари, почти до самой р. Параны на востоке. Они поселяются целыми деревнями вблизи усадьбы и, несмотря на совершенно «цивилизованный» вид и умение мужчин прекрасно владеть португальским языком, не забыли ни своего языка, ни многих своих обычаев»¹.

В последующие годы продолжался процесс ассимиляции и вымирания этой группы араваков. Так, например, киникинао, так же как и лайано, которых в середине XIX в. насчитывалось около 300 человек и о которых позже писал Манизер, — больше не существует. От некогда многочисленных терено — по данным 1935 г. — осталась лишь небольшая группа, жившая в 11 селениях.

Племена так называемой «семьи же» обитают в пределах Бразилии, преимущественно в ее восточной части. Языки племен, причисляемых к этой семье, почти не изучены, а многие племена включены в нее без достаточных лингвистических оснований.

Исторические судьбы племен же почти неизвестны. Существует предположение, что племена эти некогда населяли значительно большую территорию, простираясь до атлантического побережья, откуда незадолго до португальского завоевания они были отсечены племенами тупи-гуарани во внутренние области страны.

Термин «же» (je, ge, ges) был впервые введен в середине прошлого века немецким исследователем Мартиусом. В работах XVII—XIX вв. индейцы этой семьи часто называются таууйи. Этим словом тупи-гуарани обозначали своих врагов, вне зависимости от того, к какой группе они принадлежали. Значительную часть их составляли индейцы, ныне причисляемые к семье же. Вследствие этого в настоящее время не всегда возможно определить, какое именно племя имеется в виду в том или ином сообщении.

Несмотря на неоднократные попытки ученых различных стран определить круг племен, входящих в эту семью, и поныне нет единой четко установленной классификации. В основу подразделения племен же на большее или меньшее число групп был положен не лингвистический, а географический признак — по месту обитания их. Наиболее последовательно этот принцип проведен в классификации, выработанной известным

¹ Г. Г. Манизер. Материалы по языкам четырех племен Бразилии. Рукопись. Архив Ин-та этногр. АН СССР. Отдел Америки.

французским ученым Риве в 1924 г.; в ней индейцы, относимые к группе же, разделены на северных, восточных, центральных и южных.

Предлагая свою схему, Риве не раз указывал на ее источность, считая, что «эта семья среди всех южноамериканских племен наиболее искусственно создана»¹.

Это утверждение Риве сохранило свое значение и в наши дни.

В результате полевых исследований, проводившихся среди ряда индейских племен восточной Бразилии, удалось с большей точностью установить их языковую принадлежность. Многие языки племен, ранее включавшихся в состав же, ныне признаются изолированными. К этим племенам принадлежат главным образом уже не существующие или находящиеся на грани полного исчезновения ботокуды, машакали, пурй и другие индейцы, относимые Риве к восточной группе же.

Вопрос о семье же попрежнему весьма далек от разрешения, несмотря на появление в последние годы специальных работ. В качестве примера можно указать на изданный в Вашингтоне «Справочник по южноамериканским индейцам»². В этом многотомном труде большой группы исследователей США и стран Латинской Америки отсутствует единая классификация языковой семьи же в целом и отдельных ее групп.

Мы ограничимся упоминанием о некоторых племенах северо-западной и центральной групп семьи же. К первой из этих групп принадлежат индейцы тимбира, северные кайпо, южные кайпо и суйй. Из их числа наиболее изучены (сравнительно недавно) тимбира, в состав которых включаются апинайе, рамкокамран и др. К центральным же относятся акроа и акве. К акве причисляются шакриабá, шаванты³ и шеренте.

Численность современных же очень невелика. Многие из них были уничтожены в течение колониального периода или вымерли в XIX—XX вв. Другие, как апинайе (несколько лет назад их насчитывалось всего 160 человек), разделили судьбу десятков индейских племен Бразилии, имевших несчастье жить в районах, в эксплуатацию которых был заинтересован бразильский и особенно иностранный капитал. Согнанные со своих земель, они оказались обреченными на вымирание.

Кроме перечисленных групп, в Бразилии много племен, языковая принадлежность которых до настоящего времени не установлена. Выделение их в качестве самостоятельных языковых или так называемых особых стоящих групп, как уже указывалось, свидетельствует отчасти о малой изученности этих племен и об отсутствии подлинно научных оснований для классификации, предлагаемой тем или иным автором. Но, с другой стороны, наличие многочисленных разноразличных, изолированных групп вообще характерно для ранних этапов развития человеческого общества.

Ярким примером неустойчивости классификации языков индейцев Бразилии могут служить языки индейцев бороро, которых, как и некоторые другие индейские племена Южной Америки, в старой литературе иногда ошибочно называли короадо. Их причисляли к туни-гуарани,

¹ P. Rivet. *Langues américaines. Les langues du monde*. Par un groupe de linguistes sous la direction de A. Meillet et M. Cohen. Paris, 1924, стр. 697.

² «Handbook of South American Indians». Smithsonian Institution. Bureau of American Ethnology. Bull. 143. Washington, 1946—1950. Статьи: R. H. Lowie. *The Northwestern and central Ge.*, v. I, стр. 477—479; J. D. Mason. *The Languages of South American Indians*, v. 6, стр. 287—301 и другие статьи.

³ Названием «шаванты» (точнее шавапте) обозначаются также несколько племен, не включаемых в состав же.

затем к же и, наконец, выделили в качестве самостоятельной группы. Риле причисляет к группе бороро и несколько других племен Бразилии, Парагвая и Боливии.

Индейцев бороро, живущих в центральной части Мато-Гроссо, впервые встретили колонисты в середине XVIII в. На протяжении XIX в. с ними неоднократно встречались экспедиции и путешественники того времени. В 1827 г. бороро посетила первая русская экспедиция в Бразилию¹.

Еще в начале XIX в. бороро подразделялись на две группы: западную, жившую к западу от г. Куяба, и восточную, жившую к востоку от этого города на берегах Сан-Лоренсо и в верховьях Арагуаи. К концу XIX в. западные бороро частично были уничтожены, оставшиеся смешались с неграми и бразильцами. Восточные бороро, которые в XIX в. жили на обширном пространстве от берегов Парагвая до области за Арагуаей, в начале XX в. населяли небольшой район площадью немного более 200 кв. км, на берегах левого притока Парагвая, Сан-Лоренсо. Часть бороро была обращена в христианство и поселена в католических миссиях.

По последним данным (1940-х годов) бороро насчитывалось 6 тыс. человек. Но с тех пор почти все племя погибло от туберкулеза.

К числу так называемых особо стоящих причисляется также несколько мало известных, наиболее отсталых племен Бразилии, занимающихся собирательством, охотой и рыболовством. Они живут в северной части плоскогорья Мато-Гроссо, на правом берегу Арагуаи и в других, еще почти не освоенных областях страны.

В заключение припеденного нами краткого обзора основных индейских племен Бразилии следует указать, что, начиная с XVI в., на протяжении десятилетий, в бразильских лесах искали убежища от преследований испанских завоевателей и католических миссионеров индейцы пограничных с Бразилией испанских колоний. Наиболее часто упоминаются в литературе гуайкуру. Из их числа в Бразилии, на берегах Парагвая, Параны и их притоков, поселились мбайй-гуайкуру (кадиувео), гуачи и ленгуа (паягуа). Индейцы этих племен в то время описывались как воинственные дикари, встреча с которыми очень опасна. Особенно опасными считались мбайя-гуайкуру — *indios cabalheiros* (индейцы-всадники), которые в XVII в. переселились из северного Чако на левый берег Парагвая. Мбайя неоднократно совершали набеги на бразильские военные форты и населенные пункты, доходя даже до Куябы — столицы провинции Мато-Гроссо. Из записей членов первой русской экспедиции, которые много слышали об этих воинственных «врагах всех христиан» и о преследовании их бразильцами, видно, что гуайкуру, гонимые испанцами и преследуемые португальцами, в продолжение многих лет оказывали стойкое сопротивление колонизаторам всеми доступными им средствами.

Перечисленными племенами, разумеется, далеко не исчерпывается состав индейского населения Бразилии. Выше рассказывалось лишь об основных, наиболее известных группах индейского населения.

Быт и культура индейцев Бразилии в прошлом

У преобладающей части бразильских индейцев, в особенности у племен, живущих в мало освоенных областях страны, до последнего времени сохранялся первобытно-общинный строй, а у многих племен он существует

¹ В Архиве Академии наук СССР хранятся записи участников экспедиции и уникальной ценности рисунки.

и поныне. Однако по уровню развития культуры (техники, хозяйства, общественных отношений) племена эти были неодинаковы. Наиболее отсталые из них — индейцы же (тимбира, апинайс, паванты, шеренте и др.), а также некоторые племена, не принадлежащие к же, как, например, ботокуды. Основу хозяйства этих индейцев составляли охота, рыбная ловля, собирательство. Земледелие, известное немногим из них, не играло существенной роли в хозяйстве. Орудия труда были очень примитивны. Основным материалом для их изготовления служили твердые породы дерева, бамбук и кости животных. Охотились при помощи лука и стрел. Путешественники не раз отмечали исключительную меткость индейцев, пользовавшихся этим оружием. «Ботокуды, — писал один из них, — отличные стрелки. Они подмечают следы животного или приманивают его звукоподражательными кликами и редко делают промах, когда добыча подходит к ним на выстрел»¹.

Охотой занимались мужчины. На мелких животных охотились в одиночку, на крупного зверя — коллективно. Охота занимала ведущее место в хозяйстве этих индейцев. Мясная пища составляла основу их питания. В этой отрасли их деятельности господствовало коллективное распределение добычи. «Когда эти дикари идут на охоту, добычу делит капитан (вождь). Тот, кто убил незначительное количество зверей, получает лишь самую малую порцию, и, если животное худое, он ничего не получает. Капитан отдает своей группе добычу, которую он убил, никогда к ней не прикасаясь. Что касается птиц, то их оставляют для женщины», — сообщает один из путешественников XIX в.².

Рыбной ловлей занимались преимущественно мужчины. Индейцы били рыбу из лука, а также глушили ее, кидая в воду ядовитые корни и плоды.

Собирательством пальмовых орехов, корней, клубней, ягод диких растений, а также мелких грызунов и личинок занимались женщины, пользовавшиеся при этом заостренной палкой. Участие мужчин в собирательстве ограничивалось добыванием меда лесных пчел и так называемой «пальмовой капусты» (сердцевины верхушки пальмы).

Жилища индейцев — собирателей и охотников — были очень примитивны. Различия в типе жилищ и селений были связаны с тем, в какой мере то или иное племя сохраняло бродячий образ жизни, с местом обитания (лес, лесостепь), а также с социальным строем. Так, ботокуды ставили в местах своих недолгих стоянок навесы из пальмовых листьев. Стойбище состояло из навесов, расположенных по кругу или по прямой линии. Под каждым навесом располагалась одна семья. Другие племена, как, например, шеренте, рамкокамекран, апинайс, жили в хижинах различной формы, построенных из бамбука и пальмовых листьев. Хижины располагались по кругу или по полукругу. Распределение жителей в селении было строго регламентировано. Так, селения рамкокамекран еще и ныне разделены на две равные части, в каждой из которых живут члены одной из «половин» (фратрий) племени.

Домашняя утварь у большинства этих племен ограничивалась сосудами из скорлупы пальмовых орехов, плодов тыквенного дерева, стволов бамбука. Огонь добывался сверлением. Мясную и растительную пищу запекали на пертеле. О большой изобретательности индейцев, живших

¹ «Живописное путешествие в Южную и Северную Америку, извлеченное из путешествий Колумба, Лас Казаса и проч. под руководством Г. А. Д'Орбиньи». СПб., 1839, стр. 32.

² A. S a i n t - H i l a i r e. Voyages dans l'intérieur du Brésil. I partie. Voyage dans les provinces de Rio de Janeiro et de Minas Geraes. Paris, 1830—1833, стр. 159—160.

столь примитивно, свидетельствует изобретенный ими способ варки пищи в отрезке ствола бамбука. Свежесрезанное междоузлие бамбука наполняли рыбой или другой пищей и заливали водой. Дном этого сосуда служило колесо междоузлия. С другого конца ствол плотно закупоривали, после чего его ставили в наклонном положении над небольшим огнем костра. Сок бамбука и находившаяся внутри ствола вода, постепенно испаряясь, предохраняли бамбук от сгорания. Когда еда считалась готовой, бамбук раскалывали пополам.

В поисках пищи индейцы переходили с места на место в пределах определенной для каждой группы территории, считавшейся принадлежащей только ей. Что собой представляли эти группы как социальные единицы — не вполне ясно. Общественный строй индейцев Бразилии, в частности собирателей и охотников, почти не изучен. Лишь в последние годы появился ряд работ, в которых на основании фактов, собранных авторами XIX в. и современными исследователями, делаются попытки определить общественные отношения этих индейцев. Сделать окончательные выводы в настоящее время очень трудно как из-за недостатка этнографических материалов, так и потому, что языки этих племен слабо изучены, сведения о терминологии родства крайне скудны. Без этих данных выводы часто не выходят за пределы более или менее правдоподобных гипотез¹.

Однако, несмотря на то, что материалы далеко не достаточны, чтобы сделать бесспорные выводы об общественном строе этих индейцев, некоторые явления, как, например, наличие дуальной организации, которая еще сохранилась у ряда современных племен (например, у тимбира), свидетельствуют о глубоком архаических чертах в их культуре. У них не было вождей как постоянных носителей власти. Группой руководил наиболее уважаемый человек, опыт и знания которого были особенно необходимы во время передвижений по лесу, охоты и пр. В остальном он, в сущности, не выделялся из числа членов своей группы. Это обстоятельство отмечалось многими авторами.

Мартиус, посетивший ботокудов в первой четверти XIX в., сообщает: «Предводитель общины не имеет большой силы. Его чин не является наследственным, его авторитет не всегда достаточен для улаживания споров в самой общине»².

Аналогичные наблюдения делали и современные исследователи.

На более высоком уровне общественного развития находилось большинство карайбов, араваков и тупи-гуарани. Некоторые из них были охотниками и рыболовами, у которых земледелие еще не играло значительной роли (мундуруку, апиака, таулипанг и др.), но в хозяйстве подавляющего большинства племен наряду с охотой и рыбной ловлей большое место занимало и земледелие. Здесь, как и у других земледельческих народов, у которых распространено примитивное подсечно-огневое земледелие, труд мужчины ограничивался расчисткой участка под посев. Интересно отметить, что корчевка леса для посадки составляла одну из обязанностей юноши перед вступлением его в брак. Основным орудием при этом служил каменный топор. Чтобы срубить дерево при помощи такого топора, требовалась большая затрата сил. Индейцы облегчали себе труд, используя природные особенности тропического леса: они выбирали самое большое дерево на намеченном участке, связывали его лианами с меньшими

¹ См. Д. А. О л ь д е р о г г е. О социальном строе отсталых племен Южной Америки. «Советская этнография», 1948, № 1, стр. 180—188.

² С. F. Ph. M a r t i u s. Beiträge zur Ethnographie und Sprachenkunde Amerika's zumal Brasiliens. I. Zur Ethnographic. Leipzig, 1867, стр. 325.

деревьями и разводили вокруг него костер. По мере обугливания нижней части ствола дерево подрубали. Падая, оно тянуло за собой привязанные к нему деревья. Два-три месяца поваленный лес сох, а затем сжигался. Вся остальная работа — посев, уход за всходами, сбор урожая — производилась женщинами. Единственным сельскохозяйственным орудием большинства племен была небольшая палка, заостренная с одного конца. Индейцы разводили и продолжают разводить маниоку, кукурузу, бататы, бобы, хлопчатник и другие растения. Многие племена выращивали также фруктовые деревья, несколько видов пальм, бананы и сахарный тростник. Некоторые зерновые культуры, сахарный тростник и другие растения, привезенные европейцами, индейцы начали возделывать после португальского завоевания. Наибольшее распространение среди индейцев Бразилии имела и ныне имеет маниока — ядовитый корнеплод, возделываемый на огромной территории тропической лесной полосы Южной Америки¹. Культура маниоки, ее возделывание, способы обезвреживания и приготвления в пищу — одно из замечательных достижений первобытного человечества на первых этапах перехода от собирательства и охоты к земледелию, от бродячего образа жизни к оседлости.

Самым распространенным охотничьим оружием были лук и стрелы, а также копья, обычно значительных размеров (до 2 м и более). Для охоты на птиц и мелких животных многие племена употребляли длинные (до 3 м и более) стрелометательные трубки — сарбаканы. Тонкие, как вязальные спицы, стрелки сарбакана смазывались ядом кураре, изготовлявшимся из коры растения *Strychnos toxifera*. Приготовление кураре было монополей некоторых племен. Этот яд служил предметом широкого межплеменного обмена. Отравленных кураре животных можно употреблять в пищу. Для охоты на зверей и птиц применялись также силки, ловушки и капканы. Охотой и рыбной ловлей занимались мужчины. Помощь женщин использовалась лишь в случае необходимости, например, во время коллективной рыбной ловли.

У некоторых племен рыбная ловля имела в хозяйстве еще большее значение, чем охота. Кроме луков, стрел, копий употреблялись гарпунная стрела с бамбуковым поплавком (на крупную рыбу и водяных черепах), острога, сети, верши. Ужение рыбы индейцами Бразилии было перенято у европейских колонистов и с течением времени значительно усовершенствовано. Рыбной ловлей занимались с лодок, сделанных из коры или с долбленых одноденок. Реже практиковалась ловля рыбы с берега. Широко распространен был коллективный лов. Орудия лова считались общей собственностью каждого селения. Рыболовецкие угодья, как и охотничья территория, также принадлежали селению. Добыча, полученная на коллективной охоте или на рыбной ловле, распределялась вождем. Расчищенные под посев земельные участки и собранный с них урожай принадлежали той семье, которая их обработала. Реже они были предметом общей собственности. Право индивидуальной собственности распространялось на предметы личного потребления: орудия труда (каменные топоры, скребки из костей животных, раковин и др.), оружие, утварь и иные предметы домашнего обихода (в том числе гончарные изделия и предметы плетения — сумки, корзины, гамаки, циновки и пр.), украшения.

Наиболее часто встречались селения, состоявшие из отдельных хижин. Каждая хижина принадлежала обитавшей в ней семье. У ряда

¹ В Южной Америке возделывается также безвредная, так называемая «сладкая» маниока. Среди индейцев она не имеет широкого распространения.

индейских племен селения состояли из одной большой хижины — так называемой «малоки». Малока была собственностью одной семейной общины. По своей конструкции эти дома-селения были различны. Малоки наиболее простой формы были у индейцев апиака. В материалах первой русской экспедиции в Бразилию есть описание двух типов построек у этих индейцев. Хранящаяся в Архиве Академии наук СССР запись руководителя экспедиции академика Г. И. Лангсдорфа дает представление о конструкции дома-селения и о быте апиака: «Моим первым большим выходом был обход вокруг индейской деревни, состоящей из одного жилища, покрытого соломой, называемой ога, с обеих сторон круглого. Сегмент 45 шагов, длиной в 90 шагов, с 12-ю дверьми (входами), каждая из которых закрыта полосой дренесной коры. Сделав половину обхода, я вступил в деревню, нашел ее [неразборчиво], даже при открытой двери, довольно темной, пока глаз не привыкнет [к полутьме]. Дом кругом покрыт соломой и листьями, но все же частью открыт, так как представляет собой решетки или близко друг от друга воткнутые шесты, через которые падает столько света, что привыкшие к сумраку люди могут при нем заниматься своими домашними делами, состоящими из прядения хлопка хорошо сделанным веретеном, изготовлением гамаков... Все жилище в месте наклона имеет второй этаж, в котором главным образом находятся продукты, а на матице и остове — посуда, а под ней свисают различного рода украшения. Почти нельзя поверить тому, что каждая семья не имеет никакого особого отделения для своих гамаков или гамака, пожитков, состоящих из множества больших и мелких предметов... Большие горшки четырех-пяти пядей в поперечнике, покоящиеся на красивой, сплетенной из бамбука подставке, привешены к потолку»¹.

У индейцев северо-западной Бразилии малока была более сложной конструкции. Остов из шести столбов с двумя поперечными балками, расположенными в виде четырехугольника, служил опорой для высокой, почти до земли спускающейся крыши с коньком на гребне. Центральная часть жилища была в общем пользовании всех живущих в ней семей. Посредине находился очаг. У стел подвешивались гамаки. Помещение для каждой семьи отделялось циновкой. В малоке жила одна семейная община, состоявшая из родственников по мужской линии — мужкин, их жеп из других селений, братьев с женами, детей. Брак был патрилокальным, строго соблюдалась экзогамия. Глава общины был одновременно и вождем селения. Иногда в селении было два таких дома-общины или один большой и несколько меньших по размеру домов, но и в этом случае соблюдался принцип совместного поселения родственников. Власть вождя передавалась от старшего брата к младшему, реже — от отца к сыну.

У большинства племен бассейна р. Шингу существовали более примитивные формы общественной организации, в частности счет родства по материнской линии и матрилокальный брак. Если вождь не имел сыновей, ему наследовал сын сестры. По в общем почти для всех племен северо-западной Бразилии и области р. Шингу ко времени колонизации страны были характерны более поздние формы первобытно-общинного строя, чем, например, у индейцев же, что было вызвано довольно высоким уровнем культуры, в частности развитием земледелия, более производительной охоты и рыболовства.

¹ См. П. Г. Ш п р и п ц и н. Индейцы апиака. (Из материалов первой русской экспедиции в Южную Америку.) «Краткие сообщ. Ин-та этногр. АН СССР», 1950, вып. X, стр. 94—95.

Сравнительно мало сведений о религиозных представлениях индейцев Бразилии. Из отрывочных фактов можно сделать вывод, что у всех этих племен преобладали анимистические воззрения, однако у собирателей и охотников не было четко установившихся форм культа, а также

Рис. 50. Хижина индейцев каража

не было профессионалов-шаманов. Сложнее были религиозные верования более культурных племен, и, в частности, индейцев северо-западной Бразилии. Их анимистические представления нашли яркое выражение в многочисленных обрядах, связанных с рождением и смертью, с заклинанием сил природы и т. п. Особые обряды имели целью способствовать хорошему урожаю, удачной охоте и рыбной ловле. Шаманами могли быть только определенные лица. Звание шамана передавалось по наследству.

Как указывалось выше, в еще не освоенных областях Бразилии (например, в тропических лесах Амазонской низменности) живут десятки индейских племен, у которых в большей или меньшей степени сохранился первобытно-общинный строй. Индейское население тех территорий страны, куда не проникли португальцы, не испытало ужасов завоевания и колониального режима. Позднее эти индейцы в сравнительно небольшой степени ощутили на себе дискриминационную политику правящих классов страны.

Установившийся в XVI в. колониальный гнет фактически прекратил дальнейшее развитие самобытной культуры основной массы индейцев Бразилии. Но вместе с тем между аборигенным и пришлым населением происходил определенный культурный обмен. Индейцы перенимали у колонистов такие достижения европейской культуры, как металлические орудия, более совершенные методы земледелия, культурные растения и т. д., оказывая в то же время известное влияние на культуру и быт пришлого населения. В португальском (бразильском) языке много слов индейского происхождения, например, названия животных и растений, заимствованные главным образом из языков тупи-гуарани: тату́ (броненосец), жакарé (кайман), игуана́ (ящерица), ара́ или арара́ (один из видов попугая), урубú (коршун), пиранья́ (хищная рыба), названия различных видов пальм, как каранда, или карнауба (восковая пальма), пиассаба, асаи, пиндоба, или пиндо, и др. Ряд этих названий, как, например, маниока, маис, вошел в состав многих европейских языков, в научную терминологию (зоологическую, ботаническую, медицинскую). *Lingua geral*, и ныне служащий средством общения бразильцев с индейцами, в течение колониального периода (особенно в XVIII в.) имел большее распространение, чем португальский язык. Индейцы научили португальцев использованию в пищу множества растений, из которых такие, как маниока и кукуруза, в скором времени заняли одно из первых мест в питании населения почти во всех областях страны. В Бразилии стали широко применяться использовавшиеся индейцами задолго до португальского завоевания красильные и лекарственные растения. Многие из съедобных и лекарственных растений, как маниока, кукуруза, ипекакуана и др., ныне распространены далеко за пределами американского континента. Из множества изобретенных индейцами предметов, нашедших применение и у пришлого населения, надо прежде всего упомянуть о различных лодках, приспособленных к условиям плавания в порожистых реках, среди мелей, в густых зарослях, лагунах, узких протоках. Индейские лодки долго были единственным средством сообщения португальцев по водным путям Бразилии. В усовершенствованном виде они широко употребляются и в настоящее время.

Участие индейцев в формировании бразильской культуры, разумеется, не ограничилось областью языка, техники и хозяйства. Их исторические повествования, сказки, легенды, мифы, игры, музыка, орнаментика и другие виды народного творчества вошли как одна из неотъемлемых частей в современную бразильскую культуру.

Вторжение завоевателей и колонизаторов

Индейцы Бразилии — охотники и собиратели, мотыжные земледельцы населяли огромные пространства. Они жили немногочисленными, почти не связанными между собой группами и не всегда могли дать колонизаторам организационный отпор. Этим в большой мере объясняется характер завоевания и колонизации страны, отличный от процесса завоевания Мексики и Перу, где ко времени захвата уже сложились ранние формы государственности.

В первые время индейцы выступали против португальцев в открытом бою, нередко объединяя свои силы, но вынуждены были отступать перед врагом несравненно лучше организованным и вооруженным огнестрельным оружием. Защищая в неравной, но упорной борьбе свои земли, индейцы пытались нападать на португальские военные посты и крепости, на поместья. Эти нападения, хотя и наносившие значительный вред пор-

тугальцам, не могли серьезно помешать колонизации: силы были очень неравны, и колонизаторы уничтожали индейцев самыми зверскими способами.

Немецкие исследователи Мартиус и Чуди, путешествовавшие несколько лет в малодоступных тогда областях Бразилии (XIX в.), неоднократно были свидетелями травли и истребления индейцев. В то время еще свежи были в памяти их современников многочисленные факты, характеризовавшие политику португальских колонизаторов, а затем и правящих классов Бразильской империи в отношении коренного населения страны.

«Когда, — сообщает Чуди, — после ввоза более работоспособных негров, индейцы были (как рабочая сила) почти совсем обесценены, то при таких экспедициях дело шло не столько о том, чтобы поймать людей, сколько о том, чтобы убить возможно большее число их. Чтобы достигнуть своей цели, т. е. истребления индейцев, португальцы применяли самые подлые способы. Одежды людей, умерших от оспы, скарлатины, португальцы клали в лес с таким намерением, чтобы индейцы присвоили их себе и вследствие этого возникли бы среди них эпидемии, производящие ужасающие опустошения»¹.

В результате такой последовательной системы истребления индейцев полностью исчезли с лица земли десятки племен. Огромные пространства, особенно в прибрежной полосе, совершенно обезлюдели.

С основанием крупного плантационного хозяйства всюду начал ощущаться недостаток в рабочей силе — даже в тех районах, где еще осталось индейское население. Индейцы оказывали сопротивление при попытках португальцев поработить их. Ввоз негров-рабов тоже не надолго и не полностью разрешил проблему рабочей силы. Негров заставляли работать главным образом на плантациях восточных прибрежных провинций. С расширением колонизации страны увеличилась потребность в рабочей силе на сельскохозяйственных плантациях, скотоводческих фермах и в местах добычи полезных ископаемых в материковых частях Бразилии. Захват внутренних областей страны, особенно интенсивный в XVII—XVIII вв., принял форму «*entradas*» (буквально — нашествий) — облавы на индейцев и беглых негров, скрывавшихся в джунглях тропических лесов. Печальной известностью «прославились» паулисты (жители провинции Сан-Пауло). Возглавляемые ими шайки авантюристов, так называемые «бандейрас», захватили огромные пространства на территории современных штатов Мато-Гроссо, Минас-Жераис, Санта-Катарина, Рио-Гранде-ду-Сул и др. Главной рабочей силой для них были рабы — индейцы и негры. Их принуждали работать на рудниках и в скотоводческих имениях.

Закабаление индейцев проводилось и духовенством, так как миссиям была нужна дешевая рабочая сила. «Опекаемые» миссионерами индейцы фактически также были превращены в рабов. Каждая миссия представляла крупное поместье, в котором работали порабощенные индейцы.

Будучи не в силах вынести суровый режим принудительного труда и мелочной опеки, введенный в миссиях, индейцы неоднократно восставали. Нередко церковь не могла подавить все возраставшее среди индейцев освободительное движение. Так, например, во внутренних районах северо-западной Бразилии миссии почти полностью прекратили свое существование в конце XIX в., после того как индейцы разрушили большую часть их и убили миссионеров. Оставшиеся в живых «святые отцы» бежали.

¹ J. J. Tschudi. Reisen nach Südamerika, B. II, Leipzig, 1866, стр. 262.

Индийская политика правительства Бразилии

С первых лет после провозглашения независимой Бразильской империи (1882 г.) правительство стало применять наряду со старыми и новые методы замирения непокорных индейцев, прибегая к системе подачек и поощрениям вождей. Такая политика была вызвана практическими потребностями, необходимостью скорейшего освоения труднодоступных районов для проложения торговых путей, для использования естественных богатств внутренних областей страны.

Между тем *Indios bravos* (дикие индейцы) не желали уступать свои земли колонизаторам. Нередко они нападали не только на торговые караваны и отдельных колонистов, направлявшихся вглубь страны, но также и на имения.

В некоторых случаях политика «замирения» индейцев приводила к желаемым результатам. Но вскоре *Indios mansos* (прирученные индейцы), как их называли португальцы, снова выходили из повиновения. Многие из этих племен были полностью уничтожены карательными отрядами. Другие постепенно утрачивали свою самобытность, сливаясь с угнетенными классами пришлого населения. Например, гуана, часть которых жила в окрестностях г. Куябы, стали городскими ремесленниками.

В начале XX в. немногочисленные остатки их, хотя и не смешавшиеся с городским населением, забыли свой язык и говорили по-португальски.

Правительственная политика в отношении индейцев видоизменялась в соответствии с экономическим и политическим положением Бразилии на разных этапах ее истории.

С развитием капитализма в стране, во второй половине XIX в. усилилось проникновение иностранного капитала в Бразилию, увеличился приток иммигрантов, началось энергичное освоение еще не затронутых «цивилизацией» территорий.

В эпоху империализма Бразилия, как и многие другие страны Латинской Америки, превратилась в страну, зависимую от крупнейших империалистических государств Европы, а затем и от США.

В настоящее время США заняли командное положение в Бразилии, подчинив своим интересам ее экономику, активно вмешиваясь во внутривнутриполитическую жизнь страны, направляя внешнюю политику республики.

Все это не могло не отразиться на условиях жизни индейского населения страны.

К началу XX в. на территории Бразилии еще сохранилось значительное число индейцев, живших преимущественно в малоизвестных районах тропических лесов и равнин (кампо). Бразильское правительство энергично пролодило политику заселения пригодных для сельского хозяйства областей. Многочисленным иммигрантам предоставлялись огромные участки земли, на которых вскоре возникли земледельческие плантации и скотоводческие фермы. Наряду с хозяйствами полуфеодалного типа появились земледельческие и скотоводческие хозяйства капиталистического типа, принадлежащие отдельным лицам или компаниям.

Владельцы огромных поместий, скотопромышленники, лесопромышленники рассматривали индейцев как помеху при освоении лесов и кампо, при расширении своих владений. Индейцев согнали с их земель всеми средствами, не останавливаясь перед прямым физическим уничтожением целых племен, которые не могли оказать должного сопротивления правительственным карательным отрядам.

На тяжелое положение индейцев не раз указывали представители прогрессивных кругов Бразилии. Попытки отдельных лиц убедить правительство заняться так называемой «индейской проблемой» не имели успеха до начала XX в., до тех пор пока интересы господствующего класса не привлекли к ней внимания правящих кругов: этого требовала задача колонизации внутренних областей страны. Правительство Бразилии последовало примеру США, отняв у индейцев земли, а самих индейцев загнал в резервации. Для проведения этих мер в 1910 г. была учреждена правительственная организация типа американского Управления по делам индейцев, с лицемерным названием «Служба защиты индейцев» (*Serviço de protecção aos índios*). В 1911 г. началось переселение индейцев в резервации. Им были обещаны всемерная помощь в освоении земледелия, справедливое наделение землей, сельскохозяйственные орудия, средства на школы и т. д. Но все эти обещания остались невыполненными. Главное было сделано: огромные пространства были отняты у индейцев. Дальнейшая судьба ботокудов, апанантов, терепо и других племен, поселенных в резервациях, правительство более не интересовала. Попытки прогрессивных деятелей улучшить положение индейцев не увенчались успехом. Большая часть поселенных в резервациях была обречена на вымирание от систематического недоедания и болезней.

«В настоящее время, — сообщает Г. Г. Манйзер, — с основанием Департамента защиты индейцев, после временного улучшения быта некоторых групп, поселки «цивилизированных» опять предоставляются самим себе и развращающему влиянию полуразбойничьего окрестного населения... По железной дороге с американо-бразильской быстротой вырастают новые колонии на месте девственного леса. Какао обещает докончить вытеснение леса и его обитателей. Так, Рио Мукурри, бывшая бесспорной областью индейцев до 50-х годов, — теперь сплошной сад плантаций какао»¹.

Припудительное переселение индейцев в безлесные области с непривычной для них резкой разницей температуры дня и ночи также увеличило их смертность.

В не менее тяжелом положении, чем запертые в резервации, оказались те индейцы, которые, лишившись своих территорий и оставшись без средств к существованию, напимаются в качестве батраков и помещья и на плантации либо идут на сезонные работы для сбора кофе, какао, апельсин, на рубку и слав леса, на строительство дорог и т. п. Индейцам платят гораздо меньше, чем рабочим других национальностей. Мизерная оплата за невероятно тяжелый труд не может обеспечить даже самое скудное существование. Часть этих буквально бездомных индейцев занимается нищенством на железнодорожных станциях, речных пристанях.

Многие индейцы являются арендаторами. Не имея возможности выплачивать высокую арендную плату, они, как большинство крестьян и батраков Бразилии, становятся пожизненными должниками, полурабами своих хозяев. Отрабатывая бесконечный долг трудом на помещика и выплачивая его из урожая, они не гарантированы и от того, что в любой момент хозяин может потребовать в счет долга весь урожай с арендуемого участка или отобрать возделанный участок.

Тысячи индейцев погибли на строительных работах по прокладке дорог вглубь страны. Еще более трагична судьба индейцев на плантациях каучука. Начиная с середины XIX в. с каждым годом увеличивался

¹ Г. Г. Манйзер. Ук. соч., стр. 87.

сбор латекса — млечного сока каучуконосных деревьев, которыми так богаты леса Амазонки. Вначале индейцев, живших в этих лесах, изгоняли. Военные отряды преследовали их, убивая всех без разбора. «Непокорных» закопывали в кандалы и отправляли в ближайшие населенные пункты, где они умирали в тюрьмах от голода. С развитием добычи каучука (конец XIX — начало XX в.), когда Бразилия заняла первое место на мировом рынке по экспорту этого ценнейшего промышленного сырья, стала все более и более возрастать потребность в рабочей силе для сбора и перевозки каучука, который сплавлялся по рекам в больших лодках и весельных ботах. Особенно полезными для предпринимателей оказались индейцы, которых начали широко использовать в качестве гробцов и серингейро (сборщиков каучука).

Однако малое количество населения в этой части Бразилии уже не могло удовлетворить растущую потребность в рабочей силе. Десятки тысяч людей — метисов, негров и индейцев — переселились из различных районов страны, в особенности из засушливых сертанов¹ северо-востока, в города, откуда предприниматели доставляли их к местам сбора каучука. В исключительно тяжелых условиях собирали эти люди сок каучуковых деревьев в дебрях амазонских лесов. Тысячи серингейро гибли от бери-бери и других болезней, вызванных истощением и тяжелым трудом. Система долгового рабства, существующая в Бразилии и в наше время, превратила оставшихся в живых рабочих в неоплатных должников — полурабов своих хозяев.

«Белый, — пишет один из наблюдателей, — предоставляет индейцу в виде аванса столько товаров, сколько тот хочет иметь, оценивая товары по соответственно высоким ценам. Должник обязан возместить, часто очень значительные суммы поставкой маниоковой муки или других продуктов либо работой в каучуковых лесах... При расчетах всегда устраивается так, что индеец не выходит из долга. Даже если он погасил весь свой долг, то он снова авансом получает столько товаров, что постоянно остается зависимым»².

Хищническая добыча каучука в Амазонии ежегодно увеличивалась до тех пор, пока Бразилия не имела конкурентов на мировом рынке. С успешным развитием каучуковых плантаций в юго-восточной Азии, с 1912 г. начал сокращаться экспорт бразильского каучука. «Каучуковый бум» закончился крахом.

Угроза голодной смерти нависла над лишившимися работы сборщиками каучука. Те из серингейро, которым удалось выбраться из лесных дебрей, направлялись в ближайшие города, чтобы возвратиться в родные места, которые они раньше покинули, голодные. В самом тяжелом положении оказались индейцы, лишившие своих земель и средств к существованию.

Добыча дикого каучука возобновилась в Амазонии в годы второй мировой войны, когда США лишились возможности получать плантационный каучук из Индонезии и Малайи. В добыче этого ценнейшего промышленного сырья было заинтересовано правительство Соединенных Штатов и соответствующие американские компании. Запербопанные для работы в амазонских лесах 54 тыс. рабочих оказались в значительно худших условиях, чем серингейро в период «каучукового бума». Положение их стало катастрофическим, когда с окончанием войны США перестали

¹ Сертан — самая засушливая часть Бразилии, площадью около 7 тыс. кв. км.

² Th. K o s c h - G r ü n b e r g. Zwei Jahre bei den Indianern Nordwest Brasiliens. Stuttgart, 1932, стр. 15.

нуждаться в бразильском каучуке. Тысячи истощенных, больных, голодных людей были брошены на произвол судьбы в амазонских джунглях, из глуши которых они были не в силах выбраться. Почти все рабочие погибли от голода. Лишь немногим из них удалось спастись из «зеленого ада».

Под ярмом принудительного труда находятся также сельскохозяйственные рабочие на плантациях. Всемирная федерация профсоюзов, занимаясь изучением вопроса о принудительном труде, установила, что «труд сельскохозяйственных рабочих фактически не регламентирован ни в одной латиноамериканской стране, так как даже там, где существует соответствующее законодательство, оно не применяется. Нет установленного минимума заработной платы, нет выходных пособий, медицинского обслуживания, жилищ, отвечающих санитарным требованиям. Более того, хотя в некоторых странах существует так называемое законодательство о профсоюзах сельскохозяйственных рабочих, но оно, по существу, только препятствует объединению рабочих сельского хозяйства для защиты их интересов»¹.

Припадными здесь примерами далеко не исчерпываются все виды принудительного труда. Есть и другие формы эксплуатации, с особой жестокостью применяемые в отношении так называемых «цветных» — индейцев и негров.

Тяжело страдает население ряда областей от периодически повторяющихся стихийных бедствий. Так, бичом прибрежного населения Амазонки являются ежегодные разливы «великой реки». Катастрофических размеров достигло наводнение 1953 г., охватившее территорию в 800 тыс. кв. км. Около 400 тыс. человек оказались под угрозой смерти от голода. Погибли стада, посевы, под водой оказались сотни селений. В мае — июне 1954 г. в штате Парана, после длившихся в течение двух недель тропических ливней, произошло сильное наводнение. Полностью погиб урожай, водой были затоплены прибрежные селения. Тысячи людей лишились крова.

Еще большее бедствие представляют засухи, периодически повторяющиеся в севе-ро-востока страны, где обитает около 6 млн. человек, часть которых составляют индейцы. В 1953 г. засуха снова охватила эти районы Бразилии. На этот раз катастрофа оказалась еще более серьезной, чем в прежние годы. Сотни тысяч крестьян, спасаясь от голода, бежали в южные штаты республики. Но и в этих местах, где слыше 300 тыс. крестьян были лишены мало-мальски сытого существования, над ними нависла угроза голодной смерти: они не имели средств покупать продукты, цены на которые в течение последних лет резко повысились. Голодающие тщетно требовали от местных властей хлеба и работы.

В Бразилии голодает подавляющая часть ее 55-миллионного населения. Такое катастрофическое положение в стране, которая своими естественными богатствами, даже по данным буржуазной статистики, могла бы прокормить 900 млн. человек, создавалось в результате полуфеодалного режима и хозяйничания североамериканского капитала.

Непьюсимо тяжелы условия жизни крестьянства, особенно индейской его части. «Орошая не принадлежащую ему землю своим потом, кровью и слезами, бразильский крестьянин трудится от зари до зари, — пишет де-Са-Пирес. — Тяжелые условия жизни и хронический голод, невежество и неграмотность, а также антисанитарные жилищные условия,

¹ Доклад Всемирной федерации профсоюзов на 12-й сессии Экономического и Социального совета ООН о принудительном труде. Прилож. к журн. «Всемирное профсоюзное движение», 1951, № 11, стр. 8—9.

отсутствие какой-либо помощи со стороны государства --- все это в огромной степени подрывает сопротивляемость крестьян болезням. Все это и является причиной высокой смертности и огромного числа заболеваний среди крестьянства Бразилии»¹.

Эти слова подтверждаются многочисленными фактами и статистическими данными. Достаточно указать на то, что в Бразилии, 70% жителей которой составляет сельское население, около 9,5 млн. крестьян лишены земли. В проекте государственного бюджета на 1954 г. на сельское хозяйство ассигнована ничтожная сумма, составляющая всего 4,9% всех расходов. Крестьяне и сельскохозяйственные рабочие фактически лишены врачебной помощи, так как большая часть врачей и лечебных учреждений находится в городах. В сотнях районов Бразилии полностью отсутствует медицинское обслуживание. Так, в 31 муниципалитете штата Гоиас нет ни одного врача. С каждым годом растет число больных дистрофией, различными авитаминозами, туберкулезом и многими другими социальными болезнями, нередко принимающими эпидемический характер. Особенно тяжело отражаются эти болезни на индейцах, среди которых наиболее велик процент смертности. В Бразилии ежегодно рождается 2 млн. детей. 400 тыс. из них умирает в возрасте до одного года. Велики заболеваемость и смертность среди детей школьного возраста, что является результатом полуголодного существования и тяжелых бытовых условий, а также безнадзорности. В Рио-де-Жанейро и в других крупных городах страны насчитывается до 300 тыс. беспризорных детей, вынужденных заниматься нищенством.

Бедственное положение трудящихся усугубляется непрерывно растущей дороговизной, вызванной денежной инфляцией и подчинением сельского хозяйства Бразилии интересам иностранного капитала, в особенности монополиям США, которые в целях увеличения экспорта своих сельскохозяйственных продуктов сокращают площади посевов в Бразилии. Снижение урожайности на истощенных почвах и экстенсивные методы ведения сельского хозяйства также усиливают недостаток продовольствия.

Выражением протеста против антинародной политики правительства, вызвавшей рост цен на продовольственные товары, явилось широкое народное «движение против дороговизны». Оно было поддержано Бразильской коммунистической партией. Пленум Национального комитета компартии, созванный в апреле 1953 г., призвал к борьбе против дороговизны, за удовлетворение насущных требований широких народных масс. Не менее важной признал пленум защиту населения северо-восточных районов, пострадавших от засухи.

Тяжелое положение бразильского народа ярко обрисовано в выступлении сенатора Кавальканти на заседании сената. «Мы не должны обманывать себя, -- сказал он. -- Положение очень сложное и очень серьезное. Надругательство над народом становится невыносимым. Терпение народа имеет пределы, и оно уже исчерпано их. Препарды сломаны. Отчаяние стало всеобщим. Следовательно, нельзя ожидать от такого народа ничего другого, кроме неудержимых действий против тех, кто хочет высосать кровь из его жил, вырвать хлеб из его рта, лишить спокойствия его семью, наконец, превратить его в легион отверженных и доведенных до отчаяния людей»².

¹ Франсиско де - С а - П и р с с. Размышления бразильского врача. «Литературная газета», 23/VIII 1953.

² «Правда», 26/VIII 1952.

Под влиянием прогрессивной общественности, требующей улучшения положения индейцев, правительство Бразилии издало ряд законов и приняло кое-какие меры, долженствующие показать, что оно озабочено судьбой индейцев. Были изданы специальные декреты (1933 и 1936 гг.), предписывающие инспекторам «Службы защиты индейцев» быть максимально бдительными в отношении попыток проникновения на индейские территории, категорически воспрещающие организацию военных экспедиций против индейцев. Законы эти не выполняются. В доказательство можно сослаться на военную экспедицию против индейцев, живущих по берегам рек Жамари и Жи-Парана, посланную в 1946 г. В Бразилии существует несколько общественных организаций и правительственных учреждений, назначение которых — облегчить положение индейцев; это, например, «Национальный индейский институт» и др. Ежегодно в стране празднуется «День индейца» и «День бразильского индейца». Институты публикуют работы о наиболее рациональном питании индейцев, проекты алфавитов индейских языков. Вся эта деятельность, развиваемая с целью показать заботу о благе индейцев, практически никак на их положении не отражается. Оно остается все таким же тяжелым. Индейцы на собственном опыте познают подлинную сущность официальной благотворительности, робких реформ и широкообшательных «индейских» законов.

С каждым годом растет и крепнет борьба крестьян и сельскохозяйственных рабочих, в числе которых много и индейцев, за свои права. Все большие размеры принимает борьба индейцев за возврат земель. В 1950 г. вспыхнуло восстание индейцев в нескольких районах страны. Так, в штате Парана оставшие индейцы вели вооруженную борьбу за предоставление им не используемых земель в крупных поместьях. Возврата земель требовали индейцы штатов Баия и Минас-Жераис. В нескольких штатах крестьяне силой захватили помещичьи земли. Полиции и войскам с трудом удается подавлять эти восстания, принявшие затяжной, почти хронический характер.

Более успешными оказались выступления сельскохозяйственных рабочих, требовавших повышения заработной платы, сокращения рабочего дня, введения социального страхования, трудового законодательства и пр. Так, в 1952 г. в штате Минас-Жераис крестьяне-сезонники, работавшие на плантациях сахарного тростника, объединившись с рабочими сахарных заводов, предъявили хозяевам требование прекратить незаконные удержания из зарплаты. С аналогичными требованиями выступили рабочие на других плантациях. Эти организованные выступления вынудили хозяев прекратить незаконное уменьшение заработной платы.

Борьба сельскохозяйственных рабочих не ограничивается экономическими требованиями. Свидетельством растущей политической активности их являются развернувшееся стачечное движение, требования проведения аграрной реформы, рост профсоюзных организаций, входящих в Конфедерацию трудящихся Латинской Америки, и др.

Огромное значение для дальнейшего развития борьбы крестьян и сельскохозяйственных рабочих за национальное освобождение имеет объединение их под руководством рабочего класса и укрепление организационных форм борьбы. В этой борьбе интересы индейцев, работающих на плантациях, на своих или арендованных клочках земли, или скитающихся в глубине лесов, общи с интересами всего бразильского народа.

Важнейшей задачей в настоящее время является создание единого демократического национально-освободительного фронта рабочего класса,

крестьянства и национальной буржуазии. О том, что бразильский народ находится на пути к созданию такого объединения, свидетельствует факт созыва в апреле 1954 г. в Рио-де-Жанейро Конференции за национальное освобождение Бразилии, в которой приняли участие несколько сот делегатов почти от всех штатов страны. Конференция приняла решение о создании Союза борьбы за национальное освобождение¹.

Направление, по которому должно разворачиваться национально-освободительное движение бразильского народа на современном его этапе, было определено в докладе генерального секретаря Коммунистической партии Бразилии на пленуме Национального комитета КПБ в апреле 1953 г.:

«Выиграть битву за мир, за демократические свободы и за национальную независимость, нанести поражение колонизаторской и военной политике американских монополий и их агентов внутри страны, — вот чего требуют высшие интересы нашей родины, вот чего требует наш народ, стремящийся к свободе, к счастливому будущему. Это вопрос жизни или смерти для нашего народа, — это решающий вопрос для судеб бразильской нации»².

Этот призыв Л. К. Престеса с особой силой звучит в наши дни, в связи с реакционным государственным переворотом, происшедшим в сентябре 1954 г. и последовавшими за тем событиями³.

¹ Подробнее о значении этой конференции и принятых ею решениях см. «Imprensa Popular», номера за апрель 1954 г., и «Известия» от 13 и 24/IV 1954 г.

² Л. К. Престес. Компартия Бразилии в борьбе за мир, за независимость страны и демократические права для народа. «За прочный мир, за народную демократию!», 5/IV 1953.

³ Подробнее об этих событиях см. «Правда» и «Известия» за сентябрь и октябрь 1954 г. и в частности статью В. Боровского («Правда», 7/IX) и Ромоса де Оливейра («Правда», 15/IX).

АРАУКАНЫ ЧИЛИ

В нескольких провинциях южной части центрального Чили живут арауканы — индейцы, некогда населявшие всю среднюю часть страны. История этого небольшого народа представляет значительный интерес, так как арауканы принадлежат к тем немногим группам индейского населения, которые в течение нескольких столетий после открытия и завоевания Америки европейцами успешно отстаивали свою независимость.

Ко времени прихода испанцев население равнины и предгорий Анд, жившее в пределах современного Чили, было неоднородно и разделялось на три основные группы — северную, центральную и южную. «Люди севера» жили на территории приблизительно от пустыни Атакамы до р. Мауле и были, повидимому, потомками древнего оседлого земледельческого населения страны с небольшой примесью пришлого элемента; на их культуре в значительной мере сказалось влияние инков. Между рр. Мауле и Тольтен обитали бродячие охотники, которым, однако, были знакомы начатки земледелия; в этот район в XIII или XIV в. вторглись племена из аргентинской пампы, которые отбросили часть прежнего земледельческого населения этого района к югу. Здесь, на территории между р. Тольтен и о-вом Чилоэ, это оттесненное население составляло небольшие прослойки оседлых земледельцев среди остатков древнего кочевоего населения горных районов и рыболовов побережья. Эта группа называлась «людью юга».

Ранняя история арауканов и испанское завоевание

Еще до прихода испанцев многочисленным племенам, населившим Чили, приходилось бороться за свою свободу. Они оказывали сопротивление попыткам инков покорить и присоединить к своему государству области, лежащие к югу. Инкам удалось покорить лишь север и часть центральной территории Чили. Их попытки проникнуть в расположенные к югу от р. Мауле области оканчивались неудачей. Инки основали ряд колоний среди завоеванного населения и обложили его данью. Это произошло в середине XV в. — к этому времени и относятся первые исторические сведения об индейцах Чили.

В начале XVI в. испанцы, покорившие Перу (государство инков), прослышав о золоте, добываемом в Чили, решили двинуться дальше на юг. В 1535 г., присоединив к своему отряду индейцев, испанский д'Альмагро попытался завоевать Чили. По ему не удалось продвинуться южнее р. Коньяно. В 1539 г. другой испанский авантюрист, Вальдивия, с горстью солдат (около 200 человек) отправился в поход на Чили. Ему удалось дойти до р. Мауле, которая до 1546 г. оставалась границей владений испанцев.

В одной из долин этого района был основан г. Сант-Яго, ставший впоследствии столицей страны. В 1546 г. Вальдивия сломил упорное сопротивление индейцев, пересек р. Мауле и вступил на землю арауканов.

Началось распределение земель между захватчиками и основание энкомьенд, положившее начало, как и в других районах Центральной и Южной Америки, возникновению крупного помещичьего землевладения.

Помимо добычи золота, в плодородных долинах Чили большое развитие получило сельское хозяйство. Индейцы — и приписанные к энкомьендам и пленные, захваченные в боях, — фактически были превращены в крепостных; их посылали на добычу драгоценных металлов и использовали в сельском хозяйстве. Работали они под надзором надсмотрщиков, снабженных плетью и огнестрельным оружием. На плечи или даже на щеки и лбы индейцев нередко наносили клейма.

Постоянные стычки с завоевателями, тяжелый непривычный труд на добыче золота, в рудниках, рабские условия работы в энкомьендах привели к тому, что индейское население Чили в течение первых 50 лет колонизации сократилось наполовину.

Свободолюбивые индейцы, однако, не покорились поработителям. Началась ожесточенная борьба, длившаяся более 300 лет. По словам одного испанского губернатора, покорение Араукании стоило Испании больше денег и людей, чем покорение всех остальных ее владений в Новом свете. Испанцы были хорошо вооружены, имели лошадей, а им противостояли вначале разрозненные и слабо вооруженные группы индейцев, превосходившие их лишь своей численностью.

Борьба становится ожесточеннее и затруднительнее для испанцев, когда арауканы, захватывая у испанцев лошадей и оружие (пики, мечи), стали применять новые методы борьбы.

В 1553 г. Вальдивия предпринял большой поход на юг. К этому времени отдельные группы арауканов начали объединяться для отпора захватчикам под руководством избираемого ими военного вождя. Первым вождем в 1552 г. был избран Кауполикан. В одной из первых битв принял участие молодой индеец Лаутаро, больше года служивший у Вальдивии и бежавший из испанского лагеря. Арауканы, впервые действовавшие по заранее обдуманному плану и под единым руководством, наголову разбили испанцев. Вальдивия был взят в плен и убит.

Губернаторы колонии пытались сократить территорию, занимаемую индейцами: они строили крепости на границах территории арауканов и постепенно продвигали свои укрепления все дальше, оттесняя, таким образом, индейцев вглубь страны. Под прикрытием этих крепостей строились города (рис 51). Начался захват индейских земель и с юга.

Отдельные столкновения и стычки вылились в самом конце XVI в. в восстание арауканов, в результате которого к 1602 г. были уничтожены испанские поселения в области между Арауко и Вальдивией. Испанцы вынуждены были заключить с арауканами договор, по которому признали р. Био-Био северной границей территории, занимаемой независимыми арауканами. Эта территория стала называться фронтера (от испанского слова *frontera* — граница).

В продолжение XVII и XVIII вв. на все попытки испанцев проникнуть на их территорию, оттеснить их в малоудобные лесные районы, арауканы отвечали вооруженным сопротивлением. Одновременно испанцы делали попытки привлечь арауканов на свою сторону путем подкупа отдельных

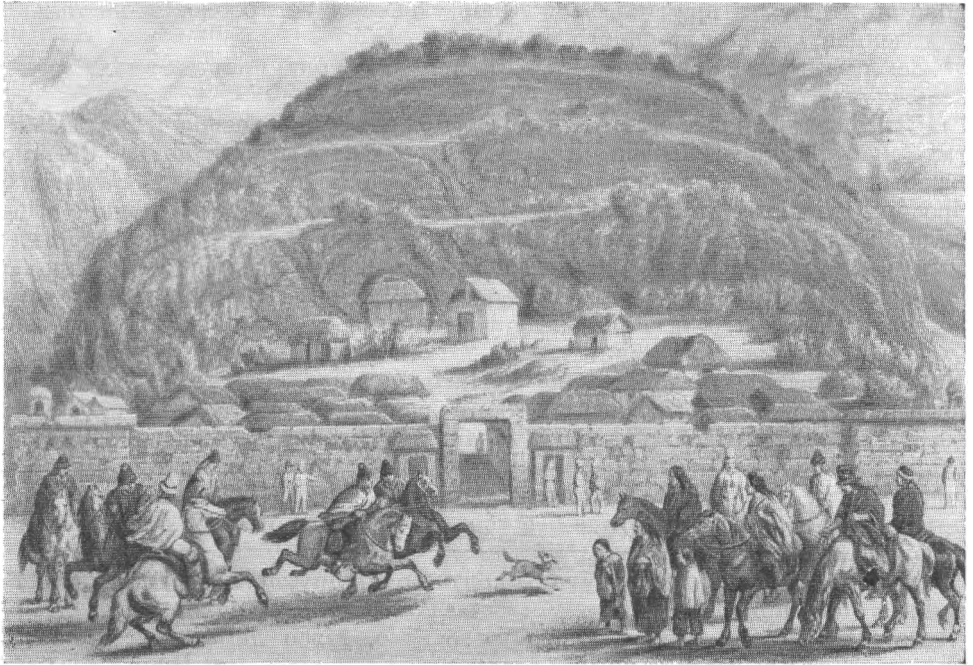

Рис. 51. Испанское укрепление в районе Арауко
(гравюра XVII в.)

пождей и влиятельных лиц: им давали титулы «начальников друзей» или «переводчиков» и выдавали небольшое ежемесячное жалование.

В 1773 г. Испании вынуждена была, хотя бы формально, признать независимость арауканов.

Хозяйство и быт арауканов до конца XIX в.

Несмотря на то, что арауканы в течение столетий сталкивались с европейцами и что отдельные пришельцы — пленные, миссионеры, торговцы — жили среди них, их материальная культура и образ жизни не слишком сильно изменились вплоть до конца XIX в.

Уже до прихода испанцев индейцы Чили выращивали картофель, бобы, кукурузу, просо и другие культуры. Им были известны восемь или девять сортов кукурузы, около четырнадцати видов бобов. Однако пшеница, введенная испанцами, постепенно вытеснила ряд местных культур.

Для обработки земли употребляли заостренную палку с обожженным концом или же вилообразную палку из твердого дерева, с надетым на нее для утяжеления просверленным камнем; эта же палка служила для выкапывания различных съедобных корней. Позднее индейцы усовершенствовали свое орудие, превратив его в подобие плуга; для изготовления его служил длинный изогнутый кусок дерева, обычно часть ствола с ветвью. Рабочий конец этого орудия заостряли. Затем этот плуг стали делать из двух частей, а нижний конец обивали железом. Прикрепляли рукоятку, которая проходила сквозь обе части плуга. Плуги подобного

рода до недавнего времени были в повседневном употреблении не только у индейцев, но и у пришлого населения.

Земля считалась общинной собственностью, она принадлежала всему селению.

В лесных районах для посевов выбирали менее заросшие места, выжигали кустарник, выкорчевывали корни, затем разрыхляли почву. Обычно каждый участок использовался лишь в течение одного года. Затем его бросали и переходили к следующему. Это было возможно благодаря изобилию земель, находившихся в распоряжении индейцев. Только впоследствии, когда арауканы были оттеснены испанцами, отнявшими большую часть их земель, они вынуждены были перейти к обработке одного и того же поля в течение нескольких лет подряд.

В земледелии принимали участие как мужчины, так и женщины. На обязанности мужчин лежала предварительная подготовка поля для посева, иногда они участвовали в сборе урожая. Все остальные работы — рыхление и очистка почвы, посев и уборка — производились женщинами. Обычно на основных сельскохозяйственных работах арауканы применяли коллективный труд: группа родственников поочередно обрабатывала друг у друга землю, иногда помогала и в уборке. У ожай, однако, принадлежал отдельному хозяйству.

До прихода испанцев арауканы почти не знали скотоводства. Единственным домашним животным у сельских групп арауканов была лама, служившая в качестве вьючного животного. Мясо ламы шло в пищу, шерсть — на выделку тканей. Позднее, благодаря знакомству с новыми видами домашнего скота (лошади, коровы, овцы, свиньи), введенными в страну испанцами, скотоводство получило значительное развитие.

В соответствии с этим изменилась пища, которая прежде, хотя и была разнообразна, состояла главным образом из растительных продуктов, так как охота была развита слабо и то лишь у некоторых групп индейцев: животный мир Чили беден. Наряду с деревянными и глиняными сосудами появились сосуды из кожи с коровьего вымени, из шкуры с головы лошади, кожаные мешки и сумки. Пищу варили, как и раньше, в глиняных сосудах. Для еды ее выкладывали или выливали в деревянные блюда и чашки. Кожаные сосуды употребляли для хранения молочных продуктов, а также зерна.

Одежда индейцев Чили до завоевания их инками делалась из шкур животных, а в ряде районов — из растительных волокон. Некоторые исследователи предполагают, что начатки ткачества еще до инков были знакомы арауканам, употреблявшим для изготовления тканей шерсть убитых гуапако. С приходом инков арауканам стала известна лама: с этого времени ткачество получило довольно широкое распространение на севере страны. Однако изготовление шерстяных тканей повсеместно распространилось лишь после того, как индейцы познакомились с разведением овец. С этого времени одежда арауканов-мужчин состояла из куска ткани, который проходил между ногами и концы которого закрепляли поясом, и из пончо. Женщины носили широкий и длинный, доходивший почти до ступней кусок перстяной ткани, который проходил под правой рукой и закреплялся на левом плече серебряной пряжкой; вне дома поверх еще надевали плащ из такой же ткани (рис 52). Волосы мужчины оставляли длинными, женщины заплетали в косы. Ленты и пояса, часто также и пончо, ткали богато орнаментированными. Орнамент был обычно геометрический; нередко встречалось и геометризованное изображение человеческой фигуры. Одежда окрашивалась растительными красками, чаще всего в синий или зеленовато-синий цвет.

Арауканы, главным образом женщины, носили разнообразные украшения. До знакомства с обработкой металла (технику которой они переняли от инков) носили ожерелья из полированных и просверленных кусочков камней зеленоватого и синеватого цвета. Жители побережья для украшений употребляли небольшие раковины или гальку. Овладев же обработкой серебра и золота, арауканы стали делать украшения из них — заколки, нагрудные подвески, ожерелья, серьги, кольца. Из серебра делали также стремена, накладным серебром украшали конскую сбрую. С появлением испанцев золотые украшения быстро исчезли из обихода.

В ремесле у арауканов существовало четкое разделение труда между мужчинами и женщинами. Мужчины занимались изготовлением оружия, деревянной посуды и обработкой металлов; женщины — гончарством, ткачеством и обработкой шкур.

Индейцы центрального Чили жили в сселениях, состоявших из небольших хижин. Хижины были конические, плетеные, обмазывались глиной. Они имели один вход, дымовое отверстие в крыше, окон не было. Крыша делалась из соломы или тростника. Величина хижины зависела от размера семьи. Каждую хижину занимал женатый мужчина со своей семьей. Его братья и другие родственники жили в соседних хижинах. Хижины были разбросаны группами, составляя как бы селение. Сселения эти невелики; по мере увеличения числа жителей неподалеку от старого селения основывали новое.

У индейцев южной группы сселение состояло из одного большого дома. В таком доме жила группа родственников — иногда до 80 человек. Помещения для отдельных семей разделялись перегородками. Каждая замужняя женщина имела свой очаг, над которым в крыше проделывалось дымовое отверстие. Если дом не мог уже вместить всех членов группы, к нему делались пристройки меньших размеров. Рядом с жилым домом находились постройки для скота и для хранения урожая.

Некогда в этих домах-селениях жили родственники по линии матери, но ко времени завоевания испанцами брак у арауканов был уже патрилокальным. В одном селении жили вместе отец, его жены и их дети, братья

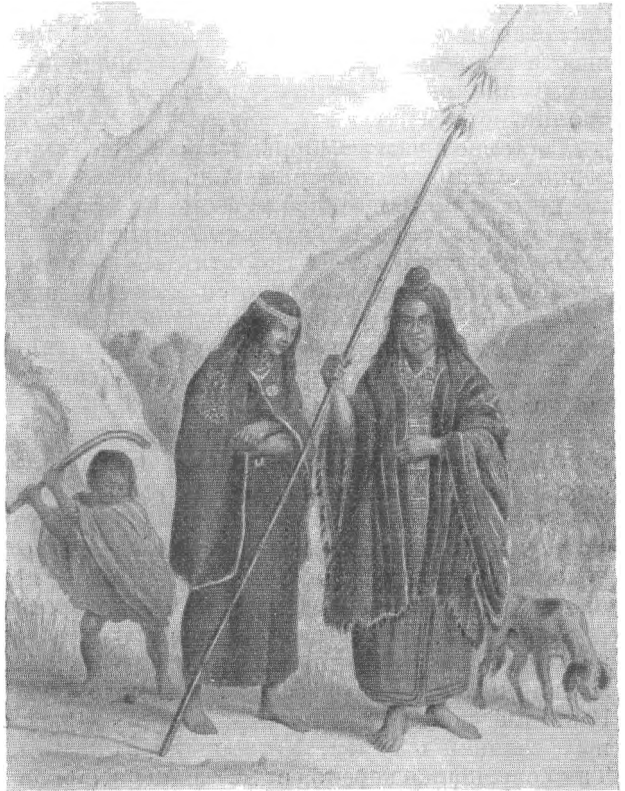

Рис. 52. Арауканы в национальной одежде
(гравюра начала XIX в.)

отца с женами и детьми, их взрослые сыновья с женами и т. д. Взрослая дочь, выходя замуж, уходила в селение своего мужа.

При заключении брака жених был обязан внести родственникам невесты в виде выкупа определенную плату, о размере которой он предварительно договаривался с отцом невесты. Этот вид брака испанцы называли «покушкой жены». Размер выкупа зависел от общественного положения невесты. В уплату с конца XVI в. обычно шел скот. Жених обязан был устроить и угощение. Брак считался действительным лишь после того, как выкуп был уплачен. В том случае, если жених не мог внести сам весь выкуп сразу, его сородичи помогали ему в этом. Иначе ему приходилось жить у жены до тех пор, пока он не выплачивал все сполна.

Составной частью брачного обряда была инсценировка похищения: жених с группой товарищей должен был «похитить» невесту. В случае же несогласия родителей невесты на брак устраивалось настоящее похищение. Тогда молодые прерменно укрывались либо в лесу, либо у родственника в другом селении. В этих случаях об условиях уплаты договаривались впоследствии, когда отец невесты соглашался признать брак.

Свадебные обряды заканчивались праздником. Всей этой церемонией руководил отец невесты.

Выкуп за невесту и притворное похищение сохранились у арауканов до последнего времени.

За четыре истекших столетия общественный строй арауканов претерпел серьезные изменения. В XVI в. он представлял собой переходное состояние от материнского рода к складывавшимся новым порядкам отцовского рода. Материнский род уже не представлял собой экономического единства и сохранял значение лишь при отправлении религиозных обрядов и церемоний, объединяя для этой цели членов данного рода — как живших в одном селении, так и разбросанных в разных селениях.

Все больше укреплялось положение мужа в семье; он постепенно становился главой семьи и стал занимать то место, которое прежде занимала женщина. Хозяином обрабатываемого участка также стал мужчина. Развитие скотоводства в стране создало возможность обогащения отдельных селений и семей. Установилось наследование по отцовской линии. Так совершался переход от материнского рода к отцовскому — здесь перед нами один из очень немногих примеров, когда этот переход происходил, можно сказать, на глазах истории.

Войны с испанцами также оказали сильное влияние на изменение общественного строя арауканов, которые вынуждены были объединяться для совместной борьбы против завоевателей. Стали познать объединения племен, сначала временные, затем более прочные. В конце концов общественная организация арауканов вылилась в своего рода союз племен, сходный в некоторой степени с Союзом ирокезов или Союзом семи костров у дакотов в Северной Америке. Во главе союза стояло несколько вождей.

До прихода испанцев старшины отдельных селений или родов были также и военными предводителями, но после того как арауканы стали объединяться, за этими старшинами (должность которых была наследственной) сохранились только функции внутреннего управления, а военное руководство перешло в руки особых выборных вождей.

Союзные вожди возглавляли так называемые «вутан-мапу» («большая земля») — территориальные объединения племен, сложившиеся лишь в эпоху борьбы с испанцами. Каждое вутан-мапу имело свое название — «Земли моря» (побережье), «Земля равнин», «Земля, близкая к снегу», «Земли

снега» и «Земля людей юга». Вначале вожди этих объединений избирались лишь на время войны. Впоследствии эта должность сделалась наследственной и передавалась от отца к сыну. Во время общих войн, на период военных действий, из числа этих вождей выбирался главный военачальник.

Вопросы, связанные с войной, решались при участии всех взрослых мужчин племени. Для этого вождь посылал гонца с окровавленной стрелой к вождям всех селений, предупреждая их о времени и месте сбора. Собрание племени начинали с принесения жертв предкам. В жертву приносили пленника или, если его не было, ламу. Затем следовало обсуждение предполагаемого похода; выбирался военный вождь.

Если же предполагались совместные действия нескольких племен, то один из вождей посылал к остальным гонца со стрелой, к которой привязывали красную нить — символ крови. По получении такой стрелы каждый вождь в случае своего согласия привязывал к ней шерстяной шнур определенного цвета. Число узлов на этом шнуре указывало на число воинов, которым он располагал. Получив такие шнуры, вождь определял, на какие силы он мог рассчитывать. Эти шнуры, сходные с перуанскими кину, назывались «прои». После совета вождей, на котором избирали общего военного вождя и обсуждали подробности будущего выступления, все возвращались в свои селения для подготовки. О времени выступления извещали также посредством шнуров разного цвета, на которых завязывали узлы, указывавшие на число месяцев и дней. Каждый день обозначался одним узлом.

В случае победы снова приносились жертвы — на этот раз непременно человеческие. Во время боев выделялись воины, на обязанности которых лежало взять в плен живыми несколько воинов противной стороны. Изредка, когда число пленников было значительным, убивали столько человек, сколько требовалось для умилоствления предков и духов, а остальным даровали жизнь. Некоторых из них обменивали, наиболее храбрых иногда усыновляли, прочих оставляли рабами. Рабство было, однако, патриархальным — уровень развития производительных сил еще не допускал широкого применения рабского труда.

Колониальное угнетение

До середины XIX в. араукапам удалось сохранить свою независимость. Но в это время усилилось проникновение с севера страны людей, искавших убежища от преследований правительства и полиции, или пытавшихся избавиться от невыносимо тяжелой жизни арендаторов и батраков в поместьях. В 1850-х годах начался захват земель с юга, от Вальдивии; в этот район началась иммиграция немцев-колонистов. Успешное заселение немцами лесов юга, до тех пор считавшихся непроходимыми, побудило интерес к этим землям у правительства Чили и отдельных лиц. К этому времени единственными «незанятыми» землями в стране, пригодными для земледельческой колонизации, были земли фронтеры, которые, однако, принадлежали индейцам по договору. В 1866 г., под предлогом защиты индейцев от незаконного вторжения на их земли, правительство издало закон о поселении индейцев в специально отведенных для них резервациях. «Свободные» земли стали постепенно продавать колонистам. Подобное положение привело к восстаниям, которые особенно усилились в конце 1870-х — начале 1880-х годов, когда правительство Чили, занятое войной с Перу и Боливией, вынуждено было оттянуть войска, стоявшие в гарнизонах на границах Араукании. После войны, в 1883 г., правительство бросило войска на подавление

посставий, окончательно «усмирив» арауканов. Земли фронтеры были объявлены собственностью государства и разделены на провинции.

Большое количество земель было роздано участникам войны, помещикам. Стали быстро вырастать полные города и селения, грунтовые и шоссе-сые дороги пересекли территорию бывшей Араукании.

Земли в резервациях передавались арауканам на имя вождей для общинного пользования. Площадь резерваций была сильно сокращена, хотя вначале имела еще довольно значительные размеры. Правительство, идя навстречу интересам помещиков и колонистов, издавало постановления, сокращавшие количество неотчуждаемых общинных земель индейцев. Кроме того, владельцы поместий, соседних с индейскими резервациями, стремясь увеличить свои владения, покупали небольшие участки, принадлежавшие индейцам, а то и просто передвигали ограды своих владений на чужие, индейские, земли.

Аграрная политика правительства по отношению к индейцам в основном сводилась к стремлению уничтожить их права на общинное владение землей. Долгое время арауканы сопротивлялись этому, но в конце концов, в 1930 г., в лице нескольких тысяч своих представителей, собравшихся в Бороа, вынуждены были прийти к решению, что единственной возможностью сохранить за собою вообще какие-либо права на землю является подчинение законам республики на общих основаниях с остальным ее населением, т. е. признание частной собственности на землю. Но это по существу означало обезземливание индейцев под покровительством закона.

Один из буржуазных американских ученых вынужден был признать, что уничтожение общинного землевладения означает «действительное уничтожение столь долго существовавшей независимости арауканов»¹. Характерно, что немедленно после принятия этого решения в Бороа часть арауканов, живших вблизи г. Темуко, была выселена, чтобы освободить место для строительства аэродрома. В компенсацию им выдали всего 100 песо — по тогдашнему курсу около 13 долларов!²

Современный быт и культура

Капитализм все более и более уничтожает национальные особенности, самобытность культуры индейского населения Америки. Исчезает своеобразие культуры арауканов. В настоящее время образ их жизни мало чем отличается от образа жизни беднейших слоев крестьянства Чили, от которых их обособляет главным образом язык.

Основными занятиями арауканов являются скотоводство и земледелие. Разводят овец, в меньшей степени лошадей и рогатый скот. Выращивают пшеницу и картофель, кукурузу, вику, бобы.

В упадок пришли домашние производства, еще недавно широко распространенные среди арауканов. Отчасти сохранилось ткачество — почти все женщины умеют прясть шерсть и изготавливать ткани, которые находят сбыт и на городских рынках. Плетением корзин, гончарством и изготовлением украшений из серебра сейчас занимаются лишь немногие лица; остальное население покупает нужные изделия у ремесленников или в соседних городах.

¹ G. M c B r i d e. Chile: land and society. New York, 1936, стр. 313.

² Этот факт приведен в кн.: M. T i t i e v. Araucanian culture in transition. Ann Arbor, 1951, стр. 15.

Сохранились некоторые элементы национальной одежды, старые формы жилища. Мужчины носят грубые шерстяные рубашки, широкие штаны. Голову повязывают куском ткани или надевают широкополые шляпы. Шерстяные пончо попрежнему являются непременной частью одежды. Женщины носят широкие кофты и юбки, передники; из национальной одежды сохранился плащ. Как и прежде, любят носить серебряные украшения (рис. 53).

Хотя в последние 40—50 лет все чаще строят деревянные дома, наиболее распространенным типом жилища являются плетеные хижинки с тростниковой крышей. В этих хижинах нередко живет по нескольку семей.

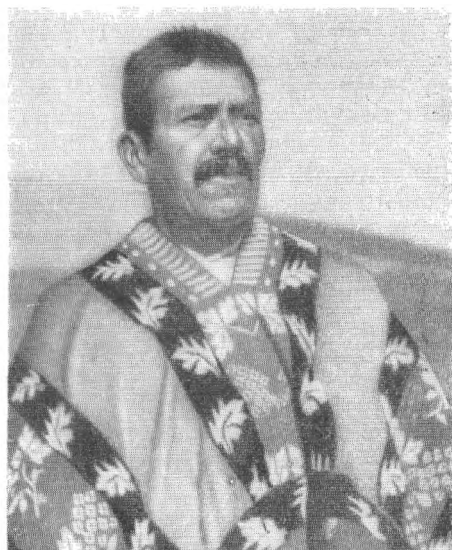

Рис. 53. Современные арауканы

Большая часть арауканов до настоящего времени неграмотна. Сельские школы находятся обычно в руках католических миссионерских организаций. Преподавание ведется на испанском языке. Только отдельным лицам удастся получить среднее или высшее образование.

Среди арауканов существует имущественное расслоение. Зажиточная перхушка — вожди, лица, владеющие большими участками земли и большим количеством скота, чем другие жители селения, нередко жестоко эксплуатируют своих собратьев. Обезземленные индейцы ищут работы в городах, на рудниках, нанимаются батраками, пастухами к зажиточным соплеменникам или владельцам поместий. Многие крупные землевладельцы предпочитают иметь арауканов в качестве работников: как и во всех странах Латинской Америки, труд индейцев оплачивается дешевле, им дают худшую пищу и худшее жилье, чем другим батракам.

Грабег индейских земель продолжается до настоящего времени. Власти не оказывают индейцам никакой помощи; преступления, совершаемые чилийцами против индейцев, остаются безнаказанными.

Но арауканы уже создают для защиты своих интересов организации, которые ставят перед собой политические цели.

Борьбе за независимость и права арауканов большое внимание уделяет Коммунистическая партия Чили. Она следующим образом определяет

слою политику по отношению к арауканам: «Необходимо бороться, за то, чтобы наши братья араукашцы рассматривались не только как крестьяне, но и как угнетенное национальное меньшинство; чтобы араукашские общины, потерявшие свою землю в результате ограбления и испытывающие земельный голод, получили землю; необходимо бороться за право араукашцев развивать свою культуру на родном языке; за признание властей, избранных самими араукашцами; за признание юридических прав араукашских общин»¹.

¹ Цит. по кн.: У. Ф о с т е р. Очерк политической истории Америки. М., 1953, стр. 821.

ИНДЕЙЦЫ ОГНЕННОЙ ЗЕМЛИ

Большая часть территории архипелага Огненной Земли принадлежит Чили и лишь восточная и юго-восточная части о-ва—Огненная Земля — Аргентине. Архипелаг состоит из нескольких больших и довольно значительного числа мелких островов. Климат Огненной Земли влажный и холодный, но без резких годовых колебаний температуры.

Западная и северо-западная части архипелага состоят из островов, покрытых лесистыми горами; северо-восток (о-в Огненная Земля) в большей своей части представляет ровную, сухую, безлесную низменность, в северной и центральной частях покрытую прерывными пастбищами; юго-запад о-ва Огненная Земля и южное его побережье окаймлены широкой полосой гор, нижняя часть которых, так же как и предгорья, покрыта густыми березовыми и буковыми лесами.

В этом районе находятся наиболее высокие горы Огненной Земли, поднимающиеся выше 2000 м над ур. моря. Величественное зрелище представляют собою огромные ледники, спускающиеся прямо в море: южная часть архипелага, доходящая до мыса Горн, состоит из мелких скалистых островов, кое-где покрытых низкорослыми породами бука и кустарником.

В прежние времена архипелаг Огненная Земля и острова вдоль западного берега южной части Чили были населены тремя группами индейцев, которые отличались друг от друга языком и образом жизни.

Северная группа — индейцы сельк-нам (бна) — прежде занимала северную и восточную часть о-ва Огненная Земля. По своему физическому типу эта группа резко отличалась от остальных групп огнеземельцев. Индейцы бна обладали высоким ростом, как и их ближайшие соседи на материке — патагонцы. Главным источником их существования являлась охота на гуанако при помощи лука и стрел. Шкуры этих животных служили им одеждой; ими же покрывалось жилище. Она делилась на многочисленные роды; каждая родовая группа переходила с места на место в пределах определенной территории.

Западная часть архипелага Огненная Земля и Западно-Патагонский архипелаг были населены индейцами-алакалуфами. Алакалуфы являются наименее изученной группой огнеземельцев. Жили они морской охотой, рыбной ловлей и сбором моллюсков; в поисках пищи передвигаясь в лодках по многочисленным проливам, разделяющим острова их суровой и неприветливой родины.

В южной части архипелага жили ймана (яганы)—самые южные обитатели земного шара. Внешне они мало отличаются от алакалуфов; для них характерны небольшой рост (средний рост мужчин — 157 см, женщин — 147,4 см), хорошо развитые верхняя часть тела и руки, но слабо развитые ноги. Дело в том, что они большую часть своей жизни проводили в:

лодках подобно алакалуфам, постоянно передвигаясь по проливам в поисках явци.

В настоящем очерке будет рассказано о жизни главным образом ямана — этих приморских охотников, рыболовов и собирателей.

Старый быт и культура огнеземельцев

Предки огнеземельцев некогда пришли в эту негостеприимную страну с севера, видимо вытесненные с прежних мест обитания более сильными племенами. Попав в суровые условия, они не могли достаточно развить производительные силы, хотя и создали своеобразную, глубоко самобытную культуру. На огнеземельцев, стоявших на довольно низком уровне развития человеческого общества, географическая среда оказала значительное воздействие — неблагоприятные природные условия наложили яркий отпечаток на их хозяйство и культуру.

Животный мир прибрежной, гористой части островов чрезвычайно беден. Поэтому вся жизнь индейцев была сосредоточена на берегу моря. Охота на различных животных, птиц и рыб, которыми изобилует море и побережье, составляла основу их хозяйства. Не менее важное значение имело собирание моллюсков. В поисках пищи жителям островов постоянно приходилось переезжать с места на место. «Поиски средств существования, которые являются почти единственным и постоянным занятием огнеземельца, объясняют его привычки и образ жизни. Когда в непосредственной близости начинает не хватать ракушек, он меняет место своего жительства и начинает искать, чем бы поддержать свое питание: отсюда постоянное перемещение и бродячая жизнь, на которую он обречен», — писал в конце XIX в. участник одной из экспедиций на Огненную Землю¹.

Охотой на морских животных, птиц и промыслом крупной рыбы занимались исключительно мужчины, рыбной ловлей и собирательством — женщины. Охотились главным образом на тюленей, дельфинов, выдр, а восточные ямана, как и индейцы она, на гуанако.

На тюленей обычно охотились с лодок при помощи гарпунов. Животных подманивали похлопыванием весла по воде или подражая их крику. Ранев тюленя с лодки, ямана выскакивали на прибрежные скалы и вытягивали зверя на сушу. Существовал и другой способ охоты: нападение на животных, вышедших на берег. Подкрапываясь к тюленям, их оглушали деревянными дубинками или убивали копьем. Если в охоте принимало участие несколько человек, они устраивали облаву, стараясь отделить часть тюленей от стада.

Выдру всегда промышляли с помощью собак. Выслеживая выдру, высунув морду из воды, ямана пытался бесшумно подъехать к ней на лодке и, улучив момент, метнуть в нее копье или гарпун. Раненое животное втаскивали в лодку. В случае промаха, а также когда раненое животное пыталось снагнись, в море бросали собак, которые преследовали выдру до самого берега, не давая ей уйти обратно в море. Обычно собаки загоняли животное в нору и пытались загрызть его. На выдру охотились исключительно ради шкуры, из которой делали одежду.

Основным оружием охотника были гарпуны и копье. Гарпуны употребляли для охоты на тюленей, дельфинов и китов. Наконечник гарпуна из китовой или тюленьей кости прикреплялся отдельным ремнем к древку

¹ «Mission scientifique du Cap Horn», 1882—1883, t. I. Paris, 1888, стр. 196.

так, что, отделившись от него и оставаясь в ране, он волочил древко за собой (рис. 54, 55).

Копье, при помощи которого охотились на суше на крупных животных — тюленей, отличалось от гарпуна лишь прочно закрепленным наконечником. Копья же, употреблявшиеся при охоте на мелких животных, птиц или рыб, делались из более легких пород дерева; наконечники их также были костяными или, изредка, деревянными, но с большим количеством зубцов, обычно с одной стороны. Для битья крупных пород рыб к копыю привязывали второй наконечник.

Лук и стрелы уже в середине прошлого столетия почти исчезли из употребления у яманов и служили лишь для охоты на птиц (рис. 56). При морской охоте в лодку с собой брали все виды оружия, которые могли понадобиться.

Меньшее значение в хозяйстве огнеземельцев имела охота на птиц. Охотились главным образом на уток, пингвинов и бакланов. Существовали различные способы ловли: при помощи силков, пращей и, изредка, лука и стрел. Западные группы ямана устраивали на охоте засады: охотник скрывался в небольшом шалаше из ветвей, к которому он подманивал уток, подражая их крику. Сквозь щели шалаша он просовывал длинные тонкие прутья, к концам которых приделывалась скользящая петля из полосы китового уса. Различные силки в виде петель иногда

Рис. 54. Индеец, бросающий гарпун
(с фотографии 80-х годов XIX в.)

укрепили над гнездами либо же прикрепляли к палочкам с приманками, воткнутым в землю на открытом месте. Бакланов, водящихся преимущественно на крутых береговых скалах, ловили ночью. Обвязавшись ремнем из тюленьей кожи и привязав другой конец ремня к выступу скалы, индейцы осторожно и бесшумно спускались на уступы, на которых обычно спят бакланы, спрятав голову под крыло. Охотник подкрадывался к птице, охватывал ее обеими руками и прокусывал ей голову. Летом таким же образом, т. е. спускаясь по скалам на ремнях, выбирали яйца из птичьих гнезд.

Женщины, как уже указывалось, занимались собиранием моллюсков, крабов и рыбной ловлей. Каждый день, во время отлива, а нередко и ночью, если ночной отлив был больше дневного, женщины небольшими группами отправлялись на берег собирать моллюсков, которые служили

основной пищей семьи. Ночью обычно брали с собой горящие головни. Ракушки собирали в корзины, которые вешали на руку. Единственным орудием, употребленным иногда, была заостренная палка, которой отрывали раковины от скал и камней. Девочки с малолетства сопровождали матерей, приучаясь помогать им.

Ловили морскую рыбу, а также собирали морских ежей и крабов. Женщины ямана «удят в своих лодках всякий раз, как только позволит погода... Они выезжают на рыбную ловлю в любое время, даже ночью, если светит луна или если после длинных летних дней ночь так коротка, что похожа на сумерки»¹. Мужчины почти никогда не помогали им в этой работе.

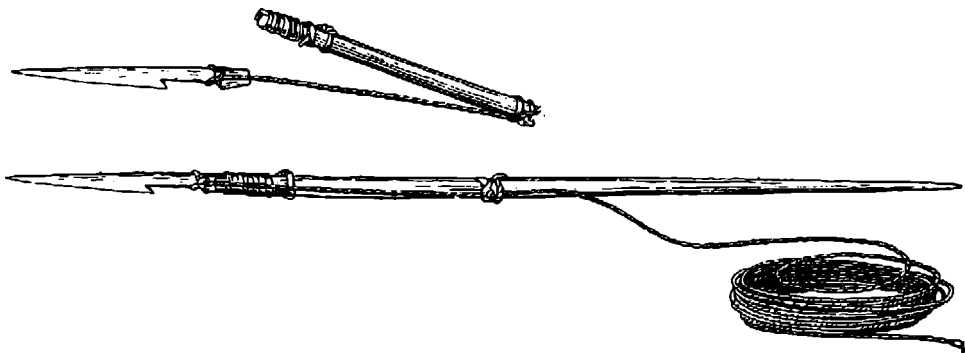

Рис. 55. Гарпун

Обычным рыболовным снарядом служили леска, изготовлявшаяся из длинных морских водорослей, которые скручивали еще влажными. Подсохнув, они образовывали своего рода веревку, которая в воде становилась эластичной. Однако она не выдерживала большой тяжести. Иногда употребляли лески, плетеные из китовых сухожилий. К концу лески привязывали небольшой камень для груза и, на самом конце, скользящую петлю из стержня птичьего пера, в которой укрепляли приманку — кусок рыбы или моллюска.

Мелкую рыбу ловили просто корзиной, прикрепленной к концу рукоятки гарпуна.

В тихую, ясную погоду, которая на Огненной Земле — редкость, женщины с лодок ловили крабов, морских ежей и некоторые виды крупных моллюсков. При этом они употребляли орудие (подобие остроги), состоящее из длинного древка (до 3 м), к которому прикрепляли деревянные наконечники — либо в виде узкой лопаточки, расщепленной посередине, либо небольшой палки, расщепленной на четыре части. Наконечники привязывали к древку ремнями или полосами китового уса. Добычу протыкали этой острой, вытаскивали из воды и бросали на дно лодки. Женщины прекрасно плавали и нередко ныряли в море за добычей.

Лодки делали из коры; естественно, что они были недолговечны. В среднем лодка могла прослужить от четырех до шести месяцев. Изготовление ее было довольно сложно. Чтобы пайти дерево нужных размеров, иногда приходилось предпринимать длительные поиски. Над одной лодкой работало вместе двое-трое мужчин. При помощи костяных скребков

¹ «Mission scientifique du Cap Horn, 1882-1883», t. VII. Paris, 1891, стр. 368.

кору осторожно снимали с дерева, подвизывая ремнями, чтобы она не переломилась. Затем ее осторожно очищали и сглаживали острыми раковинами. Кору все время держали влажной и сверху накладывали на нее тяжелые камни, чтобы она не коробилась. На лодку шло обычно три куска коры. Вырезанные куски сшивали между собой, делая по краям костяным шилом отверстия, через которые продевали узкие полосы китового уса или тонкие гибкие прутья. Чтобы придать лодке нужную форму, между бортами ставили деревянные распорки, которые крепко привязывали к бортам. Изнутри лодку почти сплошь выкладывали расщепленными широкими прутьями, что придавало ей значительную прочность. На середине лодки делали из земли и камней небольшое возвышение, на котором разводили костер, поддерживавшийся в течение всего времени переезда или ловли. Длина лодки колебалась от 4 до 6 м, ширина — от 70 до 90 см. Такая лодка поднимала человек семь (из них обычно трое — четверо детей). Скамеек в лодке не было — сидели на дне. Гребли всегда женщины.

Русский путешественник Ионин, пораженный искусством, с каким огнеземельцы, при отсталости своей техники, изготовляли подобные лодки, писал: «И как это вода не проходит сквозь такую, поистине утлую, ладью...

Оказалось, что вся она сшита и связана тоже лыком, но как сшита! Это просто ювелирная точность и изящество работы... Лыко скручено в тонкие веревочки, но столь ровные и плотные, что, проходя через дырочки коры, они не оставляют в ней ни малейших отверстий, в которые могла бы просочиться вода»¹. Вода все же, конечно, просачивалась, и ее вычерпывали ведерками, сделанными из коры или створками раковин.

Этот тип лодок уже к концу XIX в. стал выходить из употребления и заменился дощечками, которым придавали остроконечную форму

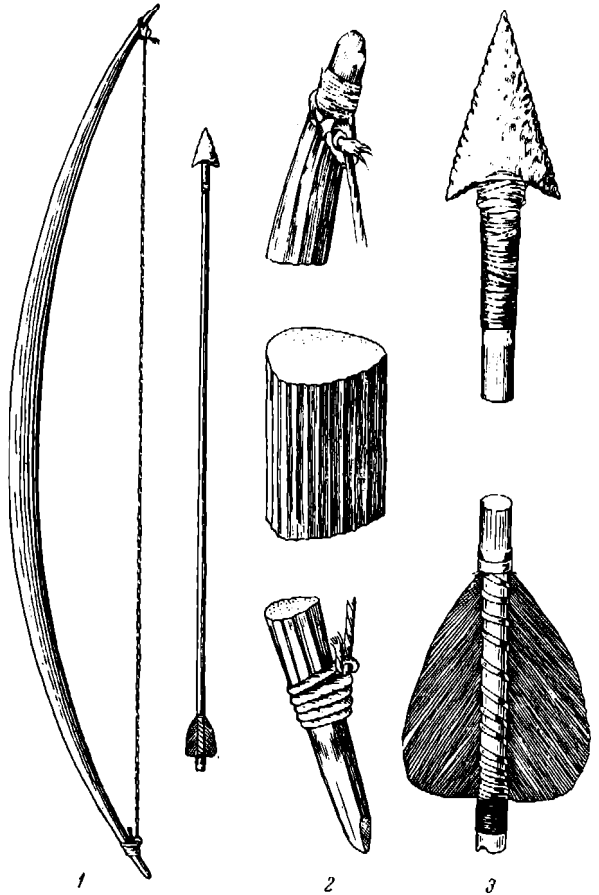

Рис. 56. Лук и стрелы огнеземельцев (óпа)

1 — лук и стрела; 2 — прикрепление тетивы; 3 — прикрепление наконечника и оперения стрелы

¹ А. С. Ионин. По Южной Америке, т. III. СПб., 1893, стр. 90.

лодок из коры. Изготовление долбленок было облегчено применением железных орудий — топоров и ножей. Но железа было мало — полуиндигцы не могли его покупать. Поэтому им приходилось употреблять для изготовления своих орудий то, что дала им природа, т. е. кости животных, раковины, куски камня.

Посмотрев на холодный и влажный климат, единственной одеждой ямана служила шкура выдры или тюленя. Изредка сшивали две или три шкуры, но и спитые, они давали лишь небольшую защиту от холода, так как покрывали спину только до пояса и не запахивались спереди. Носили их накинутыми на плечо с той стороны, откуда дул ветер. Женщины, кроме того, носили небольшие меховые треугольные переднички. Украшениями были ожерелья, которые носили и мужчины и женщины. Наиболее распространены были ожерелья из маленьких ракушек, — отверстия в них делали трением о камни. Кроме того, женщины носили на руках и ногах браслеты из полосок кожи.

Всех наблюдателей поражала необычайная выносливость индейцев Огненной Земли. Они ходили полуобнаженными даже в такую погоду, при которой европейцы, будучи тепло одетыми, зябли. Чарльз Дарвин, видевший огнеземельцев во время своего кругосветного путешествия (1832 г.), с удивлением отмечал эту их особенность. Он рассказывает, например, как «женщина, кормившая грудью новорожденного ребенка, подошла однажды к кораблю и оставалась на месте единственно из любопытства, а между тем мокрый снег, падая, таял на ее голой груди и на теле ее голого малютки»¹.

Главной защитой огнеземельцев от холода был огонь костра, который они постоянно поддерживали в хижинах и на лодках. Ямана всюду носили огонь с собой, хотя добывание его не было связано с особыми трудностями. Она, ямана и алакалуфы были почти единственными племенами Южной Америки, добывавшими огонь высекаем, а не трением. Для этого служили кремь и пирит. Кремь большинством ямана получало путем обмена от алакалуфов, так как его находили на северном берегу п-ва Брекнок, за пределами канала Бигль. Пирит встречался во многих местах на юге. Искры высекали на птичий пух или сухую траву.

Огонь не только грел людей, им пользовались для различных целей: обрабатывая кору для лодок, ее размягчали над костром; прежде чем вить веревки или выделывать корзинки, пучки тростниковых стеблей также держали над огнем; иногда крупные деревья сжигали, разводя под ними огонь.

Огонь служил и для приготовления пищи — в сыром виде обычно ничего не ели.

Сосудов для варки пищи у ямана не было, да и другой посуды они почти не имели. В ведрах, сшитых из коры, держали воду (но долго она не удерживалась — максимум несколько часов). При питье воду черпали витой раковиной. Наиболее удобной посудой огнеземельцев были створки больших плоских раковин. Иногда в них слегка подогревали воду, опуская туда горичие камни. Мясо разрезали на тонкие куски и поджаривали на раскаленных камнях или на тлеющих углях; рыбу, птицу и яйца цекли в золе. Ракушки клали в горячую воду, содержащее их парилось, так как в раковине всегда сохранилось немного морской воды, которая успевала закипеть, прежде чем оболочка раковины лопалась от жара.

¹ Ч. Д а р в и н. Путешествие натуралиста вокруг света на корабле «Бигль» М.—Л., 1941, стр. 183.

Ямана очень высоко ценили жир тюленя и кита, тщательно его сохраняли, набивая им кишки этих животных. В пищу шли также некоторые ягоды, корни дикого сельдерея и грибы.

Вокруг жилища ямана всегда вырастали кучи отбросов, главным образом раковин. Иногда эти кучи достигали значительных размеров и содержали, кроме пищевых отбросов, также орудия из кости и камня. На основании этих находок можно определить прежние места стоянок ямана и даже попытаться установить древность их поселений.

Рис. 57. Жилище ямана

Жилище ямана было настолько примитивно, что плохо защищало их от непогоды. У западных ямана хижина была обычно куполообразной и напоминала своим размером и формой большой стог сена (рис. 57). По кругу или овалу в землю втыкали большие ветки, верхушки которых падали внутрь круга и переплетались между собой. На востоке же хижины чаще были конической формы и делались из стволов деревьев, притых в землю также по кругу. Верхушки их связывали. Такая хижина имела в высоту до 1,6 м, площадь ее основания достигала 2×3 м. Входное отверстие, — иногда бывало их два, — высотой немного превышало метр. Хижины обоих этих видов летом покрывали листьями, корой или водорослями, внизу обкладывали дерном или землей. Зимой покрывками для хижин служили тюленья шкуры, нередко сшитые вместе по нескольку штук. Эти покрывки были настолько тяжелы, что их делили на две-три части. Во время переездов на новое место каждую часть этой «крыши» перевозили на отдельной лодке. Посреди хижины выкапывали углубле-

ние в полметра глубиной, где разводили костер; обитатели хижины располагались вокруг него. Иногда закигали еще два-три небольших костра поодаль от главного. Ямана тщательно поддерживали огонь в костре. В главный костер клали два-три длинных ствола, которые сначала даже торчали из хижины; по мере сгорания их подвигали в огонь. На ночь огонь притушивали, оставляя тлеющие угли. На постройку хижины уходило час-два, реже полдня. Каждая хижина давала убежище двум-трем семьям, обычно слезанным близким родственом. Семьи располагались по обеим сторонам от входа; их обычно разделял очаг.

Для стоянки всегда выбирали место на берегу моря, чаще всего на защищенной от господствующих ветров стороне одной из многочисленных бухт, которыми изрезаны берега островов. Необходимым условием также являлась близость пресной воды.

Огнеземельцы редко жили на одном месте дольше двух недель. Когда стоянку меняли, остов хижины оставляли на старом месте, — этим жилищем могла пользоваться другая группа. Случалось, что спустя некоторое время обитатели возвращались в прежнее жилище, но опять лишь на короткий срок.

Ямана жили, как указывалось, группами по две-три семьи в хижине. Передвижения нескольких таких родственных между собою групп были ограничены определенной территорией, размер которой определялся географическими условиями (обычно это была группа островов). Лишь изредка, когда к берегу прибывало туру кита, на этом месте образовывался лагерь, который временно объединял 100—200 человек. Соседним группам сообщали об этом при помощи дымовых сигналов. Когда собравшиеся съедали мясо, они снова разъезжались в разные стороны.

Кочевавшие на определенной территории группы были экзогамны; обычно браки заключались между членами ближайших групп.

Девушку выдавал замуж отец, который получал за нее подарки — лодку или выделанные шкуры. Но значительно чаще юноше приходилось отработывать себе жену. До рождения первого ребенка муж переходил жить в хижину родителей жены. По наблюдениям участников французской экспедиции 1882 г., молодой муж жил с родителями жены до тех пор, пока он не обзаводился лодкой, сделанной им самим. Если же мужчина обладал уже собственной лодкой и орудиями лова, то жена сразу переходила в группу мужа.

Сохранялись черты древнего поло-возрастного деления. Юноши и девушки, достигшие определенного возраста, проходили через серию посвященных обрядов, во время которых посвящаемых наставляли в племенной морали и обычаях.

По представлению огнеземельцев, вся природа — море, скалы, леса — была населена духами, враждебно относившимися к человеку. В лесах и горах, особенно по ночам, бродят души умерших. Ямана избегали произносить имя покойного, говоря: «он ушел», «его больше нет». Трупы прежде сжигали, затем (может быть, под влиянием миссионеров) стали зарывать. Зарывали либо в хижине, которую затем сжигали, либо в каком-нибудь отдаленном месте, заваливая могилу камнями. Вещи, принадлежавшие покойнику, сжигали или раздавали его друзьям. Родственники в знак траура срезали себе волосы на затылке и раскрашивали лица сажей, смешанной с жиром.

Главную роль в религиозных обрядах ямана играли знахари-шаманы. Они считались врачевателями и в своей практике сочетали знахарские приемы с чисто шаманскими действиями — призыванием духа-покровителя и пр.

Истребление индейцев Огненной Земли колонизаторами

Несмотря на то, что европейцы попали в район Огненной Земли раньше, чем во многие другие области Южной Америки, коренное население этих мест долгое время почти не сталкивалось с белыми и с «благами» их цивилизации. Лишь редкие экспедиции и отдельные миссионеры посещали этот суровый и не сулящий выгод район. Однако сто лет назад, с середины XIX в., началось «освоение» южных частей Чили и Аргентины, здесь стало развиваться скотоводство, было найдено золото. Возникли поселения — Пунта-Аренас, Пуэрто-Айсен и др. Колонисты-скотоводы начали заселять северо-восточную часть острова Огненная Земля. Земли, принадлежавшие индейцам, были перегорожены проволокой на отдельные участки. Индейцы она были лишены возможности охотиться на гуанако, а этот промысел составил основу их существования. Одна из английских газет писала в 1882 г., что названный район, очевидно, вполне подойдет для скотоводства, «однако оборотной стороной этого плана является необходимость истребить огнеземельцев»¹. Во имя такой «необходимости», якобы для «защиты» своих стад и своей безопасности, колонисты начали дикое преследование индейцев, живших вблизи ферм. Убивали каждого индейца, осмелившегося приблизиться к ферме, организовывали настоящие облавы с собаками. За убитого индейца платили премию, причем ее сумма равнялась той, которую платили в южной Патагонии за убитого хищного зверя (фунт стерлингов). Наиболее «предприимчивые» из колонистов сделали из этого черного дела «бизнес», посылая черепа убитых индейцев в Лондонский антропологический музей и получая до 8 фунтов стерлингов за каждый череп! В своем стремлении уничтожить коренное население колонизаторы прибегали к самым подлым способам истребления индейцев. Если удавалось поймать индейского ребенка, то ему впрыскивали бактерии заразных болезней и отпускали обратно к сородичам, заражая таким образом целые группы. Существовал еще и другой способ: стрихнином отравляли мясо, оставляя его на видных местах в расчете на то, что оно будет съедено голодными индейцами.

Уцелевшие индейцы вынуждены были скрываться в лесистых районах острова, где они были обречены на вымирание из-за отсутствия гуанако. В конце концов аргентинское правительство изолировало оставшихся в живых индейцев, поставив их под надзор миссионеров. В 1891 и 1893 гг. на о-ве Даусон и на восточном берегу о-ва Огненная Земля — на Рио-Гранде — были организованы католические миссии. «Войска рыскали по стране, окружали туземцев и гнали их как скот к миссиям. Семьи безжалостно разделяли», — вынужден был констатировать один из буржуазных ученых².

В 1896 г. русский ботаник Альбов в одном из своих писем с Огненной Земли сообщал: «Одним из главных событий в Ушуае (поселение на южном берегу острова) было прибытие на-днях, с пароходами, 89 индейцев Лона, с восточного берега Огненной Земли. Они были захвачены в плен шэфом полиции во время охоты на индейцев... Пленных водворили в Ушуае для увеличения населения колонии»³.

Такими приемами постепенно уничтожали индейцев, чтобы на их землях разводить овец.

¹ Цит. по кн.: М. G u s i n d e. Urmenschen im Feuerland. Berlin, 1946, стр. 100.

² S. L o t h r o p. The Indians of Tierra del Fuego, New York, 1928, стр. 23.

³ Из заграничных писем Н. М. Альбова. «Землеведение», М., 1899, кн. I—II, стр. 148.

В настоящее время вся пригодная для скотоводства территории о-ва Огненная Земля принадлежит иностранным компаниям.

Столь же трагично сложилась судьба южной и западной групп огнеземельцев, хотя проникновение к ним «цивилизации» шло другими путями. Неблагоприятные географические условия, суровый климат, отсутствие ползущих ископаемых в южной части архипелага еще менее манили к себе колонизаторов, чем лежащие к северу области. В 70-х годах прошлого столетия здесь возникла протестантская миссия, перенесенная в центр обитания ямана с Фолклендских островов. В этих районах не было преследований, насильственных переселений или принудительного обращения индейцев в христианство. Но и тут действия миссионеров, по словам одного из этнографов, «сократили путь новообращенных ими индейцев к могиле»¹. Ношение европейской одежды (необходимость этого внушали индейцам миссионеры), не просыхавшей в дождливую погоду по нескольку дней, приводило к тяжелым заболеваниям: простуде, воспалению легких, туберкулезу. Кроме того, презжими морями заносились сюда венерические болезни, туберкулез, оспа.

Западная группа огнеземельцев — алакалуфы — дольше других групп не соприкасалась с белыми. Но развитие тюленьего и рыболовного промыслов в западной части архипелага Огненной Земли и в Западно-Патагонском архипелаге привело промышленников и в эти районы. Охотники на тюленей приезжали на сезон (три—шесть месяцев), разбивали лагери, на месте разделявали туши и обрабатывали шкуры убитых животных. Индейцы иногда останавливались недалеко от этих лагерей и занимались на работу, получая в качестве оплаты лишь немого съестных припасов. Чтобы не платить им денег, индейцев спаивали; широко распространялись заразные болезни. Охотники жестоко расправлялись с индейцами по самым ничтожным поводам; не отличая правых от виноватых, они убивали целые семьи, вплоть до грудных детей.

К середине прошлого века насчитывалось 10—12 тыс. огнеземельцев; еще около 1870 г. индейцев она было более трех с половиной тысяч, ямана — две с половиной тысячи и около трех с половиной — четырех тысяч алакалуфов. В 1900 г. осталось: она — около 800 человек, ямана — человек 200 и около 1000 алакалуфов.

В конце 1920-х годов занесенная европейцами эпидемия оспы уничтожила остатки группы она; осталось, быть может, несколько человек ямана и незначительное количество метисов. Алакалуфов в 1948 г. было около 80 человек. Сохранились они на крайнем севере территории своего прежнего обитания, в северной части Западно-Патагонского архипелага. В 1948 г. лишь две семьи алакалуфов сохранили прежний образ жизни, переезжая с места на место: остальные живут оседло, отдельными группами, около военного поста в Пуэрто-Эден и маяка на о-ве Сан-Педро. Там они ютятся в жалких хижинах, выпрашивая милостыню у военных из местных гарнизонов, у пассажиров и команд проходящих пароходов, этим добывая себе большую часть средств к существованию. Однако время от времени некоторые семьи снимаются с места и отправляются на несколько недель на охоту, по прежним путям.

Таким образом, бесчинства «цивилизаторов» почти полностью уничтожили огнеземельцев, так же как и многие другие племена Южной Америки. К чему сводилась деятельность миссионеров, прибывших на Огненную Землю вслед за вооруженными завоевателями? Они стремились внушить «дикарям» уважение к «христианской» морали, приучить

¹ S. Lothrop. Ук. соч., стр. 23.

их к сельскому хозяйству, чтобы иметь для себя дешевую рабочую силу. Никто из них не ставил задачи действительно улучшить, изменить условия жизни небольшого аборигенного народа. В этом отношении характерна позиция Гузинде, католического священника и этнографа, изучавшего огнеземельцев в 1918—1924 гг. Он предложил чилийскому правительству свой план «попытки спасения», как он пишет, остатков огнеземельцев. Он предлагал отгородить колючей проволокой несколько островов, «которые все равно непригодны для хозяйственного использования», и переселить сюда индейцев Огненной Земли. Проволока должна была препятствовать заходу кораблей в этот район. Всех европейцев, находившихся на этой территории, следовало выселить и запретить им появляться здесь под страхом смерти. Огнеземельцы должны были быть предоставлены самим себе и жить так, как жили их предки.

Автор проекта не нашел сочувствия у властей, несмотря на то, что выполнение этого плана не обременило бы правительство ни в денежном, ни в административном отношении. Предлагая, по существу, устроить заповедник для людей, натер Гузинде сокрушался лишь о том, что «перед нашими открытыми глазами на Огненной Земле гибнет и не может быть спасена туземная группа, которая имеет такое огромное значение для изучения истории культуры человечества»¹.

Для подлинной, материалистической науки изучение огнеземельцев действительно представляет огромный интерес. Они ведь сохранили почти до наших дней глубоко архаичные и самобытные черты хозяйства и культуры. Для марксистской науки огнеземельцы особенно интересны также как образец умения человека приспособиться к природной среде. Эта среда — одна из самых неблагоприятных на всем земном шаре для жизни человека. А ведь уровень производительных сил племен, попавших в эти неблагоприятные условия, был крайне низок. Казалось бы, в таких условиях люди должны были просто вымереть. Но огнеземельцы не только отстояли свое существование в борьбе с суровой природой, но и создали своеобразную культуру, поразительно приспособленную, при всей ее несложности, к этим трудным условиям. Перед нами — пример исключительной выносливости человеческой натуры и изобретательности человеческого ума.

¹ М. G u s i n d e. Ук. соч., стр. 126.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Общие сведения об индейцах Америки	3
Лингвистическая классификация коренного населения Америки	10

Индейцы Северной Америки

История колонизации Северной Америки и современное положение индейцев США и Канады	27
Ирокезы	67
Индейцы прерий	98
Индейцы пуэбло	119
Навахи	135

Индейцы Центральной и Южной Америки

История завоевания и колонизации Центральной и Южной Америки и современное положение индейцев	149
Индейцы майя	167
Кечуа	187
Индейцы Бразилии	222
Арауканы Чили	243
Индейцы Огненной Земли	253

Утверждено к печати Институтом этнографии Академии Наук СССР

Редактор издательства *И. М. Вайль*. Технический редактор *Е. Д. Гракова*
Корректор *В. К. Гарди*

РИСО АН СССР № 61-47-В. Т-08344. Издат. № 553. Тип. заказ № 738. Подп. к печ. 29/XII 1954 г.
Формат бум. 70×108 ¹/₁₆. Бум. л. 8,25 (выкл. Печ. л. 22,60+4 вкладыши. Уч.-издат. 29,9+0,6 выкл. (30,5).
Тираж 4000.

Цена по прейскуранту 1952 г. 15 р.
